

Департамент культуры Вологодской области
МУ «Межпоселенческий центр традиционной народной культуры
Череповецкого муниципального района»

ВОЛОГОДСКИЕ СКАЗКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

с. Воскресенское

2008

ББК 82.3 (2Рос-4Вол)

В 68

Издание финансируется из средств Областной целевой программы «Традиционная народная культура как основа сохранения культурной самобытности Вологодской области на 2008–2010 годы»

Рецензент: кандидат филологических наук, профессор кафедры литературы Вологодского государственного педагогического университета М. А. Вавилова

Составление, подготовка текстов, комментарии Т.А. Кузьминой

Вологодские сказки конца XX – начала XXI века /

Сост. Т. А. Кузьмина. – Воскресенское, 2008.

В сборник вошли народные сказки, записанные на территории западных районов Вологодской области в период с 1979 по 2004 годы. Сборник вводит в научный оборот новые тексты, позволяет проследить процессы эволюции и закономерности бытования народной сказки.

Сборник рассчитан на фольклористов, литературоведов и любителей русской сказки.

ББК 82.3 (2Рос-4Вол)

ISBN 5-94022-023-1

© Департамент культуры Вологодской области, 2008

© МУ «Межпоселенческий центр традиционной народной культуры Череповецкого муниципального района», 2008

© Кузьмина Т. А. Составление, 2008

© Молоковский В. В. Фотографии, 2008

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник составляют сказки, записанные на территории западных районов Вологодской области в период с 1979 по 2004 годы.

Все тексты, исключение – «Сказки о Портупее» (№ 37), записаны во время фольклорно-этнографических экспедиций. Для объективной оценки современного бытования сказки в сборник включены не только образцы классической сказки, записанные от талантливых исполнителей, но и тексты, подвергшиеся трансформации и явно дефектные тексты*.

Представленные тексты являются дословными расшифровками экспедиционных аудиозаписей, видеозаписей. В текстах по возможности сохранены диалектные особенности речи сказочников, отклонения от нормы в синтаксических и морфологических конструкциях. Ненормативное ударение отмечено в тексте жирным курсивом, (например, *яблонька*), фрикативное [г] передается через [h], твердый [ч] через [t], «европейский» [л] через [l], замена согласного [л] на неслоговой [у] через [y] и [v]. Отметим, что в современных записях не всегда последовательно выдерживаются локальные особенности говора, что также нашло своё отражение в приведенных текстах.

Сказки расположены в соответствии с общепринятой научной квалификацией по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС).

Названия сказок, записанные от исполнителей, даются без скобок. Названия, данные составителем или собирателями, заключены в квадратные [] скобки. Комментарии исполнителей, содержащиеся в текстах, заключались в круглые () скобки, комментарии составителя в квадратные [] скобки, интонируемые песенки сказочных персонажей, а также интонируемые тексты сказок выделены курсивом.

Сборник включает «Комментарии», в которых содержатся сведения о месте записи текстов (название сельсовета и деревни), указывается дата записи, сведения об исполнителе (фамилия, имя, отчество и год рождения) и собирателе (фамилия и инициалы), дополнительные сведения об исполнителе. Номера и названия сказочных сюжетов по СУС, сведения о вариантах также включены в «Комментарии».

В сборнике содержатся приложения: список сказочников, топографический указатель, список собирателей, словарь малоупотребительных и диалектных слов, список условных сокращений.

Искренняя благодарность организациям, предоставившим уникальные записи: Областному научно-методическому центру культуры и повышения квалификации (директор О. А. Денежкина), Фольклорно-этнографическому цент-

* Методика безвыборочной записи выработана А. И. Никифоровым.

ру Санкт-Петербургской государственной консерватории (директор – научный руководитель профессор А. М. Мехнецов), Кадуйскому центру традиционной народной культуры (директор О. А. Каданцева), Кадуйскому районному краеведческому музею им. А. Г. Юкина (директор А. Н. Миклухина).

Глубокая признательность всем собирателям, а особенно А. В. Кулёву, О. А. Каданцевой, А. Ю. Кастрову.

Особая благодарность М. А. Вавиловой за научное консультирование и поддержку.

Низкий поклон жителям вологодских деревень – исполнителям сказок, хранителям древних традиций.

Из истории собирания и издания русских народных сказок

«Сказка – великая духовная культура народа, которую мы собираем по крохам, и через сказку раскрывается перед нами тысячелетняя история народа», – справедливо заметил Алексей Николаевич Голстой. Историю бытования сказки в русском этносе и ее собиранье, изучение, издание, разделяют века. О том, что она бытовала в Древней Руси, можно судить по памятникам письменности, в которых встречаются, как бы сказанные невзначай, сказочные обороты, формулы, сравнения, имена. «Кто стар, той буди отец, а кто молод – той брат», – сказочную формулу знал летописец [Псковская летопись, 1266 год]. Её же можно обнаружить в сказках поздней записи в XIX веке. В сборнике А. Н. Афанасьева есть сказка «Орел – зять» (№ 209), где почти дословно читаем: «Коли ты старый старичок, будешь родной батюшка, коли добрый молодец, будешь родной братец». Варианты: «Если добрый молодец, выходи, – братцем будешь; если старая старушка – будешь матушкой; если красная девица – будешь нам сестра». («Сказки и предания Самарского края». – Спб, 1884, № 17). Вариант, записанный А. С. Пушкиным: «Коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названный; коли женщина, будь нам зять, али сестра» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т., т. 3. – с. 456). В сказке «О мертвой царевне и семи богатырях»:

Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек,
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный»... и т. д.

(Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т., т. 3. – с. 546).

Прозвище новгородского посадника «Ягинин» П. В. Владимиров считает производным от сказочного образа Яга, Ягишна [1:55] (Лаврентьевская летопись). Можно согласиться с Э. В. Померанцевой, что сказочная обрядность сложилась в Древней Руси [2:26].

Мы не будем касаться вопроса происхождения сказки, а остановимся на проблеме собирания сказок, в том числе и вологодских вариантов.

До XVIII века в русском обществе, между разными его слоями, в отношении к фольклорному искусству не было принципиальных различий. Оно было востребовано высшими и низшими слоями общества. «Культурная дистанция» в отношении к народному творчеству образо-

валась в послепетровской России, когда сложилось противопоставление традиционной народной культуры как «низкой» и «высокой», литературной, ориентированной и на индивидуальное творчество, и на западную модель культуры. Осознание эстетической и нравственной ценности народной культуры в образованных слоях русского общества произошло к концу XVIII – началу XIX столетия [3:262 с.]. Этот период был началом накопления фольклорно-этнографического материала. Аналитическое его осмысление (фольклористика как наука сформировалась во второй половине XIX века) продолжается до сегодняшнего дня. Фольклористика первой половины XIX столетия «складывалась как наука, обращенная в ретроспективу культуры народа. Внимание к фольклорно-этнографическим реалиям диктовалось интересом к российской старине, её прошлому, а не настоящему» [4:9].

В сферу научного внимания сказка в этот период не попала. Отношение к сказке как к развлекательному жанру можно проследить по названиям выходивших сборников: «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения» (1804), «Забавные рассказы» (Хомяков Е., 1791), «Лекарство от задумчивости и бессонницы» (1784), «Весельчак на досуге» (1829) и т.д. [5:8-10].

Сказок из Вологодской губернии в этих изданиях не было. Анализируя тексты сказок, вошедшие в перечисленные выше «забавные» сборники, мы ставим задачу проверить, повторились ли эти сюжеты в вологодских собраниях XIX–XX веков. Сказка живёт в устной традиции, передаваясь от поколения к поколению, а не возникает спонтанно. Сравнивая сказки с вологодскими вариантами аналогичных сюжетов, мы обнаружили типологию инвариантов, оформление текста на субуровне, естественно, вариативно.

Перечислим сюжеты, которые повторились в вологодских собраниях Н. А. Иваницкого, А. Е. Бурцева, М. Б. Едемского, Б. М. и Ю. М. Соколовых.

В сборнике братьев Соколовых «Песни и сказки Белозерского края» (1915) можно встретить вариант сказки < «О поселянине и медведице», (СУС, 1900А) >, записанный со слов царского посла и толмача (переводчика) Дмитрия Герасимова во время его пребывания в Риме в 1525 г. [6:263-264].

Это первая русская сказка-небылица, записанная иностранцем Павлов Иовием Новокомским. Её вариант в 1908 г. в деревне Роговской Кирилловского уезда Белозерского края от 60-летнего крестьянина

Дмитрия Кирилловича Сироткина записали братья Соколовы. Его вариант – эпизод, завершающий цикл «Быль и небыль» (Соколовы, № 102), в котором мужика извлекает не из дупла, а из болота волк. Это широко известный международный сюжет.

По записям С. Коллинза известна сказка «Иван Грозный и вор». У Коллинза вор предлагает переодетому царю ограбить «не нашего государя», а «богатого боярина». В поздних записях вор сообщает о заговоре против царя и получает вознаграждение. Переодетый спутник вора оказывается Иваном Грозным.

Из литературы XVII века перешли в фольклор и бытовали как сказки европейские романы «О Бове-королевиче» и «Еруслане Лазаревиче», переведенные с так называемых «народных книжек», а не с подлинников. В России они прожили долгую жизнь, вплоть до XX века, чему способствовали лубочные издания. На русской почве признаки рыцарского романа стерлись, «не в коем было царстве, в великом государстве...» – так начинается и повесть, и в такой тональности рассказывается сказка. Вологодские варианты известны по пересказам 64-летнего крестьянина из деревни Кутилово Кирилловского уезда Андрея Михайловича Ганина (Соколовы, № 114, 115).

В рукописных списках конца XVII и XVIII вв. сохранилась «Повесть о Шемякином суде». Она известна по сказочным сборникам XVIII в. и по вологодским вариантам XIX в., записана М. М. Куклиным в деревне Яковлевское Вологодского уезда в 1881 году (Иваницкий, № 653). Выражение «Шемякин суд» вошло в употребление как пословичное, обозначающее «кривосуд». Ученые склоняются к выводу, что книжник переделал устный сказочный сюжет, известный, по-видимому, раньше XVII в.

Из ранних записей сказок в вологодских вариантах повторились широко известные сюжеты, записанные и опубликованные в XVIII – начале XIX в. Преобладают волшебные сказки: «Свинка-золотая щетинка» (СУС, 530А; Соколовы, № 59); «Молодильные яблоки» (СУС, 551; Соколовы, № 139); «Звериное молоко» (СУС, 315; Соколовы, № 152); «Три подземные царства» (СУС, 301А,В; Иваницкий, № 623; Соколовы № 79); «Мальчик с пальчик» (СУС, 327 В; Едемский, с. 289-292); «Благородный мертвец» (СУС, 507; Бурцев, с. 402-405); «Беззаботный монастырь» (СУС, 922; Соколовы, № 95); «Петух и жерновцы» (СУС, 715А; Иваницкий, № 642; Соколовы, № 73); «Ленивая жена» (СУС, 902А; Иваницкий, № 662); «Никола Дупленский» (СУС, 1380; Соколовы, № 1); «Шут Балакирев» (СУС 1610А; Соколовы, № 40).

«Составители сборников XVIII – начала XIX в. не смогли передать народные сказки «со всей безыскусственностью», однако они сохранили не только многие сюжеты, но и народную трактовку образов, а временами и особенности народного стиля», – отмечает Э. В. Померанцева. Ранние сказки известны в многочисленных поздних вариантах и прочно держатся в репертуаре вологодских сказочников. Мы должны признать, что качество записи сказок XVIII и начала XIX в. не отвечает современным требованиям. Но, несмотря на литературную правку текста, пересказы, мы можем составить представление о сказочном репертуаре этого периода, а также убедиться в том, что перечисленные вологодские варианты сюжетов были известны раньше их публикации в собраниях Иваницкого, Едемского, Соколовых и др.

На характеристике сказок и изданий первых десятилетий XIX в. следует остановиться более подробно. Появляется большое количество лубочных и полулубочных изданий, которые живут за счет перепечатки материалов, опубликованных в XVIII веке. Лубочные копеечные издания сказок пользовались большой популярностью и спросом у неприхотливого читателя, а издатели из-за коммерческого интереса ориентировались именно на него.

Лучшими сборниками начала XIX в. Н. В. Новиков считает «Собрание русских народных сказок» (1820), «Сказки моего дедушки», «Дедушкины прогулки», «Сказки русские» Л. Тимофеева, «Дедушка-говорун» и др. [7:5 - 52].

[Сказочный репертуар, в большинстве своем, состоит из причудливых контаминаций былинных и сказочных сюжетов, персонажи наделены причудливыми именами: царь Анемон, царевич Амафус, император Годорик. Названия царств вымышлены и необычны: царство Глубдубридское, город Куниград и т.п. В сказках господствует книжный язык. Вот как описывает сказка прощание родителей с сыном, отправляющимся «в поле чистое»: «Тут Лукьян Пантелеевич, видя неизбежный рок, благословляет своего сына на дальний путь, и родительница его Марья Филатьевна, и обнимает его своими белыми руками, и прижимает его к сердцу своему, слезами горькими обливаючи, и говорят ему такие слова: «ступай, любезнейший сын наш, береги свое здоровье яко зеницу ока, и свою смертью раньше времени не сведи нас в гроб»][8:95].

Несмотря на неодобрительное отношение к лубочной литературе образованных читателей, критиков, из которых особенно нетерпимо относился к подобной литературе В. Г. Белинский, нельзя не учитывать

отношения к ней массового читателя. Она увлекала простотой формы, удивительными приключениями, смелостью героев, их благородством. Наибольшее признание получили сказки «О Бове-королевиче», «Ерусалане Лазаревиче», «О семи Симеонах», «Об Иване-царевиче и Жар-птице», «Об утице златокрылой» и др.

Мысль о необходимости записывать русские сказки непосредственно из уст народа впервые в России высказал В. А. Жуковский в 1816 году. Он просил своих родных записывать сказки «теми словами, какими они будут рассказаны» [9:32].

Сказки записывал А. С. Пушкин, сохраняя язык, формулы, социальную направленность. В конспективном виде сохранились записанные им сказки: < «О царе Салтане», СУС, 707 >; < «Отдай то, чего дома не знаешь», СУС, 313 >; < «Балда», СУС, 1000-1199 >; < «О царе Кашее», СУС, 302 >; < «О царском сыне», СУС, 920 >; < «Неосторожное слово», СУС, 813 >; < «О мертвой царевне», СУС, 709 > [10:483-489].

Из сказочных сборников первой половины XIX в., предшествующих собранию Афанасьева, лучшими называют три:

- «Русские сказки для детей» Екатерины Алексеевны Авдеевой. Сборник Авдеевой выдержал несколько изданий, он интересен методикой записи текстов сказок от мастера-сказочника, Авдотьи Степановны Черепьевой, «нянюшки».

- «Русские народные сказки», изданные Богданом Бронницыным. Как автор отмечает в обращении «к читателям», «записаны со слов хожалого сказочника, крестьянина из Подмосковной, которому рассказывал старик, отец его» [11:361]. В сборник вошли пять сказок, четыре из которых волшебные. Оценивая в целом сказки, изданные Б. Бронницыным, рецензенты отмечали, что в них проявляется, с одной стороны, «оригинальная простота и прелесть русского слова», но, в то же время, автор склонен прибавлять свое, переделывать текст, подделываясь под народную фантазию и лубочные тексты, наделяя персонажей необычными именами, характерными для лубка (Зилант Змеуланович, царь Светозар и пр.) [12:40].

- «Русские сказки» Ивана Ваненко, по его словам, «писаны для малюток», в них «не мой вымысел, но вымысел поколения няней, передававшийся изустно их питомцам» [13:368]. Адресуя сказки ребенку, И. Ваненко завершал их дидактическими сентенциями: «Не бери яичко – отдашь ремешок», «С плутом поведешься – добра не дождешься», «Один друг лучше сотни приятелей».

С возникновением Русского географического общества (1845) и Этнографического отделения РГО (1848) координируется работа местных краеведов-любителей, создаются программы, закладываются новые требования дословной записи, точности публикаций любого фольклорного текста. Пожелания, которые высказывались на протяжении всего первого периода XIX в., во второй его половине превратились в *правила* собирательской и издательской деятельности.

Несмотря на все замечания, высказанные в адрес собирателей и издателей XVIII – первой половины XIX в., благодаря их трудам, мы имеем представление о том, как формировалась фольклористика, какими были подходы к изучению фольклора, каким был сказочный репертуар этого периода. В целом, он соответствовал основному сказочному фонду, опубликованному в «Русских народных сказках» А. Н. Афанасьева, вышедших в 50-60-х годах XIX века в восьми выпусках (1855-1863). В сборнике представлено около 700 сказок из тридцати российских губерний. Во втором, посмертном издании (1878), подготовленном самим составителем с учетом критических замечаний, введена классификация: сказки о животных, волшебные, новеллистические сказки, бытовые анекдоты. С незначительными уточнениями она используется до сих пор. Сказки А. Н. Афанасьева выдержали семь полных изданий: 1855–1863, 1878, 1897, 1913, 1936–1940, 1957, 1985–1986 годы [14].

Работа А. Н. Афанасьева получила высокую оценку видных ученых того времени: Ф. И. Буслаева, А. Н. Пыпина, О. Ф. Миллера, А. А. Котляровского, И. И. Срезневского, отмечавших, что это большое научное и культурное событие не только для России.

Критические замечания, высказанные рецензентами, касались, главным образом, приемов работы над текстами, принципов их отбора, группировки, содержания научного аппарата. Но, пожалуй, самым ценным было замечание Н. А. Добролюбова, имеющее принципиальное значение для фольклористики и фольклористов-собираателей. Высоко оценивая труд А. Н. Афанасьева, он рекомендовал не ограничиваться «простым записыванием текста сказки или песни», а стремиться передать «всю обстановку, как чисто внешнюю, так и внутреннюю, нравственную, при которой ему удалось услышать эту песню или сказку» [15:590-591].

А. Н. Афанасьев составил сборник из присланных в РГО сказок из разных губерний, в основном с момента появления архива. Следовательно, это сказки первой половины XIX в., дореформенного периода.

Из Вологодской губернии в сборник «Народные русские сказки» вошло 17 вариантов. И в первом, и в последующем выпусках они перепечатывались в той последовательности, которую определил составитель сборника. В изданиях XX в., в связи с распределением по трем томам, изменилась нумерация. Это сказки: «Лиса-повитуха», «Старик лезет на небо», «Кот, петух и лиса», «Кот и лиса», «Свинья и волк», «Журавль и цапля», «Байка о щуке зубастой», «Морозко», «Перышко Финиста Ясна Сокола», «Чудесная дудка», «Иванушка-дурачок», «Сказка о злой жене» (2 вар.), «Докучные сказки» (2 вар.), «Прибаутка».

Это самые ранние публикации вологодских сказок. Шесть сказок из Никольского уезда, одна – «Байка о щуке зубастой» – известна только в Череповецком варианте. Остальные без указания уездов.

Из Вологодской губернии в архив РГО сказки продолжали поступать и во второй половине XIX в., и в начале XX в. А. М. Смирнов-Кутачевский продолжил работу А. Н. Афанасьева, подготовив и издав «Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества» [16]. Он постарался, по возможности, учесть предложения, высказанные по поводу афанасьевского издания, но учесть пожелание Н. А. Добролюбова ему не удалось. В приложении к сборнику дано «Схематическое изложение и руководящий указатель сказок» (Смирнов, с. 921–984). Сказки размещены по губерниям, дано краткое изложение содержания вариантов, указаны номера сказок, если они есть в сборнике А. Н. Афанасьева, дан словарь «областных слов, встречавшихся в сказках» (Смирнов, с. 985–990). В сборник вошло 362 сказки, 55 из Вологодской губернии:

- 10 номеров из Вельского уезда (входившего в состав Вологодской губернии до революции). Нам удалось установить, что эти записи были присланы вологодским краеведом А. А. Шустиковым из Тавренги, записанные примерно в 1895 году.
- 16 сказок из Кадниковского уезда Вологодской губернии. Присланы земляком Шустикова, А. Д. Неуступовым, в 1907 году.
- 28 сказок из Череповецкого уезда (он входил в состав Новгородской губернии) поступили в архив РГО в 1900 году. Предположительно, их мог прислать М. К. Герасимов, активно сотрудничавший с РГО в эти годы. Он присылал в архив РГО песни, описания свадебного обряда, пословицы, поговорки.

Первая половина XIX века для вологодской фольклористики была, по меткому выражению А. А. Веселовского, одного из руководителей Во-

логодского общества изучения Северного края, «временем краелюбия».

В неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей» (ВГВ), благодаря целенаправленной деятельности редактора этого раздела Н. А. Полиевктова, перепечатываются фольклорные программы со специальными рубриками: «Что записывать? Как записывать? От кого записывать?» [17].

В 1881–1882 годы, по оценке А. А. Веселовского, начинается «время краеведения». Открывает этот период Николай Александрович Иваницкий (1847–1899), который записывал все фольклорные *жанры в этнографическом контексте*. В 1882 году он отослал в Русское географическое общество сборник текстов, в который вошли: сказки, перегадки, загадки, заклинания, пословицы, поговорки, песни (перечень в последовательности расположения в сборнике).

Н. А. Иваницкий собрал и записал 56 сказок. 46 опубликованы Н. В. Новиковым в 1960 г. [18]. В работе по собиранию сказок и легенд Н. А. Иваницкому помогали учитель М. М. Ку克林, детский писатель родом из Никольского уезда, и историк А. Е. Мерцалов из Кадникова. Сказки записаны в Вологодском и Кадниковском уездах от крестьян: Василия Коренникова (Вологодский уезд), Николая Васильянова и Александра Жижина (Кадниковский уезд). Ценность сборника сказок Н. А. Иваницкого в том, что они включены в этнографический контекст [19], позволяющий «очертить быт и нравы народа», увидеть в сказках отражение пореформенного настроения вологодского крестьянства. «Состояние их очень бедное»; «Дожили они до глубочайшей бедности, больше стало жить нечем»; «Жил один очень бедный мужик, как ни трудится, как ни работает целые дни, не может разбогатеть», – эти и другие фрагменты и эпизоды из сказок подчеркивают их социально-обличительный характер, особенно ярко проявляющийся в сказках «Мальчик с пальчик», «Петушок», «Мужик и барин», «Сказка о Нестерке», «Илья пророк и Никола» и др.

Высокую оценку Иваницкому-собирателю дал М. К. Азадовский: «...Следует особенно выделить «Материалы по этнографии Вологодской губернии (в которые включены сказки, М. В.), один из важнейших сборников в русской науке» [20:219].

Активно сотрудничает с Русским географическим обществом Андрей Алексеевич Шустиков (1859–1924). Крестьянин по происхождению, он, благодаря самообразованию, поступил вольнослушателем на естественный факультет Киевского университета, но был отчислен по доносу кадниковского полицмейстера как политически неблагонадежный. В

пору своей юности он, действительно, увлекался идеями революционеров-народников, но отошел от политики, стал крестьянствовать, проповедовал идеи земства, был членом крестьянской общины. В начале XX века переехал в Вологду, где был гласным Городской Думы, активным членом Вологодского общества изучения Северного края, записывал фольклор. В 1883 году в «Вологодских губернских ведомостях» печатается его первое серьезное сочинение «Троицина Кадниковского уезда» (этнографический очерк) [21]; в 1885–1886 годах публикуются новые этнографические материалы по Кадниковскому уезду, родине А. А. Шустикова. Продолжая традицию Н. А. Иваницкого [22], Шустиков разделяет идею создания этнографического контекста для лучшего понимания содержания народного творчества.

А. А. Шустиков совершил четыре экспедиции по деревням Кадниковского (1883), Вельского (1884/1895), Каргопольского (1913), Кирилловского (1919) уездов, по своей инициативе и по заданию Русского географического общества, членом которого он был. Он не отдавал предпочтения какому-либо одному фольклорному жанру. В его архиве около 60 сказок, записанных от десяти информаторов, некоторым он дал краткие характеристики [23:168–170]. Лучшие сказочники:

- Нил Черепанов (50 лет) из деревни Гришенской Кадниковского уезда, от него записано двенадцать сказок, восемь из которых впервые опубликованы в 2002, 2004 годах [24];
- В Кадниковском уезде записаны еще четыре сказки от крестьянина Михаила Спицова (50 лет) из деревни Заозерье;
- Две бытовые сказки от Фёдора Кадилина из деревни Хмелевской, которые ошибочно приписываются Н. Черепанову, М. Спицову, А. Черноусову [25:235];
- Сказка «Барин и слуга» диалогического типа, сюжет которой близок к народной драме «Голый барин».
- Одна сказка записана в Кадниковском уезде от Чернышова из деревни Смылицы.

В Тавренье Вельского уезда Вологодской губернии А. А. Шустиков записал 17 сказок от четырех сказочников. Лучший из них – Александр Черноусов, от которого записано семь волшебных сказок, в том числе сказка лубочного типа «Гишпанская королева и Граф-Царская красота».

В деревне Николаевской Вельского уезда Шустиков записал сказки от Степана Орлова и одну от Асафия Матушкина, которые опубликовал в «Живой старине» в 1895 году [26]. В экспедиции 1913 года по де-

ревням Каргопольского уезда Шустиков встретил двух сказочников, от которых он с сыном Константином записывал сказки; названий в тексте нет, а о сказочнике Александре Быкове (45 лет) сказано, что он неграмотный, сказки знает от отца, и что одну сказку он рассказывал до двух часов ночи. Назван второй сказочник – Старостин Михаил (50 лет) из Заозерья [27: 89–119].

Предположительно, каргопольские сказки вошли в сборник «Великорусские сказки архива Русского географического общества», под № 23–32 (запись 1913 г.)

Всего в собрании А. А. Шустикова 52 сказки из Кадниковского и Вельского уездов Вологодской губернии и 10 сказок из Каргопольского уезда Олонецкой губернии.

Что нового внёс в собирательскую практику по сравнению с предшественниками А. А. Шустиков:

1. Продолжил традицию Н. А. Иваницкого, вписывая сказку в этнографический контекст, определяя, таким образом, ее место в народной жизни и культуре;

2. Отразил условия бытования сказки: её сохранности способствует «невольный досуг», возникающий в процессе работы, особенно зимой, «в истопках, при дегтекурении», при котором процесс ожидания готовой продукции длителен, отлучиться нельзя, длинная сказка позволяет скоротать время;

3. Все информаторы, «сказочники», «бахари» – мужчины, крестьяне, имеющие сходные биографии;

4. Отмечает Шустиков тягу к книге, особенно к дешевым лубочным изданиям типа «Битва русских с кабардинцами», «Еруслан Лазаревич», «Похождения пошехонцев», «Умная лиса, золотая птица, царь-девица» и пр.;

5. Сказки записаны с учетом особенностей местного говора;

6. Шустиков стремился записывать сказки от лучших сказочников. Он не ставил задачу описать весь репертуар исследуемого района. Принцип отбора сказочников – субъективный, ориентированный на запись «старинной сказки». Шустиков с грустью отмечает: «Старинная сказка заменяется сальными анекдотами, которые растут, как грибы после дождя». Через 20 лет сказка исчезнет, заключает он: «Нет передачи сказок от стариков молодежи», которая считает сказки глупостью;

7. В собрании А. А. Шустикова преобладают сказки волшебные

и бытовые, что, по-видимому, можно объяснить, опять же, субъективным выбором сказочников-мужчин.

Сборник братьев Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых «Песни и сказки Белозерского края» [28] – самое известное фольклорное собрание, в котором в полной мере отразились требования Н. А. Добролюбова и собирательский опыт П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга – внимание к роли личности исполнителя.

Соколовым удалось записать 163 сказки от 47 сказочников. Анализируя условия бытования сказки, они связывают ее популярность в Белозерском и Кирилловском уездах с особенностями «артельной» жизни во время лесных работ, рыбной ловли, работ на мельницах. Когда возникает «невольный досуг», сказка – средство скоротать время. Наибольшей популярностью пользуются сказки волшебные, затем – бытовые, богатырские. Сказки о животных немногочисленны.

Особое внимание Соколовы уделили выяснению роли личности сказочника в передаче сказки, «связи сказок с биографией и общим духовным обликом сказочника». И, как следствие, проблеме индивидуального начала в народном творчестве, в его отличии от художественного. «Индивидуальное творчество сказочника проявляется, главным образом, не в создании новых оригинальных произведений, а в выборе и развитии уже готового, традиционного сюжета и входящих в него мотивов...» [29:26]

В Белозерском крае преобладает мужская сказка. Из 47 сказочников только 14 женщин, качество сказок которых отличается от мужских. В них – «свои характерные черты: сентиментальность, мягкость, нравственность...» «Между сказкой и личностью сказочника существует заметная связь» [29:27].

Соколовы ввели индивидуальную классификацию сказочников, положив в ее основу *характер* рассказчика: степенный Ганин – эпик; «ленивый, сварливый и циничный Медведев подбирает близкие ему сказочные сюжеты» и оснащает их соответствующими подробностями; «коснувшийся «образованности» Ершов» оснащает свою речь «книжными» оборотами, «переусердствует в «вежливости» выражений». Богданову присуща насмешливость, что «придает особый отпечаток и яркость его сказкам», его веселый тон переходит в резкую сатиру «на близко знакомое ему духовное сословие»; «Добродушный весельчак, прирожденный свадебный дружка, В. С. Шарашов, и сказки свои будет говорить, беззлобно балагуря» [29:27].

В содержании сказки отражается профессия, специальные знания, житейский опыт рассказчика. «У колдуна Павла и в сказке – колдун; у нищего Пешехонова в сказках будет фигурировать «беспашпортный» и «полиция»; «у церковного сторожа в число действующих лиц введется церковный сторож», сказки его будут «про попов» «...», «Солдатчина скажется иногда в стиле, выражениях и содержании» и т.п.

Соколовы отмечают большой интерес к «книжным произведениям», которые занимают место рядом со сказкой и «воспроизводятся почти с буквальной точностью».

Соколовы обращали внимание не только на талантливых рассказчиков, но и на «неопытных, неумелых сказочников» [29:28].

Принципиальная новизна собирательской деятельности братьев Соколовых – в новой установке, внимании к отражению личности сказочника в тексте. Типы сказочников, выделенные ими, – эпики, юмористы, сатирики, реалисты-бытовики, сентименталисты, «неумелые», – характеризуют особенности творчества рассказчиков, различая среди них истинных хранителей традиции и тех, кто отступает от нее. Но даже в сказках «консервативных» сказочников (Ганин, Семенов) ощущаются и отражаются тенденции эпохи: «царь гуляет на гульбище»; герой идет в кабак, играет «в клубу»; живая вода «под таким-то номером»; упоминаются пистолет, мины, документы и т.п. Новые представления проникают из города.

Бытовиком-реалистом считают Соколовы сказочника Парамона Богданова. Он сохраняет традиционные зачины, концовки, общие места, но в обрядность волшебной сказки он умело вплетает бытовой колорит. Традиционный сюжет обретает индивидуальную окраску. Вот что пишут о нем Соколовы: «Богданов повествует с поразительной свободой: гибко передает диалог, легко развертывает сложный сюжет, связанный с действиями многочисленных волшебных помощников героя. Вместе с тем, знание деревенского быта и человеческого обихода вообще, нужда и постоянная забота о хлебе насущном вошли в изобилующие чудесами сказки Богданова» [30:320].

Сборник «Песни и сказки Белозерского края» открывается главой, в которой анализируется методика собирательской работы XIX века и определяется своя программа: «идти более разносторонним и внимательным путем, с большим интересом к *отдельному представителю* народной массы» [31:19].

Статья рассказывает об условиях бытования сказки в Белозерском

районе. Соколовы повторяют опыт предшественников-собирателей [32], утверждая принцип расположения материала по сказителям, как это делают П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг [33], акцентируя внимание на связи содержания сказки «с биографией и общим духовным обликом сказочника», Соколовы уделяют большое внимание «манере сказывания, художественным приемам и особенности слога, (...) что составляет стиль сказочника» [34:26].

Завершается сборник именным и предметным указателем к сказкам, перечнем исполнителей с указанием их репертуара, списком селений, где производились записи, приложением словаря местных и малопонятных слов и карты обследованного региона. В начале XX века в Белозерском крае сказка жила, как отмечают Б. М. и Ю. М. Соколовы, полнокровной жизнью, была востребована, о чем свидетельствуют и количество записанных сказок, и мастерство исполнителей.

Собрание Б. М. и Ю. М. Соколовых «Песни и сказки Белозерского края» «сконцентрировало в себе лучшие достижения фольклористики дореволюционного периода [35:72], явилось примером и для собирателей народного творчества, и для издателей образцов народной словесности. Оно вошло в историю мировой фольклористики.

В начале XX века пришел в фольклористику Михаил Борисович Едемский (1870-1933). Как и А. А. Шустиков, Едемский – крестьянин по происхождению, хорошо знающий деревню, ее быт, нравы. Знание фольклора было для него органичным. Система научных взглядов М. Б. Едемского сформировалась под влиянием «Живой старины», ориентирующей на запись старинных текстов от лучших информаторов, которые еще не попали под влияние новых форм народной словесности» [36:304]. С одной стороны, разделяя идеи Рыбникова, Гильфердинга, Соколовых, он смыкался с ними в глубоком интересе к личностному началу в фольклоре; как и Соколовы, он записывал все фольклорные жанры, бытующие в его родной Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии, создав своеобразный фольклорно-этнографический «портрет» Кокшеньги [37]; он воссоздал целостную и многогранную картину, осветив через фольклор разные стороны жизни своих земляков-кокшаров.

М. Б. Едемский имел несомненное преимущество перед многими собирателями фольклора: он был и хранителем фольклорного знания, и знатоком кокшеньгских традиций, и внимательным собирателем. Мы рассмотрим только материалы, составляющие сказочную коллекцию.

В процессе собирания М. Б. Едемским сказок можно выделить три этапа. Первый – до 1917 года. Методология и методика собирательской деятельности определялась ориентацией на запись старинных сказок от исполнителей, у которых «чувствуется преданность эпическому тону» [38:221]. Четырнадцать сказок он записал от крестьянина Михаила Дмитриевича Третьякова (70 лет), три другие помещены им для сравнения, чтобы подчеркнуть «качество» старинных сказок в сравнении с «испорченными» «соединением многих сюжетов в один рассказ» [338:221]. Двенадцать старинных сказок от Мины Шабунина (76 лет) записаны Едемским в 1914-1916 гг., подготовлены к изданию, но рукопись затерялась в издательстве, была обнаружена только в 1929 г. и так и осталась неопубликованной [39].

На поиск «старинной» сказки ориентирует он и своих корреспондентов. В 1914 году он получает девятнадцать сказок Х. А. Шерстенковой из Вельского уезда. Рукопись вполне удовлетворяет М. Б. Едемского: образцовая запись с соблюдением диалектных особенностей говора, хорошие рассказчики, люди преклонного возраста. Большинство сказок записано от Василия Григорьевича Овсянникова, 83-х лет.

Более 80 текстов было записано М. Б. Едемским от «истинных сказочников», в возрасте от 70 до 90 лет.

М. Б. Едемский сознательно не записывает сказки, которые «по содержанию и по манере» были недостаточно старыми. Он разделяет сказочников на две группы: первая – «старики и старухи, которые любят старые назидательные сказки, передают их без вольностей, не нарушая канон»; вторая – «сказочники-балагуры», которых М. Б. Едемский активно не любит за то, что они комментируют сказку, сравнивают сказочные эпизоды с событиями окружающей жизни, разрушают традиции. Процесс угасания сказки, как и песни, М. Б. Едемский связывает с движением цивилизации. Во время поездки в Олонецкую губернию, проезжая по Мариинской системе, он обнаруживает в начале канала полное исчезновение сказочной традиции. «Здесь сказку не знают». «У нас этим не занимаются», – цитирует он ответ собеседника-крестьянина. Сказку «Лапоток» никто не мог окончить, – замечает с горечью М. Б. Едемский. Поэтому «нужно искать, что сохранилось от старины, нужно спешить, так как перемены в укладе жизни народной приводят к утрате старины!» [40:39].

Подводя итог собирательской работе М. Б. Едемского в этот период, можно утверждать, что у него на руках была большая коллекция сказок,

которые, предположительно, он хотел издать выпусками. В 1905-1908 годах записано 17 сказок, в 1913 – 3, в 1914 – 25, в 1915 – 3, в 1917-1918 – 28. Итого, 80 сказок. Все это дало полное основание С. Ф. Ольденбургу, председателю Сказочной комиссии, заявить: «Готовы к печати, но не могут теперь же по недостатку средств быть изданы следующие сборники великорусских сказок: Вологодских – М. Б. Едемского, Тамбовских – Н. Ф. Познанского, Псковских – Н. Г. Козырева» [41:304].

Второй период в собирательской практике М. Б. Едемского (1919-1924) по количеству записанных материалов малопродуктивен. Следует отметить, что в 1912 г. М. Б. Едемский заканчивает Санкт-Петербургский университет и с головой уходит в геологию. Фольклор в какой-то мере становится для него «побочным детищем», хотя он и не выходит из Географического общества, активно сотрудничает со Сказочной комиссией, ездит в этнологические экспедиции, во время геологических экспедиций попутно записывает фольклор.

Тем не менее, этот период также интересен. В 1921 году Едемский работает в Рыбинской, Новгородской, Псковской, Архангельской губерниях. Записывая сказки, он пользуется методикой *безвыборочной записи*, в основном, конспективного характера. Безвыборочная запись дает большие возможности для теоретических выводов о процессе бытования сказки на современном этапе. У Едемского появляется интерес к *рядовому сказочнику разного возраста*: это Ваня Субботин, 12-ти лет; Михаил Ведюков, 18-ти лет; Михаил Молодцов, 20-ти лет; Константин Малюков, 77-ми лет; слепой Василий Турушкин, 66-ти лет (АГЛМ, Ф.А.1, Д.40). Едемский отмечает, что в деревнях большой популярностью «на вечерушках» пользуются, как он их называет, «сказочники-общественники», пересказывающие сказку «обывательским языком». Он не записал сказки от Василия Тимофеевича Турушкина, хотя репертуар его был обширный, потому, что «он рассказывает исключительно пикантные повести», сказки книжного происхождения: «Громобой», «Францель-Винцель», «Бова-королевич», «Про французского милорда», «Еруслан Лазаревич» (АГЛМ, Ф.А.1, Д.40).

В отличие от братьев Соколовых, у Едемского нет оптимизма: старинная сказка угасает, уходит из бытования. Едемский – убежденный сторонник традиционной культуры. «Старина держится не так прочно, как можно было бы ожидать, судя по отдаленности и захолустью края...». Молодежь стремится в город, городской костюм начинает теснить деревенский, на смену хороводу приходит кадрили, на смену ве-

черкам, беседам – кинематограф, футбол, комячейка [42:208].

Три вывода можно сделать из наблюдений над бытованием сказки в этот период:

1. Урбанизация разрушает механизм воспроизводства культуры;
2. Безвыборочная запись убедила собирателя в том, что репертуары «дедов» и «внуков» разнятся по качеству;
3. «Сказочник-общественник» вытесняет знатока «старинных» сказок.

Третий период собирательской практики Едемского приходится на 1924-1930 годы. Возобновляет работу Сказочная комиссия (1924-1928 гг.) под председательством академика С. Ф. Ольденбурга. Предметом пристального научного внимания М. Б. Едемского в этот период становится крестьянская семья как микроструктура крестьянской общины. В семье – несколько поколений и возрастов. В семье происходит трансмиссия (передача) культуры, бытовой и духовной, от поколения к поколению. Мысль изучать репертуар семьи пришла Едемскому в 1903 году, когда он записал песни семьи Кузнецовых [43]. Едемский начинает записывать сказки в своей семье. 22 сказки он записал от матери, ее сестер, внуков. Первые сказки от матери он записал в 1913 году в пересказе внука Миши Осипова Едемского. Большую часть сказок он записал от Александры Федоровны Едемской в 1913 и 1924 годах. В 1913 г. она рассказывала «старинные» сказки, которые в тот период особенно интересовали собирателя. В 1924 г. репертуар Александры Федоровны изменился: она рассказывала сказки внукам. Это были «нянькины сказки»: «Волк и семеро козлят», «Про козу-луплену» и др. (АГЛМ, Ф.А. инв.1, Д. №№ 30, 31, 33, 37, 39).

В этом же году были сделаны записи в семье Вячеславовых, от Степана Федоровича («Галка») 63-х лет, его сестры Ирины Федоровны, племянника Алексея Михайловича 34-х лет. В этой родственной группе записано 17 сказок. Прекрасным волшебным репертуаром владеет Степан Федорович, Ирина Федоровна знает только сказки «нянькины» («Дрозд, конопляный хвост», «Глиняшко» и др.). Племянник не унаследовал семейной традиции. От него конспективно записано только две сказки.

«Сказки сестёр Басмановых» (АГЛМ, Ф.А. инв.1, № 28-29)

«Сказки семьи Горынцевых (АГЛМ, Ф.А. инв.1, Д.35)

В общей сложности, у Едемского оказалось около 50 вариантов семейных сказок. Но при всей продуктивности идеи, она не была решена

методически и методологически правильно. Идея трансмиссии не могла быть решена таким образом – записью репертуара семьи. Вопрос, как переняло традицию младшее поколение семьи, остался без ответа.

Проблема фольклорной коммуникации, интуитивно угаданная М. Б. Едемским, и сегодня остается нерешенной и актуальной.

По приблизительным подсчетам, коллекция сказок М. Б. Едемского составляет более двухсот номеров (из учтенных архивных – ~210, плюс 17 напечатанных в «Живой старине», плюс 55, перечисленных в материалах «Сказочной комиссии»). В «Перечне главнейших научных трудов», составленном им самим за несколько месяцев до смерти (РГАЛИ, Ф.573, оп.1, ед.хр.2) указано: «переписано для печати более пятисот страниц вологодских сказок <...> на руках имеются обширные материалы по русской народной сказке». В рукописных архивных текстах сказок рукой Едемского поперек страницы сделана надпись: «Переписано». Однако перебеленные тексты в архивах не обнаружены. Черновики позволяют судить, какой отбор сделал бы сам Едемский, готовя рукопись «Сказки на Севере» для печати. Мы это сделаем вместе с Едемским и за Едемского. Сборник мог бы состоять из двух разделов:

1. «Старинные сказки», записанные от лучших сказочников:

- сказки М. Д. Третьякова, 12 №
- сказки М. И. Шабунина, 12 №
- сказки В. Г. Овсянникова и М. Д. Дранишниковой, 19 №
- сказки П. В. Кузьминского, 5 №
- сказки А. М. Двойнишниковой, 4 №

2. «Семейные сказки»:

- сказки семьи Едемских, 22 №
- сказки семьи Вячеславовых, 17 №
- сказки сестер Басмановых, 4 №
- сказки семьи Горынцевых, 11 №

Всего чуть больше сотни сказок (106 №), собранных Едемским за тридцать лет собирательской практики. Это далеко не все сказки, но такой подбор отражает методику собирателя.

Можно сделать ряд наблюдений, изучая собрание М. Б. Едемского:

1. Сказки о животных представлены незначительным количеством вариантов (~16); **волшебных** – около 100 вариантов. Наиболее популярные и повторяющиеся сюжеты: «Три подземных царства», «Победитель змея», «Смерть Кашея», «Чудесное бегство», «Звери-

ное молоко», «Хитрая наука», «Брат и сестра у ведьмы», «Сивко-бурко», «Свинка-золотая щетинка», «Кот в сапогах», «Молодильные яблоки», «Волшебное кольцо», «Рога», «Чудесная птица», «Безручка», «Чудесные дети», «Семилетка» и др.

2. Едемский отмечает, что, несмотря на «отдаленность и захолустье края», сказка обречена на забвение. Возраст информаторов не прибавляет оптимизма. Сказочникам с хорошим репертуаром (5-8 сказок) – 65-90 лет. Молодые (30–40 лет) знают по две, от силы – по три сказки.

3. Нет механизма воспроизводства традиции.

4. Бытовые сказки чаще рассказывают мужчины. Дети (11–13 лет) пересказывают, в основном, сказки о животных и о дураках. Из книжных – «О попе и работнике его Балде».

М. Б. Едемский очень верно определил тенденции бытования фольклора на современном этапе. Он интуитивно понимал, что появление нового в народной культуре, в фольклоре тесно связано с миром традиционных представлений. «Встреча фольклора с реальной жизнью» (Б. Н. Путилов), особенности ее художественной реализации не могут быть сиюминутным явлением. Новое возникает на базе традиций и их взаимодействия с социальными системами. Именно эти сложные процессы взаимодействия фольклорных традиций с современными тенденциями развития общества и зафиксировал М. Б. Едемский в своей собирательской практике. И в этом – непреходящая ценность его фольклорно-этнографических наблюдений. Можно полностью согласиться с оценкой научной деятельности М. Б. Едемского, данной крупнейшим специалистом-этнографом и большим знатоком фольклора Д. К. Зелениным: «Это целый подвиг, за который русские фольклористы не могут не быть благодарны учёному» [44].

Кафедрой литературы Вологодского государственного педагогического института (с 1995 года – университета) с 1959 по 1976 гг. и с 1990 по 2003 гг. были организованы экспедиции в Тарногский район, в Кокшеньгу. За двадцать лет работы были обследованы все сохранившиеся деревни, в которых записывал фольклор М. Б. Едемский – 170 населенных пунктов. Материалы фольклорных экспедиций 1956-1976 гг. позволяют отметить изменения, подобные тем, которые наблюдаются и в других регионах России. Судьбы различных фольклорных жанров складываются по-разному, в зависимости от социальных и бытовых (материальных) фактов, от местных специфических условий.

Кокшеньга лучше, чем другие регионы Вологодской области, особенно центральные, сохранила фольклорные традиции, чему способствовала отдаленность от городских и промышленных центров и отсутствие железных дорог. Участниками экспедиций методом безвыборочной записи фиксировались все жанры, но особое внимание уделялось сказкам и песням, поскольку они преобладают в коллекции М. Б. Едемского. Поздние записи дают возможность для сравнения и выводов о специфике бытования различных жанров, позволяют «нащупать доминанту поэтической культуры современного села», – как утверждает Э. В. Померанцева («Традиционный фольклор Владимирской деревни», – с. 8).

Поскольку экспедиция шла «по следам М. Б. Едемского», в первую очередь, нас интересовали сказки. За семь лет мы встретили только 24 информатора, от которых удалось записать 67 вариантов сказок всех типов. Сказка не живет активной жизнью, она мало востребована. Все информаторы, в основном, женщины, рассказывают невыразительно, слабо владеют сказочной поэтикой. Основные слушатели – дети. Поэтому все волшебные сказки сильно адаптированы и сокращены. Информаторы-сказочники – люди преклонного возраста, от 60 до 83 лет (20 человек). Рассказчиков моложе 56 лет (2 человека) нет. Молодая мать на наш вопрос, знает ли она сказки и рассказывает ли их своему ребенку, с искренним удивлением ответила: «А чего голову-то ломать? Бери книгу, да и читай». Три юных информатора (10, 11, 13 лет) умеют читать, учатся в школе, пересказывают варианты из детских изданий сказок. Однако следует отметить, что в памяти информаторов сохранилось примерно 70 сюжетов с учетом контаминированных вариантов. Приложенная нами сопоставительная таблица дает представление о степени популярности отдельных сюжетов (см. приложение).

Яркой фигурой на фоне кокшеньгских сказочников является Алексей Измайлович Едемский. Он родился в 1899 г. в д. Ананьевской (Помелиха) Нижне-Спасской волости, в центре Кокшеньги. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Был председателем колхоза. Мы встречались с ним в 1965 году (записали от него 20 сказок), в 1975 и 1976 гг. Если пользоваться классификацией М. Б. Едемского, это сказочник-общественник, репертуар которого сформировался под влиянием устных и книжных традиций. Он, хотя и закончил всего три класса начальной сельской школы, был грамотен, любил читать, интересовался политикой, выписывал газеты, пользовался в Помелихе огромным авторитетом и у взрослых, и у детей как прекрасный рассказчик,

умеющий увлечь аудиторию яркой, образной и эмоциональной речью. Больше всего он любил рассказывать сказки детям. Алексей Измайлович был частым гостем в школе. Все его сказки, несмотря на разные сюжеты, объединены дидактической концепцией. Заканчивая сказку в детской аудитории, он обязательно обращался к юным слушателям с наставлением: «Вот, дорогие дети, до чего доводит лень-то, ее благородие! Любите жизнь, любите труд!» («О бедной падчерице»). Сказочник прекрасно владеет традиционной поэтикой, но осовременивает ее. Пример зачина: «В некотором царстве небывалом, в нашем районе немало, на ровном месте, как на бороне...» («Снегурочка»).

В сказках много разъяснений бытового характера. «А ведь жить-то надо... Без смерти не умрешь. А за «здорово живешь» тогда деньги не платили, как мне сейчас. – Пенсия – только распишись – и деньги» («Жадная старуха»).

Алексей Измайлович, рассказывая сказки, незаметно втягивает слушателя в беседу: «Жили-были старик со старухой, и была у них еще внучка-девочка, и звали ее так же, как и тебя», – обращается он к слушательнице. А. И. Едемский вносит в сказку бытовые, узнаваемые слушателями подробности. Он по-новому трактует традиционные образы, и сказка осознается не как вымысел, а как рассказ о событии, случившемся в Помелихе. В то же время он «не дает» слушателю «выйти» из сказки: «В нашем же это было районе, только не в нашем селе, против неба на земле». На основе традиционной сказочной обрядности А. И. Едемский создает свою, индивидуальную поэтику. Герои сказок традиционны. Это Баба-Яга, Морозко, ловкий мужик, глупый барин, трудолюбивая падчерица и ленивая старухина дочь. Но мыслят они, как слушатели-современники: измеряют поля в квадратных километрах, заявляют в милицию о пропаже мальчика. Действие происходит в районе, в колхозе, «в нашей деревне, против неба на земле». В качестве мотивировок используются рационалистические бытовые объяснения. «В один прекрасный весенний день это было. Пошла бабушка в магазин за хлебом...» («Снегурочка»). Утрата сказочной фантастики, условности сказочного времени и пространства хотя и разрушают сказочный стиль, но не снижают интереса слушателей. А. И. Едемский очень серьезно относится к своему таланту рассказчика, тщательно проверяя, правильно ли записаны сказки с его слов. Он прислал нам все тексты сказок, переписанные им самим, чтобы мы «чего-нибудь не перепутали», сопроводив подарок трогательным письмом: «... На этом

я и заканчиваю свое повествование. Спасибо вам за внимание! Что я знал, многое вам записал. Есть сказки у меня и с картинками, и с нецензурными былинками, но записать я их не решил. Не запишу! И не расскажу! Довольно с меня. Детям, неграмотным старикам и старухам я много рассказываю, того, что уже давно записано было умными и грамотными людьми, не с моим образованием (3 класса). Например:

1. «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкина,
2. «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина,
3. «Бежин луг», «Бяша! Бяша!» Тургенева,
4. «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя,
5. «Старосветские помещики» Н. В. Гоголя,
6. «Шинель» Н. В. Гоголя,
7. «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого,

«Посадил дед репку» и многое, многое другое, всем давно известное. Слушая меня зимними вечерами, указанные выше слушатели принимают все за мои сказки и удивляются, что так много уложено в мою седую голову! А я им объясняю, что я их храню бережливо и в порядке, как хорошая невеста свой наряд. И складываю в голове слово к слову, сказка к сказке. А не комом и как попало. Поэтому много и помещается в моей голове. До свидания! До новой встречи!».

10/VII 65 г. А. Едемский

Н. Спасс. Тарногского р-на

(архив ВГПИ, 1965. кол. 3. т. 2)

Факт бытования в устной традиции текстов литературного происхождения отмечается фольклористами неоднократно, но фиксируется редко. Классическая народная сказка уходит из традиционной культуры. В народном творчестве «пустот» не бывает. Возникают новые жанры – метатексты, фабулаты и мемораты, прозаические пересказы типа «О Святках», «О гаданиях», «О вечорках», «О войне», «Когда челядями были», «О кулаках», «Как раньше жили», «Маменька сказывала», «Как в новой избушке с домоушкой обживались», «Как НЛЮ к нам прилетало» и др. (архив ВГПИ, 1990. Кол 20).

В записи М. Б. Едемского:
1905/1908; 1914/1916; 1924.

«По следам Едемского»:
1961/1976

Тематические блоки по СУС

I. Сказки о животных

Зафиксировано
11 сюжетов

8 сюжетов

Повторяются 3 сюжета: СУС 15 («Лиса-повитуха»), СУС 61 В («Кот, петух и лиса»), СУС 161 А* («Медведь на липовой ноге»).

II. Волшебные сказки (Чудесные мотивы)

58 сюжетов

20 сюжетов

Повторяются 6 сюжетов: СУС 301 А («Три подземных царства»), СУС 327 А («Брат и сестра у ведьмы»), СУС 400 («Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену»), СУС 450 («Братец и сестра»), СУС 480 («Мачеха и падчерица»), СУС 706 («Безручка»).

III. Легендарные сказки

8 сюжетов

2 сюжета

Повторяется 1 сюжет: СУС 780 («Чудесная дудочка»).

IV. Новеллистические сказки

11 сюжетов

3 сюжета

Повторяются 2 сюжета: СУС 955 («Жених-разбойник», только сюжетная ситуация), СУС 956 В («Человек у разбойников», схематично).

V. Об одуроченном черте

7 сюжетов

5 сюжетов

VI. О глупцах, простаках

нет

9 сюжетов

VII. О супругах, глупых женах

5 сюжетов

4 сюжета

Повторяется 1 сюжет: СУС 1360 С («Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий)»).

VIII. О ловких людях

8 сюжетов

6 сюжетов

Повторяется 1 сюжет: СУС 1528 («Сокол под шляпой»).

IX. Счастье по случаю

5 сюжетов

2 сюжета

X. О дураках

3 сюжета

1 сюжет

XI. О попах

2 сюжета

4 сюжета

Повторяется 1 сюжет: СУС 1725 («Влюбленный поп»).

XII. Небылицы

5 сюжетов

5 сюжетов

Повторяется 1 сюжет: СУС 1960 G («Горох до неба»)

Повторяются только 16 сюжетов.

Вологодские сказки в записях XIX и XX веков можно найти в архивах Российского географического общества, Сказочной комиссии, Института русской литературы (Пушкинский дом) (ИРЛИ). В 1954/1955 годах вышел сборник «Сказки и песни Вологодской области» /Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина (Вологда, 1955), в который вошли 24 сказки из Белозерского, Грязовецкого, Чебсарского (сейчас Шекснинского) районов Вологодской области. В сборник включены перепечатки из собраний М. Б. Едемского, А. А. Шустикова, архива ИРЛИ в записи 1937 г.

Большое собрание вологодских сказок вошло в антологию «Сказки, песни, частушки: народное устно-поэтическое творчество Вологодского края» под ред. В. В. Гура (Северо-Западное книжное издательство, 1965. – с. 213-228; 64 №). Сборник включает сказки в записи XIX-XX вв. из собраний А. Н. Афанасьева, Н. А. Иваницкого, братьев Соколовых, А. М. Смирнова, А. А. Шустикова, М. Б. Едемского и др.

По приблизительным подсчетам, в разных изданиях (в статье указаны не все), архивах зафиксировано около тысячи вологодских сказок, которые ждут своего исследователя.

М. А. Вавилова

Примечания

1. Владимиров П. В. Введение в историю изучения русской словесности. – Киев, 1896. – С. 55.
2. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. – М., 1963. – С. 26.
3. Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800-1855./ Составитель Т. Г. Иванова. – Спб, 1996, 262 с.
4. Русский фольклор. 1800–1855. – С. 9.
5. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI–XVIII века./ Вступит. статья, подготовка текста и комментарии Н. В. Новикова. – Л., 1971. – С. 8-10. (Далее: Русские сказки XVI–XVIII в.)
6. Русские сказки XVI–XVIII в. – С. 263-264.
7. Русские сказки XVI–XVIII в. – С. 5-52.
8. Русские сказки XVI–XVIII в. – С. 95.
9. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века/ Составл., вступит. статья и комментарии Н. В. Новикова. – М.–Л., 1961. – С. 32. (Далее: Русские сказки первой половины XIX в.)
10. Пушкин А. С. Пол. соб. соч. Academia. Т. 2. – М.–Л., 1936. – С. 483-489.
11. Русские сказки первой половины XIX в. – С. 361.
12. Русские сказки первой половины XIX в. – С. 40.
13. Русские сказки первой половины XIX в. – С. 368.
14. «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева. 1855, вып. 1; 1856, вып. - 2; 1857, вып. 3; 1858, вып. 1-4; 1860, вып. 1-4; 1861, вып. 5-6; 1863, вып. 7-8. – «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (с портретом) изд. 2-е, вновь пересмотренное. – М., 1873. кн I-IV.
«Народные русские сказки и легенды» А. Н. Афанасьева. – М., 1897, Т. I-II; изд. 4-е, в 5 т., М., 1913-1914. Т. I-V.
«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева. Т. 1-2, Берлин, 1922.
«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева./ Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова/ Л/ Academia, 1936. Т. I.; 1938-1940, Т. II-III.
«Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева. В трех томах / Подготовка текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. – М., 1957.
«Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах/ Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М., 1985.
15. Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т. – М., 1950. – С. 590-591.
16. Сборник великорусских сказок Ахива Русского географического общества. – Вып. 1-2. – Пг., 1917. – С. 135-232, №№ 23-47. – С. 290-334, №№ 70-98.
17. Программа П. В. Шейна («Просьба» 1874 г.)/ ВГВ, 1880, №№ 57, 59, 61, 65, 67-78. Отдельно «Руководство к собиранию корреспондентских сообщений в редакцию неофициальной части Вологодских губернских ведомостей». – Вологда, 1880.

18. Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии/ Подготовка текстов, вступит. статья и примеч. П. В. Новикова. – Вологда, 1960.

19. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России/ Под ред. Н. Харузина. – Вып. 2. – М., 1980. (Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – Т. 69. Труды этнографического отдела. – Т. 11. – Вып. 1.)

20. Азадовский М. К. История русской фольклористики. – Т. 2. – М., 1963. – С. 219.

21. Шустиков А. Троицина Кадниковского уезда (этнографический очерк)// ВГВ, 1883, № 11. – С. 9; № 12. – С. 10; № 13. – С. 10-11. В 1892 г. напечатана в «Живой старине» (Ж.С.)

Троицина Кадниковского уезда: Бытовой очерк// Ж.С., 1982. Вып. 2. – С. 71-91; Вып. 3. – С. 106-138.

22. А. А. Шустиков был хорошо знаком с Н. А. Иваницким, работал с ним дважды в Кадниковском земском комитете, в 1898 г. вместе опубликовали 21 перегудку: см. Живая старина, 1898. – Вып. 2. – С. 237-243.

23. Устное народное творчество Вологодского края: Хрестоматия. – Вып. 2: Волшебные сказки/ Составители: С. Ю. Баранов, М. А. Вавилова, С. Н. Смольников. – Вологда, 2002. – С. 168-170.

24. Устное народное творчество вологодского края. Вып. 2. – С. 77-168; Устное народное творчество Вологодского края. Сказки о животных. Бытовые сказки/ Составители: С. Ю. Баранов, М. А. Вавилова, С. Н. Смольников. Вып. 3. – Вологда, 2004. – С. 55-59; 116-118; 138-142; 158-162.

25. Сказки и песни Вологодской области./ Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. – Вологда, 1955. – С. 235 (Сказка № 21). Сказка записана А. А. Шустиковым от Федора Кадилина ~ в 1892 году, во время экспедиции по Троицине Кадниковского уезда. См: Вологодский областной государственный архив (ВОГА). ф. 4389, ед.хр. 382, сказка № 14).

26. Шустиков А. А. Сказания и сказки Вельского уезда// Живая старина, 1895. – Вып. 2. – С. 203-211. – Вып. 3-4. – С. 419-427.

27. Шустиков А. А. По деревням Олонецкого края (Поездка в Каргопольский уезд)// Известия ВОИСК. Вып. 2. – Вологда, 1915. – С. 89-119.

28. Песни и сказки Белозерского края./ Зап. Борис и Юрий Соколовы// Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – М., 1915. – XVI, CXVIII, 665 с.

29. Сказочники и их сказки// Сказки Белозерского края/ Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы. – Архангельск, 1981. – С. 17-28.

30. Сказки Белозерского края. – С. 320.

31. Сказки Белозерского края. – С. 19.

32. Великорусские сказки Пермской губернии /сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914. (Зап. Рус. геогр. общества по отд. этнографии. – Т. 41); Великорусские сказки Вятской губернии/Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915.(Зап. Рус. геогр. общества по отд. этнографии. – Т. 42); Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. – СПб, 1908.

33. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. – СПб, 1867; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, Т. I-III. – Архангельск, 1983.

34. Сказки Белозерского края. – С. 26.

35. Иванова Т. Г. Б. М. и Ю. М. Соколовы (Миллеровское крыло «исторической школы»)// Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках/ Под ред. С. Н. Азбелева. – СПб, 1993. – Очерк 3. – С. 72.

36. Ольденбург С. Ф. Собираание русских народных сказок в последнее время// Журнал министерства народного просвещения. – LXIV, 1916. Август. – С. 304.

37. Едемский М. Б.: Говор жителей Кокшеньги (Ж. С., 1905. – Вып. 1-2. – С. 97-101); Из кокшеньгских преданий (Ж. С., 1905. Вып. 1-2. – С. 102-106; Ж. С., 1908. – Вып. 1. – С. 75-83); Вечерованья, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда (Ж. С., 1905. – Вып. 3-4. – С. 495-512); Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда (Ж. С., 1906. – Вып. 1. – С. 2-68); Прозвища в Кокшеньге (Ж. С., 1907. – Вып. 1 отд. V. – С. 2); Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда (Ж. С., 1910. – Вып. 1-2. – С. 1-48. - Вып. 3. – С. 49-96. – Вып. 4. – С. 97-113); Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии (Ж. С., 1912. – Вып. 2-4. – С. 221-258); О крестьянских постройках на Севере России (Ж. С., 1913. – Вып. 1-2. – С. 1-115) и др.

38. Едемский М. Б. Семнадцать сказок... – С. 221.

39. Сказки Мины Ивановича Шабунина в Архиве Русского географического общества. Разряд 7, оп. 1. – 1858, № 105, 74 л. Опубликовано впервые в книге «Сказки, песни, частушки Вологодского края»/ Под ред. В. В. Гура. Северо-Западное книжное издательство. – 1965, № 27. – С. 241-242; № 28. – С. 242-244. («Про царя Вещора», «Крылья»). Еще две сказки см.: Хрестоматия: Устное народное творчество Вологодского края. Вып. 2. Волшебные сказки. – Вологда, 2002. – С. 179-186 («Три чертовых волоса», «О Вихоре Вихоревиче»).

40. Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок: Из этнологических наблюдений по Северу России за последние годы // Сказочная комиссия в 1924-1925 гг. – Л., 1926. – С. 39-45.

41. Ольденбург С. Ф. Указ. соч. – С. 304.

42. Едемский М. Б. Сказки на Севере: Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 г. (Из путевых заметок)// Север, 1923. – № 3-4. – С. 208.

43. Вечерованья, городки и песни в Кокшеньге, 56 № (Песни семьи Кузнецовых).

44. Зеленин Д. К. Из отзыва о научных трудах М. Б. Едемского. Архив Русского географического общества. Ф. – 1 – 1858. Разряд 110. Оп. 1, Д. 273. Л. 7.

Современное состояние сказочной традиции

В науке существует мнение, что сказка как жанр практически изжила себя. Представленный сборник собирался долго и сложно. В экспедициях последних лет на просьбу рассказать сказку информанты отвечают, что сказок не знают, а внукам «что-нибудь врут», «плетут», «собирают лес да огонь». Все сказочники – люди старшего поколения, часто преклонного возраста. В современной жизни у сказки нет слушателя, поэтому записать сказку в живом бытовании удавалось редко, большинство сказок сборника – сказки-воспоминания, отсюда их особенности: сокращенный объем за счет исключения общих мест, сказочных формул, некоторых эпизодов и т. п. Лучше помнят и чаще рассказывают анекдоты, былички, бытовые рассказы (мемораты). По выражению сказочника А. С. Цветкова, «сказке нужно время» и, добавим, слушатели. Но встречаются, хотя и редко, прекрасные образцы классической сказки: «Сказка про плотника и часового мастера» (№ 62), [«Старушка с лапоточком»] (№ 30), «Заячья скрипка» (№ 61) и др.

В сборник включены сказки, записанные в Бабаевском, Белозерском, Кадуйском, Кирилловском, Устюженском, Череповецком, Шекснинском районах Вологодской области. В первой половине XX в. сказка ещё активно бытовала на этой территории. «Сказка действительно живет здесь полной жизнью», – писали Соколовы*, побывавшие в Белозерском уезде в 1908–1909 годах. Наблюдения Б.М и Ю.М Соколовых подтверждаются и современными экспедиционными записями. Приведем наиболее интересные из них.

Николай Кириллович Петров (1913 г. р.) сказки слышал от дедушки. Вспоминает, что дедушка «в вечер одной сказки не мог рассказать, на другой вечер приходил. Придёт, раньше с лучиной светили-та, вот мне всё одна старуха рассказывала: “Дедушко придёт твой, начнёт [рассказывать] – все мужики соберутца из деревни, все в одный дом – вот он и россказывает. Уж мужики все уснут, слушают, слушают, да. Он огонь погасит, и сам уйдёт, а мужики всё спят на полу. Проснутцы – надо домой идти, а уж утро. Вот. Дак уж сказку не доскажет, на второй день надо это всё”. А всё сказки россказывал про багатырей. Это сказки такие, знаёшь, как раньше богатыри были, да как бились, боролись, да всё. Дак такие, вот это, Илья Муромец, это сказки такие были» (Бел., Бело-

* Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 кн. – СПб.: Тропа Троянова, 1999.

зерск, ЧЦТНК: 034-15*). Римма Николаевна Уличева (1925 г.р.) сказку [«Небылицы за огонь»] (№ 111) слышала в детстве от отца, который рассказывал сказки вечером, когда «сумерницали», то есть, экономя керосин, сидели вечером без огня. Вспоминает, что отец знал много сказок (Шексн., Телибаново, ЧЦТНК: 193-28). С детства запомнила сказку [«Мать-коза»] (№ 48) Августа Петровна Зуева (1923 г.р.), слышавшая её от местной жительницы Фаины Кардонцевой, которая «знала много сказок», рассказывала их на беседе и дома. Сейчас сама Августа Петровна сказки рассказывает, когда укладывает внуков спать. От неё записана интересная игра (своеобразный «Сломанный телефон»), в которую играли, когда на беседе было немного народа. Все играющие рассказывали выдуманные истории, «свирали» водящему на ухо про одного из игроков. Затем водящий пересказывал услышанное этому игроку, если чей-то рассказ ему не нравился, то в следующий раз истории придумывали про его автора. В качестве такой истории на беседе была рассказана бывальщина «Про бабушку кутёну» (Шексн., Телибаново, ЧЦТНК: 194-3, 4). Софья Ильинична Сизова (1925 г.р.) вспоминает, что «зимой отца звали сапоги шить, раньше ведь не покупали сапоги. Где он сапоги шил, дак вот кончат свою работу, дак в этот дом собираютце. Тут и кто чего и рассказывает. Шил сапоги тоже где-то у кого и придумал (всё чё-нибудь да свирают) – роется, роется, тут во своих обрезках: “Чево ты, Илья, делаёшь?” – “Да вот газета, статья тут хорошая была в газете, не могу ие найти. Статья хорошая, как лошади съили несеянную пшеницу”. Наврал. Всё переискали, не могли найти, ак он наврал, дак. Потом уж поняли: как лошади могут съисть несеянную-то пшеницу?» (Шексн., Кузьминская, ЧЦТНК:191-19). О том, что сказки рассказывали на беседах, вспоминает К. И. Беляева (1911 г.р.) «Раньше ведь соберёшьси в деревне было, ведь мы ишо маленькие были, а пряли, всё с прялками собиралися, ак старухи – одна сказку там рассказываёт, другая былинку, третья чё-нибудь придумает, говорит, или, там, от стариков-то услышит. И вот сидим вечер, так вот разговариваем и слушаём, и учимси друг у дружки» (Кад., Сосновка, ЧЦТНК: 105-2). «Сказительница была. Зимой в доме собирались с прялками, человек двадцать, рассказывали сказки» (Кир., Ферапонтово, ФЭЦ: 5604-63).

* здесь и далее краткие сведения о записи включают в себя место записи (сокращенное название района и деревню), архивный номер оригинала звукозаписи (аббревиатура организации, архивный номер оригинала звукозаписи (№ единицы хранения, № записи на пленке).

Вместе с изменением традиционного крестьянского быта за последние 70–80 лет, с появлением в деревнях телевизора и других средств массовой информации, бытование сказки ограничилось семьёй, сказки рассказывают чаще всего бабушки, укладывая внуков спать. Репертуар, используемый в этой ситуации, приспособливается к детской аудитории. Большую его часть составляют сказки о животных. Возможно, этим объясняется популярность некоторых песенок сказочных персонажей. В Сиземском сельсовете Шекснинского района нами неоднократно были записаны песня медведя (сюжет «Медведь на липовой ноге»), песенка волка (сюжет «Пение волка, реже медведя»), песенка лисы (сюжет «Кот, петух и лиса»), которые бытуют как потешки или колыбельные.

В сборник вошли 138 сказок от 69 исполнителей. Из них 35 – сказки о животных, 37 – волшебные сказки, 11 – легендарные, 27 – бытовые, 5 – небылицы, 7 – докучные сказки, 7 – кумулятивные, 9 – сказки-прибаутки. Из 69 информантов, чьи тексты приводятся в сборнике, 26 родились после 1920 года. Лучшие образцы сказок записаны от девяностолетних, реже восьмидесятилетних сказочников.

Наиболее популярные сюжеты сказок о животных, представленные в сборнике, это: «**Медведь на липовой ноге**» – 11 текстов, «**Волк и козлята**» – 6 текстов. Среди сказок сюжета «Медведь на липовой ноге» есть развернутый текст «**Липовая нога**» (№ 15), в котором старик и старуха убивают медведя. Старуха прогоняет медведя необычным способом в тексте [«**Как старуха медведя прогнала**»] (№ 18). Большинство текстов состоят только из песни медведя. Многие из них, например [«**Скрипи, скрипи, нога**»] (№ 20), исполнены «страшным» голосом. Сказки сюжетного типа «**Волк и козлята**» (№ 10, № 13), записанные в Сизьме – традиционные, интересны тем, что коза сует в пасть волку раскаленную кочергу и спасает козлят. В тексте [«**Как волк детей съел**»] (№ 12) коза с козлятами заменяются женщиной с детьми. Сборник включает по три варианта сюжетов «**За скалочку гусочку**» (СУС 170) (№№ 28–30), «**Пение волка**» (СУС 163) (№№ 25–27). Все тексты сюжета «**Пение волка**» записаны в Сиземском сельсовете Шекснинского района. Также в сборник помещены три сказки сюжета «**Кот, петух и лиса**» (СУС 61 В), ни в одной из них нет по-настоящему традиционного изложения сюжета.

Среди записанных сказок о животных, есть такие «о которых суждение только на основании письменного текста совершенно недоста-

точно».¹ А. И. Никифоров выделяет их в особый драматический жанр. Он пишет, что исполнение важно для любой сказки, но эта «группа сказок особенно сильно связывает смысл своего существования с своеобразием сочетания текста и исполнения».² К таким сказкам относятся варианты сюжета «Пение волка» (СУС 163) (№№ 26–28) и т. п. В сказках такого типа все зависит от случая и от личности рассказчика. Например, варианты текста [«Жил тутa жилец»] (№ 26) были записаны нами от А. Н. Барановой четыре раза в разное время, каждый раз она рассказывала по-разному, некоторые варианты отличаются хорошим исполнением, но в них содержатся не все эпизоды. В сборник вошел наиболее полный текст.

До сих пор в Сиземском, Чаромском, Еремеевском сельсоветах Шекснинского района широко бытуют прибаутки, здесь их часто называют «сказками». Живое бытование прибауток можно объяснить тем, что они до сих пор используются для укладывания детей, бабушки учат прибаутки со своими внуками, правнуками. Записаны как песенные, так и стихотворные формы прибауток. В сборник включена лишь небольшая часть: варианты текстов [«Поточка моховая»], [«Сказка-приказка»].

Среди волшебных сказок самые популярные сюжеты: «Мачеха и падчерица» (СУС 480) (№№ 52–54), «Чудесная дудочка» (СУС 780) (№№ 67–69).

Сказки о дураках являются наиболее распространенными среди бытовых сказок, в сборник входят 2 текста сюжета «Дурак домовничает» (СУС 1691) (№ 100, № 101) и 2 текста сюжета «Набитый дурак» (№ 102, № 103) (СУС 1696).

К редко встречающимся сюжетам относятся текст «Про Полкана» (№ 8) (сюжет «Война домашних животных с дикими» СУС 104), вариантов этого сюжета не обнаружено в русских публикациях; текст «Как один солдат служил двадцать пять лет в армее» (№ 51) (контаминация сюжетов «На службе в аду» СУС 475 + «Любая дырка поведает правду» СУС 1391 + «Работник будто бы не знает женщин» СУС 1545 В + «Чесалка» СУС 1543 А. Сюжет «Любая дырка поведает правду» не представлен в русских публикациях.

¹ А. И. Никифоров. Народная детская сказка драматического жанра / Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ / Под ред. С. Ф. Ольденбурга. – Ленинград: издание Гос. русского географического общества, 1928. С. 4

² Там же, С. 5.

В тексте бытовой сказки [**Муж-лентяй и жена-лентяйка**] (№ 98) встречается нетипичная контаминация сказочных сюжетов «**Сто и сноп**» (СУС 1370 Е **) + «**Жена не узнаёт себя**» СУС 1383) + «**Ленивая жена**» (СУС 1371**). Сюжет «**Сто и сноп**» (СУС 1370 Е **) не встречается в русских публикациях.

Единственная публикация сюжета «**Изобретательный парень**» (СУС 859 F*), сказка [**О бедном и богатом мужиках**] (№ 84), представлена в сборнике Акимовой «**Фольклор Свердловской области**». * Сказочник Н. А. Костин слышал эту сказку во время работы на реке Печоре. Сюжет «**Имя черта**» (СУС 500) – сказка № 57 «**Ах, Мими**», также отмечен в СУС как один из редко встречающихся.

Есть тексты, которые сами исполнители называют «**легендами**», это: [**Как истинный Христос судьбу напишет**] (№ 78) (СУС–840В***), [**Св. Николай и бедная невеста**] (№ 80) (СУС– 846 В*), «**Легенда про клад**» (№ 74) (СУС 745), [**Леший – божатко**] (№ 77) (СУС – 834 **).

В сборнике содержится текст «**Сказки про храброго солдата Порогупея и исчезнувшую царевну**» (№ 37) СУС 301 D* + СУС 580 + СУС 318), представляющий собой устный вариант популярного лубочного сюжета из рукописного фонда Кадуйского краеведческого музея.

В сборник не включена «**Сказка про Илью Муромца**», записанная в Кирилловском районе (Кир., д. Бараково, ФЭЦ: 5611-27), передающая отрывочные воспоминания сказочного текста о том, как Илья Муромец ездил за невестой. Надо сказать, что пожилые информанты до сих пор вспоминают о наличии сказок о богатырях, об Илье Муромце (Бел., Белозерск, ЧЦТНК: 034-16). «**Старики скажут, что раньше тут рассказывал такой дядька про Илью Муромца, ой, какой рассказ!**» (Кад., Сосновка, ЧЦТНК 105-2).

В сборник включено несколько текстов собственного сочинения для укладывания детей: «**Дядя Вася**» (№ 34), «**Собирушка**» (№ 35), «**Про Машеньку**» (№ 71), «**Про Бабу-Ягу**» (№ 72). В основе этих сказок лежит мотив встреч, традиционный для сказок о животных.

В сборник включены сказки «**Басня**» (№ 113), «**Сказка о сыне-богатыре**» (№ 64), «**Про багатырей**» (№ 65), являющиеся пересказом литературных произведений. № 64, № 65 (варианты сюжета «**Чудесные дети**» СУС 707) записаны от К. И. Беляевой с разницей в несколько

* Фольклор Саратовской области. Кн. I. Сост. и вступит. статья Т. М. Акимовой. Ред. А. П. Скафтымов. Саратов, 1946.

дней, их источником послужила сказка А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче, и о прекрасной царевне Лебеди».

К. В. Кожанова вспоминает, что «Басню» (№ 113) выучила в детстве от маминого брата. Дословные совпадения фрагментов текста позволяет предположить, что Кожанова в детстве слышала стихотворение Н. А. Некрасова «Молодые».*

Текст «Как жоних ездил свататыцы в Твирь» (№ 116) не имеет соответствий в СУС, но в нем используется традиционный мотив завистливой сестры. Информатор В. Д. Иванова (1918 г.р.) воспринимает его как сказку. На смену сказкам приходят устные рассказы о жизни в старину.

Ярким примером влияния современной действительности на волшебную сказку являются тексты И. В. Цветкова, рядом с традиционными формулами в них соседствуют необычные для волшебных сказок выражения: «прошу приехать к нам на экскурсию», – пишет царь, отправляя письмо с почтальоном. В сказке [«Иван-царевич и разбойники»] (№ 45) царевна отправляет сообщение на корабль с помощью азбуки Морзе: «Азбука Морзе раз-два туды на корабль, понимаэш: “Скорую помощь” быстро».

В сказках «О сыне-богатыре» (№ 64), «Ах, Мими» (№ 57) цари уезжают в командировку. Главные герои сказки [«Два брата-охотника»] (№ 36), повзрослев, покупают костюмы, перед боем со змеем ночуют в гостинице. В этой же сказке, одной из лучших волшебных сказок, представленных в сборнике, исполнительница в конце делает главного героя председателем колхоза. В «Сказке о сыне-богатыре» (№ 64) наказание для мачехи и её дочерей определяет вся деревня, своеобразный «деревенский сход» решает отобрать у злодеек-сестер «имущество» и раздать беднякам, в «Бурке-ковурке» (№ 58) Ваня-дурачок, становясь зятем царя, также зовет мужиков на «сход» и раздает им своё «именье». Во многих сказках, например, в «Как две сестрицы затуторили» (№ 68), [«Два брата-охотника»] (№ 36), наказанием вредителям является расстрел.

Меняются сказочные герои. Например, в сказке «Про колодец» (№ 49), основой которой послужил сюжет «Царевна-лягушка» (СУС 402), Иван-дурак получает красавицу-жену и богатство, не вследствие волшебных испытаний, а благодаря своему трудолюбию. В этой сказке, вообще, отсутствует композиционно-сюжетная схема волшебной сказки, но в ней есть традиционный мотив превращения (утки в девушку).

* Подробнее см. комментарии к «Сказке о сыне-богатыре».

В сказке [Небылицы за огонь] (№ 111) сказительница так характеризует героев: «Не пили, не курили».

Изменения коснулись сказочной обрядности. Общие места, концовки и зачины зачастую совсем отсутствуют или подвергаются трансформации. Например, у И. В. Цветкова в сказке [«Сивко-бурко»] (№ 59) развернутый диалог героя с конем там, где должно быть общее место «в правое залез, в левое – вылез». Сказочник включает волшебного коня в сферу житейских отношений. “Ну, Ваня, одевай давай обмундированье”, – говорит конь. С седла, зносит, снял сумку, отстегнул, там шелковое всё, так и блестит, жар жарит. Одел! Ну, конь говорит: “Дёржись, Ваня. Нас сѣдни с тобой, – говорит, – заклеят. Мы приз взять возьмём, но тебе: не подставлей голову, а то попадѣт тебе клеймо». Традиционная концовка в тексте присутствует в измененном виде: «Я-то тоже был тамо. Если бы я не был, дак не видел, дак, где бы мне бы наврать ли, что ли? А тут вот всё сушая правда сказана. Ну, я этим ведь не торгую, могу рассказать и другую».

Иван Васильевич Цветков (1904 г.р.) относится к мастерам с ярко выраженной манерой исполнения.* От него записаны 4 волшебные сказки «Иван царевич и разбойники» (№ 45): («Звериное молоко» СУС 315 + «Благодарные животные» СУС 590), [«Бурко-ковурко»] (№ 58), «Про Ивана Сапожкова» (№ 59) («Сивка-бурко» СУС 530), «Заячья скрипка» (№ 61) («Заячий пастух» СУС 570), сказка о животных «Про Полкана» (№ 8) («Война домашних животных с дикими» СУС 104), большое количество образцов несказочной прозы, анекдоты. Записи производились в 1991 году в д. Курьяково Череповецкого района. Собиратель А. В. Кулёв отмечает, что «Цветков – одноногий дедка 93 лет, не по возрасту молодо выглядит, крепок. Сам себя инвалидом не ощущает. В деревне его считают балагуром, “все смешком, все с шуточкой”. На ходу мог что-нибудь добавить, присочинить, причём даже тогда, когда рассказывал случаи из собственной жизни. Сочинял дразнилки, частушки, истории о себе. Цветков – хороший гармонист, балалаечник, один из последних исполнителей на гармони-”вятке”. Счастьем для него была возможность поговорить. Рассказывал с удовольствием, на любую тему: от колдовства до того, что пел в церкви. Считает себя колдуном, в шутку предлагал продать заговоры за 100 рублей». Сказки слышал и сам рассказывал, когда работал в

* Изучение сказочника как такового, его стиля и манеры исполнения впервые предприняли братья Соколовы.

лесу: «жили в *лисе*, дак ведь никем-то ничо, только сказкам и занимались, дак ведь врѣшь-то поцѣм зря, дак все со смеху так надрываютцы».

По манере исполнения Цветков относится к сказочникам-балагурам. Сказочники такого типа, как правило, теряют традиционные формулы, замедляющие движение сюжета, увлекаясь внешним развитием действия, острыми моментами. Что, например, стоит описание вызова Ивана-дурака из чулана, когда за ним приезжает царь! Сказочник подробно описывает как царь и царевна удивляются глупому поведению Ивана-дурака, в конце царь решает, что «этот человек другого сорту и виду». В двух вариантах, записанных от Цветкова, этот эпизод рассказан по-разному, с добавлениями и изменениями. В тексте № 59 сказитель, чувствуя, что слишком увлекся подробностями в описании этой сцены, иронически добавляет: «Я-то там был, дак всё видел, дак знаю». Несмотря на увлечение внешним развитием действия, И. В. Цветков во всех сказках старается соблюсти традиционную сказочную обрядность: трехкратные повторения, общие места, поэтические формулы, концовки.

К другому типу сказочников относятся Александра Алексеевна Смирнова (1906 г.р.) и её дочь Лидия Андреевна Сухарева (1929 г.р.). Записи сделаны А. В. Кулёвым в 1991, 1992 гг. в д. Текарь Череповецкого района. Рассказчицы искренне верят в то, что рассказывают. Собиратель отмечает, что Сухарева и Смирнова в качестве собственно сказок вспомнили «Как гуси уташшыли» (№ 56) (СУС 480 А*), «Как Баба-Яга своих дочек съела» (№ 43) (СУС 327 С, F), другие свои тексты воспринимают как истории, происшедшие на самом деле. Этим объясняется их репертуар, в основном это былички, бывальщины, легенды, бытовые сказки. Почти всегда А. А. Смирнова заканчивает свои сказки словами: «Вот ведь какие случаи-то были». Многое из рассказанного Смирнова слышала от своего дедушки Куди, который был мельником. А. В. Кулёв отмечает, что Смирнова отказалась рассказывать о старинной свадьбе, так как это, по её мнению, не актуально в современной жизни, а былички, сведения о том, с каким приговором идти в баню, переходить в новый дом, считала нужным передать. Две сказки-новеллы [«Как муж жену выгучил»] (№ 87) (СУС 901), [«Отцовы наказы»] (№ 88) (СУС 915 А), записанные от Сухаревой, содержат большое количество бытовых элементов, жизненных деталей, рассказаны с такой интонацией, как будто всё это произошло в их деревне буквально на днях.

Мария Ивановна Смирнова (1908 г.р.) (д. Якушево Череповецкого района) также относится к типу сказочников, которые верят, что рассказанные истории произошли на самом деле. В 2000 году от неё записаны

«Бывальщина про солдата» (№ 85) (СУС 880), [«О верной жене»] (№ 86) (СУС 882), [«Как скатерка браная беса в дом не пустила»] (№ 83) (СУС 812 **), [«Кузнец и черт»] (не включена в сборник), несколько быличек о «заложных» покойниках. Смирнова, по-видимому, человек творческий, глубоко переживающий. Сочиняет стихи, нам удалось записать два стихотворения: одно из них она отправляла мужу на войну, другое сочинила после смерти сына, оба содержат мотивы, традиционные для похоронных причетов. Нам повезло, что во время записи в гостях у Марии Ивановны находилась соседка, и все истории Смирнова рассказывала для неё, не обращая на нас особого внимания. Рассказывала она эмоционально, громко, очень сопереживала героине сказки [«О верной жене»] (№ 86). Эпизод встречи с мужем, когда героиня рассказывает ему об обмане офицера, Смирнова рассказывала сквозь слезы. Сказительница часто подчеркивала правдивость и реальность сказок, быличек: «это правда истинная, не то, что вру» (Чер., Якушево, ЧЦТНК: 161-20).

Свои сказки М. И. Смирнова называет «*быльями*», «*бывальщинами*». Приведем некоторые названия, встречающиеся для обозначения сказок. В Кирилловском районе фиксируется название «старинки». «Старинки-то, сказка-то – старинка: “тибе рассказать старинку? – Вот расскажи!” Вот и поцнут рассказывать, вот называётцы по-настоящему сказки, а по-нашему, по-старинному – “старинка”. Вот и всё» (Кир., Чарозеро, ФЭЦ: 5629-11). «Старинка – это “было-не было”, а как будто всё к одному приложено. Старинки старики прежние рассказывали детям; цыганы ездили, у кого останавливались – рассказывали сказки, сказки были «Про царевича», «Про Ивана-дурачка» (Кир., Бараково, ФЭЦ: 5612-8). «Старинками» сказки называет А. А. Смирнова (д. Текарь, Череповецкий район). В Кирилловском районе встречаются единичные названия «басни» (Кир., Приозерье, ФЭЦ: 5607-8), «байки» (“муж рассказывал байки про Ивана-царевича”) (Кир., Ферапонтово, ФЭЦ: 5605-23). И наоборот, былички и бывальщины могут называться «сказень» (Баб., д. Слотинская, ЧЦТНК: 113-2). Чаще всего информантами используется термин «сказка».

Классическая устная сказка доживает свой век. Но на смену классической сказке приходят другие формы, например, устные рассказы, городские легенды и другие жанры несказочной прозы. Теряя установку на достоверность, они стали входить в сознание людей как нечто, тождественное сказке.

Т.А. Кузьмина

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. [Волк и лиса]

Ну, хозяин куды-то за рыбой *издил* покупать на лошаде. Рыбу-то в цём вёз? *На* воз и положил. «Хорошой, – говорит, – жоне будёт воротник». Дак лиса-то притворилась, он думает – мёртвая. Лиса-то *взела* всю рыбу выкидала и *выскоцила*. Приехал домой-то к хозяйке и говорит, што: «Вон, хозяйка, тебе на воротник привёз». Хозяйка-та пришла: не воротника, не рыбы нету.

(Волк али мидведь) волк увидел, што у лисы много рыбы-то.

– Где ты, – *говрит*, – *взела*-та?

– А вот, – *говрит*, – будет *ночь*-та ясная, ясная, иди, – *грит*^{*}, – на реку, да хвост-то отпусти в реку, в *пролубь*, и навезнёт рыбы-то.

А *ночь*-то была ясная, он ушол, да у ёво хвост-то *толькё* пристыл к *пролубе*-то. Пришли старухи *платьё* мыть: мидвидь сидит, ли волк ли, в *пролубе*-то, ак *вото* ево *нацели* хвостать да. Вот он и убежал и хвост тут и оторвал. (Это *прежня*, *прежня* сказка).

* здесь и далее в текстах сказок слова «грит», «гот», «горит», «говрит» обозначают «говорит».

2. Про лису

Про лису. Вот, што дед-то рыбы наловил да вёз мешок. Да лиса-то тут как раз, а дед и подобрал: [она] лежала на дороге. Дед и подобрал, што: «Вот тут лиса». А лиса схитрила. Подбрал и положил иё тут к той, к рыбе-то, рядышком, она и выкидала всё. Дед-то привёз, бабушке сказал: «Бабушка, вон я тебе на воротник принёс». Говорит, вышли: не лисы и не рыбки нету. Всё выкидала.

Волка-то обманула ишо. Лиса, это, сдумала ишо – раз она подобрала эту рыбку и всё – и вот как раз волк-то, волк-то как раз (волка-то она, где встретила, не знаю я толком-то). Она обманула, сказала, што вот наловила рыбки-то где, сходи, опусти хвос в проруб, да вот как раз он опустил, да тут и заморозился хвост-от.

3. [Как лиса медведя обманула]

Где-то бочонок мёду был, масла, вроде, на потолоке. А жил-то медвидь. Лиса-то узнала, што у ево масло там, лиса-то спрашивает у медвидя: «Ты где будёшь спать?» – Он, што: «На полатях ли на пецке». – «А я, дак, на ла-авоцке, на ла-авоцке. Ко мне повивать придёт кто-то». (Не знай кто-то, как ребенка, ли што ли.) – «Дак иди, повеи».

Хвостом поколотит [лиса], где-то поколотит, да:

– Миня повивать зовут.

– Иди, – говорит, – повеи, иди, повеи.

А она на потолок да масло ести. Вот она придет лиса-то домой, дак спрашивает [медведь]:

– Как зовут?

– Поця-ятышком, Поця-ятышком.

Три раз она ходила. [Говорила, что зовут] Поцатышком, потом Срединочкой, поди, а потом Поскрёбышком. А потом-то медвидь-от сошел на потолок-от: масла-то нету. Он и заругался: «Это ты съела». – «Нет, не я». «Давай, – говорит, – лежитьця». Пецку затопили. «Давай, – говорит, – на сошток лёжиси животом: у ково масло побежит». (Сперво-то, што? Лиса легла-то, поди?) Лиса легла: у иё не потекло масло. Потом медвидь лёг на сошток, она взяла да водицки ленула на сошток-от.

«Вот, – говорит, – видишь, ты съел масло-то, видишь, вот водицкя-то вытекла. Масло-то потекло».

4. [Поездка за плакушшым]

Жил дедушко с бабушкой. У дедка умёрла бабушка. Дедушко поехал за плакушшым, запряг лошадь дедушко, поехал за плакушшым. *Е-едёт, е-едёт* по дорожке, лесна-ая дорожка, зелёная, красивая, прямая. Вот. А дело *зимнёё*. Попадаётцы ёму настрету *зайсик* (раз ребёнку, дак).

– Куда, дедушко, едёшь?

– Дак вот бабка умёрла, дак еду за плакушшым.

– Дак возьми меня.

А дедка ответаёт:

– А ты плакать умеёшь?

– Умею.

– А как? Как плакать-то будёшь?

*– Жила ба-абушка,
Пёкла ола-ашечки,
Тё-ёпленкие, сла-атенькие,
С ма-аслицом.*

– Садись на копыл.

Заец сел на копыл. Поехали. Едут дальше: идёт воук навстрету.

– Куда-а вы поехали?

– Да волк, вот бабушка умёрла, дак еду за плакушшым.

– Дак возьмите меня.

– А плакать умеёшь?

– Умею.

– А, ну-ко, как?

*– Жила ба-абушка,
Пёкла ола-ашечки,
Тё-ёпленкие, с ма-аслицём.*

– Садись на копыл.

И этова взяли в сани (в сани, а они на копыл говорят). Идёт медведь
[нав]стрету:

- Куда поехали?
- Да вот бабушка умерла, дак еду за плакушшым.
- Даκ возьмитё меня.
- А ты плакать не умеёшь.
- Умею.
- Ну даκ садись на копыл. Ну, как ты умеёшь плакать?
- То жо самое заплакал:

– Была ба-абушка.
Пёкла ола-ашечки.
Тё-ёплинькие.
С ма-аслицем.

– Садись!

Набрали. Хватит. Приехали домой. Дедко пошол выпрегать, лошадь
уберать, а волк и медведь пошли домой. Дедко приходит: уж бабушки
нету, они иё съели...

Вот и сказка вся. Ну, то, ребёнку, даκ.

5. Петушок

Жили-были дедушко и баушка в лесу, в глухом лесу. А, это, летом-
то не надо было петку топить, а надо было зимой, на[д]о за дровцам
ехать. Была у их куротка и петушок. И вот, эта [= курочка] сидели на
петке. Оне говрят:

«Петенька-петушок,
Золотой гребышок,
Маслена головушка,

Слушай-ко: ты караул, куротку не опускай, там Лиса Патракеевна
придёт и тибя омманит». «Нет, ко-ко-ко, ко-ко-ко», – куротка говрит,
што, дескать, не удёт, а петух нито не поёт. Только дедушко с бабушкой в
лис уехали за дровцам, ведь надо топить, лиса тут как тут под окошком.
Под окошко подошла и критыт:

*«Петенька-петушок,
 Золотой гребышок,
 Маслена головушка,
 тѣсана бородушка,
 Выглень-ко в окошечко,
 Вон, бара ехали,
 Горох просыпали,
 Дак иди-ко подбери, куроткам-то иное и не подобрать».*

Он пел, пел, куротка ево тыть! [что]: «Не ходи, не ходи». А он не послушал. Скок! С петки на ступенѣтку, со ступенѣткам на карзинку, с карзинки на полк – и на окошко, а окошко открыто. Она: цап-царап! и уташыла лиса за тѣмные леса, за высокие горы. Вот он крытыт:

*«Дедушко, бабушка (а дедушко в лесу),
 Спаситѣ меня,
 Поташыла лиса за тѣмные леса,
 За высокие горы».*

Дедушко как раз выехали на дорожку, услышали ейный голос. Вот дедушко бросил санотки, взял топор, крытыт лисе: «Лиса, бросай петушка, а то я меткий драгцы, махну и голову отрублю». Вот она бросила: кров тетот у нево. Вот оны взяли, на санотки положили, привезли домой, завязали ево. Домой пришли, петку натопили – день-два дома жили. Вот дровца все. Говорит [дедушка с бабушкой]: «Знаѣшь тово? Мы опять поедѣм в лес, не выглядывай в окошечко. Вот потому куротка умная: не выглядываѣт в окошко, а ты? Тибѣ на горох, тибѣ и на горошину, тебѣ, – говрит, – чуть не завязали».

Уехали дедушко с бабушкой, в этот раз уехали далѣко, дров-то [надо]. Не слышали, когда лиса [пришла]. Уехали – опять подходит лиса, опять подходит лиса, опять выманиваѣт:

*«Петенька-петушок,
 Золотой гребышок,
 Маслена головушка,
 Да выглень ты в окошечко-то».*

Он опят[ь] не слушаёт, опять *скокнул* – [лиса] *цапнула*. *Цапнула* и *уташишыла*. *Уташишыла*. Всё. Нету, нету, нету Петеньки, нету. Дедушко приехали, погледели: «Бабка, окошко открыто, *знатыт*, нету [петушка]». Дров привезли, опять, это, дровца сожгли, а куротке *скутно* одной, говорит: «Знаёшь што, дедушко? Поедём на базар, купим петушка *новенькова*». Купили петушка. Привезли, посадили, сидит. И наказали ёму хорошо. Вот, *знатыт*, дедушко и *говрит*: «Поехали». Приехали из леса, *знатыт*, это, сидят дома. Да, а лиса, лиса подошла, *критыт*:

*«Петенька-петушок,
Золотой гребышок,
Маслена головушка,
Чёсана бородушка.
Ты иди-ко, скоко гороху-ту!
Бара-то ехали,
Гороху-то насыпали,
Курам-то не подобрать».*

Она *тожо* врёт ему. Он [= петушок] *некак* [не выглядывает]. Поёт и поёт. Как *вниманея* не *обрашшает*. Вот приехали дедушко с бабушкой: петушок поёт и куротка рядом сидит, а лиса и сидит – *выманивает*. Дедушко оставил *санотки* там подальше, да *прошол* там дальше, взял ружьё (на стене висело), *обошол*, и эту застрелил *лиситку*. Застрелил, приходит: «Ну, молодцы, петушок и куротка, ну, молодцы! Бабке на шапку лису убили, и вы *сохранились*, и вас лиса не съела».

Вот и сказка вся, говорить нельзя. Конес сказке. Всё.

6. Котик да петушок

Котик да петушок были (вот эдак говорили, што котик да петушок). Петух сидел на пецке, они жили двоё. Котик ушёв дрова рубить, а петушка дома оставил, сказал: «Ты не выглядывай в окошко».

Пришла лиса, узнала, што котик ушёв, пришла и говорит:

*«Петушок, петушок,
Золотой гребешок,*

*Выглянь-кё в окошко,
Дам тебе горошка,
На красную ложку».*

Он как выглянул – лиса и унесла. Пришѐв котик: и петушка нету. Вот. Он рицал, петушок, котика рицал петушок:

*«Котя, котя, котя,
Унесла миня лиса
По тёмные леса,
По высокие горы».*

7. Про петуха

Это про петуха:

*Золотой гребешок,
Выгляни в окошечко,
Дам тебе горошечку.*

Петушок выглянул, а лисица ево: тят-тят, хап-хап! и поташшыла.

8. Про Полкана

Один охотник держал скотину: поросят, овец, корову, лошадь и хорошею собаку. Звали иѐ Полкан. Этот Полкан здорово на охоту шол, везде и всюду, не боялсы не волков, ницево. И ходил летом всё к дубу – дуб стоял на поле – к дубу ходил всё: там день жировал под солнышком в тени.

В это время шол мимо волк. Дело было летом. Слышит: пахнѐт собасиной. Подошол к дубу – Полкан стал, зубы оскалил тожо:

– Не подходи, волк, это моѐ место.

– Нет, – говрит, – Полкан, я пришол узнать, цево в деревне-то там делаетцы. Вот. Как живут люди-то?

– Живут хорошо. У меня у хозяина, дак, – он-то говрит, – свинья осупорилась, дак маленькие поросятка, жёлтенькие, такие красивые, хорошие.

Ой, Полкан, да как бы мне одново-то хоть бы тятнуть-то. А где оне стоят?

– Оне стоят во хлеве, во хлеве.

– А нельзя туды никак попасть?

– Ну, окошко ес[т]ь, понимаэш, дак нельзя. Если ты зайдёшь, да свинья заорёт, я долгон залаеть. А залаю, то от хозяина можно ждять и псхорюшева.

– Я приду ночью.

– Ну, приходи, только штобы тихо было. Если только завижжыт свинья, я залаю.

– Я сделаю, што свинья не будет вижжать, так подкрадуся.

Ну, Полкан этот, зносит, пришол домой, не ес[т], не пьёт, што: «Волк придёт сей вечер, мне штоб не прозевать». Вышел на крылецко, лёг. Хозяин тут вынес ему поести: «Ты што, Полкан? Заболел, ли што ли? Нецё в рот не берёшь». Он ласково поглядел на хозяина: «Што мне не до еды», – зносит. Хозяин ушол домой, легли спать. Волк прикатил, кругом хлева обошол. Полкан видит: волк к окошку подходит. Вот. Волк подошол, окошкецкё летом, дак не закрыто, но не пролезти всё-таки, мешаёт кой-где. Он нацел зубам отрывать. Тово, другова, зносит – пооборвал окошко. Только туды залез – о, как свинья заорала, поросятка заревели все, Полкан заорал, хозяин схватил ружьё и на улицу. Волк от в окошко-то рвётцы, рвётцы, понимаэш, только вырвалсы, хозяин, раз, – [выстрелил]. Да ёму в ногу в заднею [попал]. Вот.

Волк убежал к дубу туды, рану зализывает, ждёт Полкана. Полкан утром, зносит, [в]стал, хозяин покормил ево, погладил, што: «Молодец, всё-таки не прозевал». Вот этот наелсы, пошол к дубу. Идёт, волк сидит:

– Не подходи, Полкан, я тебя розорву. Вот. Ты жо говорил...

– Ак я не виноват. Ты, брат, сам виноват. Зацем рёв поднели такой? Вот.

– Я топерь с сёднешнова дня на тибя войной пойду, и больше нецево. Соберай армию и приходи на этот дуб. Вот. Через три дня будём воевать.

Ну, Полкан, знацит, тот повернулсы, домой прекатил. Горюёт, не ес[т], не пьёт – беда будёт. А волк там по лесу бегаёт, собирает армею. Бежит, понимаэш, идёт кабан: «Кабан, кабан, ты не придёшь ко мне на помош?

Я войну открыл на Полкана». – «С полным удовольствием», – этот кабан отвицаёт. Побежал дальше, бежит – бежит лиса настрёно: «Кума, кума, не придёшь ли мне на помозь? Я с Полканом войну объевил, дак он армею наберёт, а у меня-то вот и нету». – «С удовольствием, с удовольствием приду». В лес побежал – бежит медведь настрёно: «Михайло Потаповиц, выруцей!» – «В цём дело?» – «Дак вот я с Полканом воевать хоцо, знацит, дак мне на помозь ты». – «Рад старатьцы». – «Вот к дубу приходите все». Вот оне все к дубу собираютцы там.

А этот Полкан и не ес[т]. Хозяин тужит: «Што ты, Полканушко-ба-тюшко, хоть молоцка-то полаци». Ну, перед боём он молоцка полакал. В роте засохло, видно, дак полакал молоцка. А кот лёжал, всё глядел на ёво. Хозяин ушли на роботу, кот и спрашиваёт, Васька:

– Полкан, а ты цево, – говрит, – невесёлой такой?

– Ну, будёшь невесёлой. Завтра жо на войну, придётцы с волком идти воёвать. Он армею соберёт, а у меня нет никово.

– Хм, дак я первой к тебе пойду.

– Ну, вот спасибо, это.

– А, иди, – говрит, – к дяде Илье, гусь тамо, – говрит, – плаваёт. Позови – с удовольствием, не откажетцы.

Он туды к гусю: «Гусь, гусь, не поможёшь ли мне? Я с волком воевать хоцо, дак вот к дубу завтро пойдём войной». – «Рад старатса, рад старатса». «Топерь, – Васька-то сказал, – утку позови». Побежал к Дорбидону туды на пруду: «Утка, утка, не придёшь ли ко мне, я воевать с волком буду, дак на помозь». – «Так, так, так, так точно!» – «Ну, точно, дак точно!»

Утром всех сокопил, и покатили. Полкан идёт, Васька, гусь, утка. Гусь идёт и говорит: «Гу-гу-гу-гу-гу-гу-гу». А утка взаде: «Так-так-так-так». Волк и спрашиваёт: «Михайл Потапыць, ты, – говрит, – слышишь, – говрит, – цево это, – говрит?» – «А вот, – говрит, – цево: вон Полкан идёт, – говрит, – ведёт армею, и все штыки дёржат кверху» (у ката хвос кверху, у кобеля хвос кверху, у гуся кверху). «А взаде, – горыт, – идёт, – горыт, – патроны этот подносит, – говорыт, – дак: “Так-так-так, патронташ, патронташ». Ой, волк дрожжит, понимаэшь. Идут мимо. У ево расположон кабан на месте, лиса на другом, сам у дуба, а медведь на дубу. Вот кабану не терпитцы погледить нао, што за армия идёт у Полкана. В лому-то [= в мусоре] и нацал рылом копать: высунуть надо, погледить. А кот-от думал – мышь тута – как тяпнёт, да в оккурат ево котьям-то. Как этот орёт, да из этова [= лому] вон. А кот-от испугалсы, да на дуб. А мидведь

думал: это снаряд летит, оттуды с дуба торнулсы. Лиса эта, понимаэш, видит, што розбили этиф, выскоцила из-под ёлки-то, бежать, Полкан тянул за хвос[т], и хвос[т] оторвал у этой. Эта без хвоста убежала. Всеф розгонели, а волк, этот сам драла сделал.

Вот эти собрались туды: «Ну, Полкан, топерь армия наша розбила врага. Домой подём». – «Бладарю за службу!» – говорит Полкан. – «Рады старатцы, рады старатцы».

Там собрались мидвидь, волк, лиса, все: «Вот армия, дак армия была». А кобан горит: «Как миня, – горит, – снарядом бухнули, дак оба бока, знасит, оттяпнуты. Оба, – грит, – бока сразу прохватило, – говрит, – понимаэш». А лиса: «А под миня, – горит, – снаряд, – горит, – как токнулсы, дак хвос[т] оторвало, – горит, – а мине-то нецево, – горит, – не сделалось». А медвидь: «А я, – горит, – поглежу: летит снаряд и прямо на меня, – горит, – дак я уж не дожидалса, оттуда сразу хлопнулсы, ажно в лапаф треснуло, – горит». А волк: «Я вижу, што армия розбита, дак уж пришлось, граждане, убежать мине, спасатцы». Вот. Так и победили.

И с тех пор волк стал ходить к дубу, с Полканом дружить: «Давай дружить будём, не будём воёвать. Летом не будем нековды». Летом нельзя. Жарко. Если, да накусай, дак можот околеть животина. Вот оне и помирились. Волк летом собаку не трогал за это.

Ну, и вот и концились, победа осталась за Полканом.
(Эти сказки составляешь, и брешешь, и брешешь).

9. [Волк и козлята]

Она пошла в лес (за цем) коза-то? Кормиться пошла, молочкё штобы было. [Наказывает козлятам], што: «Неково не пускайте-то». А волк от выслушал, как она причитала. Он пришол, [запел]:

«Козля-ятушки-миля-ятушки».

– «Цюём, цюём, што не матушкин голосок», – [отвечают козлята]. Он [= волк] и ушол. Вот потом мать ушла, а он перековал езык, сходил в кузницу. Матка-то пришла, оне [= козлята] сказали, што приходил тот-то, она наказала, што не пускайте неково. [Коза споёт]:

*«Козлятушки, мои матушки,
Отворитесь, отпритесь,
Ваша мать идёт,
Молочка несёт,
Синця клочок
Под пазушкой,
Тварожку на рожку».*

Оне и откряютца. А потом волк-от их перепутал, перековал *язык*-от да и пришол: «Милятушки-козлятушки». Они и открялися. Ево пропустили, он всех [съел], *толькё* один осталсы не съедён.

(А потом вот как? Коза-то пришла, да один *толькё* спрятался, дак цё? У нас-то топерь уж робёнок, внук, рассказывает, што распоролa [брюхо], сошла [коза]. Волк-от наелся, козлят съел, да ушол в лес, да там храпит-спит, а коза-то распоролa брюшину да всех козлят выпустила, а каменьё набила, да опять зашила да. Ак вот это *нонешнё*, вот это. А прежде как вот я рассказывала, дак так *толькё*. Как рассказывала, дак так *толькё*. Попоёт, да и всё).

10. Козлятушки-милятушки

[Коза, уходя в лес, наказывала козлятам]: «*Тамо-тко* не отперайтё, я приду к вам, отперу и вам принесу поесть. Вот волк это услышел, из лесу пришол и говрит:

*«Козлятушки-милятушки,
Отперико-тё, отвориико-тё,
Я к вам, мама, пришла,
Молочка принесла,
Тварожку на рожку,
Молочка полно вымечкё,
Молочкё течёт по копытечкю».*

А козлятка и говорят: «Нет, это не мама пришла, это не *мамоськин* голосок», – *оне* не отперли.

Он сходил, перековал язык и опять идёт, опять поёт:

«Козлятушки-милятушки,
 Малы детушки,
 Отперико-тё,
 Отворико-тё,
 Я к вам, мама, пришла,
 Молочка принесла
 Полны титечки,
 Молочкё течёт по копытечкам».

– «Вот это мама пришла, мама». Они отперли – заходит волк – волк их всех съел, а один спрятался в печурочке. Пришла мама, погледела: никово нет, один толькоё остался. Он рассказал всё. Вот мать погоревала, погоревала козонька и на другоё утро испекла блинов, вышла на крылечкё и говорит:

«Кто в тёмном лесу живёт,
 Идите ко мне моих детушок поминать!»

Три раз сказала эдак вот – волк пришол. Она накалила клюшку: «Давай, – криг, – открывай рот, я тебе горячэй блин дам», – она и сунула клюшку ёму в рот, вот: «Высери моих детей, высери моих детей, высери моих детей!» Вот он всех вот и высрал детушок всяких. Сказка, дак сказка.

Всё, больше ницё нету. Они стали жить да поживать со своим опять детушкам, козлятка.

(От баушок тожо научилася).

11. Коза – оловянные глаза

Жила-была коза, оловянные глаза. У неё было семеро козлятков. Она всё им ходила на добыту, носила еду. Ну вот, уйдет, а они остаютцы д^ыома, [коза] подойдёт и запоёт:

«Уж вы детушки, каленетушки,
 Отперитесь, отшолкнитесь,
 Ваша мама пришла,
 Молотка вам принесла».

Они откроют ей, она их напоит, ну, молотком, и травки принесёт – она наедятцы. Она поиграёт (й)им, они попляшут: «Ну, детушки, я пошла опять вам добыты добывать».

Вот опять уйдёт, они опять дома одне остаютцы, опять там гуляёт, гуляёт, опять подойдёт, опять запоёт это, опять уж:

*«Уж вы детушки, каленетушки,
Отонритесь, отомкнитесь,
Ваша мама пришла,
Молотка вам принёсла».*

Вот они опять откроютцы всё, она их напоит, накормит, и всё. А однажды волку захотелось козляток поесть. Ну вот. Подошёл, за угол стал и слушает: как она поёт, как мать поёт ихняя песню. Ну вот, она ушла, немного [времени] прошло, подходит волк, и запел:

*«Уж вы детушки, каленетушки,
Отонритесь, отомкнитесь,
Ваша мама пришла,
Молотка вам принёсла».*

Они говорят: «Нет, это не мамин голос, это не мама, не мама!» Посмотрели в шшолку-то: это волк. «Это волк, серой волк. Серой волк, уходи, не пустим мы тебя, у нас мама есь!» Ну вот, только волк-то ушол, немного погодя мать опять и приходит, опять запела:

*«Уж вы детушки, каленетушки,
Отонритесь, отомкнитесь,
Ваша мама пришла,
Молотка вам принёсла».*

Ну вот, а волк-то за углом стоял и слушал, какой голос-то. Прибежал в кузницу к кузнецу и говорит: «Кузнец, кузнец, скуй мне тонкий, тонкий язык». Он горит: «Как я тебе скую?» – «Скуй!» – «Нет, не скую!» – «Нет, скуёшь, а не скуёшь, я тибя съем». Ну, кузнец ёму и сковал то-оненькой, то-оненькой голосок. Вот он подо-

шёл к углу, стоит за углом опять, вдруг мать идёт, запела песню:

*«Уж вы детушки, каленетушки,
Отопритесь, отомкнитесь,
Ваша мама пришла,
Молотка вам принёсла».*

Вот она открылася, они горят: «Мама, серый волк приходил, песню пел, токо грубый, грубый голос-то». – «Не открывайтёсь никогда, вы знаётё мой голос, никому не открывайтёсь». Ну, мать ушла, накормила их опять и ушла, прошло полтоса, волк подходит и з^апел:

*Уж вы детушки, каленетушки,
Отопритесь, отомкнитесь,
Ваша мама пришла,
Молотка вам принёсла.*

Они горят: «Нет, мама ишо не должна наша придти, не пустим». А один козлёнок горит: «Нет, мама, нет, мама», – и пошёл открывать. А оне спрятались: кто на петку, кто в петку, кто под кровать, кто под стол – кто куда. А один спряталса в трубу. Ну вот, волк их всеф съел и ушёл. Приходит мать: на крыльце кров[ь], везде кров[ь] и запригытала, заплакала:

*«Да уж вы детушки,
Да каленетушки,
Да отопритесь,
Да отомкнитесь,
Не остался ли из вас, хоть один жив?»*

Вдруг из трубы-то и криыт: «Мама, иди, я осталсы жив один». Вот он вышол из трубы, она затопила петку, нагрела воды, ево намыла (он весь в саже был), накормила, легли спать. Утром стали с им, пошли искать серова волка. Шли-шли, шли-шли, шли-шли – глубокая яма. В яме лёжит серой волк. Она смотрела, смотрела на волка, смотрела, смотрела – как прыгнула в эту яму! Волку как рогам розорвала пузо! Все ейны

козлятки вышли, она этиф козляток на берег всех вывела и сама вышла, а волк осталсы там в яме один, мёртвый. Вот идут домой обратно, поют п^нэсни, веселятцы – пришли, она опять им горит, предупреждает: «Вот я буду уходить вам на добыту, а вы никово больше не пускайте». – «Нет, мама, мы больше никово не пустим». И конец.

12. [Как волк детей съел]

(Сё и нам россказывали).

Была матка, и паренёк, и деушка. Вот. Матка грит: «Доценьки дорогие, я, – горит, – поду за молоцком, вы, – говорит, – никово не пускайте» (видно на лесу где-то жила, на краю ли где ли там, не знаю). «Никово на пустим, мамонья, неково». Пришол, милай, волкушко будьтоси: «Отперите мне, я, мамонья ваша, пришла». Да. А ён, волк, (й)их и съел (это в сказке, так лгут, можот быть). Матка приходит:

*«Де-етушки, ма-алые,
Отпери-ите мне,
Я вам молочкя-я принесла».*

Эдак [в]сё уговарваёт. А она открыла: их и живых нет. Вот.

13. Про козу

Коза родила вот детушок: серенькёй да, видно, беленькёй был (три, нашто, были-то у иё. Один остался в живых-то, а этих-то воук съеу).

«Никово не пускайтё», – пошла коза да наказывает детушкам. – «Ладно, никово не пустим». А потом затолкалась там:

*«Козля-тушки, миля-тушки,
Отпери-ко-тё (это матка идёт) отвори-ко-тё.
[Ваша матка идёт,
Молочкя несёт,
Творожку-у на рожку,*

*Синця под па-азушкой,
Налили-ись у меня
Полны ти-итецки,
Тецё-ёт молоко по копы-ытецкям]».*

Вот оне пропустили, *матка* их напоила, насосила и опять ушла, опять наказывает, што: «Не пускайтё никаково *воука*, не пускайтё». А *воук-от* вот *выслушел*, как она говорила, да и затолкался. Да. Они пропустили. Вот *сиренькёво* да и *биленькёво* и съеу *воук-от*. Вот и съили двух. *Матка* пришла, а тот-от спряталса *куды-то*, *третий-от*, толкалась, толкалась – и детушки не отперают. Ну вот, *воук-то* съел *детушок-то*, а она вот стала *пещку* топить, да стала кашу варить, ли *блины* *пещи*, ли *шаньги* ли – *цево-то* стала *стряпать*. [Позвала волка, говорит]: «*Высери сиренькёво* да *биленькёво*! *Высери сиренькёво* да *биленькёво*!» [Волк] *крякал*, *крякал*, да и *выкакал*, видно, *воук-то*. (Она ево *калёной* *клюшкой*, [*клюшку* в рот совала], што: «*Высерай* моих детей, *высерай* моих детей»).

14. [У козлюхи было семь козлят]

У *козлюхи-то* было семь *козлят*. Вот. Пошла она за молоком на рынок, а *козляткам-то* своим и наказывает: «Некуда не ходить, *никово* не слушаться, *неково* не пускать!». И сама ушла. А *волк-то* и подслушал. Подделался под голос *козы*, пришол к *козляткам* да и кричит:

*«Вы, козлятушки, вы, робятушки,
Отпритесь, отворитесь,
Ваша мать пришла,
Мо[л]очка принесла».*

Козлятка-то думали, это *матка ихняя*, и открыли, а перед ним... (Нет, сначала не открыли, *ишо* нет, сказали): «Нет, у нас у мамы не такой *голос*». И оне не открыли ему. Он опять *пошол*, подслушался как *коза* им поёт, опять *пришол* и давай по-козлиному, как *коза* им поёт, и опять:

*«Робя-тушки, отворитесь, отопритесь,
Ваша мать пришла, малачка принесла».*

Казлятки-то и открыли, вот. А он взял всех козлятков-то съел, а один-то козлёночек ма-аленький был, и спрятался в часики. Мать-то пришла, заплакала: «Ой, всех козлятушек у меня волк съел». А маленький выскочил из *чесов*, да и говорит: «Нет, мама, я остался, потому что я не хотел *никово* пускать, а как *пришол* волк, я в часики забрался». Вот мама ему и сказала: «Только ты у меня и молодец, а остальные вот маму не послушались, дак теперь волк их и съел».

Вот и сказке конец.

(Это, значит, говорим, што маленьким робяткам надо слушатса баушек да дедушек, и мам, да и пап).

Всё.

15. Липовая нога

Жив старик да старуха. Подошла осень. *Нады* дрова рубить. С хлебом убрались, картошку выкопали – всё сделали. Говорит старик:

– Старуха, я *топерь* буду ходить дрова рубить, времё.

– *Дедко*, пора. Пора *дедко* ходить дрова рубить, мужики уж, вон, ходят. Вот.

– Напеки блинов, с утра вставай раньше, блинов напеки.

– Напеку.

Встала старуха рано, блинов напекла. Поел старик и *ушов*. Сяла старуха, убралась, обрядилась, сидит у окошка на лавке – *предёт*. Погледела, так што *устрашилась*! Рано *ишо* и из лесу идти, старик идёт и *чево*-то несёт, ногу не ногу, не *знаёт* и *чево* несёт на плече.

Зашёв старик в избу и на пол бячь! мидвежьё ногу.

– *Чevo* ты, *дедко*, где ты это [в]зял?

– Поглед*и*-ко, старуха (она *ево* *дедком*, он *ие* старухой).

– *Човo* ты это принёс-то?

– Я у мидв*идя* ногу отрубил.

– Как ты ногу у мидв*идя* отрубил?

– Как. Мидв*идь* шёв, да *только* провалилсы в яму, в *яму*-те прова-

лилсы, а нога-то тут, я только взял да топором отрубилу. Отрубилу, да и пощёв.

– Придёт мидвидь, придёт.

– Не придёт: куды он с одной ногой.

Ладно. Давай дедко оснимывать ногу. «С утра вставай раньше, затоплей пещку, на коже будёшь сидить, шерсть остригли – будёшь присть, вари мяса больше. Наваришь мяса, я наемси и поду». Так и сделали. Мяса [много], старик ногу изрубил эту, оснимал. Вот. Старуха утром сяла рано-ранёхонько, печку истопила жарко, сидит. Прести сяла. Цюгуны поставила, мясо варитцы. Вдруг слышит: непомерный рёв рцёт. Идёт медвидь. Медвидь стал, выкарабкался, липу нашол, сломил себе, приделал клюку, эту, ногу какую-то сделал, што скрипит, а клюка липовая. Берёзовую сделал ногу. Вот. Идёт:

*«Ой, скурлы, скурлы, скурлы,
Я на липовой ноге,
На берёзовой клюке.
Все по сёлам спят,
По деревням спят.
Одна бабка не спит,
На моёй коже сидит,
Моё мясо варит,
Перева-аривает.
Мою шёрску предёт,
Перепрядывает».*

Да только што лазейку выломал да двери, в избу заходит да: «Хам, съем!» Старик испугалси, не знает, чово и делать – [медведь] всё ближе подвигает, к печке тут подвигаецы (это медвидь-то).

Старуха не будь глупа: выташшыла два цюгуна с кипетком и только мидвидю на глаза ковшиком [плеснула] (ковшик тут под руку ёй попав), вышпарила медвидю глаза. Мидвидь-то пал да заревел, а старик давай этова мидвидя хлестать по голове топором да всё – убили. Больше уж мидвидь не сел. Вот старик побежал по деревне:

– Мужики, пойдёмте мидвидя оснимывать, да мясо будём делить да варить.

- Какова медведя, ночью где взял?
- Подёмте ко мне.
- Где он есь-то?
- А у меня в избе.
- Как у тибя в избе?

Прибежали все люди. Верно: этот на липовой ноге, на берёзовой клюке. Липовая нога тут. Да, липовая нога, берёзовая клюка (нога-то, правда, вот). Значит, этот, медвид-от лёжит: [Мужики]: «Как? Цево?» – «Вот, как и цово, вот давай». А у иф уж; у иф пецка топитца, мясо варитца, ак. Медведя ошкурили, мяса старик всем дал, а это, которое варилося – у старика целое застольё, целая изба – праздник и пошел медведя исти. Вот так и было.

Я-то там и была, но мяса не ела, мяса мне не дали (это под конес). Ну вот.

16. [Про медведя]

Старуха сидит вецором, предёт, не у ково огонькоу нету, у одной у старухи огонёк. Идёт мидвидь по деревне:

*«Все в деревне спят,
Одна бабушка не спит,
На моёй коже сидит,
Мою шёрску предёт,
Моё мяско варит,
Я иё съем».*

Вот старуха сидит и слушает, слушает старик, старуха-то боитци. Вот прошол деревню, опеть обратно вернулси медвидь, опять:

*«Все в деревне спят,
Одна бабушка не спит,
На моёй коже сидит,
Мою шёрску предёт,
Моё мяско варит,
Я ие съем!»*

Подошёл, забраусы да съеу старуху-то. Съеу, вот и всё.
(Это тожо старынка. Вот какие старынки).

17. Скрипи-скрипи, нога

Мужик убил мидвидя, ну не убил, ногу оторвал. И пришол домой, принёс старухе ногу. Оне ошкурали эту ножку. Мидвидь-то не умер, сделал себе липовую ногу и пошол. Идёт по деревне, где дедко этот живёт. Вот пришол и говорит:

*«Скрипи-скрипи нога,
Скрипи липовая,
Все по сёлам спят,
По присёлам лёжат.
Одна бабушка не спит,
На моёй коже сидит,
Моё мяско варит,
Мою шёрстку предёт.
Приду да старую собаку съем!»*

(Не знай, чё-то ишо было, да где жо всё запомнишь).

18. [Как старуха медведя прогнала]

*«Ты скрипи, скрипи, нога,
Скрипи осиновая,
Скрипи липовая,
Берёзова, ольховая.
Я иду к старикам,
Студень хлебать.
Все по сёлам спят,
По деревням спят.
Одна баушка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шёрстку прядёт,*

*Не упрядывает,
 Моё мясо варит,
 Не уваривает,
 Моё сальцо топит,
 Не утапливает,
 Съем старуху и старика».*

В *избу* пришёу и сказал: «Съем старуху и старика». Эти сопрятались оба. Он пошёу в *избу* к печке, отворил *печкю*, старуха *ево*... старуха *ево* передристалала, с испугу она *ево*. Передристалала над им. Пошёу, заплевался, вот идёт ругаётца *медвидь*. А старик *дрожжыт* в еслях у коровы, это. Старуха вышла, *наздобилась* (это сказка) *наздобилась*: «Подём, старик, студень *исти*, я выставила из печки – *медвидь ушоу*».

Вот *медвидь ушоу*, да и *околел*, а старуха да старик стали *студень ести*.

Вот и всё. Всё, вся сказка. (Мама девчонкам плетёт, плетёт *тово боле*, они и уснут).

19. [Пошел охотник в лес да медведю ногу отрубил]

Пошел охотник в лес да медведю ногу-то отрубил (это я как внукам *россказывала*, дак так и вам расскажу). Медведь-то укувылял на трёх ногах, ногу-ту подобрал этот охотник да домой принёс. Вот бабушка эту *шорсточку* всю с ноги, это *самоё*, собрала да начала *прясть*, а медведь-то ночью пришол, да идёт по деревне и говорит:

*«Ты скрипи, скрипи, нога,
 Скрипи ли-иповая,
 Все в деревне спят,
 Одна баба не спит,
 На моёй ноге сидит,
 Мою шорску предёт,
 Моё мясо варит».*

(Ну, как это рассказывают это детушкам-то. А дальше, милая, вот и не знаю. Вся вот, и вся и сказка. Ребятам рассказывали, дак. «Скрипит нога» и всё).

20. [Скрипи, скрипи, нога]

(У нас тётка, дак мы кричим: «Боба, не надо страшную сказку» А она таким голосом [«страшным»]):

«Скрипи-и, скрипи, нога,
Скрипи ли-иповая,
Все по сё-ёлам спят,
По присё-ёлам лёжат,
Одна ба-абушка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шёрску предёт,
Моё мяско варит,
Я приду да иё съем.
Хам!
Съем, проглочу,
Да ищё захочу».

(Дак мы: «Не говори больше, боба, такую страшную сказку, не нада»).

21. [Скрипи, скрипи, нога]

Скрипи, скрипи нога,
Скрипи липовая.
Все по сёлам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит,
На моёй коже сидит,
Мою шёрску предёт,

Мою кошку грызёт,
Хам!
Съём.

(Липовая нога была у него, вот и: «Скрипи, скрипи нога», – видно, он хромаёт).

22. [Все по сёлам спят, по весёлым спят]

*«Все по сёлам спят,
По весёлым спят,
Одна баушка не спит,
На моёй ноге сидит,
Мою шёрску предёт,
Моё мяско варит,
Не доваривает.
Мою шёрску прядёт,
Не допрядывает.
Съём старуху».*

(Вот надо лёжиться спать: «Давай спи, лежись, спи». Эдак иноё: «Спи, давай, спи». – «Роскажи сказку». Вот и роскажу. И росказываю сказку).

23. Присказка

*Скрипи, нога, скрипи, липовая,
Я по сёлам шол, по присёлам шол,
Все люди спят (это ребятишок маленьких пугали),
Все люди спят,
Одна бабушка не спит,
На моёй коже сидит,
Мою шёрстку предёт,*

Моё мяско варит.

(Вот так набираёшь всячины. Это присказка такая).

24. [Скрипи, скрипи, нога]

*Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи липовая,
Все по сёлам спят,
По присёлкам спят,
Одна баушка не спит,
На моёй коже сидит,
Она шерску предёт,
Рукавицки плетёт.*

(Это с кожи-то с медведя или с волка. Это волк-то говорит).

25. Жил у дяденьки жилец

*«Жил у дяденьки жилец,
У ёво-то пять овец,
Сестой жеребец,
Была кошка-судомойка
Да собачья-пустолайка.
– Подай, старик, старуху!»*

(Это я внуку, ак внук-от научился, дак до чё смешно было всем). А старуху старик не отдаёт – отдал овцу. Потом опять этот жилец просит у ёво старуху. Старик старуху не отдал, отдал овцу первую. Вот опять он съел этот жилец со своим дитям и опят пришол:

*«Жил под кустиком жилец,
У ёво-то пять овец,*

*Сестой жеребец,
 Была кошка-судомойка
 Да собачья-пустолайка.*
 – Подай, старик, старуху!»

Старуха за козюхом спряталась. Вот так всех и роскидал. Вот опять:

*Жил под кустиком жилец
 У ёво-то пять овец,
 Сестой жеребец,
 Была кошка-судомойка
 Да собачья-пустолайка.*
 – Подай, старик, старуху!»

Он и третью овцу отдал. ([Неужели всю до конца, а?]) Он всех съел жилец, дак. Старуху пришлось отдать старику, всех съел тех, и за старухой пришол, потом и старика съел.

Всё. Этот жилец вот какой ловкой был.

26. [Жил тута жилец]

(Ак мы рассказывали, голос-то переменяваёшь... Вот я укладываю спать, и вот не спит, а мне надо побыстрее уйти, роботы-то ведь много было. Вот и начнёшь россказывать. Я и своим россказывала).

*«Жил тута жилец,
 У жильца-то пять овец,
 Шестой жеребец,
 Семая тялушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочка.
 Парнёк да деушка.*
 – Подай, старик, овцю!»

Старик подал овцу. Там прошло сколькоё времё, съел, снова идёт:

*«Жил тутa жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, овцу!»*

Вторую унёс, снова идёт:

*Жил тутa жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, овцу!»*

И третью овцу съел. Снова идёт:

*«Жил тутa жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, овцу!»*

И четвёртую подал, тожо съел.

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, овцю!»*

И пятую съел, снова идёт:

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, жеребца!»*

И жеребца унёс. Снова идет:

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик (кто у нас тут седьмой-то, седьмая – жеребушка)».*

Всё. И эту съел. Снова идёт (забываэтца, вэтъ всё):

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,*

*Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, телушку!»*

(Нет, жеребушку, восьмая-то жеребушка). Снова идёт:

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка».*

(Забыла, кто восмая-то. Да, жеребушка). Жеребушку унёс. Снова идёт:

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, петушка!»*

Петушка унёс.

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.*

Парнёк да деушка.
– Подай, старик, курочкю»

И курочкю съел!

*«Ой, жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, парнёка!»*

И парнёка съел.

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Подай, старик, деушку».*

И деушку отдал.

*«Жил тута жилец,
У жильца-то пять овец,
Шестой жеребец,
Семая тялушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка.
Парнёк да деушка.
– Топерь, старик, очередь твоя».*

Всё. Всех нарушил. (А про бабушку тут *ничо* не сказано, бабки нет, видно, не было. Видно, один старик *роботал*).

[В.: – Это кто съел?

О.: Ак, поди, медведь].

27. [Жил он тут жилец]

(А много знала сказок-то, знала уйму, а топерь ...)

Жил он тут жилец.
 У жильця пять овец,
 Шестой жеребец
 Семая тялушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочка,
 Парнёк да деушка. Вот.

– «Поддай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери *овцю*».
 Вот опять это:

Жил он тут жилец .
 У жильця пять овец,
 Шестой жеребец
 Семая тялушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочка,
 Парнёк да деушка.

– «Поддай, старик, старуху». – «Не подам старуху, бери *овцю*». (Ведь это долго, долго, веть, это всё *россказывать*).

Вот опять:

Жил он тут жилец.
 У жильця пять овец,

Шестой жеребец
 Семая тядушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочья,
 Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери овцю». Вот овцю опять взял. Идёт в четвёртой, али уже в пятой уж раз идёт. Опять это жо:

Жил он тут жилец.
 У жильця пять овец,
 Шестой жеребец
 Семая тядушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочья,
 Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери овцю». Опять овцю взял. И опять пошол:

Жил он тут жилец.
 У жильця пять овец,
 Шестой жеребец
 Семая тядушка,
 Восмая жеребушка,
 Петушок да курочья,
 Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери жеребця». Жеребця взял. Опять пришол:

Жил он тут жилец.
 У жильця пять овец,
 Шестой жеребец
 Семая тядушка,

Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери... (се-
мая-то тядушка?) бери тядушку». Тядушку взял. Опять идёт:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семя тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери... (восьмая,
жеребушка, наверно)». Ну, жеребушку и эту взял. Пошёл дальше:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семя тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери пету-
ха». Петушка взял, опять пришёл:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семя тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам тебе старуху, бери курицу». Курицу взял. Ишо пришол:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». (Вот, не знаю, сперва [в]зял девочку или мальчика, мальчик по порядку, ак мальчика, видно, взял). И опять пришол:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – «Не подам старуху». Ну, и девочку пришлось отдать. И опять пришол. Вот опять:

Жил он тут жилец.
У жильця пять овец,
Шестой жеребец
Семая тядушка,
Восмая жеребушка,
Петушок да курочка,
Парнёк да деушка.

– «Подай, старик, старуху». – Ну вот, старуху, пришлось, видно, отдать (уж я топерь позабыла. Или он старуху не взял, не могу сказать, забыла).

28. Как с лапоточком всё ходила старуха

Жила старуха одна (*тожо*, *можот*, как я) и пошла. Лапти, а эть раньше лапти, взяла лапотъ, и пошла. Вот в один дом пришла: «Пуститё ночевать». – «Да у нас семья большая» (раньше ведь у всех семьи были большие: по *тринадцеть*, по *петнадцеть* человек, дак). «Мне вот где-нибудь в уголку местикцо, у *меня* ничево нету, лапоток *толькё*». Ну, пустили. Утром стала и говорит (ну, *можот*, покормили, не знаю, а ведь раньше не люто кормили и всех, вот): «А у *меня* ведь не лапоток был, у *меня* курочка была-то». – «Да што ты, бабушка, как жо у тибя курочка была, у тибя лапоток». – «Не-ет, курочка, курочка у *меня* была, *подайтё мне* курочку, *подайтё!*» Ну, хозяйева курочку подали.

Пошла дальше, там в другую деревню, в другой деревне *тожо* эдак жо, што: «Пуститё ночёвать». Пустили. «Што мне, вот у *меня* курочку, дак на двор бы *мине ие*». Вот. Ну, *розрешили* хозяйева (вот, я бы, дура, дак *тожо*: «Идитё на двор ли куда ли, ставьте на дворе»). Утром [в]стала: «Нет, у *миня* не курочка была, у *меня* (вот забыла, *чово* сказала) овечка была. Спорили, спорили, ну, хозяйевам пришлось и овцю отдать. Потом в третью [деревню] пошла, в *третьей* сказала, што *тожо*, *ровнушко*, телёнка в *третей* деревне. Ну вот, так до коровы и дошла. Ну, веть это в сказке говорят, дак сказка.

29. [За лапоток – курочку]

Вот жили старик да со старушкой. Жили плохо *оне*, *ничё* у их не было, *взела* [старуха] лапоток, пошла по деревням. Пришла в одну деревню, *поздо* уж, *нао* спать *лечи*, вот она пришла:

– Пуститё начёвать.

– Начуй, бабушка, начуй.

Вот я взяла лапоточек и *говрю*: «Куда у *меня*, – *говрит*, – курочку поставить?» А мне и *говрят*: «Ставь к нашим-то курочкам, а завтра и возьмёшь». Ну, она лапоточек пехнула, утром встала, вот там *умылася*: «Ну, спасибо за начёвку. Где-то моя *ражоная* курочка?» Вместо лапотка-та курочку *зяла*, домой пошла. Вот пошла домой и *говрит*: «Вот, *дедко*, курочку *нажила*».

Ладно, *опеть* дня два прошло, надо опять *чё-то* идти, *менеть*. Вот

взяла эту курочку, пошла эту курочку до другой деревни, в другую деревню зашла и говорит:

– Ой, рожоны, пустьё ноче́вать.

– Начу́й, начу́й.

Вот оставила, значит: «Ой, не знай, куда мне маленькую короушку поставить?» Оне говрят: «Дак што это за короушка?» – «Да вот у меня в корзине». – «Дак неси во хлев-то, там у нас куроцки стоят, дак и твоя». Утром стала, говорит: «[Г]де моя милая короушка?» Хозяева заругали, што: «Нет, у тебя курочка была». А она говорит: «Нет, у мня короушка была». Все́-таки короушку да бабка отвоёвала, взяла короушку баушка, повела. Ведёт домой старику короушку. Вот они и стали жить да добро наживать.

(Вот нао как бы жить-то. А топерь всё надо много да богато, да хорошо – а вот как люди жили, с лапотоком ходили по деревни).

30. [Старушка с лапоточком]

Была-жила старушка. Одна-эдиная. Вот. Ходила, раньше этъ ходили собирали кусочки. Пошла сберать. Вот. Пошла, пошла – ничово и не было, лапотки одне (лапти-то знали, на ногах-то лапти-то?) Одне лапотки, надела и пошла. Пришла на начлег в деревенку: «Пустите-тко начевать». – «Иди, бабушка, начуй, начуй». – «Кута мне лапотки клась?» – «Ой, бабушка, вото с лапоткам-то». – «Нет, у меня лапотки сидят с курочкам». – «Ну, клади с курочкам». Она с курочкам и клала. Вот ночь начевала. Утром встаёт: «Где-то моя курочка?» – «Шо ты, бабка старая, у тибя ведь были лапотки». – «Нет, у миня была курочка. В суд пойду – высужу!» Ёй курочку и дали: «Уж, бери, старая».

Вот идёт и дальше до деревни. Шла-шла, шла-шла: опять дерёвня подходит. «Пустите-тко начевать». – «Начуй, бабушка, начуй». – «Кута мне курочка класть?» – «Клади, бабушка, вото, с курочкам». – «Нет, у мня сидит с гусяткам». – «Ну, клади с гусяткам». С гусяткам клала. Положила. Положила с гусяткам, утром стала. Ночевала, утром стаёт: «Где-то мой гусё-ёночок?» – «Што ты, старая карга, у тибя ведь был курочка». – «Нет, у мня был гусёночок. В суд поду – высужу!» Опять дали гуса.

Опеть пошла с гусёночком, повеласе до деревни. Велась, велась:

попадаёт деревнюшка. Опеть заходит: «Пустите-тко начевать». – «Начуй, начуй, бабушка». – «Куды-то мне гусёночка клась?» – «Клади, бабушка, с гусяткам». – «Нет, у меня сидит с нетёлочкам». – «Ну, клади к нетёлочкам». Утром стаёт: «Где-то моя тёлочок?» – «Што ты, старая, у тя ведь была гусёночок». – «Не-ет, у меня был телёночок, в суд поду – высужу!» Ну, опять телёнка и дали.

Шла, шла, шла – опять до деревни. Опять заходит в деревню: «Пустите-тко начевать». И вот ена опять пустили начевать. «Кута мне телёночка-то клась?» – «Клади, бабушка, вота, с телёнкам». – «Нет, у меня с лошадамк стоит». Ну, стоит с лошадамк – стави к лошадамк. Утром стаёт: «Где-то моя лошадка?» – «А, што ты, старая, у тебя ведь был телёнок». – «Нет, у меня была лошадка, в суд поду – высужу!» Лошадь дали старухе.

Лошадь дали, вот тут в деревне дроуни где-то нашла, хомут какой-та дали, поехала старуха в лес за дровам. Эдёт, да и приговаривает:

*«Шлю-юп, шлюпуюток,
Дарово-ой животок,
По ото-опочку – кура,
По куре-е-то – гуся,
По гусе-е-то – нетеля,
По нетеле – жеребья,
Поехала старуха в лес по дрова».*

Вот едёт и приговариват. Эхала, эхала – попадает настречу зайко: «Бабушка, меня подвези-ко». – «Садиси». Зайка посадила. Едёт. Потом ехала, ехала – попадает лисица: «Бабушка, подвези меня». – «Садиси». И эту посадила. Опеть едёт. Потом эхала, эхала – попал (волк, не волк) мидвидь: «Бабушка, подвези меня». – «Садиси». Вот сел медведь, и поехали. Поехали. Эхала, эхала, у бабы оглобля лопнула, у старухи. Оглобля лопнула: чё делать топерь? Старуха посылаёт зайка за оглоблей в лес. Зайко, чё, сбегал, дак экой прутьшок несёт маленькой, ну, чё с прутьшком сделаёшь? Ну, старуха заворцяла да лису посылаёт, лиса сбежала, подольше несёт – тоже не ладно. Послала мидведя. Мидведь вывёрнул ёлку с кореньём, тащцыт. «Ой! Куды с кореньём эдакая ёлка?

Оставайтесь у лошади, я пойду сама». Вот и пошла сама. Оставили у лошади всех. Пока старуха ходила, оглоблю искала, эту лошедь распроли, всё мясо съели, набили моху целую лошедь, постановили стояча, стояча постановили. Старуха идет, сами убежали, сами убежали, одну оставили лошедь, стоячи стоит. Старуха села на лошадь – оглоблю сделала – села на лошадь, погонялкой поркнёт – и лошадь пала! Лошадь съедена, одна кожа, дак. Вот и «шлюп-шлюпоток». Вот сказка-та.

31. Как веник, шило и мыло воровать пошли

Шило да мыло ходили воровать, да веник. Вот и говорит Шило: «Листу нет, дак я улез, дак, ишь, покажу токо» [где воровать]. А Веник: «Ты иди, а я зажужжу. А мыло, ак усколзнёт».

(Шило да мыло ходили воровать. Ну, веник, дак зашевелитцы – ущют, а шило воткнётцы, дак не уйти, а мыло, дак тожо...)

32. Сказка про муху

У мухи нету хвоста. Муха пошла к собаке, сказала: «Одай мне хвос». – А собака сказала, што: «Мине, видишь, самой нады: идёт хозяин на охоту, меня берёт с собой, я вперёд иду, хвостиком махаю, и он по мне, знаёшь, по мне идёт, по моим приметам». Ну, политела дальше, литит – настречу лиса. Лиса. «Лиса, лиса, одай мне хвос». – «Нет, не одам, мне самой нады. Там, дети за мной идут, я им хвостиком махаю, они по этому за мной бегут». Ну вот. Идёт, летит дальше муха – и этот, заец. «Зайчик, зайчик, одай мне своё беленький хвос». – «Нет, не одам я тебе хвостик, я охотника путаю этим хвостиком: тут помахаю, да там помахаю, и он, это самоё, обманываю, вобшом». Вот. Дальше литит. Литит дальше – стоит лошадь. Лошадь. Лошадь спит, она старая, глухая. «Лошедь, лошедь, одай мне твой хвос». Она сказала: «Нет, не одам, мне самой нужен». Ну вот. И не добилась ответа, для чеву нужен лошаде хвос, полетела дальше. Прилитела во двор – там корова стоит. (Она и говрит: «Корова, корова, одай мне свой хвос». – «Нет, не одам»).

Ой, корова жваку жуёт и ничово ей не отвечает. Лениво. Она опять. Она жужжяла да жужжяла – корове надоела – корова размахнулась, как дала её хвостом! Она упала прямо в навоз и ей не выбраться, на спине прилипли еённые крылышки, а корова и говорит: «Вот теперь узнала, зачем мне нужен хвост?»

33. Про белого бычка

Был колхоз. А там жил бычок, ево не залюбили, этова бычка. Ну, другие бычки не любят ево, и всё. «Я, – грит, – уйду». Пошол в город. Пошол – в Ленинград пришол. Ево там не берут. Он плачот идёт, никто не берёт ево. «Пойду в другой колхоз ишо» – и там не берут, никак не берут. «Пойду ишо на базар». Пришол на базар – и там не берут. Ну, што не берут, плачот бычок ходит: «Куды мне деватцы, не знаю? Пойду ишо на другой базар».

Пошол, и шол, и шол, и шол – устал и говорит: «Пойду ишо вот в свою-то сторонку, тут, – мол, – базар есть». Пришол на базар – ево тожо не берут. «Ну, топерь, – грит, – пойду домой». Домой пришол – ево дома взяли, и стал жить, и топерь живёт.

(Робятишкам россказывала, вот внучке. Вот такие были маленькие. Я сама выдумала – сама и говорю).

34. Дядя Вася

Вот дядя Вася сел в автобус, поехал от Луцково до Пленишника. Едёт, едёт – выбегаёт зайтык: «Дядя Вася, довези меня в Цереповец!» – «Садись!» Дядя Вася открывает: «Садитесь!» Едёт, едёт дядя Вася – выходит мишка-медведь: «Дя-дя Вася, посади меня в автобус!» – «Ну, садись, Мишэнка!» – «Погоди, я схожу за Анастасией Ивановной». Крыкнул: «Анастасия Ивановна, иди, поедём в город!» Дядя Вася их посадил – едут, едут – выбегают волки: «Дя-дя Вася, посади нас!» И волков посадит. Доезжает до деревни до Пленишника, дядя Вася и говорит: «А ну, запевайте все песни!» Вот все по-своему: волкушки завыли,

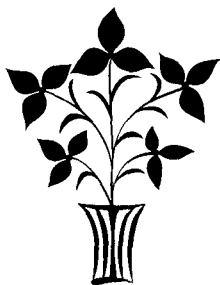
медведь заорал с Анастаси~~е~~ёй Ивановной, зайчики то~~ж~~о заревели. Вот ехали, ехали, в каждой деревне жо, тово много набрали, дядя Вася всё открывал двери – це-елой автобус. Едут по деревням, едут, все смотрят: «Да тово жо это дядя Вася везёт?» Дядя Вася открывает и говорит: «Повёз всех в Цереповец на базар».

35. Собирушка

Жили у дедушка с бабушкой Лёня, Даша маленькая, Даша большая, Ира, Серёжа и Лёша. Вот им захотелось в лес погулять сходить. Вот и спрашиваются у дедушка: «Дедушка и бабушка, пуститё нас в лес погулять». Вот оне отпускают, дают корзинку, по корзинке возмут: за ягодам, за грибам пошли. Идут – настречу им медведь попадаэтцы: «Куда пошли?» – «В лес за ягодам пошли». – «Возмите меня». Ну, берут, вроде. Эдак вот. Ну, потом попадаэтцы настречу волк: «Куда пошли, дети?» – «За грибам пошли, за ягодам пошли, дедушку с бабушкой ягодок надо принести, грибков надо принести». – «Возьмите меня». – «Возьмём». Идут вместе, волк и медведь. Идут дальше, а попадаётцы бык. Рогатый, большой, а у их ружьё взято, вот давай этова быка с ружьем. Бах! Выстрилили – и бык упал. Вот они, значит, и пробежали. Опять идут дальше – попадаётцы лиса настречу, лиса спрашивает: «Куда пошли?» – «В лес за грибкам, бабушке грибков в лес насбирать, ягодок насбирать». – «Возьмите меня, волка взяли, медведя взяли – меня возьмите». – «Подём». Всех заберают. Потом, значит, заец попадаётцы так же. Идут, идут: ага! зайчик бежит, прыгаэт: «Возьмите меня. Куда пошли?» – «В лес за ягодам, за грибам». – «Миня возьмёте?» – «Возьмём, значит». Зайчик так вместе идёт. (Собираём. Они [внуки] слушают, слушают. До чё дослушают и уснут все. Ёжика и всех насобираем). Вот несут много грибков, ягодок, радуются. «Дедушко, – кричат, – бабушка, ягодок несём, грибков несём, варенья наварим, грибов наварим, грибов на жарим».

(Это не сказки, это так собираём лес да огонь).

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

36. [Два брата-охотника]

Вот жили два брата, два брата родные. Один бо**х**атый, другой – бедной. У бедново было два мальчика, у бо**х**атова ничово не было. И вот о**н**е были охотники и ходили всё за охотой. Этот бедной брат пошоу, ходиу, ходиу, но охота ему неудачна вышла. И вот идёт – литит птица, сроду не видау. Вот он взял эту птицу убиу, принёс домой, положиу на стоу, приходит бо**х**атой брат и говорит: «Ну как, брат?» – «А сёдни ничово, охота у меня сёдни неудачна, – говрит, – вот птицю не видау сроду, дак убиу». – «Продай, – говрит, – мне иё». (Он-то знау, какая птиця. А брат-то этот бедной-то не знау, какая птица-та.) – «А чово, – грит, – а чё, – грит, – я буду продавать? На, так неси». Вот он принёс домой, жоне и говрит: «Эту птицю изжарь завтро. Лёхкоё, сердцо не вынимай и не выкидывай, всё, штоб была целиком. Я, – грит, – пойду за охотой, приду и ие скушаю». Вот. Он ушоу, а она эту птицю-то изжарила да выташшыла, на сошток положила, мальчики да пришли, да увидели это лёхкоё, сердцо, печень, да взяли и скушали, да и говрит: «Тётенька, чё-то у птици-то тут вкусноё было?». Она подошла: лёхкоё, сердцо здесь были, а ребята-то и скушали. Да она взела петуху голову отвернула, да это сердцо-то вынела – да птица, дак и положила. Он [= муж] пришол,

покушал это, лёх спать, назавтраё встаёт, подушку поднимает – никово нет. А у робят-то, птиця-то не простая была, у робят-то золотые [под подушкой], по десеть рублей золотые. У той мать и удивилась: «Цёт-то у робят денёг не было, а тут золотые по десеть рублей кажный день?» Посберала этих денег. И если бедные, молчали бы, обирали бы эти деньги, робята росли, деньги бы были. Ну, как оне глупые, дак глупые и будут, верно? Вот ёна сказала мужу: «Ты, – грит, – не знаешь, у нас робята деньги [приносят]». – «Какие деньги?» – «А вот – деньги, посмотри, [когда] робята выстанут, убежат». А под подушкой у одново золотая, и у другово, по десеть рублей. Ну вот. А он возьмет, да и скажет этому брату боһатому. А боһатой, знаёшь? Боһаче их будут, завидось брала у этиф. Раньше ить, были купси-то, так и тут. И вот он грит: «У вас, – грит, – это не робята, нечистая сила». Ну, он [= отец] и думал: «На самом деле: денег не было, вдруг поевились». «Вы, – грит, – их убейте, или што ли делайте тута». Он грит (восемь лет парню, семь и восемь лет парню, семь и восемь, погодки были): «Как мне? Убить, не убить», – росстроились мать с отцом. «Нет уж, – грит, – матка, убивать я иф не буду, а лучше я иф сведу в лес, ежели они заблудятцы, пусть уж, ежли пропадут, только уж не моим рукам, пропадут, дак». А робята с батьком пойдут в лес. Оделись, уж побежали. Вот оне шли, шли: то заец выскоцит, то белка пробижит, то птиця пролетит, а оне всё бегут, бегут. Робята, дак они скорее бегут. Бежали, бежали, отец вернувся домой, они уже убежали. Ну, вот пришол, плачот дома, жалко робят, и мать плачот, и он. Ницо не говорят, виду не показывают, а самим-то жалко, такие робята уж были.

А они бежали, бежали. В три-то дня, бох знаёт, куда убежали. Идэт охотник, увидал, што такие два мальчика большие, видит уж, што уж мальчуганы. Подходит, грит: «Дети, вы откуда?» – «А вот оттуда». – «Кушать хочите?» – «Да, – говрит, – хочим». Накормил кушать и повёл домой. «Вы, – грит, – далёко убижали, в три дня вы далёко убежали с дому-то». Дом-то он знаёт, как они сказали. И вот грит, он привёл, грит: «Вот – грит, – жона, не было робят у нас, ак Бог дал двуф». Стали рогтить. А он по костюму, по ружью [купил]. Такие робята, такие робята стали, што охота [удачная], дак не знай!

Вот они жили, уж восемнацеть годов сполнилось им. Он и говрит:

«Знаетё, робята, вы топерь большие у меня и, – говорит, – женитесь, а у нас один дом, надо, – говорит, – нам второй дом сделать». – «Нет, – говорит, – спасибо за то, што вы нас выростили, доростили, нам топерь восемнацеть лет. А нам, – grit, – дома не нады, у нас, – grit, – ишо папа, мама есь, надо их, – grit, – нам найти. А вы, – grit, – не беспокойтесь». Эта-то заплакала, жалко, денежные робята, деньги-то у иф всё равно идут, некуда не деваются. И вот говорит: «Ты, – говорит, – не беспокойси, не плачь, мы, – grit, – когда будём, когда вы будите старые, мы вас не забудём, всё равно мы за вам приедём, некак, – grit, – вас не бросим».

Вот провадиу он иф, всё отдал: ружьё, тинжалы, ножи – всё им отдал, и костюмы – провадил. Роспростились, пошли. Идут дорогой: лес большой, тёмной такой. Вот они уже кушать захотели. А кушать-то у их нечё, они уже съели. Бежит заяц, они хотели зайца убить, а он человеческим голосом: «Нет, – grit, – милые братья, не бейте меня, я за sibя выкуп отдам», – двух зайчонков выбросил, а оне взаде за им идут. Идут, идут – бежит лисица, оне, было, и лисицю хотели убить, а она тожо человеческим голосом: «Не бейте, милые братья, я за sibя выкуп отдам», – и та выбросила. Дальше идут – и бежит волчиха, и волчиху ладили. Та тоже: «Нет, милые братья, не бейте меня, я за sibя выкуп отдам», – та двух волчонков выбросила. У их охота-то топерь пополам идёт взаде. Вдруг Машка бежит. «Давай, медведица-то хлопнем, экая мяхкая», – говорит. – «Нет, милые братья, не бейте», – та выбросила двух медвежонков. Дальше идут – бежит львиха. «А, давай, львиху-то убьём», – чо кушать хотят, дак. А она и grit: «Нет, – говорит, – милые братья, не бейте», – и она двух львёнков выкинула.

Вот они идут, шли, шли, попали на кресты, установились на эти кресты и говрят: «А чё по одной мы дороги пойдём, давай, – grit, – розойдёмси. Воткнём тинжал, если низ заржавеет (этот восемь лет которому было, а уж топерь восемнацет, да восем всё говоритцы), а если верх заржавеет – меня не будет (этова семигодовава)». Этот пошоу прямо, семигодовой, а этот, восьмигодовой, пошоу по левой дороге. Идёт, заходит в город, и весь город чёрным бархатом обит, и весь такой траур! Зходит в о[д]ну гостиницу, заказывает чейку, вызывает хозяина гостиницы и спрашивает: «Почому жо у вас город такой печальнёй?» – А

оне и говрят: «Да вот, – грит, – сѣднешной день, – грит, – сарскую дочку змей на сьиденьѣ, двенацетиглавый змей вызывает. Вот иѣ севодни повезут в такую-ту часовню». Ну, он только поеу, чаю попиу, десеть рублей положу. Он [= хозяин] грит: «Што вы?» – «А я вперѣд, моэт, приду к вам». И сам пошоу. Приходит в эту часовню, сеу, ждѣт. А кода ие повезли, один слуга нашовси, а она-то не знала, што слуга, а царю жалко дочери, а слугу-то ведь не жалко. А тот и говрит: «Я топор возьму, да, можот, топором убью». (Змея-то топором убѣешь, выдумау!) Ну вот, и привезли иѣ, она как заходит в часовню, а он [= старший брат] сидит, а она прямо вся ростерялась, што думает, тут змей. А он грит: «Не росстраивайси, – грит, – это ваш спаситель». Вот тут она ишо к ёму подбежала ближо. «А, посиди, – грит, – твоѣво врага убью, и тогда и ты вся моя будешь». Ну, вот хорошо, уселись. В двенацетъ, этиф, часоу летит двенацетиглавой змей, он вышоу да мечом как дау ёму, и все двенацетъ голоу отрубил. Пол-языка отрезау, в носовый платок завернул эти [= языки], што это он убиу, а эта, девка, подарила фсѣ золотоѣ ожерельѣ ево охоте. Охоту пополам роздилили, половина с тем [= братом], половина с этим. Ну, вот посидели тут, времѣ-то уж много, а он на свою охоту надеялсы. Чо, охота такая, дак этъ не выдас. «А, што, – грит, – домой подѣм или отдохнѣм?» – она-та. «А давай, – грит, – отдохнѣм, охота караулить буэт». А оне уснули, оне [= охота] уснули, на зайча свалили, заес утром уснул, и сѣ. А слуга вышов да отрубил голову ёму. Еѣ за ноги отшолкнул, выгашшыл за ноги вот так, и говорит [царевне]: «Говори, и тибѣ голову отрублю». А она видит, што у этова уже головы нет, и он [= слуга здесь]. Она и сказала: «Скажу, – грит, – не руби головы». Всѣ-таки молодая, жить надо. Пошли.

А провинились охота-то, нету хозяина-то, голова-то отрублена, вот се и друг на дружку и на зайса. Заес: «Не бейте меня, я знаю молодой и живой корень в таком-то море есь, я, – грит, – туда побегу, а вы, – грит, – караульте, шобы глаз не выкололи у хозяина, дежурьте день и ночь». Побѣжал с горы на гору, с горы на гору заес – побегал к морю. А морѣ только забушевало, как выбросит корень-то! Ак ёво-то чуть не захлопнуло, ак он, ишь, прыткой, дак подскочиу, корень схватил, побежау. Прибежау, лѣв-зверь схватиу, да не ланно, потом снова, – хозяина оживили корнем-то этим. Корень-то осталоь, и он видит, што

не ланно, этот парень-то, *взяу* этова корня, да и в карман положиу себе, и вот пришёу в этот [= город] опять, в гостиницу. Тут уж сё красной, флаги и сё – весь город весёлой. Он опять этова подзывает в гостинице и спрашивает: «Почому, – говорит, – у вас севодни город-то весёлой такой?» – «А вот потому, – grit, – што ты раз *быу*, дак траур справляли, а сечас, – grit, – свадьба идёт. Вот слуга один нашоуси, спас ие, дак вот, – grit, – сёдни свадьба». Ну, хорошо. Надо ёму попась на свадьбу-то, девки-то не надо отдать кому-то не следуёт, он и grit: «Вы знаете што, а у нас, – grit, – *сарскоё* на столе будет». – «Ну, как? *Сарскова* у нас на столе не должно быть». – «А будёт», – говорит. Письмо написал, *зайса* послал: «Иди, – grit, – палаты се открыты, бежи, – grit, – снеси ёй письмо». Вот *заес* тут и сбегал, снёс: «Ваш спаситель *послал* письмо». Она [= царевна] как взяла, как узнала, што он живой уже тут. Вот она и повеселела, ей не охота за этова за слугу *взамуж* выходить. А он потом *взяу*, да и говорит: «*Лисиця*, иди-ко принеси нам печенья всякова хорошова». Та принесла платок *шолковой* целой, эта приказала, што: «Вот *завежите*». А *чово*, печенье одно приносили. «А, я волчиху пошлю, принесёт вина всякие графины». Ну, вот говорит: «*Сарскоё* на столе?» – «*Сарскоё*, вижу сам». И та *принёсла* всякова, grit, вина-то всякова. А вино с печеньём не идёт. «А пошлём, этова, – говорит, – *мидвидиху*, лак та принесёт закуски-то сразу». Ну, вот та сбежала, *тожо* приташшыла, целую принесла, это, закуски уж всякой разной, разной надавали. А и мёд, мёд там есть *ишо*. «А мишку мёд пошлём [принести], мишка *худова* мёду не возьмёт, не пододёт там к первому сорту, не к последнему, не думай». А, это принесли ёму [= медведю] *последнева* [сорта меда], ак он и не подошол близко к бочке, ко второму подвели, ак она ноготок маленько лизнула, а как к первому, ак целую лапу – мишка мёд любит, ак. «*Кладитё* два ведра», – говорит. Два *ведра* наложили, принёс два ведра мёду. «Ну вот, – grit, – сё». Но не у *саря* на свадьбе. «Подём, – grit, – к царю на свадьбу»...

Пришли, уж се палаты открыты, уж сё гулянка идёт вовсю. И вот. А он хотел за *поселний* стол их посадить, а ёна сразу ёво узнала, как зашли, она сразу ёво узнала, хоть не много *видяла*. «А, нет, – говорит, – папа, вы этих гостей за мой *лишной* стол садите». Вот посадили. По стакану вина сарь *налил*, подносит, говорит: «*Выпейте*, – говорит, – *проздравьтё*»

молодыф мойф». А ён говрит: «Да. Стокан я вина выпью, но молодых ваших не проздравлю». А он, сарь, в дыбы: «Што такое?» – «Нет, – говрит, – все проздравляли» – А он: «Нет, потому што ваши, – говрит, – молодые непраильнэ сидят». «А, – говрит, – кто?» – А дочка и говрит: «Папа, не спорь, не спорь!» – «А посмотри-ко, – говрит, – ожорельё на моёй охоте чьё, не твоёй дочки?» – Он говрит: «Моёй». А он вынимаёт носовой платок – там все эти езыки. «Вот кто, – говрит, – убиу-то, этот у тебя убиу? Езыки-то, двенадцеть езыкоу, пол-езыкоу-то он принёс? И вот, – грит, – именной носовой платок». Всё показал. Она говрит: «Папа, ты не спорь, выводите этова к расстрелу». Он сразу жониха к росстрелу. Росстреляли. И вот пошла свадьба с ним. И вот как свадьба гуляла! Ну, весёлая была! Жених полюбе, ак.

Он [= жених] охотой заражён был с детства. И вот ёму охотой и хотелось, а сарь и говрит: «Пешком не ходи, возьми, – грит, – коня и поезжай на коне». Вот он поехау. Выехау, не успеу выехать за город, неоткуль взялась олень, так гнала до вечора до самова, тёмно стало, ехать некуда – нао ночовать. Вот, он тут остановиуси начовать. Конь, привязу коня, охота ся легла, сам огня наделал. Только огонь наделал и: «Ох, я озябла! Ох, я озябла!» – старуха. – «Слезай!» – «А я охоты боюсь, – прут даёт, – вот, на прут, и гони». А не додул, дурак, ничово, взяу прут, хлеснув: конь – камнём, охота вся камнём, и сам – камнём. Вот сё. Жди невеста, жених камнём лежит. И вот этот семигодовой вернувси. Вернувси. Охота-то такая, на лицо такой, не росстилишь, оба были как один. Вот. Вот подошоу он к этой [= к крестам], нож вытащиу, тинжал уже заржавеу. Говорит: «Неужели жо моёво брата живова нет, поду и я». Вот, приходит туды, там кричат: «Стричайте, с охоты зять идёт». Уехау на коне, идёт пешком. Она подходит и не узнаёт. И говрит: «А где жо, – говрит, – охота твоя, где жо ожерельё?» А ожерелья нет у ёво. А говрит: «По лёсу бегала, дак ожерелья потеряла». Ишь, брат-то догодауси, што он на сарской дочке жениуси, парень-от. – «А, где жо конь?» – «Конь зверя испугауся, убежал, и пришлось пешком идти». Ну вот она стретила за мужа, и вот привела ёна домой ёво, ну, тут и поужинали. Спать... А он нет, не тут-то было... – «А нет, – грит, – я утомиуси (жена-те брата), я утомиусе, ничо не могу». Ну, она и поверила, што раз за охотой ездил, дак. Легли спать, проспали так, утром выстали,

а он grit: «Всё-таки миня заинтересовала охота». Иму надо брата найти, да и пули-то не было, ничово у него [не было], ничово стрелять-то. Вот он и поехау. А, сарь и говрит: «Ну, конь пропау, дак конь есь, выведитё коня, пусь он едёт». И другова, другова коня вывели. Он на другом коне поехау, поехау, а веть этот поехау-то, не тот [= брат]. Выехау – ниоткуль олень. И вот она догнала до *само*во брата, ну он остановиуси тут, што: «*На*о мне остановить». Лошедь привязау, охота лёгла, и сам [лёг], огня наделау. Только огня наделау, эта [= старуха] опять: «Ох, я озябла, ох». – «Слезай, – говорит, – ведьма старая». – «Я охоты боюсь». – «Охота тибя не тронёт». – «Ты даёшь клятву?» – «Даю клятву, чтё я *тя* не трону, я тибе клятву даю, чтё я не трону, но слезай». – Не слэзает. Тот говрит: «Слэзай». – «На, возьми прут». – «Не возьму прута и нечово, слезай, как хочошь, а нет, дак не даю клятву, а как вот...» А пули-то не было, *взя* да у штаноу да у кальсоноу (чё у него было-то) *менная* пуговця, он занаредил, если случайно, он знает. – «Давай, – grit, – прут, если, ты врёшь, всё равно охота тибя... Я прута не буду [брать], ты врёшь, ты омманываёшь миня, я прута не буду [брать], а оживи моёво брата». Ну [старуха] видит, што делать-то нечо. «Если не оживишь, сечас, – grit, – пулю спущу». Ну ей делать неча: «Нет, – grit, – на, делай сам!» – «Нет, не буду!» Потом она сама *кок*нула, и брат *скочил*, конь *скочил*, охота ся *скочила*, *росцоло*вались брат с братом и говорит: «Што будём делать с ёй?» – «А што, – говрит, – я, клятву сибе дал, што я ие не буду бить, а охоте я клятвы не давау». И вот приказали, ак на *меу*кие части *розор*вави, а такая охота, дак. И *мид*ведь, здесь, и лёв-зверь да – и се, дак. Сю *разор*вали эту. А была это змея-мать, вот она и вредила им. Ну вот они сели, *цейку* согрели, он [= младший брат] и говрит им, што вот та [= царевна] встретила за мужа, он [= старший брат], раз!, да ёму голову. Раз! Мечом *отруб*иу брату-го. *Отруб*иу, схватиуси и говрит: «Щё я сделал, дурак я, щё я сделал. И брат мене жо *выруч*иу, и я брата *уб*иу». И *вспом*ниу, што у *ево* в кармане [живой корень], *ишо* было у ёво в кармане, *ожи*виу брата-та. Да и говрит: «Прости меня, дурака». – «А ничово, живой остался». Сё. Попили чаю – поехали. Вот едут: один со стороны, другой с другой: «Ужо *ед*ём се *месте*, *узна*ёт ли она?» – Где узнать, эть одинаковы были, хоть тот, хоть другой. *Тольк*ё тот постарше ить *на* год, ак *на* год *нич*о. Вот едут, там *сарю* вести доносят: «С охоты

сарь едёт!» С другой стороны: «С охоты сарь едёт!» – «Да чтё это? Один ухау – тут два». И съехались в место, и охота ся смешалась. Вот едут, она стречает, а муж-то и говрит: «Ну што, узнала, которой твой муж?» – «Нет. Ковда охота розойдётся, товда токо узнаю, а так не знаю, который, не знаю». Ну он приказал розойтись охоте, охота эта с ожерельём к этому, а без ожерелья... Тогда узнала. «Это мой, – грит, – родной брат».

И вот тут гуляли, целую неделю гуляли. Отец-то и грит, царь-то и грит: «Женили, – грит, – брата и женим тебя, найдём нивесту». Он [= младший брат] грит: «Нет, жонили брата и советую жить, – грит, – а у мя, – грит, – двои ишо родители есь. Мне, – горит, – надо ишо ехать родителей розыскать». И вот он поехау, приехау деревню, заходит в избу к матере, она уж старенькая стала, на печке лёжит, он заходит да говрит: «Здрастуй, мама!» – Она оттуда, как клубок, чуть не упала, он не подфатиф. «Мы, – говрит, – живые. Мама, брат мой жениусе на сарской дочке, а я приехау вас до смерти докормить». И в то времё-то сделалось, как у нас, советская влась, советкоё и там, верно. Коухоз, и вот ёво посадили предчатёвем. Ну, он дяде жизни и дау уж за эти вешы! Ну, а этиф родителей туды до смерти докормиу, съездиу за тем [= родителями], выстроиу хороший дом, жониуси на простой деревеньскёй деушке и всеф родителей докормиу. «И не спорьте, и не вздорьте», – грит.

Вот я там била, мёд-пиво пила, но в рот не попало. Сказка ся, врать незя.

37. Сказки про храброго солдата Портупея и исчезнувшую царевну

Жили в одном государстве государь с государыней. Жили они дружно, правили справедливо, но не было у них детей. Годы проходят, и старость не далеко, а детей всё нет. Некому передать наследство, некому после них будет править государством. Пошли государь с государыней на богомолье, просить Бога, чтобы дал он им наследника. Бог ли помог, так ли случилось, но только государыня через год родила.

Но не мальчика-наследника родила, а девочку.

Не было в этом государстве такого порядка, чтобы наследницей престола становилась женщина. Но государь слыхом слыхивал и в книжках читал, что в других государствах и женщины правят государствами. Примирились государь с государыней со своей судьбой, решили сделать дочь наследницей престола, только перед этим узнать её будущую судьбу.

Пошел царь для этого к волхвам. Долго ходил от одного волхва к другому. Никто не взялся предсказать судьбу царской дочери, наконец, царь всё-таки нашел старца, который сказал, что предскажет судьбу девочки, только пусть девочку ему покажут и пусть государь не прогневется, если предсказание будет нехорошее. Государь обещал спокойно выслушать любой приговор и приказал принести девочку. Посмотрел старец девочку и говорит: «Не прогневишься, государь, если не все будет по душе, что я скажу, но правды от тебя не утаю. Будет твоя дочь писаной красавицей. Много ей придется претерпеть горя. Много горя люди примут и от неё. Многие люди из-за неё погибнут. А тебя, государь, она ещё при жизни лишит престола, потом посадит в тюрьму и заморит там».

Задумался государь, жалко лишать жизни родную дочь, а и жить оставлять после такого предсказания опасно. Стал совет держать с государыней, и порешили они так: воспитают дочь так, чтобы она никогда не узнала ничего земного, тогда не захочется ей на царство, не причинит она беды родному отцу. Расскажет ей отец о земных делах только тогда, когда будет умирать. Тогда уже ему будет ничего не страшно, а какое зло принесет его дочь другим людям, государю до этого было мало дела.

Построил государь для дочери большой подземный дворец, и цветочков приказал туда посадить, и разных зверюшек для потехи дочери завести, и мамок, няnek к дочери приставить. Только мамкам и нянькам было настрого наказано, ни слова не говорить царевне о земле, о власти, о царях. Кроме няnek и мамок, только отец с матерью и ходили к царевне. Да ходили-то только в простой одежде и никогда не говорили, что они царь и царица. Царевна и не спрашивала, потому что и о царях она ничего не знала.

Няньки и маки строго несли свою службу и не разу ни о чем

не проговорились. Но однажды неосторожная нянька принесла в подземный дворец книгу. Принесла ее для себя, тихонько читала в своей комнате, да забыла взять с собой или прибрать, когда пошла на землю. Царевна могла заходить в любую комнату дворца в любое время. Вот она и зашла в эту комнату и увидела книгу. Царь давно уже приказал выучить царевну грамоте, только книги о земных делах не давать. И вот теперь царевна держала в руках такую книгу, какой она еще не видела. В этой книге было рассказано все: и о солнышке, и о разных землях и морях, о прекрасных девицах и красивых молодца, о любви, о счастье, о свадьбе, о детях.

Рассказано было в этой книге и о славе, о почете, о богатстве, о власти, о царях и правителях. Большая это была и интересная книга, а все-таки плохая. Больно уж много в ней говорилось о богатстве и о власти. Особенно, о власти. Выходило по этой книге, что власть так сладка, что ради её люди ведут войны, убивают друг друга, сыновья и дочери убивают своих отцов и матерей, отцы сажают в подземелья сыновей и дочерей.

Прочитала царевна эту большую книгу. Не всё в ней поняла, но поняла то, что она живет не на земле, что от нее что-то скрывают. Страшно захотелось царевне на землю к людям. И как только пришел отец, она стала просить его показать ей землю и людей. Понял царь, что царевна многое узнала, дознался и о том, откуда царевне стало известно о земных людях, только виновницы, забывшей книгу, он так и не нашел. Долго упорствовал царь, долго не хотел вывести царевну на дневной свет. Наконец, сдался.

Вышла царевна на землю, стала жить в царском дворце, гулять по царским садам. Дальше царских садов никуда не отпускали царевну. Таков был приказ государя. И все же царевне удалось однажды обмануть своих няnek и слуг и уйти далеко-далеко от дворца.

Шла, шла царевна и вышла на берег моря. А по морю шёл корабль. Вот корабль пристает к берегу, и выходят из него на берег моряки: один красивее другого. Заводят моряки речи с царевной, приглашают её в гости на корабль. Не спокойно море, волны плещутся через трап, но царевна не боится, смело поднимается по трапу на корабль. Только она ступила на палубу корабля, матросы по знаку капитана убрали трап,

подняли паруса, и корабль пошел в море. Поняла царица, что попала в ловушку, но было уже поздно. Как она не плакала, как не просила капитана вернуть её на землю, тот был неумолим. Так и исчезла царица неизвестно куда.

Об исчезновении царицы доложили государю. Долго гневался государь, жестоко были наказаны многие слуги. Начали сбываться предсказания старца о том, что много людей пострадает из-за красавицы-царицы. Коротко или долго ли лютовал царь, но надо было разыскивать дочь.

Государь решил обратиться к солдатам, где, как не среди солдат найдёшь больше всего храбрых и дошлых людей. Служил в государственной армии солдат Портупей, неизвестного рода-племени крестьянский сын. Служба у солдата идет хорошо, начальство им довольно, и он не на что не жалуется. Красив и статен Портупей, молод, весел и за словом в карман не лезет. Ночь. Лежит Портупей на своей солдатской кровати. Все товарищи давно уже спят богатырским сном, а ему что-то не спится. Лежит Портупей, думает свои солдатские думы и вдруг видит в казарме за печкой огненный столб. «Пожар», – думает Портупей, и хочет будить товарищей, поднимает тревогу. Но вот из огненного столба выходит женщина и говорит: «Не бойся, Портупей, не поднимай тревогу, а лучше выслушай меня. Весь я свет обошла, а лучше тебя не нашла. И решила я тебе счастье сделать. Быть тебе мужем потерявшейся царской дочери. Слушайся только моих советов. Не усypай ты в эту ночь, а вычисти свою амуницию и ружье, оденься и жди тревоги. А как будет тревога, беги сразу на плац и становись на своё место на правом фланге. Никого не жди, сразу становись, стой как будто ты на параде. Дам я тебе чудесный камешек-талисман, имеет он чудесную силу, но пользуйся им только в крайнем случае». Проговорила эти слова женщина, передала Портупею талисман, и потом исчезла, с нею и огненный столб.

Не в манере Портупея было долго рассуждать. Мигом соскочил с солдатской кровати, всё начистил, тихонько оделся и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Ещё и заря не показалась, как неистово стали бить тревогу. И минуты не дал царь на сборы. Сам вышел на плац и потребовал, чтобы солдаты немедленно выстроились. Смешной это

был строй: кто надернул сапоги да забыл про брюки, и стоял в одних подштанниках, кто одел солдатские штаны да не успел сапоги одеть, кто с ружьем, кто без ружья. «Какое же это войско!» – гневно говорит царь, – «Коли не можете, по моему царскому приказу, в одну минуту построиться. Хотел найти среди вас расторопных и храбрых, дать им важное дело, да вижу, нет таких в моем войске». Но тут царь бросил взгляд на правый фланг и видит – стоит там ражий молодец в полной форме, пуговицы поблескивают, сапоги начищены, в исправности ружье и штык к нему привинчен.

Подходит к нему царь. «А кто такой, солдат? Как тебя зовут? Какой роты?» Без запинки отвечает солдат: «Я солдат такой-то роты Портупей». – «Возьмешься ли ты, солдат Портупей, выполнить одно трудное царское поручение? Только помни, солдат, выполнишь поручение, будешь моим зятем и наследником, не выполнишь – голова тебе с плеч». На все готов солдат Портупей. Рассказал царь, в чем состоит поручение. А Портупею женщина из огненного столба всё уже рассказала про это. Уверенно говорит Портупей с царем: «Ехать за царской дочерью придется морем. Надо снарядить корабль, дать матросов, хорошего капитана и провизии на шесть дней». – «А через сколько дней, ты, солдат Портупей, можешь отправиться в путь?» – «Не раньше как через семь дней, ваше царское величество». Согласен царь. Дал Портупею денег, дал денег всему полку, в котором служил Портупей, и приказано полку шесть дней гулять, а на седьмой проводить Портупея с музыкой. Шесть дней гулял весь полк. Никогда не было солдатам такого приволья. Но вот на седьмой день весь полк в парадной форме идет к пристани. Идет с полком и Портупей. А там уж стоит готовый красавец-корабль. На корабле выстроились матросы и с ними капитан, с виду молодец красивый и бравый, только кажется, плутоватый.

Наказывает царь капитану: «Солдат Портупей не знает морского дела, поэтому ты будешь командовать кораблем, но знай, что Портупей поставлен над тобой, и ты его во всем должен слушать, как самого меня».

Не совсем это понравилось капитану, быть под началом у простого солдата, но ничего не поделаешь, с царём спорить не станешь. Под музыку отчалил корабль.

II

День плывут. Другой плывут. Кругом вода. На третий день разразилась страшная буря. Сорвало на корабле мачты и паруса. Забились в трюм матросы, спрятался и капитан в своей каюте. Все решили, что пришла их гибель, и проклинали Портупей и царскую дочь, из-за которых они теперь погибнут в неведомом море. Только сам Портупей оставался на службе.

Видел Портупей, что корабль больше не выдержит, пойдет ко дну, значит, наступило время вынуть талисман. Вынул Портупей талисман, махнул им два раза, и стала стихать буря. Вышли матросы с капитаном. Приказал Портупей чинить корабль. Не успели ещё поставить последнюю мачту и натянуть последний парус, как показался берег. К берегу правит корабль. Но осторожный Портупей приказывает капитану бросить якорь в открытом море, а сам берет двух матросов и на шлюпке отправляется на землю. На берег он вышел один, а матросам велел ждать в шлюпке. Не знакомая, но с виду красивая, эта земля. Остров. Весь остров обсажен яблонями и на всех яблонях висят красные, сочные яблоки. Портупей сорвал яблоко, хотел уже яблоко надкусить, как появляется опять «огненная» женщина: «Не ешь, Портупей, яблоко и ничего здесь не ешь. Здесь все отравлено. Но царевна здесь. Сидит она за семью дверями, за семью замками. Иди смело, мой талисман откроет тебе все замки и все двери. Но только спеши, Портупей, ты приехал вовремя, сейчас не прозевай». Сказала это женщина и исчезла. А Портупей пошел вперед. Вот перед ним стена, кованые двери и большой замок на них. Вынул Портупей талисман и рухнул замок, сами раскрылись кованые двери. Идет Портупей дальше. Опять стена, и двери, и замок. Опять падает замок, и сами раскрываются двери, как только вынимал Портупей талисман. И так шесть раз. А за седьмой дверью слышит женский плач. Вынимает талисман, открываются двери, и видит Портупей большую комнату, а в комнате сидит девушка и горько плачет. «Не ты ли и есть пропавшая царская дочь?» – «А ты кто такой?» Подает тогда Портупей царское письмо и рассказывает, кто он такой. Как к спасителю бросилась к Портупею царевна, в слезах рассказала,

что она похищена страшным змеем и живет у него в заточении. Этот змей душит и пожирает людей, а теперь он улетел на охоту. «Спаси меня, Портупей, уведи из этого страшного места. Буду я тебе за это навеки верной женой. Надо спешить, Портупей, скоро прилетит змей, и тогда ты погибнешь непременно, съест тебя змей». Портупей времени не терял, но и особенно не торопился. Обошёл весь дворец змея, осмотрел. Дворец очень понравился. Вывел Портупей царевну из дворца, вынул талисман и сказал: «Был дом – стань круглым яйцом». И дворец стал яйцом. Положил его Портупей в карман и пошел с царевной к берегу.

Пока шли до берега, уговорились пожениться и обменялись перстнями. Портупей одел царевнин перстень только на кончик пальца, дальше он не входил.

Шлюпка с матросами ждала у берега. Она благополучно доставила счастливых Портупея и царевну на корабль. И только на корабле обнаружил Портупей, что он уронил с руки перстень. Он теперь ясно вспомнил, что уже на шлюпке у него перстня не было. Значит, уронил его на берегу. Надо возвращаться. Просит царевна этого не делать. Но разве можно терять свадебный перстень. Этак можно и жену потерять. Берет Портупей опять двух матросов, шлюпку, ружье на всякий случай, свой верный талисман и отправляется на остров. Быстро нашел Портупей перстень: лежал он на песочке, на самом виду. Быстро отчалила обратно шлюпка. А в это время вернулся к себе на остров змей. Увидел, что произошло в его отсутствие. То ли талисмана боялся, то ли по другой причине, но только не полетел змей за кораблем и шлюпкой, а послал на море бурю. Бурю змей поднимал от острова. А капитан, как только увидел, что от острова катятся страшные волны, обрубил якорные канаты и пошел в море. Подгоняемый ветром от острова, корабль шел быстро. Царевна ещё не успела сообразить, что случилось, а берег и шлюпка исчезли из виду. С рыданиями подступила царевна к капитану, требуя, чтобы капитан вернулся, но капитан сказал: «Я сам видел, как затонула шлюпка, видел, как потонул Портупей. К острову все равно не подойти. Зачем же губить корабль и губить царскую дочь? Не лучше ли возвратиться на родину? Ведь задание царя выполнено». Притихла, примирилась царевна. На корабле справили поминки по Портупею, подняли паруса и поплыли старым путем домой. Царевна была уверена,

что Портупей погиб.

А Портупей не погиб. Как щепку бросал шлюпку свирепый ураган. Выбились из сил матросы, не могут они больше бороться с волнами, бросили весла. «Гибнем из-за тебя, Портупей, из-за твоего упрямства. Зачем тебе понадобился этот проклятый перстень?» Матросы ещё не знали, что буря-то поднялась из-за Портупея; это рассерженный на Портупея змей напустил такой ветер. Знай это, они ещё больше рассердились бы на солдата.

Вот огромная волна захлестнула шлюпку, и та пошла ко дну. Измученные матросы и не пытались спасти свою жизнь, они сразу захлебнулись солёной водой и пошли ко дну. Не сдавался только Портупей. И тут он вспомнил о чудесном талисмানে. Вынул его и стал помахивать над морем. Долго еще не успокаивалось море, видно, очень уж разъярился змей, очень уж он хотел погубить Портупея. А Портупей вдруг почувствовал какую-то легкость и, борясь с волнами, поплыл, куда глаза глядят.

И вынесла волна Портупея на новый незнакомый остров. Какова была радость Портупея, когда он увидел, что и ружье при нём и порох сохранился. Только надо было порох подсушить, а ружье прочистить. Так и сделал. Потом пошел в глубь острова. Идёт, а навстречу ему заяц. Вскинул Портупей ружье, стал прицеливаться, а заяц встает на задние лапки и говорит человеческим голосом: «Не бей, меня, добрый человек, у меня есть дети, сделаешь ты их сиротами. Ступай лучше за мной, провожу я тебя к нашему царю, царю зверей». Не стал Портупей стрелять, а пошел следом за зайцем. Бежит заяц и продолжает говорить: «Дойдешь до ворот, там замки крепкие, тебе с ними ничего не поделывать. Направо увидишь три дубинки. Ты ими и ударь три раза по воротам. Тебя встретят там девушки и проводят к самому царю. А когда царь будет спрашивать тебя, кто тебя провел, что-нибудь выдумай, а про меня не говори. У нас строго запрещено показывать дорогу чужим к царской крепости».

Вот показались крепостная стена и ворота. Заяц махнул в сторону и был таков. Портупей поглядел направо, и видит, незаметно лежат три дубинки. Ударил он ими легонько по воротам, и верно, выходят три девушки. Ведут его в терем к самому царю. Грозно спрашивает

царь: «Как ты попал на наш остров? Кто тебя привел к нашей царской крепости? Кто научил тебя стучать теми дубинками, от которых открываются наши ворота?» Не оробел Портупей. Зайца он решил не продавать, а свалить все на огненную женщину. «Направил меня к тебе, светлый царь, женщина. Я не знаю, как её зовут, но она является ко мне всё в огненном столбе. Вот она мне и талисман дала. И показывает царю талисман. Сразу подобрел царь, как это услышал, особенно, когда увидел талисман. «Женщина эта – моя родная сестра. Не зря она, ведь, ко мне тебя отправила. Давай рассказывай, кто ты, как тебя зовут и в чем твоя нужда».

Все рассказал Портупей.

«Ладно, доставлю я тебя на родину, только побудь у меня денька два-три. Походи по моему острову, посмотри. Везде можешь ходить, но не ходи только в крепостные стены и в сарайчики. Так в них ты ни за что не ходи». Живёт Портупей на острове день, живет второй. Сладко пьет, ест, вволю спит. Гуляет по острову. Разбирает Портупея любопытство: «Что же это такое в сарайчике, что царь не хочет меня туда пускать? А, дай-ка, хоть немножечко приоткрою дверь и посмотрю, что там такое». Сказано – сделано. Но только Портупей приоткрыл немножко дверь одного сарайчика, как с криком, гиканьем повалило оттуда несметное войско. Портупей отскочил в сторону и не знал, что это войско будет делать, и кто им будет командовать. Неизвестно, что бы было дальше, но на крики выбежал царь. Махнул он рукой, и войско, покорное и тихое, ушло в сарайчик, а сарайчик сам закрылся. Портупею царь даже упрека не сделал. Это так ободрило Портупея, что он решил в этот же день и на запретные башни забраться. И на одну башню полез. Только добрался до верху, как башня задрожала, море вокруг острова забурлило и со всех башен начала палить артиллерия. Опять выбежал из своих палат царь, махнул рукой, и всё замолкло. «Ну, – говорит царь Портупею, когда тот слез с башни, – довольно! Больше тебе на острове оставаться нельзя. Поезжай, откуда приехал. Только посмотри и другим можешь сказать, сколько у меня силы. Крепость моя волшебная. Таких сарайчиков много, и в каждом из них несметное войско, послушное только одному мне. Каждая башня может палить, сколько мне надо, Море так забурлит, что не подойдет не один корабль. Нет силы, которая может одолеть меня».

Любят цари хвалиться воинской силой. Этот был такой же. «Тебе, Портупей, надо спешить домой, – говорит далее царь, – корабль тебя доставит до ближайшей земли, а там пойдешь посуху, по незнакомым землям, чтобы путь твой был короче. Сам ты пешком не пойдешь, будет у тебя конь быстрее ветра. Пешком пойдет только твой провожатый. А провожатым у тебя будет арап, которого ты не будешь видеть, видеть будешь только его белые зубы. Он тебе в дороге сделает всё. Как дойдет арап до вашей земли, он тебя оставит. Там уж добираться сам. А чтобы тебе и там не пропасть, дам я тебе кошелёк-трясунок да саблю».

И подает царь Портупею маленький затасканный кошелек. Открывает Портупей кошелек, а там лежит позеленевший от старости медный грош. «Что же я, светлый царь, с одним-то грошом буду делать? Ведь мне в своей земле скитаться придется, нельзя явиться к своему царю». – «А ты потряси кошелек». Тряхнул Портупей кошелек, и посыпались оттуда золотые монеты. Понял, что кошелек не простой. «Видишь, Портупей, какой это кошелек? А к царю твоему ты идти не бойся, там тебя ждёт удача, только перстень не теряй. Да вот ещё саблю возьми». И подает царь Портупею заржавленную, вызубренную саблю. С недоумением, было, посмотрел Портупей на саблю, но ничего не сказал, по кошельку понял, что и сабля это не простая.

Доставил корабль Портупея на ближнюю землю. Вышел Портупей на берег и видит перед собой в воздухе белые-белые зубы. Испугался, было, Портупей, а зубы говорят: «Не бойся, Портупей, я твой провожатый. Вот тебе конь, садись и поезжай смело». И впрямь появляется перед Портупеем и конь. Скребёт копытами, ходу просит. «А ты на чем?» – «Не беспокойся, я не отстану». И верно. Вихрем несется конь Портупея, а белые зубы всё рядом, да еще прикрикивают: «Погоня, погоня, Портупей, торопиться надо». Когда уставал Портупей скакать на коне, конь останавливался, белозубый арап мигом приготавливал обед и даже рассказывал Портупею разные забавные истории. Очень полюбился арап Портупею, понравился и солдат арапу. Но вот и родная земля. Надо расставаться. Просит Портупей арапа остаться с ним, но он не соглашается, боится, что прогневаётся царь и начнет казнить родственников.

Один Портупей едет в столицу. Коня он оставил пастись в укромном

местечке: ведь не введешь же незамеченным в столицу на таком роскошном коне. Столица в праздничном наряде. Просится Портупей к одной старушке на окраине города ночевать. Приветливая старушка пустила незнакомца, накормила его. Портупей потряс свой кошелёк, вытряхнул целую кучу золотых монет и отдал их старушке. То-то та рада была!

Разговорились, спросил Портупей, по какому случаю так празднично разукрашена столица. «Праздник завтра большой у нашего государя. Выдает он свою единственную дочь. Да дочь-то у царя пропадала, недавно вернулась. Так что у нашего царя двойная радость. Говорят, даже простой народ будут пускать на свадьбу, конечно, только полюбоваться свадьбой. Уж не будут же нас садить за царские столы». – «А, может, нас-то с тобой и посадят», – говорит Портупей и не смеется. – «Ой, что ты, родименький, да я и не пойду туда. Чего мне там делать, старухе». – «Нет, бабушка, пойдём». Ты матерью моей будешь. А что там будет, посмотрим».

Наутро Портупей со старушкой отправились к царскому дворцу. Взял с собой Портупей яйцо, кошелёк-трясунок, ржавую саблю, одел на мизинец перстень. Только руку ту завязал. Народу собралось еще не так много, и Портупею со старушкой удалось пройти в царскую залу. Там стояли приготовленные для пиршества столы. Стали собираться и гости. Каждый занимал назначенное ему место. Вот выходит царь, за ним и невеста с женихом. Царь поднимает стакан и говорит: «Выпьем первый стакан за храброго капитана, жениха нашей дочери, который привез царицу, после того, как покинул ее и погиб Портупей». – «Нет, – громко вскричала царевна, – я не буду за это пить первый стакан! Портупей был храбрый и верный солдат, и я его любила. Пусть все выпьют первый стакан за покойного Портупея. Налейте всем, кто есть в зале, стаканы». Царь не возражал против требования дочери. Слуги бросились наливать стаканы простолюдинам, бывшим в зале. Налили стакан и Портупею. Царевна пошла по залу, чокаться со всеми. Дошел черед и до Портупея. И видит царевна знакомое лицо. Она сразу узнаёт, но не смеет говорить. Глядит на руки, нет ли там перстня. Но рука, на которой мог быть перстень, завязана. – «Почему у тебя завязана рука? Развяжи ее, и давай чокнемся и выпьем за покойного солдата Портупея». – «Спасибо,

царевна, за ласку. Выпить за Португея я готов, только за покойного пить не охота. А руку развязывать мне не к чему, я и так выпью». – «Нет, руку ты все-таки развяжешь. Не могу же я не видеть твоей болячки. Может она заразная. Может тебя и из дворца-то следует удалить». – «Ах, так! Ну, смотри, царевна!» И срывает Португеей повязку. Царевна больше не сомневается. «Вот он, мой настоящий жених», – кричит царевна на весь зал. «Вот он, храбрый Португей, который спас меня от страшного змея». Царевна и Португей всё рассказали царю. Поверил царь. Приказал он Португею посадить на женихово место, а капитана схватить и предать казни, как изменника.

Капитан попытался спастись, прыгнул в окно, но разбился. Стали играть настоящую свадьбу, Богатая это была свадьба. Старушка, как мать, сидела рядом с женихом за парадным столом.

Сидит царевна рядом с Португеем, поглядывает вокруг, и не нравится ей, что жених её простой солдат. Капитана ей не жалко, не велика шишка капитан, солдат тоже может стать капитаном. Но царевна читала в той запретной книге жизни, что царевны выходят замуж за принцев. Были тут и принцы: царь пригласил на свадьбу иностранных царей, их сыновей и дочерей. И понравился царевне один иностранный королевич, Вильгельмов сын. Перемигнулись они с царевной, переговорили тайно и задумали недоброе.

Добрый Португей ничего не замечает, он доволен и счастлив. Захотел он для себя с царевной построить новый дворец, чтобы не стеснять царя. Вынул из кармана яйцо. Сказал: «Встань передо мной дворец в десять раз лучше царского». Переселились в него Португей с царевной. Понравилось это царю. Полюбил он Португею и не хотел иметь лучшего зятя.

III

А царевна все думала о Вильгельмовом сыне, тайно переписывалась с ним. И присылает однажды Вильгельмов сын к царю послов с такими словами: «Выдай за меня свою дочь, а то пойду на тебя войной». – «Нет, – отвечает царь послам, – не было в нашем государстве ещё такого, чтобы от живого мужа замуж выходили. Не могу я за тебя выдать царевну».

Только послы передали Вильгельмову сыну царский ответ, как тот двинул против царя несметное войско. Испугался царь. Как быть? У него такого войска нет. Ободряет царя Портупей: «Не тужи, мой отец, только дай мне свое войско, и всё будет хорошо». Небольшое войско взял с собой Портупей. Сам выехал на том коне, который принял от царя зверей. Приказал Портупей своему войску не стрелять, а сражаться в рукопашную. Вот сошлись два войска – маленькое и большое. Первым в битву бросился сам Портупей. Махнул он своей ржавой сабелькой налево, и полегла мертвой вся вражеская рать с левой стороны. Махнул своей сабелькой направо, и полегла рать с правой стороны.

Немногие из вражеского стана уцелели, но сам Вильгельмов сын остался жив. Бежал он в страхе в свое государство и не думал больше о войне. А царю больше прежнего полюбился Портупей. Не знает, как его и отблагодарить. Только царевна не радовалась. Затаила она злобу против Портупея, да за одно и против своего отца. Поняла хитрая царевна, что не так просто победил Портупей войско Вильгельмова сына. Стала выпытывать секрет. Не хотел Портупей никому выдавать своего секрета. Стала царевна не в меру ласковой, подпоила Портупея и все-таки выведала секрет. Царевна-изменница решила переправить Портупееву сабельку Вильгельмову сыну. Сабельку свою Портупей вешал на стенку перед кроватью. Однажды ночью, когда Портупей крепко спал, царевна сняла заветную сабельку и повесила вместо неё другую, еще более ржавую. А волшебную сабельку переправила потом Вильгельмову сыну, да и письмо написала. Снова идет войной на царя Вильгельмов сын. Снова испугался царь. Но Портупей опять его успокаивает. Берет небольшое войско, ржавую сабельку и на своем верном коне выезжает навстречу вражескому войску. Опять приказывает своему войску не стрелять. Сходятся два войска. Машет Портупей сабелькой, но ничего не получается. Напирает вражеское войско. Вот совсем окружены Портупея войска. Рубят и топчут их войска Вильгельмова сына. Тяжело ранен и сам Портупей, и не миновать бы ему смерти или плена, если бы не конь. Взвился конь на дыбы, и, перескакивая через людей, других коней, вынес Портупея из свалки и понёс его прямо в царство царя зверей. Вильгельмов сын занял своими войсками столицу, поселился в Портупеевом дворце, женился на царевне и объявил себя царем. А старого царя и царицу посадили в

тюрьму и стали там морить голодом.

Узнал царь зверей Портупея и милостиво принял его. Царю зверей уже было известно всё, и он сам рассказал Портупею, кто виновник его беды. «Не кручинься, Портупей, – говорит звериный царь, – я помогу твоему горю. Дам тебе три цветочка. Когда понадобится, брось ты их через себя в воду. Переправлю тебя в своё государство. А там уж и сам догадаешься, что надо делать».

Тот же конь перенес Портупея в свою землю. Оставил в укрытии Портупей коня и пошел пешком под видом странника. Попадаетеся навстречу Портупею старичок. Разговорились о том, о сём. Узнал Портупей, что правит государством чужой царь, Вильгельмов сын, а старый царь с царицею заморены в тюрьме. «А знаешь ли ты, старичок, о храбром солдате Портупее?» – спрашивает странник. Замешался старичок, помолчал, а потом говорит: «И не пытай ты, странник, меня о Портупее-солдате, ничего я о нём не знаю». Не поверил этому Портупей. По замешательству старичка он понял, что тот знает о Портупее, но почему-то не хочет говорить. – «Не скрывай от меня, добрый человек, ничего, зла я тебе не сделаю, а награжу богато, если мне всю правду расскажешь». И тряхнул тут Портупей кошельком-трясунком. Выпало несколько золотых монет. Отдал их старичку. Разговорился старичок. Рассказал он, что знает солдата Портупея, и все его помнят, жалеют, но погиб храбрый солдат в битве с войском Вильгельмова сына, подвела, говорят, его под гибель злая царевна. Не хотел он говорить о Портупее потому, что новый царь с царицей приказали забыть даже имя храброго солдата, а того, кто вспомнит о Портупее, приказывает казнить.

Портупей признался старцу, кто он, и спросил, не может ли кто ему помочь отомстить захватчику и его сообщнице и за старого царя и за своё войско и за государство и за себя. Старец сказал, что во дворце все слуги новые, но есть из старых слуг горничная Маша, которая любит Портупея и готова будет ему служить до смерти. Портупей вспомнил Машу и скоро её отыскал. Рассказал ей обо всём, и уговорились они действовать заодно. Маше Портупей отдал и три цветочка.

Около дворца было красивое озеро, и новый царь, Вильгельмов сын, любил гулять вокруг этого озера. На другой день, как всегда, Вильгельмов сын пошёл к озеру. Захватил с собой он и ржавую сабельку,

с которой никогда не расставался. За Вильгельмовым сыном пошли на озеро и Портупей с Машей. Портупей притаился в кустах, а Маша как будто прогуливалась на озере.

Незаметно бросила Маша через плечо в озеро три цветка, и появились на озере три селезня. Стал бросать в селезней палками Вильгельмов сын, но не улетают селезни.

Показалось даже, что они и летать-то не умеют. Захотелось тогда Вильгельмову сыну поймать этих селезней. Поставил он к кусту свою сабельку и бросился в воду. Маша подала знак Портупею. А Вильгельмов сын увлекся ловлей селезней. Те в руки не давались и далеко не отплывали. Вильгельмов сын разохотился и совсем не замечал, что делается на берегу. А в это время Портупей выскочил из куста, схватил саблю и стал ещё дразнить Вильгельмова сына: «Ты гонялся за тремя селезнями и не мог их поймать, а я тем временем добыл себе целое государство». Узнал Вильгельмов сын Портупея, понял, что случилось непоправимое, понял, что пощады ему не будет, нырнул в озеро и больше не вынырнул – утонул Вильгельмов сын.

Все это видела с балкона дворца злая царевна. Поняла она, что ждет её не сладкая участь, бросилась с балкона и разбилась насмерть. А храбрый Портупей женился на Маше, и стали они править государством. Добрые и справедливые это были правители.

38. [О девушке-колдунье]

Вот жили-были мужик да баба. У их был сын. Молодой красивой паренёк. Ходил на биседу, и там ёму понравилась одна девушка. Он в эту девушку влюбился и стал ходить каждый вечер, из другой деревни он в деревню ходил к этой девушке. Ну вот. Потом пришол по один вечер, этой девушки нету. Узнал, где она живёт, пошол он к ней туда к дому, раньше занавесок не было на окошках, подошол и смотрит: она уже собираэтца на биседу. Такая у ней комнатка, зеркальцё стоит на столе. Вдруг она снимаёт с сибя голову, ставит на стол, и расчасываёт косу, хорошо причёсала, косу заплела – всё. Потом эту взяла эту голову и одела опять сибя. Одеда, платьё одела, посмотрела в зеркало,

повертелась – хорошо всё.

Этот парень уже вперёд её ушёл туда на биседу (раньше биседы были, собиралися). Вот пришол этот парень и сидит, задумался. К ней больше не подходит, не садится к ней. Вот сидел, сидел тут, и пораньше домой пошол. «Она, – горит, – мне больше не нужна такая девушка, не надо. Она не простая какая-та». Ну, вот по второй вечер он совсем не пришол. Она пришла туда, смотрит: ево нету. Ну, вот и ушла она домой тоже с биседы. Домой пришла, легла, и заболела. Заболела, это, болела она неделю-две, а потом и говорит своёмu отцу, а раньше было так, што, кому скажешь хоронять, тот и пусть везёт хоронит. Вот она и говрит: «Вот пусть меня, вот тот (пускай, хоть, Иван) парень, вот я умру, дак пусть он меня везёт хоронит один». Ну ладно, што делать-то? Поболела, поболела, потом вот она умерла, отец вот приходит к тому парню и говорит: «Иван, вот ты, – говрит, – похорони девушку-то (пускай, хоть Марья) вот Марию-то, вот она умёрла, велела тебе похоронить». Ну, он говорит: «Што делать-то? Раз велела мне похоронить, дак надо мне везти, – говрит, – хоронить». Но задумался он, он знал, што она такая не простая, он задумался: «Вот што делать, как мне быть? Как её довести до кладбишша?» А кладбишшо далёко было, надо лесом было ехать.

Ну вот. А там раньше эть было колдунов больше, вот он нашел такую старушку, пришол и говорит ей, рассказал всё: как с девушкой познакомился, как он с ней гулял, как потом увидел, што она голову с сибя сняла да опять одела. Вот я не стал к ней ходить, она вот заболела да умерла, попросила вот меня похоронить. Бабушка и говорит: «Да, сынок, дело сложное, но ты вели отцу, пусь он сделаёт гроб покрепце и оденет шесть обруцей на этот гроб». Ну вот он пришол к иё отцу и говорит: «Слушай, папаша, ты вот сделай мне гроб дубовый и одень шесть обруцей на этот гроб, тогда я, – грит, – повезу». – «Ладно, ладно, будет сделано».

Вот он сделал гроб дубовый ему, иё потом положили в этот гроб. «И лошадь дай мне, которая посильнее». Ну вот, и лошадь запрегли, которая посильнее, вот вынесли иё: «Ну, теперь поежай, хорони ты иё». Вот он и поехал хоронять иё.

Ехал, ехал, лошадь хвошшот, из лошади таколь не пена идёт, устала, тяжёло везти. Заезжает в лес, только гроб-то на дровнях как

зашевелится, так ездун^{ом} заходил, только один обру^{чь} лопнул. Вот Испугал^{сы} Иван, давай ишо^ю скорее лошадь подхва^{сты}вать, вот лошадь ишо^ю бежит, а уж из сил выбива^{ется} лошадь-то бежать-то. Ну вот. Потом второй обру^{чь} лопнул. «Ага, дело, видит, плохо», – Иван. Ну вот. Давай ишо^ю лошадь подхва^{сты}вать, лошадь так храпит вся, еле ташш^{ыт} эти дровни с гробом. Третий обру^{чь} лопнул. Ой, у Ивана душа в пятки уходит, а лес: вершины к нёбу^у вьются. Потом лошадь хвошш^{от}, встал на ноги, хвошш^{от} лошадь, хвошш^{от}, лошаде^{нка} уж из сил выбива^{ет}ца, потом как гроб-то зашевелитца гораздо – только два обру^чя лопнули, один ишо^ю остал^{сы}. Вот. Вот Иван стал на ноги, и давай лошадь хвоста^{ть}, нахвоста^л: лошадь розбежала^{сь}, все силы тожо^ю собрала, а Иванушко оглядел тут елушку, спрыгнул с дровень и на ялушку полез. Лошадь поцувствовала, што нет седока, бежала, бежала и остановилася.

Смотрит: обру^{чь} опять лопнул последней, крышка открыва^{ёт}ца с гробу, выходит оттуда эта девушка, посмотрела – нету Иванушки. Вот. И потом только взяла, упала на дорогу – и превратилася лиса из неё. Вот лиса преврати^{лася}, давай нюхать, куда он уш^{ол} по следу. Нюхала, нюхала, нашла этова Иванушку. К этой к ялушке подошла и давай эту ялушку зубам г^{рыз}ти. Вот грызёт эту ялушку, грызёт – Иванушко дух в пятки уходит, так боитца. А раньше почту возили на коня^ф, и слышит, где-то колокольчи^{ко} звенит. А уж ялушка нацина^{ёт} клонитьца, перегрызёт она ие^ю вот-вот. Ну вот Иванушко там все молитвы собрал, штоб скорее подъезжала почта.

И эта лиса услышела, што вот уж рядом почта ед^{ёт}, опять подбежала к гробу, пала на дорогу и сделалася опять деушкой, этой деви^{цей}, и легла опять в гроб, и крышка закрылася. Всё. Ну вот, кони уже (на тройке раньше возили да на парах почту-то) подъезжа^{ёт}, почтовые лошади – Иванушко с елушки с этой слез и говорит: «Мужики, спасите вы меня, не уежайте вы, давайте свезёмьте эту девушку. Вот так и так», – рассказал всё. И вот мужшш^{ины} пожалели ево, коней повернули своих и: «Ну, чё, – говорит, – делать-то, уж мы опозда^{ём} с поштой-то, да надо тибя^ю выручать». И вот повезли иё^ю на кладбишшо. Съехали там, могилу выкопали и похоронили иё^ю, и оставили там. Этот Иванушка приехал, потом в церков^у сходил, в церкве там побы^л, весь обряд-то сделал и всё. Вот и так стал жить-поживать Иванушка.

39. [Маша и три медведя]

Жили-были дедушко и бабушка. Была у иф внутка Машинька. Они Машиньку любили, в школу за рутку водили, из школы встретaлы. Никуда не отпускали. Однажды девотки Машиньку подговорили в школе, што, Машинька, пойдём с нам завтра в лес, она говрит: «Нет, дедушка меня с бабушкой не отпустят некак». – «Отпустят, мы выпросим». Ну, вот пришли утром девотки, постутали, бабушка открыла, вот и говрят: «Бабушка с дедушкой, опустите Машиньку в лес с нам». – «Ой, нет, не опустим!» – «Да отпустите, мы иё никуда не опустим». Ну, вот отпустили. Идут они в лес, песни поют, пляшут, танцуют. Ну и пришли в лес и розбрелись кто куда. Брали, брали, кто ягодки, кто грибки. Набрали и натали критать, аукать: «Ау, Машинька, пойдём домой». А Машинька девоткам: «Девотки, ау, ау, домой надо, а я заблудилася, далеко от вас». Ну, вот так вот.

Ну, вот в лесу набрались, критали, аукали, аукали. Девотки Машиёнке, а Машинька девоткам, и так девотки не доукались. Машинька их не слышит, а девотки Машиньку не слышат. Ну и пошли домой и натели баушке рассказывать. Баушка заплакали с дедушкой, и пошли Машеньку потью искать – не нашли. Пришли домой, сидят и платут. Ну вот.

А Машинька-то всё идёт лесом-то, тёмно, страшно. Идёт, идёт, идёт, идёт – стоит избушка. Она и постуталас в эту избушку: никто не ответаёт. Второй раз она постуталась в эту избушку: опять никто не ответаёт. «Дайко, я открою избушку-то, кто там есь?» Открыла избушку, свет включыла – стоят три стола: большой стол, поменшэ стол и ишо маленькой стол. Три стула: большой стул, поменшэ и ишо поменшэ. На каждом столе по ташке каши накладено, и в каждой ташке по ложке. Она из оной каши попробовала из ташки – невкусная, из второй попробовала – невкусная, а из маленькой ташетки всю кашку съела. Сидела, сидела, спать захотела. «Поду-ко я спать», – подошла к большой кровати, забралась на кроватьку: «Фу, плохо тут спать, поду на другую». Пришла на вторую кроватьку: «Фу, тут тожо плохо спать», а на Мишенькину кроватьку лёгла, да и уснула. Идут медведи, идёт, домой идут, подходит: «Фу, фу, нерусским духом пахнёт, фу, фу, нерусским духом пахнёт. Кто, кто в нашем доме живёт?

Кто, кто в наш дом пришол?» Открывают дверь, заходят – вся кашка съедена, из каждой *ташкетки* вся кашка съедена. «Кто, кто на моём стуле сидел?» – «Кто, кто, на моём стуле сидел?» Мишенька: «А кто, кто на моём стуле сидел?» Ну вот. Наклали опять кашки, наелися, спать *лежиться*. Подходит Михаил *Иваныт* к своей кровати: «Кто, кто на моей кровати лежал?». Мать подходит (забыла, как *ие*-то зовут, тоже там было): «Кто, кто на моей кровати спал?» А Мишенька подходит да: «Кто, кто, на моей кровати спит?» А *Машинька* спит, уснула крепко. Он второй раз опять: «Кто, кто на моей кровати спит?» А *Машинька* подняла голову: «Ой, Мишенька, это я, *Машинька*, сплю. Я заблудилася, да пришла, да у вас покушала, захотела кушать, дак покушала у вас кашки, легла на кроватьку, да и уснула». А Михаил *Иваныт* ответаёт со своей кровати: «Ну и хорошо, будёшь теперь у нас жить, прислугой будёшь у нас. Мы будём в лес ходить, а ты у нас будёшь прислугой». Она: «Михаил *Иваныт*, отпустите меня к бабушке с дедушкой, я им пирожки пеку, полы мела, всё делала, они там *платут*». – «Нет, *Машинька*, не отпустим, будёшь у нас жить».

Ну вот. Всё пекла пироги, всё делал им, а *оне* однажды пришли из лесу, а Михаил *Иваныт* говрит: «*Машинька*, твои уж пирожки больно хорошие, напеки-ко побольше пирожков-то». – А она и говрит: «Михаил *Иваныт*, а ты бабушке с дедушкой снесёшь пирожков?» – «Снесу!» Вот она напекла много-много пирожков, наклала в кузов (ну, такой, раньше кузова были). И *критыт*: «Михаил *Иваныт* иди, я подыму тебе кузов-то, неси бабушке с дедушкой пирожков-то!» Ну вот, поднела, он только бы за дверь-то, она раз! прыгнула, да к ёму в кузов (это сказка, дак она сказка). Прыгнула в кузов-то. И вот он идёт, идёт, идёт, устал:

*«Сяду, сяду на пенёк,
Съем, съем пирожок».*

А она *критыт*:

*«Не садись, не садись на пенёк,
Не ешь, не ешь пирожок,
Неси ба-абушке,
Неси де-едушке».*

– «О, какая глазастая, как далеко увидела». Опять идёт, идёт, идёт, опять устал:

*«Сяду, сяду на пенёк,
Съем, съем пирожок».*

А она ёму опять из кузова-то:

*«Не садись, не садись на пенёк,
Не ешь, не ешь пирожок,
Неси ба-бушке,
Неси де-едушке».*

– «У, глазастая, как далеко». Опять идёт, идет, идёт лесом-то – вдруг стоит избушка – вот он постучалсы в эту избушку-то, а бабушка *ответа*т: «Да, да, заходите, гостем будете». Михал-то *Иваны*т открывает дверь-то, они испугались – медведь заходит. «Не бойтесь, не бойтесь, я от вашей *внутки* Машиныки *пришол*, пирожков вам принёс». А бабушка и *говрит*: «А Машиныка жива?» – «Жива Машиныка, она теперь у нас будет жить, прислужой у нас будет». – «Михаил *Иваны*т, пустите Машиныку-то домой». – «Нет, не опустим, она будет у нас жить». Ну вот, снял короб, поставил и *пошол*, а ёна и *говрит*: «Михаил *Иваны*т, погодите, возьмите два пирожка на дорожку». Дала ему два пирожка на дорожку, он только *ушёу* за дверь-то, немного погодя Машиныка и *критит*: «Бабушка с дедушкой, я здесь в коробе сижу». Вот они пирожки *выняли* все, Машиныку *выняли* и стали жить-поживать и добро наживать. И Машиныку опять и в школу водить, и всё.

На этом и сказке конец.

40. Баба-Яга

(Баба-то-Яга. Это сказка была).

Девушка лесом шла да заплутала, да и зашла – стоит там избушка –

она и говрит: «Избушка, избушка, повернись задом, – грит, – туда, а передом – туда». Избушка повернулася, деушка зашла: сидит Баба-Яга на пешном столбе, шорску предёт, не роспрядывает, коску грызёт, не розгрызывает. «А ково, – говрит, – поймаю, в подпол сажу, домой не опуцу-у». Деушка, уж весёр, домой охота, пласёт: «Бабушка, миня опусти домой». – «Нет, я тибя, – грит, – не опуцу». Она говорит: «Опусти миня только ножки помыть». – «Ножки помой и обратно вернись». Деушка ножки моёт, бык идёт, здоровенный бык идёт из поля. Деушка плацет, [бык] спрашивает: «Милая, ты о цём плацешь?» – «Да миня Баба-Ега посадила под пол, домой не пускаёт». – «Садись на миня да дёржись за рога, дак я тебя домой и свёзу». Вот он иё посадил, она за рога держится, он иё домой свёз. Дак там как быка-то наградил, хорошо, што девушку домой свёз.

(Это тожо вот сказка-то).

41. Про Машеньку

Была внученька Машенька, пошла Машенька в лес за грибам, заблудилася, нашла избушку в лесу, зашла – там Баба-Ега в избушке лежит на кровати: «Ты кто?» – «Вот, Машенька, пришла за грибам, заблудилася». Она забралась в кроватку и кричит: «Машенька, качай! Машенька, качай!» Машенька укачала ие в кроватке, уснула Баба-Ега. Машенька вышла на крылечкё и плачот. Вот идёт петух и говрит: «Девочка, зачем плачешь?» – «Как мне не плакать? Домой охота, да, – говрит, – дорожки не найти, заблудилась я». – «Садись на меня, свезу тебя». – «Нет, Петя, у тя ножки жидки, как да сломятца». Не села Машенька. Только Петя ушол, ей Баба-Ега опять там закричала: «Машенька, качай! Машенька, качай!» Машенька опять пришла в избушку и укачала иё. Вот. Вышла опять на крылечкё, сидит опять плачот, идёт баран: «Девочка, зачем плачешь?» – «Как мне не плакать, пришла за грибам, заблудилась, домой охота, домой не попасти, дороги не найти». – «Садись за меня да дёржись за рога, отвезу домой». – «Нет, Ромка, у тя ножки жидки, как-то сломятцы». Не села и на Ромку, ушол Ромка. Баба Яга опять кричит, штобы Машенька качала. Машенька

опять укачала Яга-бобу. Вышла – идёт бык и говорит: «Девочка, зачем плачешь?» – «Домой охота, дороги не натти». – «Ну, – говорит, – садись на миня, свезу домой». Машенька села. «Ну, – говорит, – держись за рога». Села, и пошли домой. Яга-баба пробудилась и кричит: «Машенька, качай! Машенька, качай!» А Машеньку уж бык домой повёз по дороге. Выскоцила, и бежать за Машенькёй, догонила быка, бык как ёй фурыснёт в морду-то! – Баба-Ега, было, на реку мытьце побежала. Пока Ега намылася, далёкё бык Машенька увёз. Привёз домой Машеньку к бабушке да к дедушке, а Ега-баба больше догнать их не могла. Вот. Приехала, а бабушка плацут с дедушкой, што Машенька пропала. А Машенька: «Вот, меня, бабушка, бык привёз, давай застаньте, да напоите, да накормитё». Вот они напоили, накормили быка, и домой на двор застали.

Вот и сказка вся.

42. [Про Бабу-Ягу]

[Жили-были бабушки и дедушка]. Была у иф внучка. Внучка выпросилась в лес сходить за ягодами. Вот иё отпустили, она пошла в лес за ягодами. Шла, шла, шла, шла, шла – ягод много нашла, набрала целую корзину, пошла домой – заблудилась. Не знаёт куда, где и выйти, и как. «Давай залезу, – говорит, – я на ёлочку и погляжу, нет ли где огонькя?» Она залезла на ёлочку – далеко, далеко светится огонёк. Вот она и пошла на этот огонёк. Шла, шла, шла – стоит избушка на курьих ножках. «Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом». Избушка повернулась, оттуда вышла Баба-Яга: «Ой, девочка, вот мне тибя-то и нады». Вот она взяла эту девочку к себе: «Вот ты сичас, – говорит, – баньку истопи, да самовар согрий, да пол вымой – вот тогда ты уйдёшь домой». Вот она всё это сделала: баню истопила, самовар согрела, пол вымыла, баушку намыла в бане, баушка пришла из бани: «Топерь ты миня росчёши». Она почёсала, почёсала голову, росчесала все волосы – Бабушка-Яга уснула. Вот она и вздумала домой убижать. Взяла корзинку и побижала домой. Бежала, бежала, бежала, бежала домой, зашла во своё полё. (Всё, дальше не буду, девки, рассказывать).

Попалось ей, пасёт уж пастух коров. Вот она обрадовалася.

(Ой, девки, ишшо, дак я навру много. Я, правду, долго. Я уж и забыла топерь правду-то. Я пропустила много. Топеричи тут опять будёт худо да. Гуси-то-лебеди-то летили, догонели-то, ведь вот не скоро сдумаёшь-то. Да как яблонька-то стояла, да не съела, да тут целая сказка, да большушшая, гли-га. Одна-то деушка... Ой, нет, тут, девки, всё другоё. Эту-то закончитё, которая была, да и всё.)

Мама да папа, дедушко да баушка встритили их, обнелися и всё. Вот и всё, на этом конец этой сказке.

(Топерь другая ведь, не другая?) Она от Бабы-то-Еги убежала (тоже это и есь, по ягоды ходила). Она от Бабы-то-Еги убежала и подошла к яблоньке: «Яблонька, яблонька, спрячь меня». – «А вот, – грит, – съеси ты моево леснова яблочка, дак я спрячу тебя». Она съела яблонь спрятала. Гуси политили, полетали, полетали, да улили снова – не нашли ие. Она бежала, бежала, потом она опять подошла к рике. Вот к рике она подошла, киселька... (сперва дерево, потом печка, потом пастух). А пастух ничово не сказал, пастух только дорогу указал.

[Внук исполнительницы: А Баба-Ега ево на дерево повесила].

43. Как Бабка-Яга своих доцек съела

Ну вот, тоже батько с маткой в город сдоблеютцы, а оставляют парнишка с девчонкой: «Вы никуды не уходите, дети, из дома. Мы приедём, вам гостинця привезём». Только ушли, девцонки прибегают: «Подёмте с нами гулять в лес». – «Нет. Нам не велели идти тятя с мамой». – «Да подёмте. Цё вам не велели». Вышли, девцонки-то побежали по кустикам тут бегать, а парнишка-то осталсы на цистом месте гоститци. Вдруг... А Бабка-Ега посылает гусей (гуси-то иё были): «Полетайте да ишшыте, мне еды принесите». Они, – грит, – увидели, парнишка-то гоститци. (Это в кине казали). Толькё схватили парнишка гуси за шею, да поташшыли. Уташшыли, парнишка опустили, парнишка на берёзу залез, а Бабка-Ега рыцит первой доцке: «Доцка, истопи-ко пецкю пожарцяя, да вон этова пранишку зажарь-ко мне». Ну ланно. Доцка принесла беремё дров, истопила, не так жарко, а истопила.

«Давай, мальчик, иди, я тибя покатаю в пецёцке. Ты, наверно, озяб». А мальчик это цюл, цё она рыцяла, винно не дурак парнишка был. Цюл, што рыцяла: «Зажарьте», – дак. Приходит, у иё уж лопатоцка приготовлёна, у доцки у бабки у Еги. Ну вот. «Мальчик, садись-ко в пецёцку, я тибя покатаю, а то, дак воды налью, дак водицкёй вымою». А парнишко сел, да руки росшеперил, да ноги – да никуды». – «Дак, мальчик, веть не эдак. Сожми ружки да ножки». – «Дак как? Укажи. Седи ты-то». Она, – грит, – ништо, села. Только ие туды пихнул, саму доцку-то, и скорее припёр заслонку, шобы ... Она порыцяла там, пока гораздо не загорела: «Опусти, мальчик милой, открой». А мальцишко убежал на кұфне, там цё было, ак поел. Опять на березу забралсы. Подходит обед. Опеть мальчика на обед: «Поесь меска, топерь сёдни наемси». Пришла, выгребла. «Да сёдни как-то не гораздо ужарилось, да ланно, зубы-то вострые, дак розгложу». Вот поела: «Ой, наелася. Идти покатаьцьци, повалятьцьци». «Покатаьцьци, повалятьцьци, парнишка съела, дак». А парнишку нестерпёж, кричит: «Покатайся, поваляйся, свою-то доценьку съела». Бабка глаза выроцила.

На другой день другой доцке рычит: «Топи пецку сёдни жарцяя, штобы, этот, штобы этова парня сёдни зажарить». Думает: «Ну, эта, поди, девка не дура, зажарит ево. Эта дура сама на лопату села». Ну ладно. Эта опеть два беремя дров сожгла, вторая доцкя. Ладно. «Давай, мальчик, иди. Ты, наверно, уж озяб, всю ночь на березе, дак иди-ко покатаю». А топерь он знаёт цово. В первой раз, этот, смороковал как, а уж топерь он знаёт, дело в курсе. Ну вот, садитцы опеть ноги, руки росшеперил. «Да, мальчик, веть не эдак». А та не знает, в цём дело, где он доцкю сжарил. Матка не сказала, што доцкю съела. Ладно. «Да ты не эдак». – «Дак как? Я не знаю большо как. Седь да укажи-ко ты». – Та села сама, опять пехнул иё. Та опять зарыцяла. Ту жаром схватило, жарко стопила, некогда рыцеть. Платёе загорелось, волосёе загорелось. Всё. Подходит обед. Опять пришла Бабка-Ега, вынела: «Вот сёдни, ак меско хорошо упрело». Поела: «Ой, объеласи. Потти покатаьцьци, повалятьцьци». Катаетьцьци, валяетьцьци. Парнишка опять зашол в чулан – там цё было ли, не было ли – опеть съел, на березу забралсы. Вот опять валяетци, опять: «Покатаьцьци, повалятьцьци (лето, дак)». Объеласи парнишкова-то мяска. А парнишко нетерпёжка: «Катайси, валяйси, свою-то доценьку опеть съела». Ой, она ишо горазже россердилась.

На второй день третей дочке говорит: «Ты не будь душой, этова мальчишка зажарь». Ну вот. А теперь мальчик знает в чём дело, а эти... Она не рассказывает, што я дочек съела, дак ты хоть не сядь на лопатку. Ой, эта три беремья принёсла дров. (Это в кинь казали). Три беремья принёсла дров, натопила печьку, што все и бока были как огняныя, глина ли там, кирпичи ли. Вот. Парнишка рыцит: «Давай, мальчик, иди, сидишь всю ночь, наверно, озябь. Покаатаю и вымою. Нагрюю водицкю. И вымою и сё». Дак она сказала. Парнишко не отпираётцы, идёт. Опеть садитци, лопатка уж приготовлена. Садитци. Сел, руки, ноги росшеперил. «Да, мальчик, не эдак, сожми руки да ноги, да только туда вынь, да оттуда. Воды нагрею да вымою тебя-то». Уговорила. – «Да сядь, да укажи-ко сама-та». Села, он только торкнул! Там много дров, у её загорелось.

И эту доченьку съела. О-ой! Села покатаьци, потом россердилася, нацяла берёзу грызти, зубы изломала: «Побегу в кузленцу. Кузнес пусть зубы железные сделаёт». Зашла в кузленцу, а деревня недалёко была, видно, от лесу-то. «Кузнес, сделай мне зубы железные». – «А куды тебе зубы, железные зубы?». А не сказала, што, там, досек съела, ак надо этова. «А дров надо приготовить, а пилы нет, ак вот думаю, хоть зубам перегрызти ёлку, да хоть домой принести». Ну, кузнес ей зуб железной сделал. Пришла и стала грызти. Летит стадо гусей, а уж ён на берёзе, уж и пасти, пожалуй. «Гуси, гуси, возьмитё, мне смерть подходит», – это парнишочко рыцит. – «Нет, нам некуда тибя брать. Вон, взади гусь один летит, ак у тово просись». Гусь пролётает мимо: «Гусь, возьми миня с собой, а не то мне смерть». Тот подлетел к берёзе, он только ногу закинул, сел на гуся, берёза повалилась – неково ести.

А матка уж шангы пецёт об сыне, уж сколько прошло, потерялсы. Шангы пецёт, поминки надо сделать. Погледела – с гусём у окошка сын стоит. Обрадела.

(Дак чё робятам, много про гусей я им всё старинок-то рассказываю, да. Это в кинь казали. Дедушко Кудя у нас много и сказок сказывал. Я всё забыла).

44. Про Бабу-Егу

(Про Бабу-Егу. Как садила она в печьку-ту, Иванушко-то посадить-

то хотела Ега-то).

Баба-Ега посадить-то в печку хотела. «А ты, – **говрит**, – покажи». (С **чево** начинать, я не знаю, Как это было с **нац'яла**-то рассказывать?) «А ты, – **горит**, – сядь да укажи **мине** в печку». Вот. «Ручки **подкорчи**, ножки **подожди**». А он вот **сделаёт** эдак: ручки и ноги **росшарашит**, никак не **входит** в **усье**-то. Ей **некак** не **пехнуть** **ево**, Иванушка. Иванушко, **русскёй** Иванушко, он **смелой** парень и **сильнёй**.

45. [Иван-царевич и разбойники]

Вот в одном **государсве** овдовел царь. **Осталсы** у **ево** **сынишко** Иванушко. Он **женилсы** на другой, **знасит**. Сыну уже стало **восемнацеть** лет, он **горит**: «**Отец**, есть ли **ишшо**, – **говрит**, – какие **государсва** у нас, или мы только **одне** **живём**?» Да. Царь, **конешно**, не **сказал**, што **есть**, **сказал**, што **нету** **никово** больше, **окроме** **нашева** **государсва**-**царсва**. А он **подумал**-**подумал**, да **утром** **встал**: «А я, – **говрит**, – **отец**, **отправляюся** по **белому** **свету**, **узнаю**, – **говрит**, – што **есть** на **белом** **свите**, или **нет**?» А **мать**-**та**, она **недолюбливала** царя, **старой** **уж** он **был**: «А я, – **говрит**, – ты **пойдёшь**, Иванушко, а я **от** тебя **не** **отстану**, **пойду** с тобой». Вот **оне** **сокопили** **сумоську** с собой, **взял** он **винтовоську** – и **покатили** с **матерью** по **белому** **свету**.

Шли-**шли** – **против** **неба** на **земле**, как на **бороне**, и **выходят** – **лужок** **стоит**, **гладь**. И на этом **лугу** **стоит** **дом** и **кирпашной** **столб**. «**Вон**, – **горит**, – **мама**, – **говрит**, – **видишь**, **кто-то** **живёт**. **Пойдём**, – **горит**, – **хоть** **перенац'юем**, да **может** и **перезакусим** **цё-нибудь**». **Зашли**. В **доме** **никово** **нету**. Вот. «**Ну**, **мама**, **давай** ты **тут** **роскладывай** **покушать**, а я **схожу** в **этот** **столб**, **узнаю**, **цево** **тамо**, – **говрит**, – **есть**». **Зашол** в **этот** **столб**. **Ницоо** **нету**. **Везде** **обошол**, **ницово** **нигде** **нету**. И **видит**: **брюки** **висят** с **красным** **гантом** по **бокам**. «**Ох**, **какие** **брюки**-**то**! **Ну**, у **меня** **хоть** **хорошие**, а **взеть**, – **говрит**, – **может**? **Поизношу** **свои**, **дак** и **эти** **пригодятцы**». **Взял** **эте** **брюки**, **надел** на **сбия** и **поц'юствовал** **такую** **силу**, **што** **бы** **был** **бы**, **если** **столб** в **землю** **врыт**, да **кольцо** **бы** **во** **столбе**, **повернул** **земной** **шар** **бы**, **вот** **какую** **силу** **ц'юствуэт**! И **пошол**. **Вдруг** **эму** **слово** **говорит** **кто-то**: «**Иванушко**, – **говорит**, – **сними** **брюки**. **Вот**. **Тебе** **они**, – **говорит**,

– добра не приведут». – «А ты хто такой?» – «А я чёрт». – «А чёрт, дак и пускай ты чёрт». И ушол. Домой пришол, понимаэш, подзакусил, отдохнули. Утром он встал: «Мама, – говорит, – давай поживём. Я схожу в лес, узнаю, – говорит, – што есть в лисе здесь али нету ли в лисе, а хоть узнаю». Вот он взял винтовоську и покатыл.

В лесе, только до лесу дошол, вдруг ему заец на дыбы. Он сразу: «Стой, – говорит, – Иванушко, не стреляй. Я тебе, – говорит, – пригожуся». Он ружьё опустил: «Што такое? Заец говорит мне такое слово, панимаэш?» Ну ладно. Пошол дальше. Дальше идёт, панимаэш, волк настрицу ёму: «Ой, да волк! Давай, это». – «Не стреляй, Ваня, я тебе пригожусь». – «Што за статья?» – ружьё на плечё, покатыл дальше. Зашол в лес – Михайло Потаповиц, медведь. И ковыляет на косыф-то лапаф-то к иму. «У, – говорит, – медвидь! Во, хватит нам жаркова с мамой тут, – говорит, – куда». И хотел стрелить-то. Тот стал на дыбы: «Не стреляй, Ваня! Я тебе пригожусь». – «Да што такое, говорит? И убить никово мне нельзя, видно». Вот. Ну, тут походил-походил, никово больше нету: «Пойду домой, (й)исти захотелось».

А к матке пришол, панимаэш, там розбойник. Иф двенацеть человек живут в другом месте, братанов тамо, и отец. Вот. Обнесён этот ифнэй дом за другим лесом оградой. Этот пришол к ёй: «Давай со мной жить, – говорит». – «Как, – говорит, – жить? Ведь у меня, – говорит, – сын есь, Иванушко. Он хоть мне не родной, а...» – «А ну, не родной, дак цё? Возьмём, да угробим, да вот тебе и всё, твоево Иванушка. Только узнай, – говорит, – какая у ево сила есть, и в цём она есть у ево», и сам скрылсы, увидели, што выходит Иван из лесу. Иван пришол, matka-та, это, лепёшецёк тут всякиф напекла, муки-то хватает везде тамо, зносит: «Вот давай, Ваня, покушай, (но не сказываёт, што был этот), погребла тута вот муки, да всево – лепёшёк напекла». – «А ницево, – говорит, – мама, цеве-то, – говорит, – сёдни не поохотилось, нету ницево. Завтро ишшо схожу, узнаю». Вот.

[Сили исти, matka и спрашиваэт: «Ваня, я вот пошла-та с тобой, – говорит, – а не знаю, есть ли у тибя какая сила, ли нет ли? В случае, если нападение на нас, дак што я могу, женшына, на тибя-то как надиятцы?» – «У меня, мамка, сила большая, огромная сила». – «Дак вот, Ваня, ты можошь вот этот вот столб кулаком росшибти?» – «Ой, это для миня пустяк, столб такой кирпишной».

Вышел, как замахнулся, дал, дак только рассыпалось всё. Вот. И цёрт в землю провалился. Пришол: «Ну, как? Вот видяла?» – «Видела, Ваня, видела. Сила у *тя* большая. Вот. А откуда у тебя, Ваня такая сила-то взялась?» – «А вот, мама, у меня эти штаны, – *говрит*, – от как я надел, – *говрит*, – эти штаны, дак поцувствовал силу, – *говорит*, – прямо неограничённую». А вот этому розбойнику-то толькё и надо узнать сила-то, откуда у *ево* сила-то.

Он ноцёвал, и опеть утром встал и покатил в лес. Этот розбойник пришол: «Ну, што?» – *говорит*. – «А вот, – *говрит*, – у *ево* сила, – *горит*, – вся сила во штанаф. Вот, – *горит*, – столб росшиб, – *говорит*, – дак сказал, што это для меня детская забава». – «Вот это, – *говорит*, – да! А как, – *горит*, – это дело сделать, *штобы* вот у *ево* штаны *обрать*?» – «Не знаю, – *говорит*, – как». – «А вот, – *говорит*, – как», – розбойник *говорит*. «Возьми, – *говорит*, – *пецку* подтопи и скажи: «Ваня, давно не *мывались*», – дак пускай он в *печке* *вымоецца*, штаны-то и *поснимёт*».

Вот он походил в лисе, походил, тут тетёрок посшибал, тетеревья, принёс всё-таки на жаркое. Пришол: «Ну, как, мама? Никто не *был*, *никово* не *видала*?» – «*Никово* нету, *никово*, батюшко, нету». – «На вот, топерь тетёрок ошшыпли, да жарь и вари». – «Ваня, я *печку* истопила. Мы давно ведь не *мывались*-то. Я-то помылась, а ты-то сходи ишшо *помойси*». Вот. А цёрт сидит за печкой, то есть не цёрт, а этот розбойник сидит за *печкой*, *слушаёт*. – «Што, мама, верно. Ладно, давай». Сейчас жо *розделся* да штаны-то и повесил против уся тут на гвоздик. В *печку*-то зашол, там помылся: «Мамка, – *говрит*, – закрой заслонку. – *говрит*, – цё-то не особо жарко, видно, *натопила*-то». – «Давай, давай», – она взяла заслонку-то поставила, а розбойник этот *выскоцил* да рельсу и подставил, в стену в эту и упёр: «Топерь не *выскочишь*». И это *сецас* матку: «Беги, *зажигай* *полинницу* на улице и клади крюк на *полинницу*, как *накалитцы*, *неси* сюды». Эта убежала туды, *зажгла* *полинницу*, крюк *положила*, *дожидаетцы*, *когды* *красный* *будёт*. А этот [= розбойник] *взял*, *вынял* *кинжал* и в *печке* начал *крутить* дыру. Вот. *Крутить* дыру, *понимаэш*, *нацал*. Он *слышит*, *кто-то* *скыркаэт*: «Мамка, – *говрит*, – *открой-ка*», – *говрит*. *Ницево*. Вот этот до цово *доскобил*, *понимаэш*, *отверстие* *сделал*, што кулак уже *войдёт*, *ишшо* *скоблит*, *понимаэш*. А он *крычит*: «Мамка, мамка, *роскрой*, *открой!*» Видит, што дело *неладно* *цё-то*, *кто-то* у *иё* *пришол*. Вдруг *матка*

принесла крюк-от. Он [= разбойник] схватил крюк-от да в эту дыру-то: «Я те, – *говрит*, – *сейчас* выпарю». Вот там *нацял*, *понимаэш*. Он *крычит*, *ревит*: «Мамка, открой, открой!» – *ницово*. Вот *всево-то*, *всево-то* крюком-то эдак и *выжог*].

[*(Ой, погоди, пропустил. Постой!)* Это *ковды* он уже второй-то раз сходил, а этот *пытает* всё как дело-то обделать, *говрит*: «У меня *братанов* там *одинацет* человек, я – *двенацатой*, отец – *тринацатой*. Да *к вот*, – *говрит*, – *скажи*, – *говрит*, – *што в саду тамо* золотые яблоки. Один бы *яблочок* принёс, да *к я бы съела*, *мине легче* и стало бы». Вот. Вот она, *сотона*, на *печке* *лэжит*, лоб завязан. Пришол Ваня, а *ёна охаёт*. «Цё, *мама*, *охаешь?*» – «Ой, *вот как не могу севодни*, да *прямо марш*. Да *к вот и снитцы сон*: где-то *тута есь*, *ишшо дом* стоит, *целый сад яблоней*, яблоки золотые *есь*, хорошие. Вот бы один принёс, *съела, легче* и стало». – «Ой, *мамка*, *сецас схожу*». Да не *евши-то*, *голодной-то эдакой туды сошол*: дом стоит, *ограда загорожена*. Дом *двуфетажной*. Вот...]

(*Опеть спутал.*) На *мельницу* *надо-то*. Да, *сказала*, *говрит*: «Вот на *мельницу* бы сходил, да *пыли бы принёс*, да *к я бы лепёшек напёкла*, *полегче* стало». – «Да *к сейцас*, *мамка*, *давай цё-нибудь*». – «На *платок*, *завёжи там в платок*». *Сошол там*, *понимаэш*, *подошол к мельнице-то*, *раз!* – *открыл!* *Идёт* – *двери открыты туды всё* – он *прошол* – *трои двери открыты* – *прошол*, *живо пыли* набрал, это, с *вальков тута*, всё *нагрёб*, *завезал*. *Вдруг, раз-раз!* – *защёлкали двери*, *запёрлись*. Он *билсы-билсы* у *дверей*, уж *вот положил это тут*, *хрястал, хрястал*, – до *цево* доколотил, *што уж кулаку тошно* стало. Одни *двери сшиб* всё-таки, *ешо двои тамо*, да *ведь кулака не хватит*. И *думаэт*: «Ох, *што-то мине заяц* хотел *помощь*, да *волк*, да *медвидь*». *Вдруг слышит*: *хрупит у дверей* – *заяц прибежал*, и *дверь [начал грызть]*. *Хруп-хруп-хруп!* – *только осколоськи летят*. *Голову просунул*: «Ваня, не *торопись*, *сейцас освободим*». *Заяц проскоцил*, *волк подошол*, этот *давай грызти*, *знасит*. *Розгрыз*, сам *проскосил*. *Михайло Потаповиц подошол*: «А-а!» – *забирает когтям*, *разворасивает*, это, и с *верелям* все *двери выставил*, освободил. «Уй, – *говрит*, – *што-то*, – *говрит*, – *што-то тут*, не *знаю*».

Пришол домой, *матке* *подал*: «На, *мамка!*» – «Ну, как, Ваня, *сходил?*» – «Да *сошол*, – *говрит*, – а там, – *говрит*, – *трои двери*, да и *заперлися*. *Туды-то полы* были, а как я *пошол*, все и *закрылися*, да *к*

насилу и вышел оттуды». Ну, не сказал, што это ево освободили-то.

Вот на другой-то день он в *лисе* походил да всё. Ишшо надо *избавитьцы*, вот. (Вот эво и направил к *брата*нам-то туды, это на второй-то день). Вот он *пришол*, *матка* *лэжит*: «Ой, ой, вот *наснилося*, што *яблоки* там *золотыё*. Один бы съела, дак у меня и сё и прошло». – «*Сецас*, *мамка*, *схожу*», – *повернулсы*, *пошол* *туды*. *Сошол*: верно, стоит дом *двуфетажной*, *кругом* это всё *обделано* эдак, и *яблоки*. *Сцас* подошол, *захватил* эту *ограду*, *всю* *разворотил*. *Зашол*, *яблонь* *тряхнул*, все *яблоки*... Эти увидели из *дому-то*: «Да што там, какой-то *хулиган* *зашол* да *яблоки* *околацивает*. Ну-ко, *давай*, *робята*, *берём*», – все *схватили* по *шашке* и на *улицу*. Вот. *Выскоцили*: «*Ты* што *такоеё* тут *хулиганишь?* Мы *тебя* *сецяс* на *куски* *изрубим* *всево!*» Он *видит*: «*Шутка* *малая*, *понимаэшь*», – *взял* да из *ограды* *железный* *прут* *выхватил*, да и *давай* *тово* да *другова*. Только как *грибы* *летят*. *Оне* *сдацю* дали – и в *дом*. Он в *дом* *идёт*, *знасит*, *туды-сюды* – *езде* *шарит*, *знасит*, *всеф* *переколотил*. *Идёт*, *считаёт*, *сколько* *убил*. «*Одиннацеть*, – *говрит*, – *штук*». Вот. Ну и *пошол* по *лиснице* *дальше*. *Идёт*, *упираетцы* в *простенку*. *Вдруг* *царапина* *такая*, *рубчик*. *Провёл* *туды-сюды*: «*Дверь*, – *говрит*, – *какая-то*». *Дверь*. «Ну-ко, – *говрит*, – *эту* *дверь*», – да как *дас*, *понимаэшь*, *кулаком*, *дверь-то* *проскоцила*, *пошол* *дальше*. *Опять* *дверцы* *налево*. *Взял*, как *колонул* – *дверци* *открылися*, *видит*: *сидит* *двенацеть* *штук* *девок*, *царские* *доцери*, из *царских* *дворцов* *нахватаны* у *иф*, *занимались* *грабежом*. Эти: «*Ой*, *уходи*, *молодой* *человек*, *уходи!* Нет, дак и *тебя*, – *говрит*, – *здеся* *убьют*». – «*Ницево*, – *говрит*, – *не* *росстраивайтесь*. *Я* *пришол* *вас* *освободить*». – «*Нет*, *нет*, *уходите*, *уходите*». – «*Давай* *пошли*, – *говрит*, – *все*». – «*Да* *куда* *мы* *пойдём?* *Нас* *перебьют* *всеф*». – «*А*, – *говрит*, – *все* *перебиты*. *Никово* *там* *больше* *нету*». *Взял* *вытышкал* (*й*)*иф* из *комнаты*: «*Выходите*, *выходите*», – *освободил*. *А* *самому* *надо*, *знасит*, *всё* *езде* *выглядить*. Вот *зашол*, *видит*: *сидит* *дедко*. «*Ты* *цё*, *дед*, *сидишь* *тут?*» – *захватил* *ево*, *трехнул* – и *жить* *насрать*. *Открыл* *сундук*, там *целой* *сундук* *золота*. «*Вот*, – *говрит*, – *ишь*, *цем* *люди* *занимаютцы*, *понимаэшь*», – и *пошол* *тут*. *По* *полу-то* *ходил*, *ходил*. «*Тут*, – *говрит*, – *дверка*, *шшитик* *какой-то*», – *взял*, да как *топнул*, *понимаэшь*, *шшитик-от* *проскосил*, *нагнулсы*, *понюхал* *тамо* *всё*: «*Не* *знаю*, – *говрит*, – *какой-то* *изморостью* *пахнет*, а *не* *знаю*. *Опуститцы* *туды?* – *Давай*». *Ницё* *нету* *подставить*, *опустил* *ноги*, *рукам* *держалсы*, *лягал-лягал*, *вдруг*: *хвость!*

туды до земли. Толокнулсы в подполье. Погледел: топерь как выйти-то? Ну ладно, пошол: тут всё народ лёжит, всё битой, убивали, и вот туда в подпольё. Дело плохо, как выходить? Подошол, а стена кирпичная, кулаком раз-два! – ницево. От и горюёт, и горюёт тут: «Никак топерь не выйти мне отсюды».

(Постой, дай вздумать, как он вышел-то?) Да, помогли-то эти девки (й)ему, понимаэш, свезали это всё с себя платье да верёвкой сделали, да туды ему и опустили, дак вот ево и выташыли девки, выташылы-то. Поспасали ему и эти пошли топереца на корабь. Да, оне встали в ряд и говрят: «Выберай. Ты холостой?» – «Холостой. Я – Иван-царевич». – «Ну, и мы царские доцери. Выберай нас, ково облюбуйёшь». Он тут погледел походил: «Я вот тибя, на тебе хочу женитцы». Ну, она взяла, кольце сняла ёму: «Вот тебе кольце. Я за тобой приеду. Сийцяс вот вместе съезжу с девкам, а обратно я на корабле на своём приеду за тобой», – зносит, вот.

И с этим и распростилися с девкам. А он пошол к матке. Яблок сорвал и принёс: «На, мама, яблоков». – «Ой, да це ты долго-то там, Ванюшка?» – «Ой, мама, – говорит, – да на миня тамо одиннацеть целовек, – говорит, – всеф пришлось переколотить». Этот за песькой: «Вот так это, – говорит, – да. И мне тут и нос совать нецё. Покажись, дак из миня “пшик” выйdet». Вот.

Вот пецку-то он и заставил ие истопить-то, вот, ковды уж, зносит. Она вот истопила пецку-то, то да сё, да эдаково вот ево обгорелова-та, он [= разбойник] открыл заслонку, выташыл ево за ногу, да на плечё, да и пошол: «В море брошу, и пускай несёт». Подошол (а он нице не панимает, зносит), подошол к морю, да захватил за ногу-то, да как шварнул в морё-то! Он пал в холодноё-то, у ево память-то толкнуло: што в море пал, зносит, туды морё. А этот бросил, да повернулсы, да покати. Он [= Иван-царевич] уже понял, што надо в эту сторону мне, а то в море уташшыт. Он развернулсы, да глядять-то не глядит ницево уж, рукам гребёт, к берегу-то дополз, понимаэш, да сел на берег-от, глаза-то открыл, оглядел, – весь сожжён: «Вот так, – говрит, – мама! Подвела меня, – говрит, – всё-таки». Ну ладно.

Сидит на берегу день, сидит другой, вдруг показалсы – корабь идёт. Вот это царевна приежаёт, зносит. Подъежжают далёко, к берегу не подъедёшь, мелко. Берёт динокль, смотрит, зносит, в подзорную

трубу: «Што, – говорит, – за человек сидит на этом мысу, – говорит, – зверь не зверь, – говорит, – похоже на человека». Вот матросов: «А нука, – говорит, – давай шлюпку опускай! Съездите, што тут такое сидит, хто?» А кольцо-то у ёво на руке всё-таки было. Эти живо на шлюпке подъехали, смотрят: человек, а весь сожжён: «Што с тобой?» – «Да вот, – говорит, – сожгли меня, – говорит». Кольцё-то увидели, да: «Вы и есть Иван-царевись?» – «Да, вот, – говорит, – я-то, – говорит». Азбуку Морзе раз-два! – туды на корабль, понимаэш, – «Скорую помощь» быстро! – Иван-царевис сожжён».

Ну, царевна эта просто тожо в шлюпку, да с оммундированьём со всем, понимаэш, и на берег подбежали: кольцё ие. Она: «Да што с тобой, Ваня?» – «Да ничё, – говорит, – особенново». Давай, живо смазали туды-сюды: «Давай, на корабль!» – «Нет, я, – говорит, – ишо не поеду. Дайте мне немножко поправитцы, дак потом, – говорит, – уж я...»

И вот сидели три дня тут. Эти на корабле, а она всё с им, знасит, перевязывали да сё. У ево всё коросты слизли, всё ево промыли, оделсы в царское. Ну, царевна эта, Василиса Прекрасная: «Давай, топерь поедем Иван-царевичь». – «Нет, – говорит, – я ишо не поеду. Мне нады рассчитатцы с селовеком». – «Дак ты только скажи, дак мы сейчас рознесём всё вдребезги». – «Нет, я сам должен сё это сделать». И ни в какую с ей не согласилсы ехать: «Я через три дня, – говорит, – приеду, если корабль пойдёт, – говорит, – какой бы ни на есть, на корабль, и к вам приеду туды, в такое царство».

Ну, поехала, распростилась с Иванушкой. Этот дождалсы вецёра и покати. Идёт: разбойник-от в пецке моетцы, дыра замазана. Он только... (а матка ушла на улицу за бильём) видит, брюки-то повешаны, понимаэш. Моетцы там. Он цейчас эти брюки надёрнул, понимаэш, схватил заслонку, поставил, опеть это всё припёр, схватил стул, табуретки. Всё переколотил, переломал, спиську зажэг, тут же в избе и зажэг, схватил ножик и давай в этом мисте дыру, где была дыра, розрывать. Вот. Розбойник-от уцюл там, понимаэш, што скыркает кто-то. Вот называет ие: «Открой, открой». – «Шиш возьми! Я тебе, – говорит, – открою сецяс (матом ево, понимаэш), уж ты меня испёк, так и я тебе, – говорит, – дам». Этот там не жив топерь, не годен. Дыру выхватил, всё нагрелося (крюк-от бросил сразу, дак нагрелося). Матка зашла: «Ох, ох, Ванюшка», – и пала на пол. Вот он крюк этот горящей-

то этакой взял-то да и давай этова... Похватал, ну цё хватать, как всё жжёт. Так **выудил ево**, уж на! Открыл заслонку-то, **выдёрнул ево за ногу**, берёт топор: «Я-то в море не понесу», – **говрит**. Окошко **выткнул**, да на подоконник, и раз! только голова полетела. К **матке** подошол, носком как поддел: «Ты, – говорит, – сотона, што?». – «Ой, **Ванюшка**, прости, прости». – «Я тебе прошщу», – **говрит**. И эту положил, и этой голову отсёк.

И сам на второй день **отправилсы** к морю, дожидалсы. Вдруг **ифнёй кораб** как раз шол из Англии. Он видит по флагу, **знасит**, и азбуку Морзе. Азбуку Морзе: «К берегу, на **помощ**». **Кораб** подошол, шлюпку пустили, подъехали: «Вы хто будете?» – «Я вот такой-то и такой, мне нужно вот туда-то, туда». – «Дак мы, – **говрит**, – вот везём товар туда в это **государсво**». – «Ну, и **самоё** **лучшоё**». Сел на этот корабль и туды, **знасит**, **отправилсы**.

Я-то был **тамо**, всё видел. Если б я бы не был, не видел бы, **понимаэш**, дак как бы я мог вам говорить? Вот был-жил **царь-то**, **фу-то**, вот вам **всё** **тута**. Я этим не торгую, но **россказать** могу другую. Сидите, дак и до утра, может.

46. [Как умерший муж к жене ходил]

(Ходит в теле... Ну, бес. Это, **знаеш**, как **получаётцы**, ходит. Вот **целовек** **умрёт**, **бес** **вселяетцы** в **ево**. **Надеваэт** тело на **сибя**. Он **горам** **воротит**, правда **тотя** **Дуня** **бродовськая** сказала, он **горам** **воротит**, не только **людям**.

Ну вот, а тут как это дело **обознали**, **дедушко** у нас всё **Кудя** **рассказывал**.)

Тут у **бабы-то** в этом, как **ёво**, за **Ёргой-то** **деревня**, в **Петрине**, **мужик** **умёр**, и стал **ходить** он. **Ходить** стал, потом, когда **умёр**, **батько-то** [у этого **мужчины**] **умёр** (это-то **сноха** **будёт**), она и **говорит** [**мужу**]: «**Штё** **жо** это, все **гроб** **делают**, а ты, – **грит**, – не **подойдэш** **гроба-то** **делать**?» Она-то **видят**, эти-то [= **люди**] не **видят**. «**Штё**, – **говорит**, – **цюжие** **делают**, а ты, – **говорит**, – не **подойдэш**?» – «И **без** **миня**, – **грит**, – **сделают**, мне **нечё**, – **грит**, – **делать**».

Ну **ладно**. И **поехали** **хоронить** [**свёкра**], она **нацяла** за им [= **мужем**]

следить, штё видит, штё не то дело. Ну вот, съехали в церкву: «А я, – гит, – всё за ёво гляжу». (А она одна и видит ёво). Она всё за им и следит, а он не знает. (Муж умер, жена видит, а больше никто, люди не видят). А он стоит подле народу, в церкве-то близко-то подойти нельзя – святоё. А она всё на ево глядит. «Как он, – грит, – расхохотёт!»

Вот они домой-то пришли: «Што жо, – грит, – ты, – грит, – мужицок, – грит, – батько умёр, хоронеём, а ты, – грит, – расхохотал в церкви». – «Хм». – «Дак уж все, – грит, – мы с тобой тайные слова говорили. Всё, всё уж, – грит, – а тут, – грит, – тебе и сказать не охота над цём расхохотал. Ну, уж скажи, цово?» – «А как, – грит, – бес-от стал в ёво, в батька-то залезивать, как запили, – горит, – не то-то, другоё-то, «Херувим-то» запили, он оттуда-то обратны-то выскоцил, дак весь в говнах умаралсы и побежал», – вот он-то рассказывает. «Вот, я, – грит, – расхохотал». – [Жена спрашивает]: «А ну, – грит, – а чё бы было?» – «Вот, – грит, – и стал, – грит, – ходить». Она грит: «А как бы сделать, [чтобы не ходил?]

– [муж отвечает]: «А ковды, – грит, – пецкю растоплеешь, да первой огарыш щиплешь, луцина загоритцы, этот огарыш, – грит, – погаси. Где, – грит, – он лежит, дак тут, – грит, – обведи, он тут, – грит, – исцезнёт». Ладно.

Она и намотала на ус это. Ладно. Зацяла пецкю топеть, затопила, огарыш погасила, токо ёво обнесла – он тут и исцез. Она и пошла на сенокос, тожо, видно, ходила. Вдруг, грит, собака бежит-то стороной-то. Уж как собакой показалсы. Да, собака бежит, это, видно, ей сказали, што, коли собака бежит, што поминай мужика-то, как мужика-то зали? (Олёксандром, нет, не Олёксандром, Никонором ли как ли, как-то эдак). Пускай, хоть Никонором. «Ко мне, – грит, – Никонорыч ходит», – собаке-то. А вдруг он отвицеёт: «Хорошая ты женщина, и собаке на фос нависила. Вон, на тебе, – грит, – петля висела, сейчас бы тибя задавил». Вот она, она этим оборонилась.

47. [Как умерший муж к жене ходил]

У одной жэнщины много робятишок было, а говорит [мужчине, который в Сибирь на заработки поехал]: «Возьми ты моево Санюшку (а чё Санюшке деветь лет), поучишь хоть шить, да из-за хлеба. Не знаю, – говорит, – у меня мужа-то нет, дак как будет и жить». А у него тоже трое детей было. (Вот это он [= мужчина из Кириллова] тоже рассказывал,

сроду не забыть). Вдруг этот Санька приѐзжает из Сибири и говорит: «**Вашева** дядю Сашу похоронили. Ему, – говорит, – скоропостижно **серцо** отказало, а ехать далеко, да и холодно (зима холодная такая была). Вот деньги я привѐз, которые хозяева **отдали**, он заработал. Уж вас не стали тревожить, у вас тоже дети да всё, да **ишо** и **дедушко** у вас (евонный отец, старый)». Ну, она тут заплакала, сильно затосковала – вдруг в двенацать **чесов** ночи **стукаетцы**. Она выходит, говорит: «Кто?» – «Да, – говорит, – я!» – «Да как ты? Вон Санька, мальчишко-то, приехал, рассказал, што дядя Саша **умёр**». – «Ой, да **тово** ты на **нево** смотришь, не хотел меня дожидаться, дак уехал».

Ну, пустила. С[м]отрю, говорит, ночью нашѐт обуви, дак все скамейки и лавки заставит, утром встану – нет **нитово**. Скажет: «Я поду дрова возить». – Смотрю, говорит, дрова возит всю осину (осина проклятая же) всё, говорит, возит осину. Целый **заулок** дров навалит, утром встану – и нету **нитово**. Ой, говорит, парень-то правду сказал, [што умер муж], теперь и сказать никому нельзя. А сильно свѐкр-то болел, **евонный** отец. Вот этот свѐкр **умераёт**, делают гроб, тут и **платут**, што всё же из жизни уходит, а он сидит на кухне и **некак** не гроб не делает, **нитово**. Я, говорит: «Саша, што же ты отцу родному **нитово** не помогаёшь?» (Жена-то видит). Он говорит: «А сделают без **миня**». Вот поехали **хоронять**-то, я, **грит**, смотрю – он выше телеграфных столбов идёт. (Ой, **сердце замёрло!**) Вот теперь как и **избавитце**. Это – **нецистая** сила. (Конешно, он-то **умёр**, похоронели, дак. Никто не видит **ево**, только она одна. Вот этот [мужчина] рассказывал, у нас, говорит, случей такой был от Кириллова недалеко). Вот, говорит, пришли мы в **церков**: он от порога не отходит, а в **церков** зашол. Вот, говорит, отец пока **лѐжал** на **паперте**, не **опетой**-то пока, дак он, говорит, стоял, а как, говорит, поп-то **пришол**, начал **кадилом**-то **опевать**-то **отца**-та, да как, говорит, он **захохочит** на всю **церков**, да так и **валетцы** – **хохочит**, сколько силы есть – никто **ево** не видит, не слышит, только я одна.

Мы, говорит, приехали с похорон, ну-ко, говорит, этот [= свѐкор] – покойник, только похоронили, и этот [муж] – покойник. Вот я, говорит, **ево** спрашиваю, легли спать: «А **чово** же ты так **смеялсы**-то в **церквы**?» – «Нет, – говорит, – никак не скажу». – «Ну, – говорит, – раньше мы с тобой, Саша, жили, пока до Сибири, дак все трудности, секреты – всё делили **пополам**, а теперь ты и сказать не **хочишь**». – «Ну, дак скажу. Вот,

ковда отца-то принесли, в ево бес и заскотыл, он хоть куда, в щиль какую зализёт. Заскотыл, ево поп-то кадилом как начал опевать-то отца, он [= бес] из нево из живота-то выскотыл в задний проход, да весь запачкался, да хвостом-то затрёс, побежал. Дак я со смеху умерал, а опевать бы не стали, он бы не вышол, он бы и стал к тебе ходить, а опевать-то стали – ему деваться-то некуда, он и выбежал». Она и говорит: «Ой, Господи, дак как делу-то быть, если отец-то стал ходить?» А он и говорит: «Ой, очень просто: утром-то встанёшь, да лучину-то зажжёшь, первый-то огарыш отшпынёшь, да первым-то огарышом от лучины только подойди, да три раз обведи и скажи: “Был, теперь нет”, – и вот, – говорит, – лучше всево. Вот он бы и не стал ходить, а теперь отпили, дак отец не придёт». (Ево-то спокойно похоронили, вот [поэтому] и земельку-то и опевают). Ой, она утром встала в цётыре часа и смотрит: у ево полный рот огня, так и пышот. А спит крепким-крепким сном. Она этим огарышком-то как обвела три раза – только ево не стало.

И вот, говорит, не было, а через три ноци пришол, дак, говорит, такой кресс принёс железной, и как дал по полу и сказал: «Ага, догадаласе. Вон тебе петля на осине висела, которая стоит около телеграфнова недалёко столба, я тебя бы задавил».

48. [Мать-коза]

Ну, тожо вот жили муж с женой, у иф родилась дочь. Красавица. И ехал барин да вот эту красавицу-то у их высватал, да привёз домой. А дома-то там нравилса другой женщине, как ведьма называлася та, [она] эту девочку-то сделала козой. Колдунья козой сделала. Ак вот коза-то, эта мать-то эта, робёночка-то родила, мать-то эта, на которой жонилса-то он. А коза-то убежала к козам жить. А вот этии (дочку-то привела, колдунья- то тут, этому мужу), а ребенок-от, у ей нету молока-то, робенок-то плачот всё времё. Ак она и подёт в баню, на порог сядёт и причитаёт эдак, што:

*«Козы, вы козы,
Белье козы,*

*Не видали ли, козы,
Малова матери?
Малой плачот,
Сисю просит,
А я даю – да не берёт».*

«В заднём стаде», – там ответят.
Опять идёт стадо коз, она опять так жо, опять:

*«Козы, вы козы,
Белые козы,
Не видали ли, козы,
Малова матери?
[Малой плачот,
Сисю просит,
А я даю – да не берёт]».*

Коза выскакивает изо стада и снимает с себя шкуру, насосит ребёнка – и опять в стадо. Опять эта придёт домой, вот этой колдуньи-то дочка, к мужу, а муж цё-то замецаёт, што неладно цево-то – ребёнок плачёт. Ну, вот муж собрался, в баню-то зашёл, да за каменку сел. И вдруг она пришла с ребёнком, а он слушает. Она вот и просит так, што:

*«Козы, вы козы,
Белые козы,
Не видали ли, козы,
Малова матери?
Малой плачот,
Титьки просит,
А я даю – да не берёт».*

«В заднём стаде», – опять ответят. Она опять сидит. А мужик слушает, за каменкой сидит. Вдруг опять идёт стадо, она опять так жо:

«Козы, вы козы,

*Белые козы,
Не видали ли, козы,
Малова матери?
Малый плацот,
Сисю просит,
А я даю – да не берёт».*

Выскакивает коза, снимает с сибя шкуру. Она снимает шкуру-то, он [= муж] схватил – из-за каменки вылез – да шкуру-то *толькё* в печкю бросил! Шкура-то сгорела, она-то осталася без шкуры – *женшыной*. Ак вот эту колдунью-ту убил, да и эту [= дочь колдуньи], которая с им-то тут жила с ребенком-то. А эту забрал и домой привёл. И стали жить-поживать и добро наживать.

Сказке конец, кто слушал, дак тот молодец.

49. Про колодец

(*Тожо* девушку в колодец опустили). Жили муж с женой, у их было три сына: Саня, Ваня, и Гриша. Ну вот, вот этот Ваня-то немножко такой, как придуристой был. Вот этот батько отправляет их: «Вот *идитё*, там, вот то-то делать *идитё*». Вот *оне* пойдут, пойдут, этот *Ванюшка* сибя не жалел, ён препростенькой, дак ён сибя не жалел. *Роботаэт*, *роботаэт*, эти там то да *другоё*, отвяртываютьцы всё, а *Ванюшка* всё подряд идёт, всё *делаэт*. Вот смотрят: «Ну и Иван, ну и *работяшшой* парень, ну и *работяшшой*». Ну вот, *прихоят* домой на обед, пообедают, [*рассказывають*] кто сколько *тово* сделал. Или жать, или *то*, дак сколько кто сделал *тово*. «Вот я столько снопов нажал, я столько суслон (а суслон 10 снопов считалсы), я столько. А *Ванюшка*: «А я вот столько». У *Ванюшки* в два раз больше. «Дак што жо это? Ванька, дак... А вы *тово* делали?» – «А мы всё жали, мы всё жали. Не знаю, Ванька, *буди*, наши снопы крал». – «Да вы што, *робята*, *вместё* жали, как я ваши снопы крал, я свои *сшытал*, свои *соберал*». (Ставят суслон. Вот так посредине ставят, этот, сноп, потом с *этова* боку, с *этова*, и с *этова*, и потом *ишо* по между *галоткам*, штоб *вобралось* девять снопов, а *десятым* *закрывают*,

росширяют этот сноп и закрывают. А эсли вот яровоё, овёс или ячмень, тогда ставят эти снопы, а потом наверх два снопа, а потом третей ишо наверх лежмя, те уж не покрывают, а так). Ну вот. Всё у Ванюшки больше сулонов нажато. Ну вот, стали, это, батько што: «Как жо так, надо робята и вам, Ванька всё большё сделаэт».

А смотрят со стороны: «У, как Ванька работаэт-то. Ой, какой Ванька-то, ох, какой роботяшшой». (А ведь раньше как замуж? Не тово, што ты ково выберёшь, а кто родителям понравитцы, и вот и отдают. Сваты приежают, она ево и ненавидит, и не любит, и: «Уходи, штоб тебя и не было и близко». А батько grit: «Нет, подёшь!» Вот мою крёсную одавали: «Ой-ой-ой, я никак не пойду, я не люблю и никак не пойду, и никак...» А: «Нет, – гот, – пойдёшь». Она побижала к трёсной: «Я побигу к трёсной, пожалюси». Прибежала от к трёсной и говорит: «Крёсна, поговори ты с мамой-то и с отцом-то (раньше тятей звали, не звали палой), с мамой и с тятей поговори, ты гли-коси, миня отдают за Митешку, а я ево не люблю». – «Да ты што, у их земли столько, и ты не идёшь? Ты век ево не люби, у их земли много – иди взамуж!» Вот так. Так и тут).

Стали эти братовья, знатыт, с девоткам дружить, стали, што нады жонитьцы. Вот один там жанилсы, другой жанилсы – Ванюшке нады жанитьцы. Ванюшка пошол на берег, што: «Пошлите (девки-то ево не очень [любили]), што пошлите мене невесту». А утка и плывёт: «Гар, гар, гар, я твоя невеста». Ну, што Ванюшке делать? Взял. Идёт домой. «Ты то, Ванька?» – «Я жонилсы. Нивесту привёл. Утка». Батько с маткой: «Как так? Какая невеста-то? Утку привёл!»

Ну вот, и ён, это, свадьба у этих ребят, а ён утку посадил за пазуху (рукава носили раньше широкие такие). Всё. Гуляют. Ванька с невестой тут. Вот стали играть, стали плясать. Ванька и пошол плясать. Пошол Ванька-та плясать, рукой-то махнул, а оттуль выскочила девица, такая девица выскочила – царевна! Вот так Ванюшка-дураток!

Эти все глаза: «Да откуль тово взялось-то?» Все, это, знаёшь, остелбенели: «Как это так, как это так? Откуль взелася такая царевна-то, откуль взелась?» Вот все што: «Ой, ой, тово, да откуль, тово да?» – ево спрашивают. – «Не вашо дело. Моя жона». И женилсы на этой царевны. Дак потом этова Ванюшку, вот и дураток, эво так повысили, это царь-

то, дак уж Ванюшке и цены не было! Вот и Ванюшка-дураток! А эти робята осталиси не при том. Который, какую зял – которой как жил. А Ванюшка ... этот царь ему всё своё царство там подписал, там какую долю, всё ему подписал, што: «Это – Ванюшке, всё это Ванюшке».

И ён жил-поживал, жил с царевной, жил-поживал и горя не видал. Вот. Робята-то: «Ой, ой, да то жо нам-то, то жо нам-то? Ванька, где ты, хоть, ты, как ты, хоть?» – «Вот мог – и всё».

Вот и дураток, видишь? И так и осталиси жить этот дураток с царевной, а этим уж [братьям], какие там достались. И родители все в дыбы: «Ой, Ванька-то у нас, ой Ванька- то!»

Вот и всё. Тожо сказка недолгая вся. Вся, конец.

Сказка, грит, вся, говорить нельзя.

Всё.

(Много, много сказок занала, я забыла много отонь).

50. Поди туда – не знаю куда

Ну, тожо, тожо дватцать пять годов салдат служил. Да. И тожо всё он выслужилси, всё хорошо. И вот, это, ну, этот ёму царь: «За услугу, – грит, – приди, [награжу]». – «А у меня домой, – грит, – теперь, не к чёму ехать. Всё у мя, – грит, – никово дома, теперь все померли, никово нету». Да. Ну, ёму избушку сделал [царь], [в]от и всё. И салдат стал ходить на охоту. Вот это так сказка начинаецы. Вот.

На охоту стал ходить, значит, [в]от дичь бьёт да и царю принёсёт этой всё, дичь всякой набьёт, дак. Свежое, знаёшь-ко, хорошо, любил [царь]. Особенно, это, уток он любил жареных да гусей, дак он их набьёт – и всё.

Вот один раз сидит, значит, на берёгу моря – прилетает двенацать либедей. Двенацать либедей прилетают... вот так это в сказке говоритцы. Все, значит, эти крылышка все кладут, кажная под куст, и все оказались все деушками. Да. Вот. Он подкралсы да у одной крылышки-то обрал. Вот опять все эти крылышки взяли, знасит, оказались лебедям, а эта одна ходит: не можот крылошков-то найти [в]сё. Ну, вот она и говорит:

«Эсли, – грит, – украла старушка – дак будёт моя бабушка, пушай как мать [в]сё. Эсли украл пожилой мужчина – пушай мой будёт отец или, там, дедушко, ли чё ли. Эсли украл молодой какой чёловек – пушай будёт мой суженой-ряженой». Вообще-то, вот так. Он и *вышол* с крылышками. Она эму говорит так: «Што вот сумел крылышки мои взять, дак сумей со мной и жить». Вот так.

И вот, зачит, это, он царю докладаываёт, не *сказываёт*, што там... «Я, – грит, – нашол нивесту сибе». Царь этот сделал свадьбу, им сделали, всё женились и всё. Ну, она не *сказывётся*, чья-откуда – ницёво. А ёво Иваном звали. «Ну, *знаёшь*, што, Иванушко, вот так: *сделаём*, – грит, – домик свой хороший». – «А как *сделаём*-то, у меня *среств*-то, – грит, – нету, а царю... он мне поставил [дом], дак ён *денёг* не даст больше». – «Завтра, – грит, – [в]сё будет». Вот тут утром *стала* – такой дом сделала, што, видишь, у их и в государстве нету таково домика-то.

Вот царь завидовать стал, што Ивану ницё не сделать, это жена у ево сё делает. Вот. И надо этова Ивана изжить. Вот собирает сех своих таких знатков, колдунов, што: «Как сделать?» – Ну чово, *знаёшь*, это, [царь] не *скажет*, Иван, это сё жена *сделает*, всё доставит ёму. Тут сё всяких, ой, не *знаю* чово. Ну вот, *последней* *вешы*, *знаёшь* это: «Пушай, – грит, – найдёт всёво, не *знает* што и чово (вобще-то вот так), найти это». Вот Иван-то и сказал жене-то. «Это, – грит, – задача *очонь* трудная, *очонь*, – грит, – трудная задача. Потги туда, не *знаю* куда, принести то, не *знаю* што». Поди туда, не *знаёшь* куда, принеси то, не *знаю* што, вот. «Вот это, – грит, – *очонь* трудная задача». Ну ладно, хорошо. – «Вот пойдёшь, я тебе, – грит, – вот клубочик вот дам – куда клубочик *покатитцы* – туда за ним *подёшь*». И дала полотенцо: «Куда, – грит, – *будёшь*, – *знаёшь* это, – *умыватьцы*, только своим полотенцом *утирайси*, вот. А кто чё спросит, кто это полотенцо тебе подарил, ты скажи, это *жена* моя *подарилась*, больше *ничё*».

Ну он и *пошол*. Клубочик *докатываётца* до моря, и у моря тоже дорога *оказываётцы*, и сё. И он идёт, туды и идёт. Вот доходит до *одново*, значит, до места. Значит, *ночевает*, *утром* *умываётца*, полотенцо достаёт, а эта хозяйка: «Это, – грит, – *вашо*? Кто это полотенцо вам подарил?» – «А это, – грит, – моя жена». *Оказываетца*, это сестра младшая девки-

то этой, жены-то. Вот ему рассказала, он рассказал, што так и так. – «Это, – грит, – осонь трудно, я ишо этого не знаю, иди к этой сестре, к другой». Он ко второй сестре тоже таким путём, потом к третьей сестре, а та уже знала это дело, как чё сделать. – «Вот, – горит, – пойдёшь в такоё-то место. Вот. Там, – грит, – живут багатыри, – грит. Там несколько багатырей живёт. А ты там спрятайси. Вот там всё, – грит, – увидишь, чё делаетцы у багатырей». Вот. Он спряталсы, зносит, как говоритцы, сам себя обредил, как говоритцы (в Вытегре так говорят, што спряталсы, дак обрядилсы). Вот эти приходят багатыри, гуляют, от только [кричат]: «Мурзя, на стол». И опять никово нет, а на столе всё появляётцы. – «Мурзя!» – опять всё. Все напились, все ушли. Всё. Вот он и грит, што он и крикнул, што: «Мурзя! Да. Давай со мной-то пообедасть». Всё на стол, и она не кажот – «Ну, – грит, – спасибо тебе, молодой человек, што ты, – грит [меня за стол пригласил], – я ить сколько видь время живу, никто не приглашал миня обедать, а ты миня пригласил, я от тибя не отстану всё равно».

Ну, от тут ночёвал и сё, и пошол. Он чё не скажот дорогой, Мурзя тут и есть. Всё, всё есть, и всё тут появляетцы, знаёшь. И вот доходит до одново места, ночеваёт, хозяину показал, што: «У меня вот такая вещь есть». А у хозяина копьё такоё, вот как в землю ткнёт копьём – войско откуда не берётцы, полное войско. Как опять ткнёт – всё ликвидируетцы. «Мне, – грит, – променяй это». Он [= Иван] ему променял эту Мурзю, у него эта Мурзя несколько времё у ёво пожила, она опять к нему и пришла.

Ну вот приходит, знаёшь, в царство во своё, стали говорить: «Ну как? Вернуvси, принёс всё?» – «Всё принёс». – «Покажи!» Ну, показал царю, што: «Вот, вишь чё, а ешшо, это, – горит, – не всё, а ешшо, это, – грит, – не всё, а ешшо, – грит, – вот это, счас, – горит, – войско придёт». Знаёшь, как даст этим колом в землю, как ткнёт – откуда не берётцы всё войско. Он приказал, што сразу царя снять и росстрелять, всё. Ну и царя уништожили, стал сам царством править.

Вот такая вот.

(Она так длинная сказка, интёресная вообще-то. Вот я только слышел вот такие).

51. Как один солдат служил двадцать пять лет в армии

Как один солдат служил двадцать пять лет в армии. Надоела служба. Он сбежал с армии, вышел на дорогу, ну сказка есь сказка, стоит и думает: «А куда я поду? Ведь домой приду, арестуют меня: из сарской армии сбежал. Э, дурак я, дурак. Леший бы меня унёс, дак». Старицёк выходит из лесу: «Здорово, служивый». – «Здрасьте». – «Роботу ищёшь?» – «Да, вот такоё, такоё дело». – «Не бойсё, подём ко мне роботать». – «Кем?» – «Сойдёшь – увидишь».

Привёл ёво в лес – стоит двуфётажной дом, прилисный дом: «Вот тебе всё готово, вот у миня кухня, вот у миня столовая. Без тибя, ты не будош видеть, кто тебе готовить будёт. А вот тебе робота, вот кипети котёл. Кипети вот, вон дрова, но в котёл не гледи. Погледишь, я узнаю. Прокепетишь год всё здорово, росцёт полуцишь хорошей».

Ну ладно. Он кипетит котёл, придёт – в столовой кушать, што хотишь: и блины, ну што твоя душа пожелает. Што такоё? А не видит никово, кто готовит. Везде тепло, везде уютно, кровати хорошие. В последнёй день: «А! А дай, я открою котёл – цё я кипецю? Как он узнаёт?» Взял открыл, а там нет ницовой, простой котёл: «Тьфу ты, цёрт!» Приходит он: «Ну как пороботал?» – «Пороботал, вот всё исправно». – «Гледел в котёл?» – «Нет». – «Сяс узнаём». Повяртываётцы, – говрит, – задом к котлу. Открывает: «Гледел в тебя?» – «Вцёра токо погледел». – «Кипети снова год». – «Да што за цёрт, никово не было, а там голос целовицеской?» Опять год стал кипетить, пошол второй год, опять в последнёй день: «Там жо кто жо говорит-то, всё перешевелю, а найду». И под котлом и сё открыл – нету нигде неково. Закрыл. Опять хозяен приходит: «Ну, этот раз гледел?» – «Нет, не гледел!» Открыу: «Гледел?» – «Вцера гледел». – «Тьфу, кипети в третёй год». Ну, в третёй год прокепетил, не стал гледеть, не стал гледеть. [Старик] спросил. – «Нет, не гледел». – «Дак што, – говорит, – сто рублей денёг берёшь или слово?» – «А што за слово?» – «А вот, – грит, – слово. У любова предмета спреси, вот щепка лежит, ты у неё спреси: “Поцему ты сепка лёжишь?” – Она тебе ответит». Он подумал-подумал: «А давай слово!» – «А теперь, – говрит, – не бойси, тибя, – говрит, – никто не

тронёт». Спросил [солдат]. – Верно, каждый предмет *отвещает* ёму. [Старик] *ево* одел, хлеба на дорогу дал: «Отправляйся». Вот пошёл. (А дальше *россказывать* не буду. Вульгарно.)

Ну, вот он идёт – едёт поп: «Тпру», – *лошедь* остановил. «Слушай, *служивой*, ты куда идёшь?» – «Да вот, – *говорит*, – из *армен*, надо бы *роботку* подыскать». – «А мне *роботника*, я *роботника* ишу. Садись в *тарантас*». А *кобыла* хвос *изгибает*, [поп] *спрашивает*: «Это *цё?*» – Он сказал: «м...а». – «Ох, *уходи*, *такова* *роботника* не надо». Но *роботник* ушлый, *обогнал* *ево* да опять идёт впереди, он [поп] *догонет*: «Тьфу, *повезло* на солдат как. Куды?» – «Да вот». – «Да тут *миня* солдат один». – «Да я видел. Он, – *говорит*, – *цё-то* худо идёт. Я, – *говорит*, – *вперёд* *ёво* ушол». – «На *роботу* не *желаешь?*» – «Да как не *желаю?*» Таким же опытом, хвос у *кобылы*, што: «Это *цё?*» – «Первой раз, – *говорит*, – *вижу*. Не *видал*, – *грит*, – *такой* *страсти*». [Поп *думает*]: «Ну, в первый раз, дак *ладно*». *Едут*, *увидал*, ну, *обычно* *стадо* *короу* ходит, *корова* гуляла, *бык* на *корове* сидит. [Поп]: «А это, – *говорит*, – *цё?*» – «А это, – *горит*, – *считает*, *видишь*, *заведуший* *стада*, ак сколько у *йво* [коров]? Не ушло ли куды в *сторону?*» – «Во, *молодесь*, ни *одново* *мату* не *знаёт*». *Собаки* *скрестились*, *стоят*. [Поп]: «А это *сё?*» – «А это, – *горит*, – *сорок* *копеек* *задолжал*, дак к *поряднику* *ташшыт* *йво*», – *говорит*. *Вобщом* не *зматериуся*. – [Поп]: «Ну, *говорит*, – *отсыпай* *сё* *трои* *суток*, *дам* *роботу*». *Проспауси*. – «Ну, *какая* *робота?*» – «А *доську* в *бане* *мыть*». – «*Несево* себе». *Доська* *красивая*, *экая* *ланная*. «*Мыть*, дак *мыть*». [Поп]: «Но, – *говорит*, – ну, *раз* *ницё* не *знаёт*, да *сё?*» – *Доську* *мыу*, *мыу*, да и *намыу* *брюхо* ей, *доське-то*, *сюствует*, што надо *когти* *рвать*. [Поп *говорит* *дочери*]: «Ну *ушол*, дак *ушол*, *сё* *реветь-то?*» – [*Дочь*]: «*Цёсанку* *унёс* с *собой*». – «*Какую?*» – «А *меня* *расцясывал*». – «*Как?*» – «Да вот так». *Хм*. Поп-то *смекнул*, што *дело-то* *туго*, *видит*, што *животик* у *девки*: «Ах ты, *плут-то*, *нао* *догонеть*». И *стали* *ево* *догонеть*. Ну, он *видит* – поп *догонет*: «Ты, *слушай*, *чё* у *деуки* *унёс*, дак *одай*». Он *взял* *камень* на *дороге* *поднял* да *раз*: «А *натё* *ловить!*» – в *реку* и *кинул*. К *берегу* как *упало*, поп-то *роздеуси* и *бродит*, а *девцёнка-то*: «*Гли-ко* *нашол* да и не *отдавает!*» – у *батько* *увидела*. «Ах ты, *паразитка* ты *такая!*»

А он *смыуся*, *удрал*. *Всё*, был *таков*. Ну, *сё?* Та *родила* *робёноська*, *стала* *кормить* да и *сё*. (Вот, *типа* *такие* *сказки*, *разные*, он [= *отец*]

наснёт нам рассказывать, *матка* ругать: «Да разве можно детям такие сказки рассказывать». А мы сё, пацаны, дак: «Ха-ха-ха-ха». Ну ладно, наболтавси).

Пошел он жонитци после этого. Ну, дома там к матери пришол, вот сколько уж время? У попа три года, да ишо там, да ишо, уж всё, ево списали в *армеи*, как потерявши, всё это забыто. «Надо, – говорит, – мама, жонитсьи». – «А жониси, вон, – говорит, – на выданье у купця, – grit, – три доцки есть. Девки, – говорит, – хорошие, а ты, – говорит, – парень красивый». – «Давай, попытаюсь». Ну, пришол, тожо гармонис был, поиграл, девцёнки-то все те собрались: «Да, хороший, – там называют, – хороший сынок, хороший пришол». [Купец спрашивает]: «С армии, да и грамотный, наверно?» – «Да, грамотный». – «Ну, ак цё? Которую берёшь-то?» – «А ты, – говорит, – разреши, я, – говорит, – ницё не сделаю, а со всеми переспать по ноське». – «Как это?» – «Я, – говорит, – нисё не сделаю». Ёму слово-то у ево есь, думает: «Действует, ли нет?» – «Ну, смотри, ты чуть маленько, дак». Вот со старшей (там Дуся ли, забыл, ну знаю, што младшую Машенькой звали). Ну, улётси, она ево обнимать, там, целовать. «Да дай ты одохнуть, сёдни устал у матери». Спит, токо она заснула, а он, это, раз, одеяло поднял, вот и спрашивает у этого места: «Тебя кто трогал?» – «Деревенский робята». – «Тьфу, не надо». Всё.

Ну второй [= дочке] вопрос был, сказала: «Дьяк». С третьёй, с Машенькой с этой. А Машенька, у Машеньки оказалось, што кому не лень. Хо! Он купцю и говорит. [Купец]: «Ну как, какая доська?» – «А никакой, – говорит, – не нужно. Твои доськи, – говорит, – все нецестные». – «А как ты знаешь?» – «А вот так, я, – grit, – не тронул ни одну, вот знаю и всё». Тот на суд, стали ёво судить: «Опозорил дочёк, всех троих». Он судье и говорит: «Товарищ судья, разреши, у мя есь слово. Вот скажот, – говорит, – ей, там ей заведеньё ейное» Поднял юбцёнку, спросил, там: «Э-ге». – «Да», – судья говорит, – «А как это?» – «А вот так». У второй тожо так, а третья догадалась, на уличю выбежала да сеном и заткнула. Вот приходит. «Ну, а третью?» Спрашивал, спрашивал – нету [ответа]. «А вот уж за эту-то придётцы отвесять». – «Да не можот быть, – говорит, – дайтё у другога места спросить». Он у задницы: «Сё, – мол, – у Машеньки мовсит?» – «Да у неё, – мол, –

сена клосо́к, торси́т». Он сено-то *выташшыл*, та закашлялась: «Вот я какая!» – «Ну вот, – *говрит*», – опровдали работника.

Так *жонивси* на крестьянке, стал жить-поживать да добра наживать.

52. [Морозко]

Муж с женой жили. *Пожили оне* там сколько, были у иф дети. И жена умерла. И ён *жонилси* на другой. На другой *жонился*, и у другой стали дети. Ну вот. А эта, неродная-та мать, эту девушку *евонную* от той-то *жоны* всё и изгоняла, всё и изгоняла. И говорит: «Ванька, отвези-ко Таньку-ту в лес и привяжи к берёзе». А отцу-то всё равно жалко. «Да ты што, ты што», – *уговарваёт*. – «Да хоть на *нотку*».

Ну, to? Мужу делать *нетово*, а то жить не буду. Взял эту свою *Танетку*, посадил и повёз в лес, и привязал к берёзе. Она *платот*, в лесу оставил, дак. И ён уехал домой. Приехал он, а *нотью-то* моро-оз, *трешы-ит* мороз! А она и говорит:

*«Мороз ты, мороз,
Бог-то тибя нанёс,
Мороз, кинь мне ножиток».*

Ей *ножиток* и кинули с неба, мороз кинул *ножиток*. *Ножиток* кинули, ёна *верёвки* отвезала, спаслась девушка. *Верёвки* отвезала, ходить стала – спаслась.

Спаслась. Ну вот, потом и *грит*: «Мороз ты, мороз, кинь мне хоть *яшиток* с тем-нибудь, мне хоть *одетцы*». Ей *яшиток* скинули, *судуток* такой, раньше *сундуки* такие делали. Эдакой *сундуток* скинули ей. И стало в *сундукте* – *тово* только нету, *тово* только нет! Там всякая одежда: и похуже, и полутше, и такая хорошая есть, *што* ...

Вот она [= *мачеха*] и говорит утром, на второй день там, ёму и говорит: «Дедко, поезжай за Танькой-то, привизи домой». Ён приехал, а Танька сидит на *сундукте*, *сундукта* не поднять, на лошадь поставили и поехали. Едут домой, а у их собака была. А собака:

*«хум, хум, дедко деушку везёт,
Толькё денёжки брентат,
[Только тряпочки миняют]»
(там и деньги и всё было)*

– «Ух, ты такая-сякая, палкой тибя, ты говори, што только костотки брентат». Она надеетцы, што деушка умёрши, а деушку везут, видишь, с приданным. Вот прогонит собаку, собака опять:

*«хум, хум, дедко деушку везёт,
Толькё денёжки брентат,
Только тряпочки миняют».*

Вот она за собакой-то, **выскакала** за собакой, дедка-то и подъехал. Глядит – вправду: «О-ой», – девка-то живая, сидит на сундукте. – «Ой, ой, это, ой, ой, дедко, ой, дедко, ну тово, тово?» – «Да нитово, приехал, – грит, – вон Танюшка-то, сидит, – грит, – наша на сундуке». – «А то там, то там?» – «А там, – гот, – всёво».

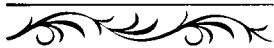
Вот. **Открыле** сундук, у ёй душа-то закипела! **Танюшку**-то она не сгубила, а видишь, наградили! Вот она: «Дедко, свези **ветором** и мою девку».

Дедко запряг опять **ветором** лошедь. Опять повёз. Везёт девку, привязал. «Привяжи к той-жо берёзе, где Танька была!» Там жо привезал. Привезал эту девку, а это мороз-то как **затокал**. Она и гот:

*«Мороз ты, мороз,
торт тибя нанёс,
(спросила у Таньки, то Танька там говорила)
Кинь мне ножиток,
Хоть я отрежуси..*

Ай, мороз как затрешал, затрешал – и деушка замёрзла у берёзы. Деушка замёрзла у берёзы. Ой! Она утром такая **радошная** бегаёт: «Дедка, дедка, паезжай **пара**ньше-то, паезжай за девкой-то, паезжай». Дедко поехал.

Приехал. Деушка у берёзы замёрши. О-о-й! Ну, дедко расплакался,

конечно. Ёму, ведь, и эту жалко, всё равно евонная. Дедко расплакался, отвязал деушку, положил на сани, едёт. Собака:

*«хум, хум, хум,
Дедко девушку везёт,
Толькё костотки брентам».*

– «Ох, ты, падина такая!», – за собакой опять с палкой. Опять побежала. Бегала-бегала, собаку гоняла-гоняла. Гледит – дедко подъезжает – и девка мёртвая, ой, ой! Тут она заревела: «Как жо это так? Потому тебе, дак тово да другова, а тово на иё?» – «Не знаю тово». Вот эта расстроилась, на дедко ругаетцы: не так привезал, ли тово ли. Дедко: «Всё было сделано, всё так жо». А тово получилося, дедко откуда знает, дома был, дак... Ой, эта расстроилась.

И тут ей уж пришлось эту Танюшку жалеть, место своей-то дотки. Она уж стала эту ласкать. Эту стала ласкать, и стали жить-поживать и добра наживать! И стали жить дружно!

Вот и сказка вся.

53. [Морозко]

Жили-жили бабка да дедко. Бабка говорит: «Дедко, свези эту-то деуку-то в лес (это не родную-то), за осек посади, за осек». Ну дедко давай – запряг лошедь и повёз. Завёз в избушку, в лесу избушка стоит, дак завёз в избушку. Оставил деуку в избушке. Холонно в избушке-то, ёна замёрзает, сходила в лес, принесла дровец, затопила пецкю, стала блинчики пекци. Мышка выскоцила: «Деушка, блинка-тинька со сковородницкя». Она ей и даёт блинка-то. Мышка съесь и опять: «Деушка, блинка-тинька со сковородницкя, я тебе пригожусь». Опять, да опять даёт. Мышке даёт, и сама поес. Ну вот. Третий блинок стала пекци, мышка опять: «Деушка, блинка-тинка со сковородницкя, я тебе пригожусь». Ну вот, она опять даёт – в избушке тепляя стало. «Ну, я тебе пригожусь, – говорит». В избушке тепляя стало. Вдруг дедко приезжает, думает деушка-то мёртвая, а деушка живая. Деушка оделася, пошла, а

мышка ей мешок золота *выпёхнет*, как кинёт! Она и подберёт. Вот. Села и поехала с дедушкой. Приехала домой.

Бабка думает, *деушку* мёртвую привёз, а *деушка* оказалась живая. Ну, в избу зашла: «На, дедко, вези эту-то *деуку* ишо, эту-то *деуку* вези давай, родную-то *деуку*». Вот. Эту *деуку* повёз, эту *деуку* привёз, а посадил не в избушку, а под ёрку: «Сиди под ёрукой». Ну вот. Вот Морозко *выскакал*: «*Деушка*, тепло ли холодно?» – «*Жовьи, жовьи, пропадине!*» Ну вот. А он *ишо* *холодняя* *делаёт*, Морозко, мороз прибавляет. Опять спрашивает: «*Деушка*, тепло ли холодно ли?» – «*Жовьи, жовьи, пропадине!*» Он *ишо* *холодные* *делаёт*, вот. На третий раз сделал мороз, што она и замёрзла, застыла, Умёрла. Дедко приехал, думал *деушка*-то живая, подошел к ёрке, а *деука*-то мёртвая *лэжит*. Ой, мёртвая *деука*-то! Ну вот *выташшыл* «*жоуги*», да повалил, да и поехал.

Бабка *выскоцила*, думала *деуку*-то *бохатую* привёз, живую, славную другую *деуку*. Дедко сказал, што вот тебе не *бохатая*, а мёртвая. Бабка завыла, заплакала: «Ой-ё-ёй!» – заплакала. Мёртвую *деуку* привёз, дак што ты? Заморозиу Морозко.

Вот, ышь, она, кабы, хорошо-то отнеслась, дак она бы сказала: «*Боһово* тепло, *Боһово* и холодно», – дак он бы ей тулуп выкинул, она бы завернулась в тулуп и не замёрзла бы, а она вон как: «*Жоуги, жоуги, пропадине*», – ругаетцы. И заморозиу.

(*Жоуви, жоуви* – это ругань, брань такая).

54. [Отец привязал девочку к деревине]

Отец женился там, своя была эта девочка, да неродная была. Ну, мать не любила эту не родную дочку, вот и сказала, што это, под Новый год свежи, это, *иё* под лес, пускай, это, косточки-то как побрякают. (Да я чё-то забыла, девки, *каэтца*). А чё-то *иённая*-то вышла ли чё ли, *иённая*-то замёрзла как-то, а эта-то осталася жива. Девки, тут я забыла). «Ты идёшь, дак побрякай», – она ждёт *иё* из леса-то: «Ну, как там у ёлочки-то сохранилися косточки-то, идёшь, *брякаёт*?» А *брякаёт*-то – косточки несёт от своей девки, а не от этой – та-то живая осталася. (Вот я чё запомнила). Она-то [= мать] гадала, што ушол в лес, што *сечас* приведет этих, штобы

замёрзла-то [неродная дочь], она не замёрзла, та [= родная дочь] замёрзла-то. На ей-то [= родной] была и шубка хорошэя, всё равно она замёрзла. На той худая была шубка, ну, штоб замёрзла она, но она осталась живая.

55. [Гуси-лебеди]

Отец-от с маткой уехали в город, а Ивана-та с дочерью, ну брат да сестра *маленькие*, парнека оставили дома. А *оне* [= родители] уехали, [наказывают дочке], што вот: «Будь *умница*, береги Иванушка. Дак мы тебе подарок привезём, вам по подарку привезём из города». Вот она посадила парнёка-то, да сама убежала гулеть, эта сестричкя-та старшая-та. (А *иё* хто, вот и не знаю, как и...) Дак он к Бабе к Яге попалсы-то, парнёк-от, *хто* унёс-то? Гуси-лебеди политили, Иванушка-то унесли, гуси-лебеди, да к Бабе-Яге и принесли, и сел Иванушка-то к *окошечку*. Вот. А эта-та *хватилась*, а нету. Далёко унесли. Вот и побежала *розыскивать* (как и девушку звали? Веть, называли, да), побежала *розыскивать*: «Не видали ли, гуси-лебеди в *кою* сторону политили?» Вот им сказали, што: «Вот куды политили». Она и побежала. (Как она добежала? До *цево* *перво* добежала, тоже не знаю, забыла. Как она спросила – и *яблонька*, да и *речкя* да – у сех всё и спрашивала). «Съешь у *меня* *яблочкё*, дак и скажу куды гуси-лебеди политили». Вот она *съес* *яблочкё*, ёй и скажут, што: «Вот куды гуси-лебеди политили». *Речкю* эдак переходила *тожо*: «*Речкя* скажи», – да вот. Дак *рецкя*: «Вот куды гуси-лебеди политили», – она сказала девушке.

Оттуда-то опять уж пришла к Бабе-то-Яге – Ваня-то сидит у *окошечка*. Ак вот она понесла Ваню-то домой, девушка эта, к папе да к маме. Принёсла девушка *этова* парнека Иванушка, ак вот и прятала всё, гуси-то за ёй, за им опять бежали.

(Долгая веть эта сказка, ак ведь не знаю, дак забыла).

56. Как гуси уташшыли

Тожо эдак, ухали в город, оставили *робятишок* *одниф*, *тожо* гуси унесли. А *девцонка*-то схватилась – *парнишко*-то нету. «Наверно, домой

ушёл». Пришол – дома нету, и побежала искать. Бежит – стоит пецка: «Печкя, печкя, не видала ли ты гусей? Парнишка не уташшыли ли?» – «Нецо, – грит, – не видала» (Бабка-Ега сидит в избушке). «Ницо, – грит, – не видала». (Ой, да): «Поешь моево перожка». – «Нет, не хоцу, парнишка ишшу». Побежала дальше, бежит река, река, берега кисельные. «Река, река, не видала ли гусей. Да. Парнишка у нас уташшыли». – «Прихлебай, – грит, – моево киселькя с молоцкём». – «Нет, – грит, – не хоцю, парнишка ишшу». Дальше бежит, стоит яблон, яблук много на яблоне. «Яблонка, яблонка, не видала ли гусей, у мя, – грит, – парнишка уташшыли, братика. Не видала?» – «Ой, дак поешь моего яблоцкя, ак расскажу». – «Не-ет, не хоцу исти». Бёжит дальше. Как в гору подымаётцы. Бежит. (Это в кине). Добегаёт – парнишко-то сидит у Бабки у Еги у окошка – она увидела. Бабка-Ега обрадовалась: «Теперь другая добыца пришла, топерь парнишка да девцонка, топерь, ну-ко ты». Ну, ланно. «Девочкя, я чицяс в болото схожу, ягодок наберу, вас ягодам накормлю». Она ушла. «Побижим, братик. Давай убежим». Они и убежали. Она [= Баба-Ега] домой-то пришла – и нету. Она гусей [зовёт]: «Подите, вдогонь летитё, имайте». Вот они [= брат с сестрой] и побежали. А деушка рыцит: «Ой, каэтси, за мной, – грит, – догонюшка летит». Вот они и побежали, [девочка] грит: «Яблоня, спаси нас». – «Поешьте моего яблоцкя». – «Поидим». Она иф и закрыла листикам. Оне [= гуси] пролитили и не видали. Обрато вернулись: «Не-ет, никово не видали». – «А цево видели?» – «Толькё видели одну яблонь». – «Вот они под яблонёй и сидели, тут бы их и имали. Литите дальше, берите». – «Ой, опять, каэтцы, догонюшка за нам бежит», – девка-то. Подбегают к реке. «Рецкя, рецкя, кисельные берега, спаси ты нас, за нам догонюшки летят». – «Садитесь под бережок». Да: «Похлёбайте моево киселька с молоцком». – «Похлёбаём», – не отказываютцы. Опять гуси пролитили. Обрато вернулись – нет нецово, дак. Опять Бабка-Ега спрашиваёт: «Цово видели?» – «Только видели реку, да кисельные берега». – «Вот они сидели, – грит, – под берегом». Они опять побежали. Бегут, только, буди, схватить. Эта пецкя [на пути]. («Пецкя, пецкя, спаси нас». Ой, да): «Баушка, баушка, нас спаси». – Она: «Залезывайте в пецкю». Она заслонку закрыла. «Да поешьте моево перожка». – «Поедим». Она закрылась, дак не видали [гуси детей], полетили, дак и не видывали.

[– В.: Кто был в печке?

– О.: Бабка-Ега. Она в избушке сидела во своей, она их в печке и схоронила. Бабушка-Ега и схоронила иф].

57. Ах, Мими

Ну вот. В некотором сарстве, в некотором государстве, в том, в котором мы живём. Ну вот, ладно.

Вообще, женился царь и взял царевну, и царевна родила сына. Сарь сам уехал куда-то там, вообще, мало ли, по делам по своим. И вот приходит ночью стариток и говорит: «Вот подпиши мне, разрежь левый мизинец и подпиши кровью, што, когда ты родишь сына, я тебе одам ево». Это, штобы мать одала этому старитку.

Ну ланно, мужа нету из командировки, она родила. Родила, значит, ну вот, этот стариток приходит и говрит: «Ну, я пришол за сыном». За сыном, ак ведь матери-то жалко отдавать сына-то, как же. «А ну, – [старичёк] говрит, – отгадай, как миня зовут». Ну, она там: «Иван, Павел, Никита». Всех перебрала – нет, не то всё, не то. «Ну ладно, пускай на вторую ночь. На вторую ночь приду, ты меня отгадаёшь, как зовут».

И на вторую ночь она не могла ево отгадать, опять все имена перебрала, некак вовсе не могла догадаться. На третью ночь он придёт уже всё, вообще, решительный бой, он должен взять мальчика. И приехал муж, этот самый начальник-от, вообще, ейный и говрит: «Я, – говрит, – ехал вот таким-то перелеском, и там стоит избушка зеркальная, и там, – горит, – мужичок с локоток прискакиват и приговариваёт:

*«Ах, Мими, ах, Мими,
Гостя славново прими.
Завтра буду не один,
Завтра будет сарский сын».*

– «Как жо так-то, вообще, сарский сын?» – царь-то, вообще, забеспокоилсы, приехал, жоне-то сказал какова.

Пришол ночью в двенацеть часов старичёк-от, она ёму и сказала: «Ах, Мими». А он грит: «Тьфу, чёрт подри. Как будто сам сказалсы!» Вот и всё. Вот эта длинная сказка.

58. [Бурко-ковурко]

(Сами-то насоциняем, понимаэшъ, дак иноё слово нельзя и сказать. Мужики-то, дак ладно, этим всё прометёт, этим то и друг: и смех, и всё тут...)

Я повёл такую рець, никто меня, штобы не перець, не любо – не слушайте, а врать не мешайте.

Был-жил один сапожник, звали ево Митрофаном, у ево были три сына: был Пеша Барабоша, и Миша Бабарыка, и Ваня-дурацёк. Занималесь они все сапожничеством. Отец иф науцил, но Ваню-дурацка никак не мог науцить. Вот. Тово сдёрнут с пещи, настегают шпандырём – и опять на пещкю закинут. Вот только ево и дело делал: хлеб ел и больше ницево, матке мешал.

В одно прекрасное время отец у иф заболел и помёр. Вот. Ну, оне, покойников, братаны, боялись. «Мама, надо сей ноци итти караулить. Ваньку придётцы отправить на погос, штобы отец не пришол». А Ваня этот: «Нет, – говорит, – по жеребью салдаты идут. Ак давайте жеребей вот кинём». Кинули жеребей: причытываетцы итти Пеше Баборыке на могилу. – «Я ни за што не живой, не мёртвой не пойду». Подошол вечер: «Давай, Ваня, направляйси». – «Не поду. Раз тебе, ты и иди». Схватил ево за ногу, сдёрнул с пещки, настегал, одел и отправил. Ушол Ваня, тамо сидел ночь. Просидел. Иней был, холодно было – перезяб. Пришол, дрожит весь. – «Ну, как? Цево, Ваня, видел?» – «А сходите сами, дак узнаете, сево там делаетцы». Миша Баборыка: «Ладно, што я не сходил. Я бы с ума сошол, если бы тут привиденье». На другую ночь Пеше Барабоше [идти]. – «Давай отправлейси, Ваня». – «Нет, тебе оцередь, ты и иди». Вот. Ваню этова настегали и отправили. Пошла гроза, пошол дож – так он на могиле сидел, как перемок, перезяб, и боитцы и уйти, уйди: настегают, как да.

Вот сидел он всю ночь, плакал, рыдал, што слёзы до гроба доходили к отцу. Отец проснулсы, вышел: «Што, сынок, плацёшь?» – «Как, отецъ, не плакать. Ты же меня оставил дураком совсем. Я же нисево не могу роботать. Мне на хлеб не заработать. А братаны меня только стегают, и больше нецево». – «Ак вот, милой сыносек, у миня носовой платосик в руке. На, вот, отцовское благословенье. И што тебе нужно, всё будёт

И. С. Иванов с учениками 7 класса Кадуйской средней школы,
д. Усть-Колнь, 1961 г.

А. А. Смирнова, д. Текарь. 1991 г.

Н. К. Петров с женой А. С. Петровой,
г. Белозерск. 1980-е годы.

С. И. Сизова, 2008 г.

А. Н. Баранова, с. Сизьма, 2008 г.

Коник. Мастер Михаил Кутепов

Глиняная посуда из фонда ЧДТНК

Игрушка-каталка (Егорий побивающий змея). Мастер Михаил Кутепов

Игрушка коник. Мастер Михаил Кутепов

Кукла. Мастер Майя Сысоева

сделано для тибя. Вот, – говорит, – махни вправо платосьском, явитцы, – горит, – Бурко-Ковурко. Што тебе нужно, куда съездить, он тибя свезёт за любые реки, и озёра, и океаны», – вот какой Бурко-Коурко. Ну ладно, он поспасал, утро уже стало, отец в могилу, а он домой пошёл до нитки мокрой. Отошёл немножко: «А мне не наврал ли отец-то? Дай я попробую», – вынял этот платосек, как махнул вправо-то, понимаэш, вдруг конь к ему! Он испугалсы, да влево махнул – и конь провалилсы. «Верно, отец сказал. Знасит, дело у мя выйдёт».

Пришёл домой весь мокрой. Во Пеша Барабоша спрашивает: «Ну, цё, Ванька, видёл-то?» – «А вот цё видёл: как все мёртвые вышли, да зубы-то оскалили, да все-то на меня-то, понимаэш. Так я, – говорит, – билсы, дак меня всево вот вывалили в луже, и баста». – «Ох, я ишо не ходил. Я бы, не знаю, с ума сошёл бы, да и сё».

Розделсы, мать говорит: «Ты, покушай, Ваня». Вот. «Я озяб, дак уж потом». На пецку забралсы. Она тайком от робят-то туды шанёжэцёк ему пецёт, дак и подаёт. На пеце ес. Наелсы и лежит-поляживаёт. Ево просят братаны: «Давай вставай, хоть нам варовцин-то поделай». Ну, встанет, дак нитки спутаёт – какие варовцины? Настегают – и опеть на пецку. Сидят в одно прерасное времё, у иф лошадь хорошая тожо была, корову держали, и всё. Сидят в одно прекрасное времё, видят: идёт человек и сумка на боку. Заходит: «Здравствуйте». – «Здравстуй. Вам што угодно?» – «А вот, пожалуйста, полуците от вашево Императорскова Велицёства пакет, письмо такоё вам». Они взяли, знасит, поспасали, этот ушол: «Давай, Пешка, распещытываем, прощитаём». Вот цитают, а Ваня на пецке слушаёт: «От нашева имени величества прошу, – говорит, – приехать к нам на искурсию, посмотреть, – говорит, – царевна сидит на семом етаже на балконе, дак вот, эсли кто желает женитьцы, да ево лошадь скосит на семой етаж, знасит, одам замуж и полцарства приданнова». Ваня это слышит. Да. – «Во, Пешка, вот де нам богатство-то! Давай пойдём на ярманку, купим новова жеребца. На паре поедём». Сошли, на ярманке выбрали лошедь, понимаэш, жеребчика такова, ну и стали кормить. Срок указан, ковды приехать туды в царство. – «Мама, давай корми!» – «Да нет, вы уж сами кормите. Вот где пшениця, вот где холодная вода», – знасит, сами вот ухаживают. Сапоги шьют и ухаживают.

Подошел срок. «Ну, мама, давай нам перога, хоть, с собой, завтра мы поедем». Утром встали, пышки оклали в сумку, коней вывели: «Мама, мы поедем в сарство смотреть царскую сарицу». Вот. «Если на семой этаж наши кони, которой-нибудь, вскочат, зносит мы на сарской доцери должны женитьцы, полсарства приданнова. Мы будем большие богачи». Ну и поехали.

Ваня тот соскоцил. Матка-то и глядит: «Ой, добры жо кони-то у нас!» Ваня соскоцил, погледел: «Нет, мама, это ешо не кони. Есть кони, быстрее ветра бегают». – «Да где, батюшко, такие лошади-то?» – «А есь, – говрит, – у нас есть». Да. Вот сицас взял свитку одел, лапти надел, корзинку взял. – «Куды ты, Ваня?» – «А пойду, – говрит, – хоть грибов каких-нибудь пособераю». Сошел в лес, взял все поганьки оклал тут, што было; свитку скинул, это сё, лапти сбросил, платосек вынял из-за опушки, махнул вправо – вдруг конь как перед ним набежит, и сумка накладена, што-то сумке, зносит, у стремена повешены. Конь и говрит: «Ваня, открой сумку, одёвай, оmundированье сё тут для тебя в сумке». Ваня открыл: «Ой, сё это же купецскоё», – это же купецскоё всё, не ему носить, а купцам каким-нибудь. Оделсы, ну, как огурец, цистой молодец. Сел на коня. А говрит: «Меня братаны-то стегали. Мне хоть бы надо прутьшек взять, стегнуть, – говрит, – иф, – говрит, – я их сецяс догоню». А братаны уже вполонине дороги гонят. Подъехал, прут выхватил ивовой: «Во, – говрит, – топерь и мне оцередь подошла отомстить». От и погнал, ну прямо стукоток идёт далёко. Миша Баборька и говрит: «Пешка, кто-то гонитцы за нам. Слышишь топот-от». Он только хотел повернутьцы, как Ваня раз! ему по спине, вон етому – два! «Мы тебя ужо, – говрит, – съедем, дак мы те дадим!» – говорит. Ладно, этот нажал на коня, только ископоть полетела, понимаэш, по цайнику. Те не только ли, дак отвернулися, што глаза вышибёт. – «Вот дурак какой-то. Вот, цёрт, лошадь какую завёл». Вот.

Ваня туды съехал – там записывают в оцереде. Ну, он не записывалсы, а дожидаетцы братанов: «Пускай записываютцы те, а я последний буду». Вдруг братаны приехали: «Вон он, сотонато, которой, – говрит, – стегал-то нас». Да. Вот. А он погуливаёт, поахиваёт – смешно, как отделал братанов... Ну вот, писарь подходит: «Как фамилия?» – переписал всеф. «Ишшо кто есть, не записалсы?

Давай подходи, *записывайтёсь*. *Последний* раз спрашиваю, кто есть?» – «Да я есь». – «Ну, цё глядишь? Давай *записывайси*. Как *тибя* звать?» – «Меня звать Максимом», – соврал, *штобы* не знали. Ну, ладно, Максим, дак Максим. Вот записал. – «Ну, *насинаём*», – там передаёт, *знасит*, агаман. «*Насинаём* *прызы*. *Первой*, вот такой-то, там», – *знасит*. Ну, *наехало* народу ведь, *цёрт* знает, *молодёжи* охота *женицьцы* на *сарской* *доцери*. Вот *первой* поехал, *понимаэш*, только лошадь успела добежать до стены – всё, *остановилася*. *Поезжай*... Вот *второй*, *третьей*... Пеша *Барабоша* подошла *оцередь*, этот на *новке* на своём. Вот. *Розогнал*, *понимаэш*, на *третьей* этаж *скоцил*. «Ну, *Мишка*, давай бери ты на *новке*. Вот. *Мишка* этот *розогнал*, *понимаэш*, на *пятой* этаж *махнул*, *понимаэш*, *новко-то*. Ох! *Ницево* не вышло дело, *знасит*. – «Ну, давай, *ишо* один, там. Давай, *садись*, *последней*». А царская *дось* сидит на балконе и *смотрит* уже, *што*: «Ох! И, вот *молодець-от* этот, – *Ваню-то* всё *любует*, – *што*, вот *молодець-от*! Вот как бы у *ево* *взялсы* мой этаж, дак вот бы я *счастлива* была».

Вот Ваня *уселсы*, конь и *говорит*: «Ваня, *дёржись* крепче. Мы *сейчас* *возьмём* с тобой *этаж*», – как *розбежалсы*, да как *выхватил*, это, *копытом* *ископоть*, дак [*в*]: «*Спаси*, *спасайтесь*. *Убьёт* ведь *всеф*», – *говорит*. Раз – на *семой* этаж. *Повернулсы* и *обратно*, только и *видел*. *Царь-то*: «Да *што* такое, – *говорит*, – *взял* *прыз* и *уехал*. Не *знамо* и *кто* и *есь*, какой *целовек*?» *Домой* *гонит*, *сё*. [*Царь* *говорит*]: «*Розъезжайтесь*, *граждане*. Я *вторично* всё *равно* *объевлю*. Буду *клеймить*, это, *золотым* *клеймом* *царским*, *коронай*, *штобы*... А *сё* *равно* *найду* *этова* *селовека*, *знасит*. Такой *семой* этаж *взеть*, это же надо лошадь и всё. Наверное, *тоже* какой-нибудь *царской* *сын* и всё, это *куды*?»

Ну, все поехали. А этот Ваня *приехал* *домой*, *соскосил*, *платоцком* *махнул* *влево* – конь *пропал*. *Опять* *сё* *одел*, *грибы* *свои* *взял*, *домой* *пришол*. *Матка*: «Где ты *был-то*, Ваня? *Што* ты *долго*? Ведь *третий* *день* *сегодни* *нет*». – «*Заблудилсы*, *мама*». – «Дак *цё* ты *принёс-то*?» – «Да *вот* *грибы*». *Погледела*: «*Дурак* *дьявольной*. Это же *поганьки*. Эти же *нельзя* *исти-то*». – «А *всё-равно* *для* *меня* *грибы-то*». Ну, *вот* *цё*? – *Вывалила* *грибы*. *Поел* *немножко*, на *пещку* *забралсы*, *смеётцы*: как *братанов* *отдел*, как *скоцил* *туды* на *семой* этаж. – «*Цё* ты, Ваня, это *смёсси-то*?» – «Да *так*, *смешно*, да и *сё*».

Вдруг братаны приезжают. – «Ну, как у вас-то дела-то?» – «новко, мама, на пятой этаж вскоцил. А какой-то сотона приезжал, тот на семой этаж скоцил». Ну, Ваня молчит-помалкивает. «Ваня, вставай, хоть поешь с нам-то». – «Не хоцю!» – а сам не может крепитьцы, смешно, не идёт ись. – «Да ты цево такой, и не евши лёжишь». – «Ну и што? Лежу на пеце, и хорошо и голодом». Вдруг почтальён идёт опеть. Царь уже написал там, што: «Рознеси», – зносит. Заходит: «Вот вам пакет от имени Императорскава Величества». Оне уж ждали. Сейчас роспецятали, погледели, зносит: «Кто найдёт топерь, – говрит, – приз, вот такова-то цисла будёт. Приезжайте, кто желает!» – «Ну, топерь опеть, Мишка, давай будём кормить». Коней опеть накормили, как цесть по цести, так ходу и просят! А Ваня помалкиваёт, лёжит на пеце. Вот.

Подошол срок: «Мама, давай перегов. Поехали опять. Наверно, дня три опеть произдим». Поехали, матка опеть глядит: «Ну, Ваня, сецяс, наверно, новко уж возьмёт приз. Ой, так на дыбаф и стоит!» – «Нет, мама, это ишо не конь. Это, какие! Трун-трава, а не кони. Есть кони, быстрее ветра бегают». – «Дак это не у нас, там где-то, бог знает, за гранисой». Да. Ну вот, уехали братаны. Ваня тот сецяс опеть стал, свитку надел, корзину взял. – «Куды ты, Ваня, ладишь-то?» – «Пойду за грибам снова». – «Цё ты подёшь? Толькё поганёк носить будёшь, да и всё». – «Ну, я топерь другие буду». Сошол, на рябине мох висит, вот этова моху, мох вель у рябины шёршнатой, вот этот мох сейчас содрал с ребины. Скинул всё с сибя, платоськом махнул вправо – конь набежал, дак из ноздрей огонь пышит: «Ну, Ваня, одевай давай обмундированьё». С седла, зносит, снял сумку, отстегнул – там шелковое всё, так и блестит, жар жарит. Одел! Ну, конь говрит: «Дёржись, Ваня. Нас сѣдни с тобой, – говорит, – заклемят. Мы приз взеть возьмём, но тебе, не подставлей голову, а то попадѣт тебе клеймо». Поехали. Братанов опеть догнал, но не стегал, проехал мимо. – «Опеть, – говорят, – дурак-от какой-то едѣт, цѣрт знает». Съехал туды, всё. Там писарь ходит записываэт: «Давай, гражданин, ты-то записывайси». – «Я потом, успию ишо». Вот братаны приехали, записались. Писарь опить спрашиваёт: «Послиднёй раз спрашиваю, хто не записывалси, давайте подходите». – «Пиши меня». – «Хто ты будешь?» – «Иван Сапожков». (Да, Иван Сапожков. Им фамилия Сапожковы, дак и Сапожков, говорит). Вот. Ну записали,

подошли *цасы*, давай *опить*. Кто до стены *доедёт*, кто на *этаж*, кто на другой. *новко* опять на пятой *этаж*, *вышо* не берёт. Ну, *последней* уже. Ой, царь *тамо* этому, *которой* *будёт* в лоб давать молотом-то: «*Мотри* не зевай, не зевай! Этот *опеть*, – говорит, – *приехал* на этой лошаде», – говорит, *знасит*. Вот. Ну, уж там рукава *заскавываёт* молотобойшык, што *сецас* уж только. А *царевна* – и душа, как *говоритцы*, в жопу ушла. Уж и не дышит, што уж больно люб-то.

Во, как *розбежалсы* конь, как *махнёт*! Он раз! ему в лоб в *оккурат* катнул, и *карона*-то вся на лбу и *осталася* золотая. *Повернулсы* *сгореця*, ну и *погнал*, дак весь и *асфальт* сбил, не только ли *цево*. Все только и *крысат*: «Беги дальше, беги дальше. *Убьёт* всё». *Приехал* домой в лес, *соскоцил*, *махнул* *платоськом* – конь *пропал*. *Свитку* *надел*, *корзинку* *взял* и *домой*. – «*Цево* ты, Ваня, *гибнёшь*-то голодом и холодом, *цево?*» – «Да *ницево*, *мама*. Я *сыт* по горло». – «*Цево* *набрал*-то?» – «А *вот шморцьков*». *Погледела* та: «Да *какие* *шморцьки*? Это *жо* *мох* с *ребины* у *тибья*». – «А я *поцём* *знаю*? *Думаю*, *шморцьки*». – «*Давай*, *поешь!*» – *закусил*, на *пецку* *забралсы*. *Братаны* *приехали*. Ваня *молцит*. *Оне* *сидят*, *закусываю*т: «*Мама*, *Ванька* *де?*» – «Да на *пеце* и *лэжит* вон». Вот. Хотел он *содрать* *корону* – *болько*. *Когтям* *захватил* – *болько*. *Знасит*, *вот* *взял* от *портошины* *оторвал* *лепест* *полотна*, *завезал*, *штобы* не *видать* было *корону*, и *поляживаёт* на *пеце*. *День* *лежит* и *другой*, не ес и *нецё*.

Вдруг *подъижжаёт* *корета*. Из *кореты* *выходит* царь: «*где*, – *говорит*, – *такой* *живёт* *Иван* *Сапожков?*» (А *нет*, *братаны*-то *сообшыли*, *сообшыли*, што: «*Ваше* *Императорское* *Велицёство*, што *вот* в *таком*-то *селе* *такой*-то и *такой*-то с *золотой* *короной*». *Ево* *оне* уже *сдёрнули*, *погледеть* *захотели* на *повязке* *цево* у *ево* *есть*-то. *Сдёрнули* – *золотая* *корона*. Аха, *давай*, *царю* *живо* *накатали* *туды* *тилиграмму*). *Тот* *приехал*, *спрашиваёт*: «*Где* *такой?*» – «А *вот* *здесь*». *Избушка*, *понимаэш*, как *курья* *ножка*. И *зайти*, дак *страшно*. Ну, *царь*, *нецево*, *царица* *идёт*, *сама* *матка*, и *фсё*. *Заходят*, а Ваня *тамо* за *пецку*, *закрылсы* *крюком*, *ухватом*. Весь *перемаралсы* в *саже*, *поляживаэ*т. *Зашол* [царь]: «*Здрастуйте*. *Такой*-то, *такой* *есть* у *вас?*» – «Да, – *говрят*, – *есть*, у *нас* *лично*». – «*Где* *он?*» – «*Сецяс*, – *говорит*, – *позовём*». *Сошли* в *цюлан*: «*Ванька*, *иди*, *иди*, *иди*, *давай*, *царица* *приехала*». – «*Нисё* не *знаю*, *никуды* не *пойду*. И не *зовитё*»

меня. Не пойду и не пойду. Куда *тамо* я пойду?» Вот. Пришли: «Да не идёт». Говорит царь: «Ну, видимо, *нады* мне, царю, идти попросить, самому надо». Сошёл: «Ну, Иван Сапожков, давай, – *говрит*, – вставай. Мы приехали за тобой». – «Уйди *прось*. Я и знать вас не знаю, и не *хосю* знать, и всё!» Баста дело. Вот тот вышел: «Не знаю, – *говрит*, – што? *Матка*, буди, не умной, ли *цево* ли. Не знаю, как и сказать». Вдруг, это, *царица доцке*: «Сходи, – *говрит*, – сама, Василиса. Позови, *можот*, ты лучше. Может, лучше ему будет, што ты позовёшь». Сошла, называет *ево*: «Ваня, Ваня, давай выходи. Я приехала за тобой». – «Ницево, – *говрит*, – я не видел, и ницево и знать не знаю про вас». Вот. Ну, царь-то заинтересовалсы: «Дак вы, – *говорит*, – *братаны*, возьми*тё*, – *говрит*, – *братаны*, возьми*тё* *ево*, выставите. Хоть *мине* посмотреть на *ево*-то. Верно ли, нет ли, корона наша на голове у *ево*». Ну, *оне* захватили, вытащили: весь перемаралсы-то, *знасит*. Да эдакой в домотканном, всё-то грязное-то на ём. *Сарица* эта: «Ой, папа, папа, не надо, не надо *такова*». – «Стой, как не надо? Царское слово *нерушимоё*. Корона наша, *знасит*, он приезжал, а не как другой». – «Ну вот, эдакой *страмной*, как он мог *издить* хорошим *целовеком*?» – [Царь]: «Ну, давайте, – *говрит*, – вымойте, хоть, *ево*, умойте». Вот *братаны* умыли, *знасит*, давай, *снаредили*. *Снаредить*, нету и брюков! «Пешка, дай ты свои брюки да рубашку». Он *горит*: «*Мине* не надо *ницево* *вашо*. У *меня* своё *хорошоё*, *прилицноё*». *Сарица* эта, Василиса, ни в какую не *соглашаетцы*. *Сарь*: «Выйдем в *калитор*». *Вышол*: «Ты, – *говрит*, – не знаёшь. Этот *целовек*, – *говрит*, – *другова* сорту и виду. Он, – *горит*, – был на такой лошаде. У *ёво* што-то *невидимоё*, – *говрит* – есь. Да ты можешь разве, – *говрит*, – *отказатцы*? Безо *всякиф*, – *говорит*, – давай собирайси и всё». Вернулись: «Ну, Ваня, давай *собираемси*, поехали. У нас и будёшь жить. Уж мы не оставим здесь не *братанов*, *никово*, и мать, и всеф *оберём*. Чево вам *здися* в конуре в такой *страдать*. У нас хватит *всево* в *сарсве*». Ваня тот: «Вы *поежжайте*, я вас догоню. А с вам не поеду». Ему *нао* одетцы, у *йво* лошадь своя. «Я вас догоню, – *говорит*, – сказал, – *говрит*, – слово, *знасит*, *мёрло*». Ну, царь: «Ну *поедёмте*, што жо. Раз так, дак так». *Сили* в *корету* во свою, поехали. *Братанов* забрали, *матку* *обрали*, Ваня *осталсы*. Вышел на село: «Но, мужики, собирайтесь, – *говрит*, – все на *сход*». – «А што, Ваня, *скажощь*?» – «А моё *иминьё* *обирайте*, кому *це*

надо. Не надо не денёг, нецево. Розделите всё да вспоминайте Ивана». Вот. Ну, мужики, што? Хоть не ражо, да две лошади, да корова, да и помешшеньё, и всё! – «Ладно, Ваня». – «А я, – говорит, – поехал. До свиданья». Вышел, только как платосьском махнул – конь налетел: «Да, Ваня, садись, давай». Он оделсы, ну и давай туды. Там вполлове дороги едут. Сарь: «Што-то, – говорит, – ровно земля дрожит?» А братаны: «Наверное, – говорит, – Ванька едёт наш». Повернулись, а он тут как тут-то: «Ну вот, я сказал, што я вас догоню!» Царевна-то повернулась: «Ой, такой красивой-от Иванушко-то! Садись, – говорит, – ты к нам в корету». – «Нет, – говорит, – спасибо. Мне, это, – говорит, – за вам ехать тут, дак колена все лошадь росколотит о таратайку. До свиданья. Я, – говорит, – поехал, – говорит, – знасит». Только махнул! Они на второй день туды приехали. А Ваня туды съехал, соскосил, все видят, што приехал этот с золотой короной, а не знают, цево делать-то с им, стража-то не знают нецево. А он похаживает, руки в карманы, туды-сюды. Вдруг царь подъезжает, соскоцил с кореты: «Цево вы смотрите-то, цево! Ведь это же зять наш тут, понимаешь! Давайте в дом, вот туды в дом поднимайте ево!» – «Я, – говорит, – сам сойду». Коня привезал, понимаешь, за кольцо, в царство, вот, и зашли.

Ну вот, брат ты мой, как ведь было што исть да пить, это умом не постижино. А на улице-то: дак боськи, боськи так и выкатали. Вина, пива. Ешьте, пейте, всево. Дак в ифное-то село он сообщыл, што: «Мужики, приезжайтё к нам на бал, на свадьбу», – дак всё село туды съехалось тоже. Дак катали, нидалию целую пили, понимаешь.

Я-то тоже был тамо. Если бы я не был, дак не видел, дак где бы мне бы наврать ли, што ли? А тут вот всё сушая правда сказана. Ну, я этим ведь не торгую, могу рассказать и другую.

Вот.

59. Про Ивана Сапожкова

Был-жил мужицёк. Он занималсы ремеслом сапожничество. Были у йво три сына: один был Пеша Барабоша, другой Ваня-дурацёк, а третей... Миша Баборыка, да Пеша Барабоша были-то, да Ваня-

дурацёк. Вот. Вот кто. Батяка иф уцил сапожницять, но Ивана он никак не мог науцить не только ли шить, дак даже не мог науцить варовчины делать. Вот. Тот только на пецке лёжал да хлеб ждрал – и больше ницё не мог делать. Ево братаны и поколотили. Наконець-то, понимаёшь, отец захворал и помёр. Похоронили они отца, остались, знацит, два брата: Миша Баборыка и Пеша Барабоша, да Ваня-дурацёк, да мать. Подошли девятины после похорон. Знасит, братаны говорят: «Ванька, ты сей ноци иди караулить (они боятцы покойников, как да батяко придёт), давай иди». «Нет, – говрит (он дурацёк, а всё-таки), – давайте жеребий кинёмте, а потом, – горит, – кому прицитаётцы по жеребью». – «Но, какой тут жеребий, ты ни цёрта не делаёшь, мы хоть сапоги шьём да всё, давай отправлейси!» – схватил один, сдёрнул с пецки и надрал йво шпандырём (ремнём). Вот он сошол, понимаёшь, пришол – ночь-то тёмная такая, понимаёшь, немножко инея, холонная – продрыг, утром пришёл: «Ну, цё, Ванька, видёл? Вот видишь, хорошо, што жеребий не кидали, а то бы...» Подошли полусороцины, опять: «Давай, Ванька», – опять жо ёво отправили. Он наскрозь продрыгнул. Пришёл – спрашивают ево: «Как там дела?» – «А вот сходитё, дак узнаетё». Ковды сороцины подошли: «Ну, уж сецяс-то всяко Ваньку отправим. Теперь сороцины, ишо страшняя, не подём». «Давай, Ванька, собирайси», – настегали, отправили. Он не шёл, настегали – отправили. А цё сошол – портоцки домотканые да рубашка домотканая – да больше ницё. Надел свитку и пошол. Пошол дож[д]ь, гроза-то, так ево на могиле промоцило – он сидел и плакал: «Батя, ты, батя, оставил ты меня таково дурацка, што мне... топерь как я буду жить, братаны меня бьют и всё», – обижаётцы. Вдруг открылася могила – вышол батяко из могилы: «Жалко мне, Ванюшко, тебя жалко (покойникам раньше давли, и сецяс дают носовой платоцик), вот, – говорит, – на тебе этот носовой платоцик. В правую сторону махнёшь, ак тебе явитцы Бурко-ковурко конь, он тебе всё выполнит, цево тебе только нужно будёт, он и по-целовецески тебе расскажет», – и обратны потирялсы багько.

Вот стало светать – он пошол домой и думаёт: «Наврал мне батяко или правду сказал? Дай я попробую». Взял да на перелеске, понимаёшь, да как махнул в правую сторону, понимаёшь, как из кустов выскоцил такой жеребець бурой, Бурко-ковурко: «Што тебе, Ваня, надо?» Он

испугалсы да в лево-то махнул – конь-от потерялсы. «Правду батько мне дал, но, топерь-то я уж не тужу». Домой пришол, мокрой-то эдакой, на пещкю, плацёт и всё. «Ну вот, цево ты там, Ваня, видёл?» – «А вот цево: все вышли, да оскалили зубы на меня, дак как хошь, понимаёшь, тут боронися. Хорошо мама науцила меня молитве «Христос воскресе», дак вот они ко мне и не подходили, знацит». – А те-то прискакивают: «Ой, хорошо, знацит, тут [мы не пошли], а то бы с ума сошли мы».

Вот в одно прекрасное время поживают: «Давай, Ванька, с печи ставай, делай варовчины». – Ну, цево делай, как он спутал все нитки и всё. – Настегали, да и на пещку закинули. Лёжит, плацёт. Матка туды пехаёт шанёжечки поисти-то, да всё. Тайком от робят. Он поляживаёт-похаживаёт, што: «Ладно, топерь у меня всё-таки есть немножко». Вдруг идёт поцтальон из царства, подаёт пакет: «Вот вам». По сёлу прошёл, это, все пакеты роздал: царь собираёт, туда, знацит всех на конях, вот хто... Доць сидит на семом етаже, знацит. «И кто на своей лошаде вскоцит и возьмёт прыз на семой етаж – отдам в жоны свою доць и полцарства приданова». Эти распецятали письмо, процитали: «Што, Мишка, давай купим ишо жоробёнка, сходим на ярманку. Сапогов много нашито – снесём, продим – купим коня». Так и сделали, понимаёшь. Живо сапоги собрали, пошли в город, на рынке продали, пошли по конницам тут на ярманке, подошли у одново: «Сколько просишь?» – «Сто рублей». Ну, сто рублей, знацит, говорить не стали, видят, што хорошей жеребець. Домой привели: «Ну, мама давай корми, не жалея пшениси, корми и всё». Выводили сами на ключёвой колодець, всё холодной водой поили, ну, коней такиф выкормили, так на дыбаф и ходят.

Подошёл срок: «Мама, давай завтра пеки нам пышки, мы отправляёмся в царство». Та напекла им в дорогу, оне сумоцки наклали, и роспростились, и поехали. Поехали, а Ваня вышел, в окошко глядит, с маткой глядит. Матка: «Ой, Ваня, гледи-ко, кони-то какие!» – «Мама, кони такие есть, быстря ветра бегают, вот это кони». – «Да где, это не у нас». – «Нет, – говорит, – и у нас ес[т]ь эдакие. Мама, я возьму корзинку, поду в лес, это, за грибам». – «Куда ты подёшь эдакий, ишо ты, ишо заблудисси да потеряисси, да што тибя розыскивать ишо, понимаэш». Взял корзинку, пошол в лес. Взял с ребины сорвал, всё это, мох: «Это шморцки», – говорит. В корзину накла, халат свой снял,

положил под кустик, платоцик *вынял*, махнул вправо – конь *явил*сы: «Цево, Ваня, надо?» – «Да, вот, – грит, – уехали *братаны*, – говорит, – в *цар*сво, там *царевну* царь предлагает замуж». – «Давай, Ваня, бери в седле, вон, у седла в сумке одежду, одевайси и поедём. Приз наш будёт, а не *братанов*». Вот отстегнул, понимаёшь, там шикарная одежда, куда! *Одел*сы, в зеркало погляделсы – ну! И узнать *сибя* не можот. Вот какой. Заскосил в седло, ну и пошла.

А *братаны* уж половину, больше половины проехали, а у йво конь несётцы, ак топот за три километра слышно туды, понимаёшь, што кто-то едёт. «Пешка, ты, – грит, – гледи, кто-то гонитцы-едёт, ишь вон какой топот-от. Только успел повернутци, уж он ёму, да раз – ему тожо шпандырём-то тожо раз! – цють не улетел из сёдла, да и другому. «Вот вам, – говорит, – вы меня стегали, ак и я вам настегаяю». Ну и сам погнал, *ископоть* такая летит, што тем и гледишь нельзя – глаза *вышибёт*.

Съехал в *цяр*ство, там народ уже наехал, записывают по оцереде. Он *скосил*, лошаде привязал повод к ноге, а сам пошол. Писарь-от: «Што не *записываётесь*?» – «А я *успию*». Он надо, штоб *братаны* подьехали. Подьехали *братаны*, записалися. Вот все. «Кот ишо не *записал*сы, давай записывайтесь, *призы* насинаём». Он подходит. «Запиши» – «Как фамилия?» – «Иван Сапожков». – Ну, он записывает: «Иван Сапожков». А *царевна* на балконе: «Ой, гледи-ко: и лошадь-то у йво, вот гледи-ко, изо всеф лошедей!» Ну, *нацяли* там по списку, с *перво*ва, там, давай: у *ково* до стены добежит только лошадь – *остановитцы*, у *ково* на дыбы встанет тут на *ряды*, хто до окошка, хто как. Ну, дошло до Вани. «Ну, давай, последний *ишо*». *Царевна* уж эта так из кожи *лизёт*, што этот, што *мине* [понравился], красивой. Ну, этот подошол, што: «Ваня, дёржиси покрепце, приз наш». Как он сел, да как прижал ноги-то, он рванул – и *токо* на *семой* этаж, развернулся и обратно, и только митька *прял*, и домой погнал. *Царь* говорит: «Да што такоё, – говорит, – он в уме ли не в уме ли, взял да и уехал, я *этова* не брошу, возьму снова, снова соберу. Вот второй раз сделаю приз. Вы все *можите* розъезжатцё, я снова вот *такова*-то *цисла* сделаю». Все приехали.

Он приехал домой в лес, махнул платоцком – конь пропал – своё, халат надел, корзинку взял, Домой пришол, *матка*: «Где ты был-то, дурак-то *дьявольной*, ты *голодной*, да это всё...» – «Ой, мама, я сыт по горло,

цево ты тут обо мне?» – «Цево ты принёс-то?» – «Да вот шморцьков». – Погледела: с ребины мох. «Да это, – говорит, – рябиновой мох». – «Ну, я думал, – горит, – шморцьки». Вдруг братаны приехали. А он разделсы да на пецку забралсы, поел, да и на пецку. Те приехали, понимаэш, коней убрали всё, сели ести: «Ванька где? Што не слезивает есть?» – «А он не знай, – говорит, – ходил за грибам, да вон принёс ребиновых шморцьков – больше нецево – моху принёс». – «Давай, Ванька, вставай, поеси». – Ницё, молцит, молцит-похахиваёт. Молцял он, день-два молцял, вдруг опять пришол поштальон, опять принёс: «Вот таково-то цисла надо будет прызы». Те опять: «Мамка, давай готовь нам пышки». Та опять напекла, опеть они встали, утром эти всё снаредились, сили и поехали. Матка в окошко гледит, Ваня соскосил, гледит: «Ой, Ваня, гледи-ко кони-то какйё! Новко-то вон аж на третей этаж махнул». – «Это, мама, – говорит, – не кони, кони быстрья ветра бегают». – «Да где там, батюшко, есь». – «И у нас этакие есть». Опеть надевает свитку, берёт корзину, отправляётцы в лес опеть, опеть на то место сошол, там наклал всяких шеулей, пестышей в корзину, поставил, платоськом махнул – конь явилсы. «Севе, Ваня?» – «Да опеть, – говорит, – вот надо». – «Давай садись, одевайся, садись». Уж он оделся, да шолковая рубашка, да так блестит – куды к сёрту! Галстук, и всё на свите – куды к лешому! Вот. Сел да и погнал.

Догнал робят, мимо иф, как не бывало! «Пешка, этот цёрт-от нас стегал, – горит, – товды ехал, вот опеть, – горит, – едёт». Ну, приехал в сарство, народу тыщи наехало, все записались – он гулет[ь], гулеёт, вдруг братаны приехали. «Давай, – писарь подходит опеть, – записывайтесь!» – опеть записал. «Но, хто ишо не записался, давайтё последнёе, всё!» – Подходит: «Давай, пиши! Сапожков Иван». Записал Сапожкова Ивана. Опять по порядку номеров ездили, ездили – ницё. Новко на пятый этаж скоцил, жеребёнок. Вот. Ну, Ваня тут подошол к коню: «Ну, Ваня, дёржись, тебя сёдни заклемят, так што берегись». Там, знасит, царь палаця с золотой короной, штобы: «Не зевай, как только скосит – в лоб штобы корону уж – по короне я найду». Вот. Тот стоит, уж рукава засканы, молоток-от дёржит (я-то был, ак я-то видёл всё тут, понимаэш). Как он нажал на жеребёнка, как этот рванул – раз! – на семой этаж, он [палач] хвос! в лоб ёму золотой короной. Он розвёрнулсы,

ну и погнал домой. Царь «Да што такоеё, – говорит, – буди, не в уме ли ли цево, не знай и цево такоеё, буди, не доволён моёй доськой, ли што ли не понравилось ли, уехал. Но я всё равно буду розыскивать. С моёй короной уж я розыщу».

Ох, он домой приехал, в лес. Эту надел свою свитку, корзинку взял, лоб давай драть, драть, понимаэш, до крови додрал, взял завезал, тут оторвал тряпку. Домой пришол – матке не слова – розделсы и на пецку забралсы да, и цапает эту корону, понимаэш. А болько, кров[ь] идёт! Вдруг братаны приехали, обрали коней, поесть сели: «Ванька, давай слезывай». – «Да не знаю, пришол, да цё-то и не говорит цево-то, на пецку забралсы и лёжит да». – «Ну-ко, давай, вставай!» – Нецево. День не идёт, и другой не идёт. «Пешка, давай-ко, тащы ево отгуды!» У йво завязано, и в пыле и тут, и всё. Йво сдёрнул с пецки, повязку сдёрнул – корона золотой. «Да ты што! Ты хде был-то? Ты цё ты молцишь-то?» – «Негде я не был, я не знаю несеву тут! Где вы цево были, наваракосили, а тут...» – На пецку, да по-за пецке ход был, дак туды провалилсы, там ухват да крюк, да всё да. Вот там лёжит, да весь в саже-то умаралсы.

Вдруг сарь в деревню-то приехал, в село, спрашивает: «Вот у вас такой-то, такой-то по списку-то, Иван Сапожков, это, на лошади?» – «Ак вот у нас вон Ванька, вон, у Марфы вон живёт». – Подъезжают – избушка (вон как у меня избушка на улице), тахонька избушецка у иф и всё, сапожная мастерская. Вот заходят царь, царевна, и доська, ну, а повар, нет, не повар, ездовой-от сидит на козлах при ёй-та. Заходят: «Здравстуйтё! Иван Сапожков здесь живёт?» – Братаны-то: «Здесь». – «А где он?» – «На пеське». – «Нам бы вот посмотреть йово». – «Можно. Давай, Ванька, слезывай». – Не в какую. Тот заглянул на пецку – и Ваньки нету: «Ак куды он девалси-то?» – А матка у йво: «Да, вон, за пецкой, у ухватов там лёжит». Подошол: «Ванька, давай, выходи» Не в какую. Царь: «Ну, видно, желаёт, штобы я подошол, знасит». «Ну, как, Ваня, давай выходи, мне охота погледеть на тибя». – «Я нигде не был, ницё не знаю, и всё. Не поду». И саревна звала – ницово. Вот эта сама девиця: «Папа, розрешу, я погляжу» – «Гледи». Вышла, захватила за ногу ево там: «Давай, Ваня, вставай». – «Уходи, сказал, уходи, я тибя и знать не знаю». – Погледела: эдакой арап весь-от в саже-то, погледела: «Ой, папа, не за што я за эдаково не пойду, не за што». А ён видит што

корона-то. Всё-таки **выташшыли** братаны йво. Царь: «Действительно, корона наша, не имею права отказатцы. Давай, **вымойтё ёво** в **байне**». Корыто тут наладили, вымыли, одили Пешкино, это, обмундированьё, одели на ёво. «Давай поехали! И вы давайте, братаны, все поежжайте, и мама, и все поежжайте». А **доська**-то никак не идёт. «Ты, – говорит, – смотри не шути. Этот **целовек**, – говорит, – не простой, што-то в ём, – говорит, – **делаётся**. Вот. Не зря, – говорит, – на такой лошаде он ездит». Ну ладно, та, знацит, помолц**я**ла. **Сили** и поехали все, а Ваня-то этот: «А я, – говорит, – не поеду, я это всё продам, не продам, а так отдам, – говорит, – мужикам, пусть живут сами – тут и всё, сапожная и всё – а потом, – говорит, – я **взде** вас приеду». Ну, и **оне** поехали, отправил: «**Поежжайте**, поежжайте, я вас догоню».

Вот они уехали, он на второй день это всё продал, **попил** с мужикам: «Я **топерь**, мужики, уезжаю в **сарство**, а это вы здесь живите». **Платос**-ком махнул – Бурко-ковурко **явил**сы. Он это всё достал одежду-обмундированьё, сел, но и пошла. Уже около **сарства** догнал саря, **взде** бьёт копытом в тарантас. Царь обернулся – уж подъехал. «Вот, видишь, вот, подъехал». Царевна-то, эта самая **доська**-то: «Уж больно красив-то, Господи, откуда он эдакой, цё-то, верно, **делаётца**, **знасит**, с им». Подъехали, а он сразу вперёд махнул. «Мне, – говорит, – за вам ехать...» Вперёд махнул, туды, **понимаёшь**, съехал, коня привёзал ко столбу, а сам **похаживаёт**, погуливаёт. Царь подъехал, да как он на слук на своих: «Да вы **цево**, – говорит, – глаза-то **пелите**, што, – говорит, – в дом-то не **несите**, надо нести вот как **зетя**-то на **рукаф**», – штобы не **пелилсе**, а снести слуги должны были. – «Ак мы-то, – говорит, – не знаём, што за **целовек**-от?» – «Должны знать, с сарской короной, ак **цево** вам **ишо** знать, **понимаёшь**». Вот схватил **ево**, **выволокли**: «Нет, нет, я – **говрит**, – сам залезу, зайду». Царевна эта молоденькая ёму: «Ваня, да што ты, эдакой нервной такой, да всё, **понимаёшь**». – «**Будёшь** нервной. Я, – говорит, – столько пострдал, дак как **некто** не пострадал».

Давай, задали пир. Да **боцькам** так вино на улице. Сколько закуски, **понимаэш**. Положено по **песят** метров долиной такие столы. Весь народ, вся публика.

Вот я-то тожо там был, **понимаэш**.

Вот жил был царь,

Фу-то, ну-то,

И всё туто.

Я этим ведь не торгую, могу рассказать и другую.

60. [Сивко-бурко, заковурко]

Был богат, дядька какой-то, богатой отонь был. У ево были три сына, три сына было: Ваня, этот дураток и, этот, Гриша и Миша. Ну вот, они, это знатит, богато жили, а были пустошь у их. Там как пустошь, лес там. Ну вот. И посеяно было там у их овса, овса ли, рожь ли – зерно. Ну вот. И ходили пась туды, это, караулить, штоб траву-то. Ведь медведь сосал. Вот этот [отец]: «Гришка, ступай, ты покарауль». Оне пойдут, спать лягут, там спят. Придёт, этот, Сивко-бурко, Сивко-бурко, заковурко, здоровый мерин такой был. Придёт, наестсы, и уйдёт, а они спят, не слышат. Ну, приходит, отец спрашивает: «Ну как, Мишка, там?» – «Отець, всю нот глаз не свёл, не спал, провёл, а неково не видал». – «Ну ланно. Ну, ты теперь, этот, Гришка, ступай». И Гришка так жо. Тожо так жо. Тожо проспал, никово не видал. Послали Ваню-дуратка. Ваня-дураток пошол, пошол. Ну вот, он не спал. Он сидит, сидит, сидит, вдруг – не мидвидь, ништо, а (этот самый, как ёво?) Бурко-лошедь. Красива, грива такая хорошая. Вот говорит, взял обрать: «Цап ево!» – обратал. Обратал, а он вырвалсы у ёво, убежал. Убежал, ланно. Вот. [Братгья]: «Ну как ты, Ваня-дураток? – они, – ха-ха-ха, Ваня-дураток. Мы не видали [ничего], а Ваня-дураток, дак проспит». Хорошо. Вот. Да, он ёво поймал этот Ваня, а он сказал, Гривко-Сивко, Сивко-Бурко сказал, што, говорит: «Слушай, ты не трогай миня, опусти, а мы тебе, што задумашь, то и сделам». – «Хорошо». Он взял и ёво опустил. Да: «Я, – говорит [братгьям], – видял, да имал, да не поймал». Хорошо. Вот пришли все, собрались. Да, эта как, нивесту надо было им. Надо нивесту, говорит, надо нивесту. Все приехали бохату, собратцы надо всем, штоб половить этова коня. Вот он пришол, он пришол, сел в уголок, в этом [месте], где [собрались], глядит. Глядеу, глядеу – один приходит, другой приходит жених, она: «Нет, это не етот, это не етот», – нивеста-то. Ей пондравилсы, што лошадь ей ндравитцы, лошадь-то пондравилась. Он говорит: «Ладно,

«Шивко-бурка, как нам быть?» А он *выскотыл*, этот Ваня, *выскотыл*, взял и сел на *ево*. Сел, кто *доста*нёт – а все лошади хороши. Кто *доста*нёт до невесты, она там сидит где-то (у бар-то эти, *знаёшь*, *светёлки-то* там *высоко-то*). Кто *доста*нёт, тот *жаних* *евонный*. Вот. А они все: «Не *должон* быть этот, Ваня наш, *дураток*, не *должон*». Он *ушёу*, он *ушёу*, *знатит*, к этому [= к коню] сел и допрыгнул. Допрыгнул, *ие* поцеловал, *невесту*. Вот. Все говорят: «Да как это? Не должно и быть, што такой Ваня». Вот он [= конь] говорит: «Давай. Садись на *миня*». Выехали за этот за двор, за этот, вот, он [= Ваня] *оделсы*, как парень *настояшшой*. Да, в *правоё* ухо *влез*, в *левоё* *вылез*. Сел *молодец*. Сел *молодец*, и он *достал*, *ие* поцеловал, да и *батько-то* говорит: «Да што это *такое*, там, в *уголке* какой-то сидит *тряпошной*». А *ковда* *пришол-то* [когда *переоделся*]... «Ну, – *говорит*, – *сделаём* мир на весь *пир*». Вот и *сделали* мир. Ваня-*дураток* и сел *царём*, а *оне* все остались *непритом*, *некто* не *достал*, *невесту* не *полутыл*. Вот.

(Дальше, там *ишо* *тё-то* дальше есть. Бабушка, она *инатэ* рассказывала.)

61. Заячья скрипка

Наш русский *салдат* в *армии* служил, подошол *срок*, он *демобилизовалсы*. И пошол мимо *царскова* дворца, увидел *патрет* *царёвны-красавицы* и вот *такое* слово *выговорил*, што: «*Ночь* бы *поспал* бы с *царевной*». А раз *такое* слово *сказал*, сарь *услышел*, *ево* *вернул* и *приневолил*, *знасит*, вот дал ёму *заданьё* – *двенацать* штук *зайцей*, *диких* *зайцей*, *пропасти* лето и *пригнать* к *осене* в *цельности*. Если не *пригонит*, то *царьской* *мечь*, *ево* *голова* с *плечь*.

Ну, што жо? Солдат *взялсы* *пасти*. *Ковды* ёму *дворник* *открыл* *двери*, то все *зайсы* *выскоцили* и в *полё*, и в *лес*, и *розбежались* – и *баста* *дело*. Вот он *пошол* *туды* на *луг*, где *должён* *пасти-то*, сел на *каменку* и *плацот* *врыдь*: «*Леший* *мине* *пособил* *язык* *выпелить* *такое*, – *говрит*, – *теперь* што я буду *делать*, где *мине* *зайцей* *собрать*?» Да. Видит: *подходит* к *ему* *старицёк* – *бородка* с *ноготок*. «*Што*, – *горит*, – *служивой*, так *горко* *плацёшь*?» – «*Да* как, – *горит*, – *дедушко*, не *плакать-то*? *Ведь* вот я, *ведь*,

так и так у царя... Царь мне задал заданье двенацать зайцей дикиф пасти надо, к *осене* пригнать иф целиком. А оне все разбежались, што я буду делать топерь?!» – «Не тужи, дружишэ. Вот. Бох те *поможот*», – *вынял скрипку* и дал: «На вот тебе *заецью скрипку*. Только вот дуни, она проиграет, все *зайсы* к тебе прибегут». Подал *скрипку* и сам *скрылся!* Видно, сам Бох *явился*. Вот. «Ну, не знаю, – *говорит*, – старик, верно ли нет ли [сказал]. Дай, попробую». Взял эдак: «Турлы-ы-ы-ы!», – ой, отуды *зайсы* один за одним, бегут все к ему, *ушам* хлопают. «Што?!» – «Ну, давай топерь по лугу гулейте». Стой, правду мне *дедушко* сказал, *знасит*, всё. Вот к вечеру, *понимаэш*, только *скрипнул*, все набежали: «Ну-ко, давай». В мешок *оклал*, домой *принёс*. *Нидиллю* так *пасёт*.

Царь спрашивает у *етова* у дворника: «Как, – *говорит* – он?» – «Все, – *говорит*, – *знасит*, *всеф* [пригоняет]. *Всеф* до одново зайца, двенацать штук». – «*Нады* што-то придумывать, *понимаэш*, *штобы* *ево* сжить со света. Не охота мне за *салдата* отдавать *доську* свою, *понимаэш*». И вот там надумали, *знасит*: «Будём *издить*, покупать *зайсев*. А уж купим, дак где ёму больше, *нетде* не найти, не схватить *ницево*, и всяко, *знасит*, *пропадёт*».

Вот навторой день он ушол пасти, опустил зайцей. Вдруг *подъежжает* на таратайке мужшына, одевши по-мужицкому так, не узнать *штобы* было. Ну, он *догадливой*, солдат, дак солдат был. «Это, – *говорит*, – царь *подъехал сецас*». [Царь *подъехал*]: «Здраствуйте, гражданин. Вы *цево* здесь делаете?» – «Да вот, – *говорит*, – у царя *зайцей пасу*». – «Продайте мне *одново*, хоть». – «Ну, нет». – «Я тебе сто рублей дам». – «Нет, нет, нет. Не за што не продам я». Тот *поредилсы-поредилсы* (я не буду *выворацивать* это слово на...), а так *скриульнул*. – Поехал царь, приехал, [говорит]: «Не отдаёт». А там *прынц гонитцы* за этой царевной, сидит у *ево*: «Ну, как? *Цово тамо?*» – «Да вот, – *говорит*, – сто рублей давал, не в какую не *отдал*». – «Ну, погоди, я сам *съезжу*». Опять туда *съехал*: «Што, молодой *целовек*, *делаэш*?» – «Да вот, *зайцей у саря пасу*». – «Продай мне *одново зайчика* на жаркое, я тебе сто рублей дам». – «А мне давали сто рублей, я *видал* такие деньги». – «Ну, я *двести дам!*» – «*Уматывай*, знай. Не за какие деньги не *отдам*». Ну, раз так, уж пришлось *етому* уехать. «Не отдаёт, – *говорит*, – *двести рублей давал*». Царевна: «Я сама *поеду, знасит*». А он там *зайцей строем* *ушит*, *крыкнет*, *вскрыпнёт*, *прибегут*: «Давай становись!» – поставит в ряд.

«Направо! Равняйся!» – выровняет. «Смирно!» – всё как цесть по цести. И: «Шагом марш», – по лугу их гонёт.

Вот приехала эта: «Продай мне зайца». – «Нет, не продам». – «Я тебе петсот рублей дам!» – «Ни за какие деньги не отдам, вот. Вот бы поспать с тобой, дак вот это другое дело». Да. Та: «Тьфу ты, дурак», – повернулась и уехала. Домой приехала: «Не отдаёт не в какую».

Он, это, там нашпиговал, уже дело к *осене*, *знасит*, к городу гонит, к городу. *Крычит*: «Раз-два, левой, раз-два, левой!». Там народ: «Што такое? Армия какая-то идёт, гонят, *знасит*». На улицу весь народ с города выбежал, *глядят*: русской салдат зайцей гонит строем. Салдаты так не ходят, как *зайсы* ходят! *Счас* подогнал к императорскому к дому: «Направо, марш! Прямо! Раз-два, левой. На месте раз-два, левой! Приставить ногу!» – всё приставил. «Открывай», – дворнику этому. «Открываю». Открыл этот: «Марш в казарму!» Убежали зайцы.

Вот так это да! *Цево* топереца с им делать? Вышел: «*Вашо* Императорское Величество, я задание *вашо* выполнил». – «Нет, *говрит*, – *этова ишо* мало, я тебе *ишо* дам». – «Ну, што?» А народ! Весь народ на улицу *туда* [вышел], што *сецас* *туда* *будёт* *полуцеть*, што *договоренся*, *знасит*. Царевну *взамуж* и на место *ево* [= царя], *ишь*. «Ну, давайте, какое?» – «А *наскажи* мне три мешка сказок». – «Давай мешки!» Мешки отгуды *торнули*, *счас* одному: «Держи». [Солдат рассказывает]: «Когда, – *говрит*, – я *пас*, *граждани*, то какой-то приехал, – *говрит*, – *старык*, да, вот на такой-то лошаде». А люди-то знают лошадей-то, *знасит*, [догадаются, кто был]. Царь-от *говрит*: «Про меня, – *говрит*, – *болтонёт*. *Полно*, *дурак*!» – [Солдат]: «*Полной* [мешок сказок]! *Завязывай*, *бросай*. Давай другой держи!» *Знасит*, другой опять держат. [Солдат рассказывает]: «На второй день приехал молодой человек на другой пошаде». *Прынц* и говорит: «Про меня *брехнёт*. *Полно*, *дурдей*!» – «*Полной* [мешок]! И этот *бросай* *проць* в сторону! *Держи* *третьей*!» – *третьей* *дёржит*. «На *третей* день *приезжаёт* *молодая* *красавица-девиса*. Эта *напугалась*: про *ие* *брехнёт*, што *поспать-то* с ей: «*Полно*, *дурак*, *полно*». – «*Полной*! *Отваливай*, все мешки три, три мешка *полны*». Раз сами *говорят*, што *полны* все. «*Ваше* Императорское Величество, *ваше* *заданье* *выполнено*. *Имею* *право*, – *говрит*, – *полуцеть*, што *обещали*». Публика всё *ево* на ура, *знасит*, на ура. Царю *кричат*:

«Давай, долой тебя с престола. Раз говорил слово – отдавай корону». Вот *ево* [= солдата] занесли туды, корону *одили*, давай пированьё *тожо эдакоё жо*.

И я тоже там был. Так и *женилсы*, понимаешь, на царевне-то. Вот русский мужик *укатал*, видишь как?

62. Сазка про плотника и часовова мастера

Ну што ж, сказка гаворитцы про плотника и часовова мастера.

Сидит часовой мастер в пивной, это было давным-давно, при царе Касаре. Ну и *рохвасталсы*, што: «Я могу вот такие часы сделать, дак никто не *сделаэт*». А плотник *говрит*: «А я *другоё* могу сделать, *ишо* получше *твоёва*». Ну и *заспорили* друг с другом, который лучше *веш* *сделаэт*. Пришли к *самому* к царю и *говорят*: «Вот дай нам *сроку*, сделать *штобы*. Вот я вот часы *сделаю* такие...» А плотник: «Я *другую* *веш* *сделаю*». Вот. Ну и што, вот спор *ихнёй* царь *зарешил* им. *Всё*. Они *собрались* и *пашли* па *дамам*. Один своё дело *делаэт*, другой – *другое* дело *делаэт*.

Ну, часовой мастер сидит, точит день и ночь часы. Такие *выделывает*, што, вообще, и не бывало таких *ишо* часов. А плотник *потюкает* топором да *удёт* поспит, *полежит*, да *рюмочку* выпьет, да опять *хвошшет* топором, *рубит*.

Ну, приходит дело к тому, што *срок* *кончатцы*. У *этова* *срок* *кончатцы*, и у *этова* *срок* *кончатцы*. Надо *казать* *вещи* *свои*, которые кто как *сделал*. И часовой мастер свои часы *принёс*, и плотник *принесёт* свою *веш* такую. Плотник *сделал*, *наподобие*, как *назвать*, *самолёта*, или там раньше *называли* *ковер-самолёт*. А часовой мастер *несёт* в *короботке*. Што он там только не *натворил* с *часам* – *всякиф* тут *вырисовок* – *всё* *розгляденьё*. Плотник *оставил* свою *веш* во дворе. А часовой мастер *прямо* *идет* к царю: «Вот, *смотрите*, царь-*батюшка*, вот моя *веш*. А у плотника *где-то* он *оставил* во дворе».

У царя в то *время* был *сын*, *где-то* лет *пятнадцать-шешнацеть*. И вот этот *сынишко-то* *увидел* эту *штуку*, *вроде* *самолёта-ковра*, и *ползает* по нему *туды-сюды*, *туды-сюды*, это, там все *рычажки* *нажимает*, там *то-другоё*.

«Ну, давай, плотник», – царь-то и говорит, – давай, плотник, *кажи*, што у тебя за вещь сделана?» Вот пошли они. Выходят с *параднава*-та. Плотник говорит: «Вот, царь-батюшко, смотри, уж моя вещь-то уже полителя». А сын-то уж политель на ём, понимаешь, на этом корабле тут *плотничном*. Царь-то испугалсы: «Держать ёво, держать!» А он *нажимаёт*, он *ишо* выше, выше, и улитель. Ну, тогда царь розгневалсы и посадил плотника в тюрьму. Ну, вот и: «Только сын не *вернётцы*, значит, чё *будёт?* – Будёт тебе срублена галова». Товда, значит, што? Награждаетцы часовой мастер. Раз этот такую штуку сделал, и царь *решилсы* своего сына. А в то время не было таких *вешшэй* наделано, только ездили на *лошадкаф*, там, от страны до страны какой-то.

И вот, долго ли *коротко* ли литель царёв сын. Наконец *прилитель* в *здакоё-то* *другоё* *государсво*, сял на окраине города. Ну, тут замаскировал свою, свой этот самолетик, и пошел в город. Значит, *пришол* в город, *огляделсы*, там *то-другоё*. *Попросилсы*, там, у одной старушки, там, на окраине, *штобы* *ево* не так заметили, на *начлег*, *приташшыл* сюда этот самый самолётик, к этому, к старушке. Старушке наказал, што: «Ты там не *розоблачай* мою, – *грит*, – эту самую тележку, на которой я летаю». Ну ладно.

Вдруг *цезер* несколько дней *объявляютцы*, *объявляютцы* такая вещь, што *царёвна-дочка*, *знацит*, выходит замуж и *выбираёт* себе мужа. Там, кто какой *можот* *прилитель* к ей. Ну, а который царёв сын-то *прилитель*-то, очень *красавиц* был, *ловкий* такой, *стройный* парень. И он это дело узнал, где она *прягаетцы*, там *наподобие* башни такой построено. И там у *иё* сделана комната, туда никто не *пускаётцы*. Только она *могёт* выходить на балкон, это, посмотреть *то-другое* – и всё. И вот этот царёв сынок *приспособилсы* туда летать к ней. *Прилитель* первый раз, *посмотрел*, *знацит*: «Ага, красивая. *Можно* так, это, с ней *познакомитцы* тут всё». Ну, *харашо*. И улитель. И она заметила, што *парень-то* красивый: «Кто такой, – мол, – ко мне туда в такую *высату* и *заскоцить*, попасть [смог]. *Никто*, *никакова* *доступа* нет, а он, *вишь* вот, *попадаёт*».

Ну, теперь *получаетцы* такая вещь, *знацит*, он стал *пачаще* *посешшати* туда, *проникать* уже к ней в комнату. *Оне* *побеседуют*, *парозговаривают*, *поиграют*, и ён опять к старушке.

В одно *прекрасноё* время стража заметила *этова* *паренька*, што кто-

то к ней на какой-то птице прилетает. А што за птица, оне не знают. Ну, давай, царь ишо усилил стражу. И опять заметили, што прилетает, действительно. И вот стали искать этого молодца. Ну, весь город нады прочесать, штобы всё как найти ево где.

А плотник этот сидит в тюрьме сё. Как ево покормят, он сидит, и ево не выпускают никуда, ничёво. А часовой мастер ликует: ну-ко, вся ему тут премия, и всё ему отдано.

И вот уж весь город прошли – нет такого молодца нигде и всё. «Ну, давайте, ишо, зайдем в крайнюю избушку, биде, в эту. Тут, биде, кто моот жить». Знацит, теперь што получаетцы: заходят, а он как раз у бабушки у этой и спал. Ево сонново – цап! – «Он!» – говорят. Ну, он, знацит, ево схватили и к этому к царю привели. «Вот, – говрит, – он, – говорит, – это всё». – «Ну, он, так он». Там дочку привели. Ну, дочка созналась, што: «Он, да, прилётал ко мне». Ну, што делать? Знацит, тут давай обсуждать, как тут, чево? Каму чево делать надо: «Нады отрубить ёму голову. Это нечистая сила, как говритцы. Это неведомая сила. Што-то какой-то пророк тут может проникнуть к моей дочке».

Ну вот, знацит, просидел он какое-то время, там назнацили ёму казнь. Назнацили казнь. Плошадку такую сделали обширную. Всё там, ну прямо такую, раз такое дело, дак царь в гневу, дак он сделал всё тут нормальнё. Ну вот, стали ево тут допрашивать: «Как ты, чё всё-таки сумел, на чём ты мог так поднятцы, то-другоё». – «А вот, – говорит, – привезите мне эту штуку, у этой у бабушки тамо есь, ну вот, я вам пороскажу кое-чево». Ну, вот это дело всё-такое царь исполнил, понимаэш. Вот он стал рассказывать, а царёвне-то, этой дочке-то, уж он очень понравилсы, понимаэш, такой приветливый парнишка-то, такой ласковый, понимаэш, умеет рассказать, розьяснить всё. И она-то ходит тоже с им вместе тут, ну, царь иё допускаёт там походить. И вот, говрит, сял он на этот самолётик, знацит: «Вот, смотрите, вот это – так, это – так». А иё-то подманил, эту самую царёвну хват! – и на кнопочку. Он только вжик! – подымаетцы, подымаетцы. Эти все со страху упали: «Што такое? Это можот такая веш и двух человек поднять?» Пока оне, грит, очухвались, уж он, он туда отлител. Он уже туда отлител. Он пока сюда лител, научилсы им управлять. И полител во свою страну.

Вот прилител во свою страну, сял во двор. Приходит к отцу: «Вот, отец, я жив и здоров, мол. Нивесту себе с тово вот государсва привёз. Надо типерь делать, как? Свадьбу пировать, мол, договариватци то-другое». Ну, царю, царь тут обрадовалсы, с таким духом, ну, што ж делать-то, и забыл даже про этова, про плотника, што он там посажён. Вот. Ну, там царь собрал свою услугу эту, послал на лошадаф этова, там как называётцы раньше, гонца, што: «Вот так и так, ваша дочь у мя, моёво сына». Што с грамотой с такой съехали [к отцу царевны], што, мол: «Такое дело, тот украл дочку у мя». Дак ево, знаёшь, тут скандал могот получитьца, войной идти царь на них... Они не знают, куда она улителя, идти-то не на ково. Ну, такоё дело, дак он [= царь], когда приехали гонцы-то, што: «Вот так и так, ваша дочь, вы приезжайте к нам на переговоры, штобы нам договоритьцы, как лучше это всё сделать». Вот и давай... Царь сам там поехал, там с женой, там, со свитой, всё полностью обоз сделалсы. И поехали в это государсво. Вот приехали к этому царю: правильно, и дочь ихняя эта. Она грит: «Вот, папа, мой суженой-ряженный, – царю-то, – я буду за нём замужем».

А всё-равно, плотник-от всё-равно там сидит. И забыли. А сын-от напоминает: «Папаша, а где жо хозяин этова вот, как птици-то этой, што которая вот литает у мя, ак где он-то?» – «Ах, он вон где, он сидит у миня в тюрьме». – «Давай, выпускай скарей ево оттуда». Вот ево выпустили, да отблагодарили ево, што сын-от спассы, да и ишо и невесту такую красавицу привёз.

Вот, понимаэш, сделали пир на весь мир. Плотник тут был. Ему награду больше дали, чем часовому мастеру. Он токо мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот ёму и не попадало.

Вот и сказка вся.

63. Про ольхову чурочку

Вот жили два молодые ишо, нету деток у иф. Нет, и ён тёшот ольхову чурку и говрит, принёс бабке и говорит: «На, матка». Она зыбку повесела, гацаёт ево. Пецот блины, а упало полено: «Вот бы был парень, дак я убила бы ёво, парня-то, поленом-то», – а ён выскоцил и

бежит к ей, а она блины пецёт. «Мамонька, давай я тятеньке понесу блинов на обед». Она завернула, ён и побежал.

А этот стариток-то сидит ес, батька-то, а ён *пашот* на лошаде, за *соху* держитцы и едёт. А идёт барин и говорит: «Мужичёк, чё жо, у *тя* кто-то *пашот*-то?» – «Вот, маленькой такой *пашот*». – «Продай мне *ево*». – «Не, я не продам тебе *ево*, *некак*», – *говрит*. А он [= сын] *шопчот*: «Продай, я приду». Ён *ево* продал, ён [= сын] убежал. Пришол [барин]: «Матка, я *те* подарок принёс, в карман положил». Он схватилсы, а *ево* [= мальчика] там и нет, ён домой убежал опять к *своёму* [отцу].

Опять сказка вся.

64. Сказка о сыне-богатыре

Были-жили, был такой, вроде, из *богатыф*, а взял он девчонку деревенскую. А у *ие*, ну, она была сирота, вообще, у их мать была неродная. А у *етой* у мачехи были *ишо* две дочки, вот она в этой семье и росла.

Ну, а этот *бохатырь* приехал к ним там в селеньё. И она была очень такая *очонь* красивая, стройная. Понравилась ему. Ну, понравилась, он женился на ней. Женился на ней, а он, видишь, каким-то таким был, што везде *ужжал* в командировки. Ну и вот, и он уехал в командировку, там, на *сколькё* он времени уехал, она *осталася* беременная.

Ну, он *фсё* и мечтал, што раз беременная жена – *родит* багатыря. Вот *приезжаёт* домой, *оне* ему *ничо* не *сообщали*, он не писал. И это, приехал домой, а *ие* и нету – куда *деваласе*? *Оне*, это, мать неродная с дочками с этим: «Мы не знаем, куда она *деласи*. Уехала от нас, и мы не *видели*, *ничо* не знаем об них». Ну, а *суседи* подсказали эму, што: «Нет, – *говрит*, – она никуда не уехала, а её, – *горит*, – в бочку они *закалатили* и *по* морю *опустили*».

Ну, а он [= сын], *бохатырь*, видишь, рос, так в сказке *говоритцы*, не по дням, а по часам он рос. Дока там они доплыли, и ему уже в этой бочке тесно стало, он стал говорить, што: «Мамочка, я *растянусе*». Она, што: «*Подожди*, сынок, *подожди*, *ишо* бочка *колубаётся*, мы на воде, *погибнём*. *Ковда* не *будёт* бочка *шотатьсы*, *можот*, нас занесёт куда-нибудь».

Ну и вот, в одно прекрасное место их понесло бурей и занесло на бугор. *Оне*, он, што, ну день тут *побыли*, другой *побыли*, бочка уже не *пшатаетцы*, больше не плывёт. «Ну, *топерь*, мамочка, я растянусь, у меня сил нет больше тут». Как он нажал, так дно и выбил. Выбил дно – и они *оказалиси* на площади на такой на ровной. «Ну вот, тут мы, мамочка, *будём* жить. Тут мы *будём* дом свой строить». Это ведь как в сказке *говоритцы*, ак так оно и есь. Вот. Они тут выстроили дворец. Им тут, конечно, помогала рыбка, золотая рыбка, што *оне* всё тут построили, такой дворец построили, што, как сказать, миру не описать, такой.

И вот всё вот ездят люди, с *ихнево*, отгуды, места, всё говорят, што... А ён [= царь-отец] всё об их *беспокоитцы*, што раз *оне* отправили по морю, дак *можот* быть, *оне* где-нибудь и вышли, выплыли. Вот и *спрашиваёт*, *одне* приехали, и ён *спрашиваэт*: «Вы там, хоть, не далеко ли вы плыли, да чево дива ни видели ли?» (Конечно, я *топерь* так и не *росскажу*, как она *рассказывалась*). И вот это: «Были, – *грит*, – далеко, *видили* диво. – Живут сын с матерью вдвоём на острове. Дом, – *говорит*, – такой, што мы не слышали и не *видали*, такой у них дом! Ну, сын, – *говорит*, – *богатырь*: во лбу – *красноё* солнышко, в затылке – *ясной* месяц, вот сын такой. Ну, и мать, – *говорит*, – такая *прилишняя* *женшына*, *хорошэя*». Ну вот, это он [= царь-отец] стал *мотать* на ус. Другие *поехали*, *опеть* у *другиф* *спрашиваэт*. Другие так же *говорят*, што вот так.

Потом как-то он [= сын-богатырь], как-то он *тожо* по морю. Сделал, это, *параходик*, ли *чё* там, по морю *поплыл*. И вот такой-то *ёму* там попал на пути (теперь уж *забыла* слова-то), как-то, што *дядька* Черномор с ними *братья* на подбор, *двенацеть* *братовея*, все *бохатыри*, все под одну *гребёнку*. Ну вот, он и *этиф* *пригласил* к себе: «Што *подёмте*, у нас места всем *хватит*. И *будём* жить как быть *родные* *братья*». Вот и *ети* к ним *переселилисе*. *Переселилисе*, тут жили *оне*, и всё, это, *ездят* люди, всё *ему* [= отцу] *передают*, што: «Были мы *мимо* острова (вот, это, *ишь*), *мимо* острова Султана, *видели* *диво-то-дивноё*, *чудо-чудноё* (теперь уж слова-то *забыла*), што *видели* там и *дядька* Черномор, с им и *братья* на подбор, *двадцать* *два* *бохатыря*». (И тут *ишо* *какая-то* *подсказка*, уж я *забыла* *половину*).

Ну и вот, и ён [= царь-отец] стал *беспокоитьцы*: «Што *жо* такое, *неужели* это мой сын такой? Вот што, когда *ишо* *поедите*?» Там ведь

ездят на параходаф, дак што: «Поедём вот в такоё-то времё, мы поедем, поедем и ты с нами». Ну и вот, он направилсы. Направилсы, вот это.

А тут уж всё пристают к ним [= к острову], это, как кто едет мимо, дак всё уж пристают. Он [= сын-богатырь] выходит, увидит или там услышит, што идут параходы, он уже приглашаэт, што: «Приходите на хлеб, на соль». Тут погостят, дальше проедут, и домой вернутцы. Вот и он [= царь-отец] приехал, приехал он и увидел жену, жену-то, веть, узнал, а сына ишо не было, дак. А сын эдакой богатырь! Ну вот, обраделсы, обоех их захватил в офапку, тут и поплакали, тут и повеселилеси. И тут сделали пир на весь мир, все гуляли, вина заморсково, и всё у иф тут было.

Ну вот, вить надо домой возвратитьцы, ему надо отомстить тем [= сестре с матерью], што оне натворили. Вот и он, што: «Я приеду». Он тут уж признавси, што отец. Ну сын ево не отпускаёт, што: «Оставайси здесь и всё там брось, дескать, и не еди». Ну [отец] ему, што: «Нет, съезжу я домой, съезжу домой, всё там узнаю, и я вернуси потом совсем к вам». Ну и вот, он съехал туда.

Што с им [= матерью и сёстрами] делать? Нады им отомстить, нады их тожи в бочку закалатить. Ну, собрал там деревню, што деревня ли город ли, чё там было, што их тожо в бочку закалатить нады, но тут не решили. Што: «Отбери от иф всё, пусь оне остаютсы такие как были, што безо всево. А ты всё это роздай беднекам и уежжай туда». И вот он решил уехать. И до сих пор живёт.

65. Про багатырей

Вот были-жили три сестры. Ну, одна была, видишь, родная сестра, а две были от другой матки, и вот они всё презерали, не любили эту сестру. Ну не любили, дак не любили. А приехал в деревню какой-то цюжой человек, ну, она на лицо была такая складная, красивая была, и у ней подход был. А эти две такие были как два чучёла, вторые-то вот, это не у родной-то матки. Ну, он к им чё-то зашол, и он сразу полюбил эту девушку. Полюбил, чё он тут в деревне, сколько тут был, потом уж он познакомилсы с ней, и он поженилсэ, и тут он жил. На каких он тут работах работал, а жили оне тут. Ну, и он уехал куда-ты учиться

или сдавать, или он учился да курсы сдавать уехал, уж теперь точно и не рассказать, как было. И **ёна** родила, **ёна** сказала, чо вот: «Возьмёшь [замуж], дак я тебе принесу сына-бохатыря, во лбу **ясны** звёздочки, а в затылке – **мисец**». Ну вот, они сошлись с ней, [он уехал в] командировку, и она родила. И точно: это сына она родила. И вот, это, сёстры эти всё **сердились** (ну, они, видишь, от другой **матки**, она не родная), всё на неё **сердилиси** и взяли **иё** в бочку [посадили]. (Ну, она [сказка] складно раньше-то складывалась, топерь-то я уж и позабыла **некотороё**.) Ну и вот, посадили в бочку и **на** море эту бочку опустили, жили недалеко.

Ну вот, и **ёна** поплыла. Там, **наложили** ей еды, или **наложили**, или уж так просто, воздухом она **питаласе**. И вот. А карабельщики там по морю ведь ездят, мало ли **чево**, там рыбу ловят ли **чео** там, и вот эту поймали. Ну, эту бочку уташило далеко, и эту бочку поймали и **выташшыли** на берег. **Выташшыли** на **берёг**. А ещё он там рос, ёму эта бочка стала мала, он стал упираться, што.... А мать говорит, што: «Подождём, подождём, а то мы утонём», – она ведь **чувствует**, што ещё в море, дак бочка **колыбаецца**, што: «Подожди, сынок, подожди, **можот** быть нас на сушу **выкинёт**, если уж на сушу **выкинёт**, тогда я разрешу тебе **ростенутьцы**» Вот вдруг однажды приплыли **оне**, и их закинуло на сушу, бочка не стала шататься, он **говрит**, што: «Ну, мать, можно мне **розогнутьца**, **ростенутьцы**?» – а она, што: «А **бласлови** тебя, Господи, теперь можно **ростянутьца**, потому што не **колыбаецца** бочка». И он **ростянулся**. **Ростянулся**, а ёму, [он] уж **этакой** бохатырь. (Она ведь там в бочке и не видела, он какой. И, действительно, он **этакой**).

Ну вот, тут ладно. **Осталисе** двоё, а **цё** там? Поесть **нечево** **ничево**, ну, и он **пошол**, срезал там какую-то тростинку, сделать, **штобы** ёму там, птицу какую-нибудь подстрелить или што – ведь кушать **хочётцы** – или рыбину поймать в море. И вот он... (Вот это я забыла, што, кто ёму попал, или рыбину он поймал? Да, рыбина человеческим голосом ёму ответила, што: «Не трожь меня, отпусти меня, я тебе много добра принесу». Ну, и ён сказал, што: «Ну, ты мене **принеси** **питаниё**, покушать, я тебя отпущу». **Ёна** **говрит**, што: «Только отпусти, **сейчас** **придёт** корабль к **берёгу**», – ну и вот, он отпустил **иё**, и ниоткуда **взялось**, пришло **девять** **бохатырей**, **выходят** с **карабля**, все **эдакие** братья. (Тогда всё **этак** **говорилось**, што не так, я уж не умею **топерь** так **россказать**, как тогда. [Говорили], што

бохатыри, все красавцы удалые, все молодые). Ну и вот, они тут и дом построили, дворец, *вообщом*, построили, и всё такоё. И вот, а отец-то приехал с командировки-то, а уж не жоны, не сына, што родила. А родила она не царя, а легушонка, дак за это её в бочку похоронили. Ну вот.

Он [= сын] уже стал *взрослой*, стал уж вроде грамотной. Учился, не учился – грамотной сел. И вот ему *сдумалось* на родину к отцу. Этот корабль наложили, там, поехали торговать заморские гости туда во дворец, дворец уж у *нево* там был, у батька-та. Ну вот, приехали, и он [=отец] спрашивает [у гостей]: «Хто – раз опустили бочку – дак стретил кто бочку, ли не стретил ли». Ну вот, ёни и говрят, што: «Да, сколько мы раз мы ездили по морю и ничово не видели, а сейчас мы видели чудо-чудноё, диво-дивноё. Там за морём есь бор, на бору стоит дворец, а в дворце в этом живут тридцеть три бохатыря и с ними дядько Черномор. Все тридцеть три бохатыря, все на подбор, и с ними дядька Черномор». И вот, это, ён это всё слушает. Вот другие приежжают опеть, всё с товарами туда едут, он сё у всех спрашивает. Ну, а потом ему *здумалось* приехать. *Здумалось* приехать, што: «Я с вами поеду, возьмите меня, с вами поеду». Ну, он туда и приехал, приехал, вот и стретили. И он стретил жену, жена вышла стречать с сыном, и вот он тут захватил жену в охাপку, сын отталкивает ёво, а ён в ноги валитцы, што: «Простите меня, простите, я виноват». Што: «Я не виноват», – это, видишь, эти тошша да эти сестры неродные ей [сделали]. И вот тут сделали пир на весь мир. Тут он осталсы жить с ними.

66. [Старик и петух]

[Жил мужик], и рядом недалеко жил боярин, барин. У мужика было одна *радось* – это петух. Петух был своеобразный. Он мог, значит, делать какие-то добрые дела для мужика. Таким образом, мужик поживал потихоньку, и питался, и пил, и ел всё. Ну, и у *нево* побывал барин, у этова мужика. И *понравилса ёму* этот петушок, и он увидел, што петух даёт всё, што *можот*. Тогда, совершенно, украл этот барин петуха. Украл и всё, мужик стал пропадать. Как жо быть? Но барин говорит петуху: «Ты *чово* жо мне *ничово* не делаёшь, што делал мужику?» И решили

этова петуха потопить. Ну, поскольку решили потопить, бросили ево в колодец, петух, долго не думая, говорит: «Попа, пей воду, попа, пей воду». Петух выпил весь колодец. Таким образом, барин рассвирипел, *выташшили* петуха коё-как из этого колодца, *знасит*. И, давай, говорит: «Сейчас уж мы тебя *сжарим*, обязательно *сжарим*». Ну вот, развели огромной костёр. Всё. Печки растопили: «Где-нибудь да тебя сожгём». Ну, а петух долго не думая, взял и говорит: «Попа, лей воду, попа, лей воду». Таким образом, затушил все пожары. Всё. И с тех пор петух живёт и поживаёт у своего крестьянина и ево внуков и дитей, а барину он не достался.

67. [Цветики на могилке]

[Пошла девочка] за ягодам в лес. [Ей наказывают]: «Мотри не заблудися». Ушла-ушла, да и нету, и нету. Вот. А шол мимо сапожник, видит: девушка с ягодам. Стал просить у ей ягоды, она не дала ёму. Он взял *вынял* ножик да и заколол *ие*, да и тут и под *коцку* похоронил. Дак некоторые *плацут* об девушке-то, што жалко-то, вот. И на этой могилке и выросли цве-тики хорошие-то. Вот. Шол, мол, один человек, и видит – цветики: «Ох, сорвать, – *горит*, – цветик-от *внуське*». Как цветик сорвал, вдруг этот цветик запел, вот:

*«Швецик ты, швецик,
Полёго-нёцку, помале-нецку,
Меня розбой-ники убили,
Под коцкой здесь похоронили.»*

(Оне [= внуки] *плацут*: «Ой, дедушко, не надо, не надо эдакой». Всяко и собираёшь). Раз узнали, узнал швецик, што похоронёна тут девушка, дак вот пришол в деревню: «Граждане, – говорит, – вот такой-то цветик я сорвал, он запел, просто, вот, ишь, хоть *плаци*, – *горит*. Какая-то девушка похоронена вот *тамо* и так-то». Сошли, *розыли* – девочка похоронёна, правильно, вот видишь?

Сказка, *знацит*, сказка – *быль*. А *ложь*-то, не знаю *цево*? *Писня* – *ложь*?

68. Как две сестрицы затуторили

Жил старик со старухой, и у их были три доськи. И вот эти доськи пошли за ягодам. Эта, одна-та, младшея-то, набрала ягод-то, а две-то не набрали, и оне решили ие убить и ягоды обрать. И вот оне, а в оккурат идут, а на земле лёжит заступ (раньше ведь звали заступи или оковалёнка, вот как звали, а топерь-то, ак лопата), взяли ие убили. Убили и похоронили, а эту корзину ие бросили, ягоды роздилили. Пришли домой, и сказали матке, батьке, што ёна убежала, ие найти не могли. Вот. А потом тут пас, этиф, коров пастух, и на мисте выросла дудка. И он эту срезал дудку-то и заиграл, и у йво заиграло:

*«Ты играй, играй, добрый молодец,
Миня две-то сестрицы затуторили,
Вот за ягодку да за смородинку.
Мою головушку да под камёнку,
Кузовениски во стороноскю».*

И ён пришол в деревню, в деревне заиhrал, а эти, ну, батько уцюл с маткой, и оне побежали. И вот батько взял дудку-то, дудка и заиграла:

*«А ты играй, играй, родный батюшко,
Потешай мою родну матушку,
Миня две то сестрицы затуторили,
Вот за ягодку да за смородинку.
Мою головушку да под камёнку,
Кузовениски во стороноскю».*

Ну вот, тут батько пришол, этих припёр, ёне рассказали, ёни свели. Свели – иё вырыли. Вырыли, принесли этие мёртвой воды, ие спрыснули, ёна вся срослась, потом иё окропили живой водой, и ёна стала живая, и вот привезли домой, а этих двух сестёр посадили на ворота да и росстрелели.

69. Про братика

Ну вот, в лес ходили, это один братик-от да две сестрички. *Оны* всё бегают, всё бегают, не берут грибки, а братик один ходит, собирает грибки. Полную корзинку набрал, а *оне* с пустым корзинкам сидят. Вот он пришел и говорит, што: «Пробежали, ничово не набрали, а я вот полную корзинку грибков домой принесу». *Оне* и здумали – этова *братека* убили и под белую березку схоронили – домой пришли, не *сказывают*. «Где братик?» – «Наверно, заблудилсы». Походили, поискали – ничево и не нашли. А на этом месте, где братика похоронили, тут вырос диделёк. Один старичок шол, да этот диделёк срезал, а в дидельке-то и пело:

*«Дедушко, помале-енькю,
Дедушко, потихо-онькю,
Две меня сестричи уби-или,
Под белую березку схорони-или».*

(Как-то *ишо* тут есть, *ишо* не всё это, не окончание).

Ну вот, он диделёк этот всё бережёт. Пришол в деревню, *выпросился* ночевать, и в *окурат* попал в этот дом, где потерялся, где эти две девочки живут, сестрички. Поставил диделёк, девцонки эти этот диделёк стали забирать, он *унимает*, што: «Не троньте диделёк, он, – говорит, – у меня хорошую *писенку* поёт». Ну вот, *оне* стали *ево* просить, што: «Роскажи, какую песенку поёт, заставь этова диделькя». Вот он взял диделёк, диделёк опять это и запел. (Сначала-то как жо? Да, это, поди, и есть). Што:

*«[Дедушко, помале-енькю,
Дедушко, потихо-онькю],
Две миня сестричы убили,
Под белую березку схоронили».*

Девчонки-те вот испугались, да убежали, што поёт диделёк-от про их. (А вот как *ево* нашли, этова-то я не знаю). Што-то нашли *ево*, да осветили, да он воскрес. (Сказка, дак как не воскрес?)

70. Как девки плясали

А у нас раньше ходили, эти, странники-то, они ведь везде ходят, ак знали. Вот, грит, идёт один, в деревню заходит, видит – на крыше коршун сидит. Цё-то в дому, грит, непорядки в этом. Попрошусь я, грит, ноцевать. Ну, пришол, попросилсы ноцевать. «Дак, – грит, – ноцевать-то ницё, – грит, – мы бы, – грит, – пустили, дак мы сами, – грит, – уходим в люди спать. Невозможно, – грит, – дома спать». – «Цё невозможно? Да ну уж, – грит, – ноцюю, пустите». – «Ну, ноцевай, – грит, – только мы сами, – грит, – уходим». – «Ну, – грит, – уходите». Ну, они поужнали и ушли. Он лёжитци спать, делает цёрту кругом sibя. Вдруг, грит, приходят – вот сколько девок находят ноцюю! Пляшут, писни поют. А за цёрту к ёму не попадёшь. – «Давай, молодой человек, выйди, с нам поплеши», – это ему, ишь, глумитцы. (Чё сделано им [= хозяевам дома], дак). Вот как, грит, пеуны спюют – так всё и прикончаётцы, ницево нет. Вот уж хозяйева идут: «Наверно не жив». «Цово видел?» – «Ницё, – грит, – не видал. Ишо, – грит, – ноцюю ночь». Оне опять выходят [ночью] – выходят опять робята с гармоньей – уж он другую цёрту делает, кругом sibя делает. Он говорит, пришли робята с гармоньям, што, грит, делают! – «Давай, – грит, – молодой человек, выходи, с нам погулеём». – А я, грит, лежу, своё дело знаю, а уж ко мне, грит, не пасти. Я, грит, благословесь за цертю лежу, дак уж они знают, тожо, цево делать. Как пеуны спили – опять всё прикрылось это дело. Они [= хозяйева] опять приходят: «Наверно, – грит, – не жив», – нет, никово нету. На третью ночь сам пришол бес. Бегал, бегал – уж третья чёрта. Образовалсы кошкой, а он [= странник] сумоцку припас. Вот и он [= бес], прямо это кошка на ёво, он [странник] сумку на запасе дёржит. Он [= бес] к ёму-то стал подходить, он [странник] ёво схватил и только в сумку запёр эту кошку. Утром хозяйева пришли: «Топитё, – грит, – пецкю жарчая». Ну, хозяйва натопили пецкю как нады. Токо он эту, он эту сумку бросил в огонь – даже пецкю всю роскидало – и больше глумитцы не стало. Вот какие были.

71. Про Машеньку

Жила девушка Машенька. Жила она с мамой. Жили они бедно. Работала она с утра до ночи. Вот. Пошла как-то в лес, постречала там молодова парня. Парню эта деушка понравилась. Он пришол к матери. У него дворец большой такой, красивой. Вот он говорит, што: «Выходи за меня замуж, и здесь будешь жить». А ана говорит, што: «Я как жо маму брошу, не брошу маму». (И, вобшом, врёшь, врёшь, то-нибудь такоё сотыняёшь, сотыняёшь. Вот она [= внучка] и слушаёт).

Ну вот, парень, конечно, Машеньке понравилось там всё, у них красиво в доме. Ну, всё-таки он приезжает, с матерью договариваются, он иё сватаёт, увозит. Карета у него такая красивая. И Машенька женились. Живут-поживают, а потом и маму свою забрали в этот дворец – и стали жить да поживать, и добра наживать.

(А потом начинаёшь рассказывать про какую-нибудь злую девтонку, што, которая вредная такая. И иё в лес Баба Яга уволокла да привязала к ёлке, она никово не слушалась, всех обижала. Стоко нарасказываёшь, дак топерь уже всё как-то выскотыло из головы. А тут как-то получалось складно, на ходу. На ходу всё придумывёшь).

72. Про Бабу-Ягу

(Тут у меня внучка, дак она всё любила про Бабу Ягу. «Бабушка, расскажи про Бабу-Ягу». Ну, вот я и говорю).

Вот ес[ть] Баба-Яга лесная, вот она живёт в избушке на курьиф ножках. Вот она и слушает всё кругом в округе: кто не спит, кто балуется. Вот она приходит, это самое, доходит до реки, переходит реку, идёт в деревню. В деревне, где кто балуется, она палкой постучит. Ага, там дети притихли, спать ложатся. Вот, это самое, походила, походила, пришла к нашому дому, слышит: у нас тихо. Тихо, все спят, ана ушла.

Вот дошла до реки, астановилась, апячь слушает: нет ли какова безобразия. Походила, походила, слышит: там, у Жедосовых много шуму, ана вернулась. Потому што в доме не порядок, потому што там надо спать, а у их там шум, крик, ребята балуются. Вот она сходила

туда, постучала по углу палкой, обратно пошла.

Опять прошла по деревне, увидела, што всё везде порядок, пошла на реку, через реку перешла, пошла в свою избушку. Вот *ана* пока ходила, устала. Пришла, легла на свои нары и спит. И так *ана* спит ночь.

– [Внучка]: (А утором чё делает?)

– Утром встаёт, ходит же *по* лесу. *Ана* знает, што днём все люди работают, ребятишки бегают, незачем их от работы отрывать, ат игры. *Ана* ходит *по* лесу, в лесу смотрит какой порядок, не заблудился ли кто? Если кто-то заблудился, *ана* может дорогу показать, *штобы* вывести в деревню.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ

73. [Как клад углем рассыпался]

Одна вот девушка жила, а отцу *ифнёму* всё вот *снилося*, што (раньше как вот в деревню *заезжаёшь*, поля-то ведь огорожены были, и перед деревней уже *завор*, *полём* дорога там *проежжая*, а *закрываётцы* *завор*) вот всё какая-то *коляска*, *снитцы*, што *коляска* *подъежжаёт* к *завору*.

Ну вот, однажды он *пошол* в *байну*. А куда-то он *ездил* и *приехал* *поздо* с *роботы-то*, и *пошол* в *байну-то* *поздо*. Вот только, *говорит*, *вышел* из *байны* – и *вдруг* эта *коляска* *катитцы* по *дороге*. Ну, *надо*, *видишь*, было *знать*, как *зачуркать* *иё*. *Если* *зачуркаёшь* (так ведь *учили*, раньше *эть* так *бывало*, ак *учили*), *если* *зачуркаёшь* – эта *коляска* *россыплётцы*. Чё, там, в этой *коляске* – *золото* ли *угольё*? *Если* к *хорошему*, ак там, в этой *коляске*, *хорошэя* *веш*. А *если* к *худому*, ак *угольё* *россыплётцы*. Эта *коляска* на *угольё* [*рассыпалась*]. И *всё*.

И вот *тоже* *россказывала*, што *отцу-то* эта *коляска* [*снилась*], он *очуркал* *иё*, и она *россыпалась* – *рассыпалась*, а *ён* *подошол* – а *углей* *куча*. Ак в том *году* у их *лошедь* *пропала*, и *корова* *пропала*. Ак вот она и *россказывала*, што вот к *этому* *ему*, *видишь*, всё эта *коляска* *снилась*, а *потом* всё же, *ишь*, *исполнилась*. Когда он *зачуркал* *иё* – ак *рассыпалась*. А *то* бы *могла* к *хорошему*, ак *золотом* – а *тут* *угли* *оказались*. Раньше *всяких* *чудес* было.

74. Легенда про клад

Ак клад-то *вот* на бору, старые-то люди всё *ишо* ходили. Уж наши, моё поколенийё, и то *робята* ходили к этому кладу. Ну, што там много золота, спрятано много золота, так вот. Ну, все ходили и старые-то вот, уж мой *батько* туда ходил. Мужики-то *соберутцы* в воскресеньё, *ишо* это до колхозов. И вот *соберутцы*, хоть какую жердь *вырубят*, туда идут, и бунчит. Кому близко *покажетца* этот звон, кому *далёко*, а кому и никак не *покажетцы*, не *отзовётца* ...

Ну, как будто на этом бору, это на бору дело, ему [= мужчине] навстречу *катитцы* бочонок, ага. Ну вот, он остановился, и этот бочонок *остановилсы*, ну постоял – этот бочонок как будто тут и не было – куда *укатилсы*, он не видал, а он хотел *взеть*. «Нет, – *горит*, – за тобой, – *грит*, – следят (это из бочонка отвечает), за тобой, – *грит*, – следят. Ну вот. Приходи, – *говрит*, – с верным другом, тогда, – *горит*, – я тебе откроюсь свой бочонок».

Ну, *ково*? Он жену взял, *пришол* с женой, этот бочонок опять *катитца* на это жо место, а не *даётца*. Он только *подходить*, а он *обратно*, этот бочонок. *Токо* *подходить*, а он *обратно*. И бочонок ёму ответил: «Нет, – *говрит*, – мне, – *говрит*, – жалко твоей головы, што жена *продас* тебя, и тебе *отрубят* голову за моё золото. Приходи, – *говрит*, – с верным другом».

Ну вот, он опять там поманил, поманил. *Ково* *взять* *вернова* друга? Ну, охотник, дак *взял* собаку и *пошол*. Вот *пошел* с собакой и золото достал. Бочонок *выкатился*, и: «Вот, – *говрит*, – твой верный друг».

(Это я такую легенду [слышала]. Ну, про этот клад всё тут говорили, и вот).

75. [Мать в аду]

А парень-от один *осталсы* [без родителей], а ён тоже [потом] умер. Только парень-от в *цярсво* попал, а *матка*-то в аду. Вот ён просит там, вот ён просит Бога ли, *нецистово* силу, што: «Маму-то в *цярство*-то. Жалко – *матка* в аду-то кипит». А как будто дал два *пёрышка*: «На, – *говорит*, – два

пера, если, – говорит, – *можошь* [за них] *выташшыт матку*-то в царство». Вот, это, парень-то дал, два-то пёрышка [матери], *штобы* *выташшыт* в царство-то, а за *ие* *ишо* там много, видно, *зацепилосе* покойников-то, в аду-то кипело. Она и *изругалась*. Если не *изругать*сь бы, *всеф* бы *выташшыл*, *ёна* и *изругалась*, опять туды [в ад]. *Всеф* бы *выташшыл* [парень] за пёрышки-то бы, а *ёна* *изругалась* – дак опять в ад.

76. [Как старуха свиную тушу не пустила]

Деушки пошли *зачерчватца*. Всё ходили *зачерчватца* девушки против воскресенья, против Рожества, против Крещенья, против Новову году. Ходили *зачерчватца*. Вот подут в *полё*, *зачерчвуютца*. А *одне* прошли, а другая (был поросёнок зарезан в *анбаре*), она грит: «Туша, ты, туша, пойдём с нам слушать», – *прогворили*, *сошли* *зачерчватца*-то: *чёрт*, это, и бежит – туша, дак они *насилу* и... Вот [говорили]: «Туша, ты, туша, пойдём с нам слушать, сам *сотона*, *вылезай* со дна. Черти и дьяволы, идите сюда, сам *сотона*, *вылезай* со дна». Вот это, было, как *зачерчвуютца*, вот и *услышат* – где *чево* *брякнёт*, или которая *замуж выдёт*, или *чево* *прогворят* – где-нибудь и *скажетца*, как *зачертятца*.

[А эти как тушу-то *вызвали*, как *убёжали*, да, *ништо*, старуха [была]. Прибежали в *деревню*-то, да *недалёко* старуха была, дак *оне* к старухе-то все, она *пустила* (й)их, она [туша] *эдак-то* (й)их, *нарвала* она бы (й)их. Она [старуха] *говрит*: «Да што ты, *милая*, *эдак испугалась*, што ты (й)их *пугаёшь-то*, *эть ты знаёшь*, *милая*, ты *знаёшь*, *ленок-от*, это, *дергают*, дак вот, это, *ото льню-то...*» – дак она всё *рассказала* до *двенацети* часов, *надела* шубу *кверху шерсью* и до *двенацети* часов *ие* всё и *держала*, всё и *россказывала* как *лён сиели*, как *дергали*, да как *колотили*, да как *лённок* *пряли*, да *трепали*, да *мяли* да, вот всё и *россказывала*, пока эта [не *пропала*]. *Двенацеть* *чесоу* *стукнуло*, и она [туша] *пропала*, *ушла*. *Двенацеть* *чесоу* это всё *глумитца*, а с *двенацети* *чесоу* *уж смалкиваёт* всё.]

Туша *побежала* за им, *чудо*, *чудо* *побежало* за им, да вот как туша *показалось-то*, да *прогнало* [девушек с *крестов*], они *уж* *эдак-то* *бежали*, *бежали*, да вот к старухе-то, да, *ништо*, старуха *знала* это всё. Всё вот, видно, *надела* шубу *кверху шерсью* да всё и *россказывала* как *лённок*

от, как лёнок-от добыть, как ёво добыть-то, как, это, *сют*-то, да как, это, дергают, да как мнут-то, да как предут, да как рубашку-то нажить, одетца-то рубашку-то, вот как рубашку-то надо было нажить.

Ведь это жо *самой* *главной* – этот лёнок добыть ёво. Тканьё – *самой* *главной*, ведь одева*ли*ся, не ходили в шёлку да в этом, ведь всё в тканом, надо было *напрясть*, да *наткать* *эстолько*. Ведь всё только *пряли* да *ткали*, сколько *наткут*, было. И штаны, и рубашки, и всё *тканой*.

77. [Как скатерка браная беса в дом не пустила]

Раньше *зачерквали*сь. Вот *зачерквали*сь. В сочельник *зачерквали*сь. Вот на кресты, вот дорога у нас – кресты, што: сюды дорога, сюды дорога, и сюды дорога. Вот девки *зачеркнули*сь. *Сидили*-то у вдовы. [Гадали]: *чево* кому *прислышитца*. И *слышитца* (й)им: едут на лошада*ф*, едут – *оне* испугались да и убежали. Убежали-то да скорей в *избу*-то к этой старухе. Он сразу, *бес*-от, за им, так и *катитца* огненная *пичка*. Она [= старуха] сразу *скатёрку* повисила, *скатёрку*. Через *скатёрку* ёму не пройти. И говорит [бес]: «Скатерка браная,пусти меня». – «Нет, – *говрит*, – не пуцу, *сперва*, – *говрит*, – я тебе скажу, как я *выткана*, как я сделана». Всё *по* три *раз* надо говорить. «Уж *миня*, – *грит*, – пахали да пахали (и всё *по* три *раз*), *боронили* да *боронили*, *сияли* да *сияли* (всё *по* три *раз*). *Уж* я, – *говрит*, – *рос* да *рос*, *рос* да *рос*, да *цвёл* да *цвёл*, да *головил*ся да *головил*ся (всё *по* три *раз*), да *уж*, – *говрит*, – *меня* *дергали* да *дергали* (всё *по* три *раз*), да *возили* да *возили*, да *сушили* да *сушили*, да *колотили* да *колотили*, да, – *говрит*, – *возили* да *возили*, да *слали* да *слали*, да *лёжал* да *лёжал*, – *говрит*, – да *потом* *возили*, да *мели*, да. (Всё *по* три *раза*.) *Потом*, – *говрит*, – *снели*, да *мяли* да *мяли*, да *трепали* да *трепали* (да всё-то *по* три *раза*), *чесали* да *чесали*, да *сушили* да *сушили*, да *всё*». (Всё *по* три *раз* надо сказать). И вот до *петуха*. До *самова* *петуха* она *проговорила* им. Как *петух* *запел* – *бесу* *нечо* *делать*, *ушол*. «Вот, – *говрит*, – как я *сделана*, как ты *пройдёшь?*» – *скатерка* *браная* *беса* *в* *дом* *не* *пустит*.

78. [Леший и швец]

(Дедушко Лобан рассказывал, у нас дедушко Лобан ходил, мамин батько ёргойскёй....)

Тожо по деревне-то ходил шил тут один тожо швец и рассказывал. (Раньше ножницы брали, да иголку, да напёрсток – не было машин, врушную шубники шили. Дедушко Лобан хорошие шубники, ловкое шил, а всё врушную, не на машине, нечѣ. Иногда ставит на машине: «Мне, – грит, – один обстрочить, бортиком обшить да всё, да»).

Вот, говрит, тожо иду, вдруг, грит, попадает мне целовек настрицю: «Швецик, пойдѣм ко мне, – грит, – шей-ко мне тулуп». – «Пойдѣм», – говорит. – «Ну, – говорит, – заходи». Привѣл – дом большой. Шел-то лесом. Привѣл, говрит, сидит, грит, старушка с ребѣнкоцком. А ѣн, грит, ушол, говрит, вниз сошол, в магазин. Целой тюк принѣс, сукна принѣс. А старуха-то, говрит, мне и рассказывает: «Милоѣ, ты, – грит, – не шей в пятку-то¹, а шей-то впростѣж². Ты, – говорит, – знаѣшь у ково в рукаф-то, и я у ёво в рукаф. Робѣносѣк уведѣнной, и я, – говорит, – вот возжусь. А ты, – горит, – сошьѣшь-то, дак не проси деньги, а попроси, – грит, – меня». – [Швец отвечает]: «Ладно, – говрит». – [Старуха говорит]: «А только спроси, на какой рос шить?» Ну, он [леший] принѣс, говрит, целой тюк сукна и тут цѣ надо: и подкадки, и всево. И спрашивает [швец]: «На какой тибѣ, – грит, – рос шить?» – «А какой, – грит, – ешь, на такой». Как осадый мужичок, настояшый мужик. «На этот рос и шей мене».

Ну, я, говрит, здесь просто, живо прострекал и сшил. «Ну», – говорит [леший], – много ли тибѣ за роботу?» – «А мне, – грит, – старушку отдай за роботу-то». – «Нет, – гит, – ты дорог, а мне, – гит, – старушка дороже тибя». Денег навалил, грит, мне целую кучю. Ну, гыт, так и пошол, я уж, гыт, тут уж не вспомянул, што: «Господи помилуй». Сказал, што в рукаф [деньги], дак токо лишь бы уйти. Вышел, потом поглядел, што уголья надавал [леший]. Уголья ли, скользя ли, а никакие не деньги.

(А надо, вишь, и спросила [старуха] на какой рос-от, он [= леший] можот рос-то сделать с деревину. Поди, страшно, скажот, будѣт, не поместитцы).

1 «в пятку» – название шва «назад иголкой».

2 «впростеж» – название сметочного шва, которым обычно шили одежду для покойников.

79. [Леший – божатко]

Я одну легенду слышал такую, што косили муж с женой, ну, маладые. Ребёнку, там, например, было (раньше ведь декрет не давали, только встала и пошла работать, так?) Ну вот, месеца два, три, может, было ёму. И пришли, ну, косишь, дак в лесу, дак, ну, лесной покос. Косили, на этой делянке покосили, пошли за этот кустоцек покосить, надо эть накашивать. Ну вот, потом там скосили, выходят – не ребёнка, как говоритцы, не одьяльца – ничо нету. Раньше еть не велики одьяльца были, завернут в пониток как-нибутной, да и ладно. Ну вот. Потом нигде нету [ребенка] – покричали, покричали – чово крицать-то, как нету, дак. Ну вот, пришли домой и, там, сколько времени прошло, ну вот, там бабушка одна науцила эту Марью, што проси вот так и так. (Вот забыл только, куда *нао* идти). К тому жо месту, где они косили, там несколько слов сказать каких-то, я уже забыл: [Надо сказать], што: «Божатка, принеси, пожалуйста, ребёнка. Отдай, пожалуйста, ребёнка». (Што, божатко, не кто-нибудь, а божатка). Ну вот, знацит, просыпаютцы на другое утро – ребёнок лежит на окне, и челяя куца гостинца *разнова*. Ну, *оне ево* не видали. И ребёнок, там, пока не вырос до семи, до десети лет, ёму всё время на окне были гостинца – божатка носила.

80. [Как истинный Христос судьбу напишет]

(А Ностасья Ивановна рассказывала).

Деревня-то была, домики-то невысокие были, истинный Христос старичкём и пришол к одной женщины. Она всё ходила *бабила*, принимала роды у женщин, как у нас Катя Никитина. И вот, значит. И, говорит, бегут к ней, говорит, в двенацеть часов ночи: «Ой, тётенька, пойдём, у нас мама заболела, родить должна, дак пойдём». – Она сразу оделась, эта старушка. А этот *истинной* Христос лёг, грит, у них на диван. Вот сходила [старушка], а он спрашивает: «Кто *народился?*» – Говорит: «*Мальчик*». Церез два часа опять бегут, в два часа ночи: «Вот опять иди», – она опять сходила, опять мальчик. В *цетыре часа*, опять *церез два часа* бегут, опять роды принимать – сходила, роды *принела*, пришла [старушка]. И

говорит Истинной Христос: «Ну, кто народился?». А он уж знает кто, говорят, на родаф истинной Христос судьбу опишет. Говорит [старушка]: «Опять мальчик». – «Теперь, – говорит, – сходи, пожалуйста, посмотри, – говорит, – под первое, под второе, под третье окно (домики невысоко) на этиф людей». (Так мороз [по коже] и пошол.) Зашла, первово ребёнка смотрит: шешнацети лет сидит зарезанный на куфне, и ножик в сердце. Говорит, подо второе окошко подошла – висит в петле восемнацети лет, это на роду смерть истинной Христос написал. Под третье окно подошла (так вот мороз и идёт [по коже]) – трёхлетней мальчик сидит в светые углу на одьяле на мяхком. Она грит: «А этот удавитца».

81. Притча об Илье Пророке и Николе Чудотворце

Когда гроза, надо Илью Пророка просить и Николая Чудотворца, вот они спасают. Вишь, Илья-пророк сказал, што: «Если я узнаю, кто в мой празничок работает, дак я молоней [молнией] убил того человека, не хоту, штобы в мой праздник работали». А Никола Многомилостивый говорит: «Нет, а я дождиком помоту, штобы твоя молоня не пристала к людям. А мой праздникот, поработайте», – Николай Чудотворец сказал. «В мой праздникот можно работать, я люблю тружеников». А Илья не любит. Вот.

82. [Св. Николай и бедная невеста]

Вот одне жили бедно, это в прежние годы, у иф дочья была, замуж сказала, што: «Тятя да мама, я поду замуж». А у иф бедно было, у ей никакова приданова не было: не одьял, не подушок, не простыней, нецово. Замуж идти – с собой постель нецом прибрать, кровать. А отец сказал: «Дак, взамуж, дак это ланно, а вот постельные-то принадлежности нету, не знаю, как ты замуж-то подешь». А летом жарко было, окошко открыто было у иф. Утром стали: завязанной узелок, носовик, завязан носовик, в носовике завязано [што-то], на окошке лежит завязано в носовик, с каким-то как с гостинцам. Окошко приоткрыто было так, не сильно так вот, немножко, было приоткрыто. А она подошла да и говорит: «Папа, а цеве это

в носовике-то эдакоё?» Розвёзали, а там деньги да золото. «Господи!» Вот.

А оне вецором ложились спать, дак молились Богу: «Што, Никола ты Многомилостивой, помоги ты нам справить-то, девку замуж отдать. У нас ничово нету-то, как мы будём жить-то?» И вот Никола Милостивой все свои пожитки – сколько ему надавано было за всю жись, кто колецкё принесёт, кто денёг принесёт, кто цево, у иныф какая-нибудь беда, дак отблагодарят ево – он всё клал в носовик да завязывал. И вот оне ево просили, молились вецором, и вот он утром, ишо тёмно пока было, на окошечко [положил]. Шол мимо окошечка и положил на окошечкё. Все свои пожитки отдал им. И вот они на эти деньги всё купили ёй, всю постельную принадлежность.

(Это всё написано в книге, в церковной книге, написано всё. Вот я не помню в какой книге, всё рассказывали мне, ак вот и я рассказываю.)

83. [Как женщина села ткать против воскресенья]

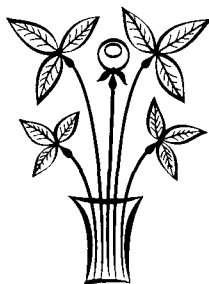
Глумилося всё ведь, всё глумилося, топерь ведь нечево не стало.

Одна [= женщина]: «Господи, – говорит, – ну-ко, это, кросна-то мне до Христова-то дня, нашто, и не выткать». Против воскресенья села ткать, што это: «Потку, надо выткать до Христова-то дня». И приходит к ёй жэншына, жэншына приходит: «Матушка, ведь ты, – говрит, – устала, погли-ко, у тя ноги-то озябли, – грит. Давай, иди на печке погрийся, я потку». – «Ой, дак коль так, потки маленечко, я хоть ноги погрию». Она залезла на печкю, эта жэншына тчёт. Господи, говрит, слышу, только бёрдо трещит, только бёрдо трещит! Вот згленула, говрит, с печи-то, а у ёй ноги-те, эти, огняныё на подножкаф-то. Как, говрит, горит чево. Ак я, говорит, не знаю, да как набрала молитвы-те читать, молитвы-те все пропела, три молитвы, говорит. Только, говорит, кросна-те треснули, и всё. И ушла. Вот глумилося-те как.

(Против воскресенья ткать нельзя. Ведь это самое, самое это, как оно, это главноё тканьё-то).

(Да вот показалось, некакой жэншыны – показалось ёй. Вот. «Только, – говрит, – всё провалилося, некакой жэншыны». А пришла жэншына, села ткать. ... Это Баба-Яга приходила.)

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

84. [О бедном и богатом мужиках]

Жил мужик. У него была доч, у них. Одна доч. А сосед бедный был, батько торговал смолой. Батьку умёр, лошадь пропала, коровы нет, мать в лаптяф, и Ваньке обушь нетово. Босиком. Выдет на улицу ветором, все гуляют: девки, робята, а ёму не в том. Стоит у угла, у своёй избы.... И надумал – прибегаёт к бохатому соседу: «Дядя Иван, дай пудовки» (мера, мера, ие пудовкой зовут. Мереть, хлеб мерять). – «Вот так бедной, мерой хосет деньги мереть». А он снашала бегал ветором по заулкам, насберал склянок, да к синям к поргу всё и ссыпал. А сени-то: плетень приплетён к избушке, да и всё. «Маша, иди, дай им пудовку-то». Маша пудовку сходила принесла, дала, он побежал с пудовкой. – «Ступай-ко, Маша, послушай, тово он будёт мерять, и погледись». Вот он там склянки эти набил, насыпаёт – насыпал целую меру, опять тут и высыпает, высыпал: «Ага!» Вторую насыпает: «Два!» Две меры. Маша слышила: деньги брякают. А после батько осталсы один рупь по десять копеёк, и он этот руб в эту пудовку весь и распехал: где за обруц, где щёлка, дак. И снёс, снёс пудовку: «Дядя Иван, я принёс пудовку-то, спасибо!» – «Ну-ко, Маша, принеси пудовку-то». Маша принесла отцу, если овёс мерял, дак зерно, моэт, осталось. Ну, и десеть копеек, ишо,

да ишо, целой рупь насберал: «Ой, ой, ой, он богаце меня. Выходи, – грит, – и ты [к нему на улицу]. Может, познакомитесь и посватам за нево. Две меры серебра, ведь много» (серебро раньше не то, што сечас, елюминей).

Ну, вот и стала Маша выходить. Иван выдет, постоит, постоит – да не в чом гулять-то, опять домой. А Маша уж: «Ваня, а што жо ты не ходишь никуда? Иди, хоть здесь посидим у нашой избы». Стала приглашать Ваню. Договорились. Возраст-то прёт, што большо, старше! «Дак папа, – говорит, – одаc миня за тибя. Приходи свататьцы». Приходит домой: «Мамка, иди свататьцы». – «Да ты што? Да в том я пойду? В лаптяф? А куда?» – «Да вон к соседу, к Ивану Петровиту». – «Да ты што?» – «Тибе говорят, иди». Пришла, а стесняетца говорить-то, што свататцы пришла. А села против матицы*, хозяин-от смотрит: «Ага. Ну, дак тово, Марья, дока Ваня, сын-от, у тя будёт гулять-то, жанишь, поди, думашь». – «Да не знай, да ему не нравятце девчата-те». – «А у нас вон Маша-те – неплохая девка. Пускай, мы отдади-им». – «Дак я и пришла из-за этова». – «А што жо ты молтышь? Давай договоримси, когда свадьбу играть будём». Договорились, когда играть. А до города восемесят километров, на свадьбу надо купить. Иван спит, а завтро тесь в город поедёт, и ёму надо ехать на свадьбу брать, а он последнёй руп отдал после батька [в меру затолкал]. Вот. Весёром зашол к тesty-то: «Ты меня свезёшь в город-от?» – «Дак я хотел пшанисы взять, продать на базаре, деньги-те на свадьбу-ту. Ну ладно, пшанисы поменьше возьму, хотел пудов сорок взять, а возьму поменьше ншанисы, Раз, – говрит, – зять, дак свезу-у». Пришол домой, матке: «Договрлсы! Свезёт Иван меня в город». – «А деньги-те де ты возьмёшь?» А он спит сибe спокойно.

Тесь собралсы, лошедь запрят, пшаници навалил, там, мешка два ли три ли, побежал, стутыт: «Давай, тэво? Нады ехать, далёко ехать-то». А тёмно ишо, уж поехали. Он стал, сел, поехали. Отъехали больше половины, он заревел жаних: «Ой, ой, ой, ой, ой, ой». Тесь испугалсы: «тово ты, Ваня?» – «Да я поторопилсы, деньги забы-ыл, придётцы врачитцы, тово я без денёг-то съеду». – «Да я одам уж, врачитцы не будём, уехали больше половины, я дам денёг, вот пшонисы продам и дам». Да у ёво и с собой взято денёг.

* Под матицей садились, когда приходили сватать девушку

Приехали в город, тесть вынимает бумажник: «Скоко тебе?» – «Свадьба-то большая у нас бует али нет?» – «Да я думаю большая, я соберу, у мя много знакомых тут, рублей двести надо». Он сосшытал ёму двести рублей. Приехали в город. Эх, и побежал! Оделсы, всё дешевое было, это при царе Косаре. Лошедь купил, набрал всево на свадьбу и вперёд тестя уехал, тесть пока торговал пшаницой, да тожо набрал. Приезжает домой, выгружает, матка только рукам хлопат.

Свадьбу отгуляли, тесть деньги не просил, а зять не относил. Живут. Маша кажный день бегат к маме. «Ты скажи-ко своему молодому мужику, я ведь ему двести рублей давал», – батко говрит Маше. А истряслись во свадьбы-то, нады деньги-те. – «Ладно, ладно, пап, скажу». Ну вот. Сказала: «Папа деньги, – грит, – тебе давал на свадьбу?» – «Да». – «Дак надо отдавать». – «А де я, – грит, – возьму?» – «А две-те меры серебра-те было, я сама слышела как ты мерял». – «Да это вон, – горит, – не видишь – в сенях стеклянки-те валяютцы». Вот так, жанилсы, живут и сетас. У тестя хватит [денег].

85. Бывальщина про солдата

Служил парнёк в армии. Ево ничево учение не задавалось, никак не задавалось нечево учение. Ну вот, ево дневальный поставил, ну, сторожить где-то ночь, он написал: «Кто дас сто рублей, покажу смех и горё». Кто ёму дас сто рублей, тому покажут смех и горё. Ну вот, там афицер ли, командир ли, кто прочитал. Пришол, жоне сказал. Он говрит: «Дак нам што сто рублей, давай покажут, хоть, смех и горё». «Давай», – говорит. Подал ёму [= солдату] сто рублей. «А топерь, – говрит [солдат], – мне надо месяц отпуску». – «А, – говрит, – отпуску прекращены». – «Дак ничево не сделаётцы мисиц-от». Ну, дал ёму сто рублей и мисиц отпуску.

Он поехал, а дома-то у ево была такая хижинка (вон как этот, у Вальки погребочек), вот этакая хижинка, да матка одна. Бедно жили-то! Бедно. Ну, чево делать ёму дома, а сто рублей у ево денёг. Он пошел, где играют в карты, ещё поиграть. И стал всё выигрывать и выигрывать. Играют-то всё офицеры да полковники, и вот один всё проиграл, все

деньги проиграл, а он всё выиграл. Говорит: «Теперь, – говорит, – чево? Надо домой ехать». Чево делать? Надел эту, одёжу купил, полковника ли ково ли одёжу купил, и опять пошол с *им* в карты играть.

И вот, один и говорит: «Вот, кто, – говорит, – мою дочку поцолует?» Он [= солдат] говорит: «Я по твою дочку приехал, замуж ие брать». – «А вот, – говорит, – поцолуй мою дочку, вот иё и отдам». А дочка на балконе, поцелуй ие. «А, если, – говорит, – не поцолуёшь, дак всё проиграл ты, ничово тебе не будёт». – «Как поцеловать дочку? – Не знаю».

Чево ёму делать? Он взял, подговорил ково-то, и сделали *чесы* такие, такие *чесы* сделали и говорит: «Вот, – говорит, – эти *чесы* говорить будут, дак, – говорит, – ты уж молчи, ничево не говори, только слушай ночью». Он вышел, да обделал ие там. Хорошо. Пришол, этому докладывает... «Кто у тибя был?» – «А вот, – говорит». (*Чесы*-то эти *обраны* уж). *Батьку* *сказывает* вот: «Кто-то был вот такой». Замуж надо отдавать. – «Да как отдавать, не поду я за этакова.» – «Как хошь, – говорит, – а идти надо». Ну, вот ладно, хорошо. Замуж, замуж за ево, замуж. Говорит: «Как же ты сумел ие уговорить?» – «А вот, – говорит, – так, уговорил, да и всё». (Потом чево жо, как она?) Выдал. *Нады* ему являться уж в эту [= в армию]. Замуж он выдал уж, *нады* являться в *армею*.

Он пришел в армею. «Ну, – говрят, – покажи смех и горё». – «А я, – говрит, – полковника дочку *взамуж* взял». – «Ха-ха-ха-ха», – хохотали. Он говрит: «Да и *вправду*». – «Дак *тя* *сечас* посадим, *тюрьмы* много дадим». А она в парадной, только позвонила жона-та, ну, в парадной (тут-то дворня ходит, а тут парадное). «Не садить!» Вот, как хошь. Как ёво посадишь? Ёво [= офицера] розжаловали, дали ёму *тюрьмы*, а она осталася с этим [солдатом], жить осталасе с этим. Дочка-то с этим осталася жить, *батьку* эдак сделал, дак. Дак ёму говорят: «Дак мы тибя посадим». А позвонила она – нельзя садить-то.

86. [О верной жене]

Взял один, женились троё – двоё взяли деревенских, а один – городскую. И стали подсмеиваться над им: «Чо деревеньскую

засерю зял. Мы в любую минуту *можем ие обмануть*». – А говорит: «Попробуйтё». И вот, он на всё своё *бохатство* спорит с афицером. На всё *бохатство*, што у их есть. «*Если оманёшь, всё заберай моё, всё до капли*». А, *если он, дак ево* забирают, *тово, как обманёт*.

Хорошо. Он [= офицер] приходит: «*Миня, – говорит, – друг послал х тебе ночувать*». Она говорит: «*Ево дома нет, в командировку уехал*». – «*Дак он жо, – говрит, – послал к тебе ночувать миня*». – «Он в командировку уехал, никаких друзей я не знаю». Пошол. Он проспорит. *Токо* три дни сроку, он проспорил. «Ну, што, проспорил, надо как-то...» Сидит и задумалса, идёт старуха, а ей – тётка, (Нет, ему, ему тётка-то, этому мужику-то) и вот говорит: «*Чово ты эдак задумался-то?*» – Он: «*Всё, смерть мне будёт, у миня имущества нет (имущество тот бы отдал, а ёму токо смерть)*. Вот, – говорит, – проспорил чово». – «*Дак довай, – говрит, – мне денёг, а я, – говорит, – ей тётка (ей тётка она), я, – говорит, – скажу, што насбирала (а бедная), насберала стоко посуды!*» И эдакой ящик сделали, в *человической* рос[т]: «*Пусть, – говрит, – у тибя постоит*». Она *говрит*: «*Вон, ставте в такую-то комнату*». «*Надо, – говрит, – в спальню твою, посуда-то всё дорогая, хоть бы хто не взял*». И в спальню *еённую* поставили, а мужик-от в спальне (а она не *поддасса* всё равно, эта женщины не *поддася*). Сделала эдакоё *стеколышко*: «*Ты, – говорит, – иё по приметам узнаёшь, она не поддасса тебе*», – говорит тётка. «*Ты, – говорит, – по приметам скажешь*».

Вот она стала, муж-от уехал, она стала *лэжиться* спать. *Глядит*: у *ие* на титьке золотая волосина. Как она так прямо, дак хоть бы што, [а сейчас] вся искрутилась. *Говрит*: «*Какоё-то горё будёт*». Вот на этом *мисте* [= показывает на подмышку] пятно *чёрноё*, как бы эти, ну *родовые*-те пятна. Это пятно оно всё *красноё*, а как только *горё* *какоё*, оно *почерниёт*.

Вот он посмотрел, говорит мужу: «*Вот у её золотая волосина на титьке, а тут [подмышкой], – говрит, – чёрноё петно*». Вот *пришол* домой: «*Ну-ко, – говорит, – подём в баню*». Пошла в баню. Как *розделась* – золотая волосина вся искрутилась, *почёрнело* *петно*. «*Одевайся*», – говорит. Она оделась. «*Подём в лес*». Она уж видит, што дело не то. Вот пошли в лес, он *ие* взял, привезал к ёлке и *стрилеть* в *иё* наметился, *стрилеть*. И на *иё* счастье – охотник. Только хлопнуло, рыкнул ему, он

выстрелил, а мимо выстрелил-то. Он всё ровно выстрелил, он думал, што в *ие*, а мимо выстрелил-то. Ну? Ёй куды деватьца? Этот охотник *ие* отвязал, она рассказала всё ёму. Ёй деваться некуда, она здоровая, красивая была, хорошая. И чово ёму делать. «Поду я, – говрит, – в армию», – она. Она учёная. И пошла в *армею*. А тот-от [= муж] проиграл как весь дом – тожо в *армею* пошол. А она-то ведь оделась, женщина, а оделась-то мужчиной.

И вот служат в *армии*. В *армии* служат, десять лет прошло. Она-то видит [мужа], а он-то не знает. Вот потом десеть [лет] прошло, этот [= офицер] и говорит: «Я, – говорит, – сейчас сделаю праздник для всех, и приглашу, – говорит, – салдат и афицеров, и, – говорит, – десятилетие справлеть. Вот я, – говрит, – десеть лет тому назад выиграл этот дом». У ево спрашивали: «Как вот, цё?» – «А вот, – говрит, – я и справлєю праздник». Хорошо, стали справлеть, он выпил, и она говрит: «Надо взеть редовых солдат, нао за мной ухаживать». А говорят: «Бери, ково тебе надые». И она взела этова, мужа своево. Он не знает, он никак не знает. А она взела мужа.

Вот пришли, потчуют там их, а она говрит [офицеру]: «Ну-ко? Подём сходим в спальню». «Какой, – говрит, – у вас дом хорошей. Как, – говорит, – он вам [достался]?» – «Да просто, – говорит, – обманом достался дом-от этот. Вон, – говорит, – как», – видишь ли, этот. [Она зовёт мужа]: «Ну, пойдём погледим спальню». Зашли в спальню, а она и говорит: «Не знакома тебе спальня-то?» Он говорит: «Как это так?» – «Я, – говрит, – думаю, тебе спальня-то знакомая. А ну-ко, – говорит», – как скинёт с сибя всё: «Вот, – говрит, – это я, а это ты. Вот, – говрит, – как обманули!» Десять лет прошло. Он покаялсе: «А я знать ничово не знаю». Ну, сразу тому руки свезали. Ёво в тюрьму посадили, а они осталися. Остались. Она говрит: «Вот видишь?» – «Я, – говорит, – тибя и не видывал сроду». – «А я, – говорит, – и не казалась тебе». Ак вот как.

87. [Как муж жену выучил]

Вот так, тожо Манькой звали, некак не слух. Вот приехали эти два парня сватаце, отец говорит: «Берите, эти девки у меня, старшая

да средняя, ак *о*чень хорошие, а младшея никуда не *го*жа, не*ка*к не слушаетцы, не*ка*к». Ну, вот приежжаёт парень такой молодой и говорит: «А я младшую полюбил». Отец и гворит: «Ой, это беды угол, нет, – говорит, – всё равны не уж*и*тыцы. Ради Бога, не женись на дочке на моей младшой, пус[т]ь она с нам и живёт». – «Нет, я ие *от*эн полюбил, я ие возьму *в*замуж».

Вот привёз, говорит, домой в свою деревню, стали сено носить: «Ты, Манька, топ*ци* сено, а я буду подавать», – говорит этот мужик молоденькой. Ну, Манька принимаёт сено, топ*т*эт. А корова, говорит, стоит на мостике, сено валитцы зелёное, дак стоит, дак вот как оплетает, ес. Он всё: «Корова, сено ни ешь». Корова всё равно ест. «Корова, сено ни ешь» (а только ишо недавно поженился). Ну, корова всё ес[т]. «Ну, лан*ны*, не слушаесси, узнаэш*ь*, што тебе будёт». А эта Манька глядит: «Как это, корова сена не ешь, я у мамы тоже обряжаюсь, дак они всё сено хвататют, едят».

Вот и сено убрали, огребли – взял ножик, зарезал корову: «Она меня не слушела – не слушела». Мяса нарубил кадушку: «Ну, завтра поедем в гости теперь к тестю и мяса свежева возьмём». Ну, Манька на ус намотала. Едут к тестю в гости, вожжы опустил: «Лошедь, бегу!» – лошедь не бежит. «Лошедь, бегу!» – лошедь не бежит. Топором дал по голове, лошедь и убил. Отташыл в сторону сани, лошедь отдёрнул: «Пойдём, Манька, пешком».

Вот пришли пешком, ничово не говорят, што вот корову зарезали, лошедь убили дорогой. Ну, наутро сидят – розговаривают тесть да три зятя и говорят: «Уж вы-то, милые зетевья, уж я знаю, што у вас-то жёны *от*энъ хорошие, вот младший-то зять не знаю, как будет жить». Он и говорит: «Ну, дак давайте загадаём: вот ково, какая жена лучше слушает». Ну, первый говорит: «Я *с*е*ч*ас свою покриту». Критыт: «Саша, иди-ко сюда».

– Чево тебе? – вышла (уж эти и живут давненько).

– Чево, иди мужа хоть поцелуй!

– Ну да, нашол ишо целовать, пероги пеку да ишо *т*эво не выдумал ли!

Ну, неволить нельзя, все положили на кон по сто рублей, што какая жена послушаетцы, все деньги тому зятю. Вот вторую говорит: «Иди-ко, мужинька-то обними, милая Дуся!» Она и говорит: «Ну да, какую

ночь не было, ишо обнимать тут за столом!» Опять неволить нельзя. Эта Манька поит скотину бегаёт, маткину шубу, дублёнку цёрную надела, вдруг этот младший кричит: «Маруська, иди-ко сюда!» – «Чего?» – «Ну-ко, вали шубу с плечь, вали прямо на огонь в печь!» – Маруська все пугвицы оборвала, шубу сдёрнула, на ухват – и в печку. А матка и заругала: «Кой тибя леший, Манька, ты у меня шубу-то сжёшь, што ты с ума сошла?» – поташыла Маньку от печьки. – «Мама, не твоё дело, мне муж велел». Все: «Вот так зять, вот так зять, вот зять, так зять! Как ты, это, выучил ие, милые, да так быстро-то? Вот, – говорит, – тебе дают они две сотни, да я ишо две кладу от себя».

Он, говорит, купил корову, лошадь не одну ишо купил, да вот так богато жить стал. Вот, гворит, как хорошо выучил. «А я, говорит, и ие и бить не бил, и ругать не ругал». Видишь, вот два слущёя посмотрела, и жили ишо не долго, вот – папуху денёг. А эти ругают своих жён, вот вы не послушались, дак деньги теперь отдавать надо – уговор.

88. [Отцовы наказы]

[Отец умирает, говорит сыну]: «Што, вот я, сынотик, умираю, тибе наказ даю: божью помощь не подовай, щи с мёдом хлебай, жону, женисья, одну в гости не отпускай, лошедь на цужие руки не давай. Ну, ты понел мои наказы?» – «Всё понел».

Вот [в]станёт на роботу часов в двенацать, пройдёт голову вниз, никому ницево не скажет. Все люди удивляютьце – пощему это так? Отец был такой низкопоклонный, всегда божью помочь подавал, а сын, видно, не в нево. Приходит Иван – мёду накладёт в щи: «Ой, отец наказал всё мине не правду – щи невкусные с мёдом, божью помочь [не подаю] – люди стали обижаться». А потом, грит: «Ага, отец-то мине не то наказал. Надо идти на сенокос-то пораньше всех, штобы люди мне божью помочь подавали, а не я людям, штобы первому на полосу притти и косить, штобы никово не было, ак не кому божью помощь-то подавать (он ему примером). А проработаюсь-то, как рано уйду – дак и щи с мёдом покажутця. Вот што отец-то наказывал».

Ну, это сделал, стал делать, как отец наказал, стал рано ходить на

сенокос, ему божью помощь стали подавать. Проработаетцы, придёт – ему щи с мёдом покажутца. Вот и хорошо. Лошадь хорошая у них была, как «эстонка».

Вот стал этот Ваня, надо жениться. Женился, взял за двадцать километров. Девка хорошея, Маруськой звать. Ну, живут-поживают, вдруг приходит сосед: «Ваня, моя лошаде́нка никак брёвно не можит взять, слабенькая, дай твои лошади, пожалуйста, вывезти, а бревно мне такое большоё, вот так нужно». – «Ну, возьми, – grit, – только у меня жеребая лошадь». – «Да я потихонитку». Ну, Ваня эту лошадь дал, отцовский наказ вспомнил, пошёл по-за кустам и нацял смотреть, как он обращаться будет с лошадыю. Навалил это брёвно, дёрнула лошадь – взять не могла первый раз. Оцень большое, вот такое, поди, со стол. Как ноздрями пала о дорогу, немного отошла, они сразу обортируют. Обортировала, жеребёночка этова зарыл, приехал (на этой лошаде вывез такоё бревно, ну, которая выкинула этова жеребёнотка). – «Вот, Ваня, твоя лошадь лехко взела, спасибо большоё», – вот привёл лошадь, Ваня всё видел. Ну ладно, привёз, дак привёз бревно.

Тут у них родился сынок, поехал в гости, опять отцовский наказ надо исполнить: «Мария, ты поезжай, а я, – говорит, – завтра прибегу. У меня работы дома много, да скотина. Я вас сичас укрою да всё, вы поезжайте. Лошадь запрегу, там отец тебе выпрежет лошадь, а я, – grit, – утром приду».

Приехала доцька, тут ишо две девтонки есть. У батька пятистенок добренный такой. «Ну, а где Иван-то?» – спрашивает тёшша, матка у дочки. – «Да Ваня завтра утром прибежит, работы полно, да скотины столько, дак некогда. Вот запрёт лошадь, дак мы приехали». Малышку укрыли уж, малышка порядочный стал, уж, поди, с годик.

Ну, значит, Ваня оделсы, дошол до ихней деревни, оделсы стариком, взял бадожок, корзинку, в корзинку это всё своё бельё уклал, костюм да всё, которое праздничное – идёт к им как нишшый. Уж темненко, так сял на приступки, «Кх», – кышляет сидит. – «Тут кто пришол, какой-то нишшый, што ли?» – «Пуститё ночевать», – он голос переменял. «Да што ты, какой настырной, у нас зять завтра утром придёт, дак иди ты ночью где-нибудь». – «Нет, я у вас ноую». Вот забралсы на петку, лёжит. Матка с доткой розговаривают. «Ой, Маруська, ты вот за Ивана-то бы

не вышла замуж, дак Коля-то со флота приехал, твой-то дружок, ведь пришол, дак всё на твою фотографию смотрел, да так тибя жалеет, да так жалеет». – «Ой, мама, как бы ево увидать!». – «Ой, Маруська, завтра баню истопим утором поранёшеньку или ветором сегодня попозжэ, дак свиданьё сделаёте в байне, всё жо вы старая любов». Ну, так и сделали. Говорит: «Мама, я мальтышко возму, помою». Вот помыла мальчишка, там с пивом занялась, с горшками эта тёшша, пока там, в цулане, топталася, этот Ваня слез с печки (а ходовой парень-то был, толковый, все батьковы наказы понял), топчетцы на передбайнике-то, она кричит (вишь, какой тожо терпеливой): «Мама, ты пришла?» Кашлянул так: «Кх». – «На, мы увернули всё». А она с Колей в байне.

Вот он пришол, старые девы две тут жили, он пришол и говорит: «Вот возьмитё, проняньтытесь ночь или две, я вам по сотне за ночь плату за младенца, но никому... Если скажите, нитово не уплату». Эти согласились две старые девы понянчиться. Вдруг эта матка-то: «Ой, парнишка-та забыла я из байны принести», – прибежала: «Манька, давай ребенка-та, давай внука-та». – «Да какова, мама, внука, ты веть взела». – «Ой, как взела?» Вот заревели тут все, забегали. Этот тесть нитово не знает. Ну, тут не до Коли.

Ну, этот Ваня стал поутру поранёшенько, сходил в овине переделсы, это всё своё дермо высбросил, оделсы всё, идет во всём праздничном чин-тинарём. Тошша выбёгаёт, жона выбёгаёт: «Ваня, ведь мы сына потеряли». – «Ну, Маша, што будёт сыновей, уж не росстраивайтесь, чё теперь делать». Ну, пришли тут, начели праздник делать, ну, эти всё равно росстраиваютцы, што ребенка нет, а уж Ваня не росстраиываетцы, знает, где ребёнок. Вот садятцы все за стол, он и говорит: «Я тут по деревне-то шол, у вас Колюха с флота, флотский парень пришол, дак я-то тоже в армии служил, дак хочетцы узнать какие новости теперь там». – «Ну, девки, сбегайтё» (это две девцёнки, там одна в седьмой, другая в пятый класс ходят). Вот прибежали эти девтонки: «Дядя Коля сетас идёт». Вот Коля пришол, посидели тут, всё чин-тинарём, он и говорит: «Маша, давай-ко мы праздник сделаём, давно, вон, у нас и тесть с тёшшой не бывали, да и Колю флотскова пригласим». – «Ну ладно».

Вот приежжают домой, говорит: «А в магазине всё есть, водки взять да закуски, дак посидим все вместе». А у них два парня были,

палача, в деревне. Он побежал в магазин, забежал к этим ребятам: «Ребята, я сам *ответать* буду за всё, ну вам приказ какой буду говорить, вы выполняйте. Я вам *отень* хорошо *россытатюсь*, сколько возьмётё. Не *ишшодите*, всё *ответать* буду я». Вот, говорит, пришли, все гости сели за стол, по первой стопке выпили (а сестру *послал* за ребёнком, лошадь не *выпрёг*, сразу туда: «Ты, вот, – говорит, – принесёшь в это времё, в такие *ч'есы* ребёнка занесёшь»).

Вот, это *натёл* рассказывать, вот, как отец *умерал*, да как наказывал, што я *евонные* наказания сразу не выполнял – люди стали *осужать* *миня*, щи с мёдом хлебал: мёду наложу, всё ни так делал, а потом понял – вот отца наказания. Всё справедливые. Стал делать по отцовским наказаниям. Вот, говорит, лошадь дал на *тужие* руки и *лошедь* *абортирова*ла (и *этова* [= соседа] пригласил в гости) и, говорит, на такой лошаде, он, говорит, вывез бревно после *абортирования*. На *иё* такая боль напала, она такая слабая была, он, говорит, даже не пожалел живота и *вёз* это бревно на такой лошаде. – «Врёшь, замолчи». Как захватил *ево* [= соседа], как бросил в сени и говорит: «Так избеите, *штобы* на *карачках* домой дополз, *штобы* больше не врал и так ни делал», – вот говорит. «Теперь поехал, – говорит, – в гости, вот так и так, потеряли сына». Сына-то сестра и заносит, они и глаза на лоб. Захыватил *тёшшу* и *жону*: «Этих бейтё на смерть». Этих *биле*, застегали на *смерть*, вот этих два *палата*, экие здоровые два парня. «А тесть, ты, – говорит, – *ничово* не знал, а Коля флотский – ты *приглашённой* был гость».

А стали судить, дак судья говорит: «Как ты *ишшо* *вытерпел*, у *байны* ходил, была *жена* с этим с Колёй в *байне*, а ты, – говорит, – *дажо* тут уже убийства не *сделал*, дак молодец». *Ево* и освободили. *Нечо* ёму *не* дали.

(Это – была. Это рассказывал оттуды, из Кириллова, мужчина, у папы делал всё дровни, полозины на совхоз гнул, дак. Он много рассказывал. Рассказывал, как покойники там ходили, всё, *говрит*, это точно).

89. [Сколько стоит царская карета?]

Пастушок пас (дак вот отец приговаривал всё к хорошему, а теперя, не знаю).

Царь ехал мимо, а пастушок пас, дак вот это только говорил, што спрашивал: «Сколько стоит моя корета?» А пастуф хлеба вынял, как вот тут горбушетку, да и говорит: «А вот этова не будёт, ак и этова не будёт стоит». Вот и всё, и поехал дальше.

(Отец рассказывал).

90. [Беззаботный монастырь]

Вот, значит, построили монастырь. И не знают, манахи собрались, и не знают, как монастырю дать названьё, не могут придумать, как монастырю названьё дать. И вот, приезжаэт царь, и вот: «Как это не дали названьё монастырю, новый монастырь, дак». К такому-то числу назнацил: «Приеду опять, – [говорит] царь, – и приеду, и штобы дать названьё монастырю». Вот.

Да, хорошо. А уехал царь. Вот все манахи сбились, не знают, што и делать большо, некак монастырю-то не могут придумать названьё-то, как и дать? А идёт Ванька-мельник. – «Ей, Ванька-мельник, зайди-кё сюда». А Ванька-мельник и зашёв. – «А вот, – grit, – не знаём как монастырю дать названьё?» – «А вот, – grit, – я, ак дам названьё. А “Беззаботный монастырь”, а “беспецальня ваша братия». Вот так и дали – «Беззаботный монастырь, беспецальня братья». Ладно. Царь приежаёт: «Ну, игумент, дали названьё монастырю?» – «Дали». Да. – «А как, этот, названьё?» – «А “Беззаботный монастырь, а беспецальня братья». – «Ак я вам наделаю заботы и печали сецас! К такому-то дню отгодайтё три загадки! Перва загадка – што я стою, вторая загадка – скоко на небе звездинок, а третья загадка – што я думаю». Да. Хорошо.

Вот, царь, говрит, приедет опять. Опять приезжаэт. Думали, думали, некакой загадки не могут отгодать. «Сколько царя оценить? Кто ево знает, ну, што он, этот, стоит? А сколько, считай на небе звёзд – почём знает. А што ён думает? – Фиг ево знает про царя, што у царя в думе», – ой, не могут.

А уж, ко[г]да дал названьё монастырю Ванька-мельник, дал названьё монастырю, дак зовите Ваньку-мельника отгадывати загадки. Да. Ваньку созвали, а он и говрит, игумену и говрит: «Давай, – говрит, –

игумент, твоё одеяньё всё, – одеуся,- тогда буду отвечать царю». Одеуся. Приходит к царю. Хорошо. «Ну, первая загадка – што я стою?». – «А, – говрит, – царь Николай стоил двадцеть пять, а вы уж *на* петь [меньше], дак *двацеть*». – «Правильнё, игумент» (за игумента *сшитаёт*). Да, потом: «Скоко *на* небе звезд*инок*?» – вторая загадка. – «А, великой государь, а сколько *на* небе звезд*инок*, *сшитайтё*, сколько *на* небе звезд*инок* – *сшитайтё* у себя, сколько волосинок на голове, *стоко на* небе звезд*инок*». – «Прав, игумент». «Ну а третья загадка – што я думаю?» – царь спрашивает. – «А вы думаете, што здесь игумент, а здесь Ванька-мельник». – «А! Ковда Ванька-мельник, дак будь игументом, а ты, игумент, будь мельником!»

Царь всё устроил!

91. Старое седло

Вот [солдат], примерно, служил *двацеть* пять лет. Вот царь пригласил его: «Ты у меня, – грит, – верой и правдой прослужил хорошо. Какую, – грит, – те награду дать?» – «Мне ничё, – грит, – не *нады*, [в]от дай, – грит, – мне «*Староё седло*». [В]от, дома мне штоб *отдали* «*Староё седло*». Ну, он и сразу указ написал, штоб салдату, как приедёт домой, ему, значит (волостному старосте [приказ], штоб он подчинился царю), и *отдали* *староё седло*. А «*Староё седло*» было поместьё барина, видишь. Вот солдат пришол, ему поместьё царь подписал «*Староё седло*», дак поместьё отобрал у барина всё, к *сёрту*. Видишь, салдаты какие были!

92. [Смерть на колодце]

Вот, говрят, топеричи робёнок рождаётцы, а ведь раньше эть не в больницах ни где, всё дома рожали, дак. Ну, дак вот Господь Бог назначаёт ёму судьбу. Сколько ёму прожить, и какая ёму смерть придёт. Вот рожала одна баба, это сноха, а свёкор лёжал на *полатях*. Вот она *родила* мальчика, и пришол этот, топеричи, Господь Бог, принимал роды и сказал: «Судьбина Божья ёму помереть в день свадьбы. Потонёт в

колодце». Раньше колодцы были у домов-то, скотины по много дёржали, дак чуть не у *каждова* колодец у дома было. Ну вот, дедко-то потом и сказал, што, вот *нашому* внуку какая судьба, вот в день свадьбы *потонёт* в колодце. Ак *колодѣц*-то заколотили в день свадьбы, а всё равно *умёр*-то на колодце. Пал на колодец и *умёр*. Видишь, как? *Каждому*, говорят, человеку судьба *нарекается* Господом Богом, сколько ёму прожить, и какая смерть придёт. Вот это мы всё раньше верили, а *нонче* не кому *ничё* не верят. Чё есть? Какая *судьбина* Божья?

93. Как старик из людей мыло делал

Было худо жили, дак [девушка] выпросилась на торфоразработку и вот уехала от *отця* да от *матки* (вот эту сказку я знаю). Вот уехала, заработала *денѣг*, да там *ситцю* накупила. (Не было *ситцю*-то в лавке, *домотканноѣ* всё носили, *тканое* всё). Ну вот, и потом решила, отработала *шесть*-то *мисяцев*, и решила *итти*, домой поехать. *Отцю* да *матке* накупила, там, на *рубяху* *отцю* купила да и на штаны, ведь раньше и штаны-то были *домотканные*. Всё *тканое* было. И вот, она *возьми* да и поехала.

Она *заснула* в *вакзале*-то, у ей всё унесли. Всё унесли. Вот сидит и *плацёт*, а *старицѣк* ходит и *горит*: «Ты об *цѣм*, *доцкя*, *плацѣшь*?» – «Да как не плакать-то? Ну-ко, заработала *сколькѣ*, тут купила, и на дорогу *толькѣ денѣг* оставила, и у меня вот всё унесли, *ницѣ* у *миня* и нету». Он *говрит*: «Пойдѣм ко мне. *Заработаѣшь*. И я *тибе денѣг* дам, и ты *уидѣшь*». А он, *сука*, видно, из людей делал мыло. Ну вот, (это мама *россказывала*, *покойница*).

Да, *подводит* *миня*, *грит*, в лес, *грит*. Эдакой дом-от! Собаки-то *залаели*, девушка там, *говрит*, в *цепях* *закована*, *плацёт* *тамо*-тко. Он, как *уходит*, дак *иѣ* в *цепи*, видно, *закавивает* – для *сибя* оставил *дивчонку*. А эту-то *дивчонку* *ведѣт*. Вот он у *меня*, *грит*, *водил* да *водил* по *комнатам*-то. «*Давай*, – *говрит*, – *теперь* *пообедаѣм*». Он *налил*, *грит*, *мне вина*. – «*Пей!*» – «*Што ты, дедушко*, я и не *пивала* *сроду* такие *пакости*, дак не *охота*», – раньше *эть* *вино* не *пили*. – «*Пей*, кому *сказано*-то!» Он *напоил* *ие* *пьяную*, да *штобы* она не *поняла*, *куды* он *иѣ* *пихнѣт*-то. И *пехнул* он *ие* в *подпол*. Вот. *Девцонка*-то не *сколь* *напилась*, да

она испугалась. А потом, *говрит*, он ушол. Цюю, што ушол. Я, *говрит*, и сдумала: давай я, *спички* оказались в кармане, сдумала – *спички* [зажгла]. Глядит: где голова, где руки *валеютце* *целовещеские*, где ноги. Я, *горит*, испугалась. Вот, *говорит*, нашла *лиственницу*, полезла, *грит*, по *лиственнице* по этой. Лезу, а девушка, [которая в цепи *закована*] и *говорит*: «Девушка, – *грит*, – это ты?» – «Я». – «Ты *пошто* сюды пришла-то?» – «А ты-то, – *говрит*, – *пошто* пришла?» – «Да *миня-то* привёл». – «Вот и *миня*, – *горит*, – *обманом* взял и привёл». Ну ладно. «Ты, – *грит*, – *сецас* не толкайся. Он, – *грит*, – *сецас* придёт – ты сиди там спокойно, лёжи. А, – *грит*, – он подёт вот в город, он, – *горит*, – ловит дитей и *переделявает* людей на мыло». (Не знай, правда ли нет ли?)

Ну вот, ладно. И вот она эдак и сделала. *Дедка-то* ушол, в город ушол, а *деушка-то* подошла к *лиственнице-то*, она *говрит*: «Постой, *кормилица*, *сейцяс* я тебе *отперу*». Она *отперла*: «А *топерь-то*, – *грит*, как?» – «А только, *биде*, в *фортоцкю*, а то, ак не знаю, как я *тибя* *выпушу*, там, – *грит*, – *собаки* нас *загрызут*». [В]от *девцонка-то* эта в *форточку*, да *ушиблася*, дак на *каричках* *уползла* в лес-то. А *дедко* *пришол*, ведь он ни сразу *хватился* *дивцонки*, думает: «Пусть *умерёт*, дак потом уж сделаю *цё* надо». Вот эта девушка и *цюёт*, што *розыскивают* девушку, вот такая-то у *барина* *потерялася*, такая-то, такая-то. И он, это, *топерици*... *Девцёнка-то* тут и *присталала*, што: «Возьмите *миня*, мол, *заработать* хоть на дорогу *денёг*, *домой-то* уехать к *матке*». Вот *ие* и *зели*.

Вот тут *собрались* *поминки-то* *делать*. Об *девчонке* уж *делают* *поминки*, как вот *раньше-то* *делали*. Там *барин* *встал* и *говорит*, што вот там *потерялася* *девушка* *столько-то* *лет*, вот такая-то, такая-то, кто *цюл* ли *слышел*, дак *сообщыте*, мы вас *наградим*. *Дивцонка-то* *взглелула* – *старик-то* тут *стоит*, она и *говорит*: «Дайте я, – *говрит*, – *скажу* где, – *говрит*, – эта *девочка*». А он и *говрит*: «Цё, она, *дура* *деревенская*, дак *понимаёт*, *ницово* не *понимаёт*. *Цево* её *вральню* *слушать*?» А этот *барин* и *сказал*: «Пусть, – *говрит*, – *расскажот*». Вот она и *рассказала*. *Росказала*, от и *повели* *ие* *туды*. Дак вот *барин* *дочкю-то* *обрал* к *сиде*, а *эво-то* *заколотили* в дом, да *эво* и *сожгли*, што *людей-то* *много* *погубил*, *сука*. Вот. Ну ладно, это всё.

А вот, а эту *дивчонку-то*, дак *наградил* *деньгам* *будто*, да и *вешшэй* *надавал*. Да и *домой* *дивчонка* *приехала*. Вот так.

(Много *россказывала* я *эких* *смешных*, ой много).

94. [Заживо погребённая]

А на Украине [было, девушка умерла], и у ёй было, это, кольцо, бруслет золотой, цепочка золотая, серьги, так ие и похоронили с этим со всем. Вот. И эти робьята узнали, што ие похоронили со всем этим золотым, и подошли ие выкапывать три парня. Подошли выкапывать, а идёт ишо парнишко, а они остановили ево: «Давай, – говрит, – рускупай могилу, как хочошь жить, а нет, ак мы тибя убьём, рускупай!» А он говрит: «Ну, ак што жо, рускупаю». И только стал рускупать-то, и воне услышали, што народ идёт, народ идут, и оне убежали, три [= парня]. А он раскапваёт, он рускопал могилу, гроб открыл – она токо стала, стала, говрит, и он, говрит, сел. Я, говрит, сразу поседел. Я сижу – и она сидит. Она говрит: «Да как жо ты, милой мой, сделал-то это?» – «Ак вот, – говрит, – вот эдак». «Ну, давай, – говрит, – вылизем топерича». Вылизли из могилы. «Давай, – говрит, – подём к родитилям-то». – «Нет, – говрит, – к родитилям-то уж мы не подём, сведи меня к баушке, у мян баушка есь». – «Ну, пошли». У баушки стукуютца. Это: «Пусти нас». – «А хто вы есь-то?» – «Да мы вот, вот твоя внучка». – «Нет, не ври, не врите, у нас внучка похоронёна». – Дак ты открой, дак и увидишь». Ну, она открыла, дак и пала без ума: «Мёртвая, зарыта! Дак как к матке-то?» – «Да уж, баушка, ты иди, скажи, а то мы придём, дак оне тоже упадут, эдак жо как ты». Старуха пошла, сказала родитилям, дак [они] только: «Ты, не ври». – «Дак подём». – А [родители]: «Нет». – «Дак нет, ак я вам приведу ие». – «Нет, уж приведи». Вот привели, ак и топеричи они живут вместе, поженилися.

(Заумёрла, ёй бы надо, говрит, двенацетъ дён [дома] лёжать.)

95. [Заживо погребённая]

Вот одна умёрла тожо, ак поп-то пришол, проглядел, да говрит: «Она на двенацетъ дён легла, уснула, вы не трожьте ие, не зарывайте». Ак вот они, говрит: «В это время вы глядите, в какоё время она заснула – в это вы глядите через двенацетъ, на двенацетой день». Ну, вот они все, а семья большая была, вот они в зимовке, а она в дому лежала на диване-

то, вот всё и сторожили иё, всё батько с маткой сидили. Вот подошло это времё, только, говрит, вот эдак руку протянула, да вот эдак, а оне: «Һосподи!» А оне побёжали, за скобку дёржатца. «Һосподи! Нашто я, – говрит, – дома». Ак она как сказала так-то, вот оне и подходят к ёй: «Да, дома, милая дочка». – «Нет, ведь я умёрла. Ой, мама, ой, што я видела-то там, ой, всево видела-то там». И не стала давать скатёрки (раньше ведь всё на скатёрке обедали-то), и не стала давать стирать скатёрки вместе с бильём: «Не стирайте скатёрки вместе с бильём». И вот всё выдёт она, ну, всё робята да девчата: «Умершая, умершая!» – «А я, – говрит, – умёрла да ожила, а вас похоронят, заруют».

96. [Водяной и медведь]

А рассказывали, водяной-то ходил. Дом постороили, ну, на хуторе там, и дом такой добренной, видно, плотники-то были колдуны, а россчиталися им, видно, маловато. (Это рассказывала Нюра Сомиха. На прямой версте к Иванову Бору тамо). Ну, там тожо дом построили, а тут было озёрко, ли цево ли есь. А, видно, худо россчитали. И ходил водяной: всё как наровит, печьку затопит хозяйка, [он] несёт беремё рыбы в любое время, [когда печку хозяйка] затопит, хоть утром, всяко приноровлялась. Да, рыбы принесёт беремё. Пока рыбу не перепецёт, на коленки встаёт – кидает. А весь облединиёт придёт, воды натецёт, полный пол так весь моцит. Пока рыбу не изжарит, не уходит от печи. Кидает да ес[т], кидает да ес[т]. Вот изжарит – уйдёт. Вот опять и ростоплюю, сызнава затоплею.

Ну, раньше мидвидёф учёныф водили мужики-то. Два прохожие шли, шли, мидвидя вели, там, мимо ихнёво посёлка-то, И попросились (как футор тут был тут, видно, ну на футоре, ну вот), попросились ноцевати: «Дак робята, ноцевать нецё бы пустить, да у нас утром печьку, – говрит, – топить нельзя». – «А цево?» – «Вот, – гыт, – приходит из воды, как, ну, водяной с рыбой. Пока рыбу не перепицёт, нальёт воды, весь во льду придёт». Их заинтересовало. С мидвидём идут с уцёным. «Ну, – грит, – ладно, – гыт, – нацёём».

Ну вот. Вдруг утром затоплеёт хозяйка печьку, этот хозяин и

являетцы с рыбой, водяной. Ни на ково не глядит, прямо к пецке. Эти, хозяин [медведя]: «Ну-ко, возьми-ко их тут», – он [= водяной] только што стал подходить, они жукнули этова медвидя-то. Они глядели, как он рыбу жарил, да всё, а потом домой пошол. Только из дому-то стал выходить, вот мишка-то и схватил ево. Вот они и схватилися драться с мидвидём. Ну, мидвидь огорёвал – на мост скатилися. Из мидвидя шерсть только литела.

Ну, потом эти ушли, три года больше [водяной] не ходил. Церез три года вдруг опять идёт – открывает двери: «У вас эта собака-то, жива?» (Кошка, нет собака). «Жива», – хозяйка отвецает. Да больше вернулся и не прихоживал. Вот эта «сабака» и уделала ево. Вот какие случаи-то.

97. [Как кум Данило чёрта от кумы Таньки спас]

Поехал кум Данило рыбой торговать. В город. А вперед ево Танька пошла, кума евонная. Ну вот, и он догоняёт. Да, Танька-та пришла – а весной разлилось, такой ручей, ак и перейти не можот, никак не можот Танька-то перейти ручей-то. «Ой, – говорит, – хоть бы черт перевёз! Хоть бы черт-от меня перевёз», – Танька-кума сказала, а чёрт и выскочил: «Садись, кума-Танька, я перевезу». А Танька не ростерялась: Хоп! – верхом села (да, видишь, топерь Таньки-то какие пошли), села на чёрта-та, чёрт перевёз реку, этот ручей, а фиг, стряхнуть и не может. А Танька уснула крепко, захватила рукам чёрта-то вот всё за шею. Не знает, цёрт из силы весь выбилсы, весь запрел, и валяэтцэ и катаэтцэ, всё равно Танька спит крепко на чёрте да и не розжимаёт. А кум-то Данило на лошади и догнал. «Кум, – говрит, – Данило, – называет чёрт, – освободи меня от этой проклятой бабы, ак я, – говрит, – сослужу те великую службу». А кум Данило подумал: «Какая от чёрта служба?» – Взял, да как погонялкой по заднице-то этой куме-Таньке – и проснулась. И пала с чёрта-то. Ну вот, цёрт говрит: «Приедёшь в город, молодые будут задавлены, ты берись лечить», – этот чёрт говорит Данилу-куму. Ну, хорошо. Вот приехал в город, там молодые задавлёны, никто не можот вылечить, а кум Данило: «Я вылечу». Ну, вылечил. У богатова, царя ишо раньше, ак молодые-то вон какие. «Ты, – говрит, – кругом обойди, а я и

выскоцу», – это цёрт задавил. Вот кум Данило пришол, вокруг обошол молодых: «Окно, – грит, – открой», – открыл, рукой махнул – цёрт *выскоцил*. Кум Данило, царь, дак наградил, не надо рыбой торговать, вот домой приехал.

Приехал и живёт припеваюци, сколько надарили там. А кума Данилу выбрали в церковные старосты, в церковные старосты стали выбирать, а цёрт к окну подбежит, да: «Кум Данило, не садись!» А *боитцы*, как цёрт ладана (ишь, поговорка-то), а цёрт ладана *боитца*, а тут *сядёт* в церковнве старосты, ак ладаном про*пахнёт* весь. А Данило не послушал (охота раньше ведь начальником-то быть), вот в церковные старосты и сел, стал старостой церковным. В оккурат в городе опять молодые-то уж задавлены, уж не у царя, а в городе. Там вись пришла, опять Данило вылечит, приехали за Данилом. Данил *поихал*, поехал, обошол два раза, окно открыл, рукой махнул, а цёрт под столом сидит, да и *говрит*: «А, фиг, я, – *говрит*, – тебе *выду*. Ты, – грит, – не послушал меня, пошол в церковные старосты, зацем?» – А Данило не растерялси, окно открыл, да: «Кума Танька, цёрт-от *вота!*» А цёрт, как прыгнул, дак больше и не бывал. Дац вот не задавил неково больше, не одново.

Испугалси опять. А он не растерялся: «Кума, – *говрит*, – Танька, цёрт-от *вот*». Цёрт готов.

98. [Муж-лентяй и жена-лентяйка]

Ну вот, был лентяй, лентяй мужик и *жэншына-лентяйка*. Ну, жала эта *жэншына*, придёт домой, он и *говорит*: «*Выжыла* иль нет?» – «Нет, не *выжыла*, *тэтыре тэтырки*, *пята* – *растопырка*, *стану* на пенёк, *вижу конеток*, *завтро выжну*». Ну вот, он думал-думал, раз у бабы *нито* не делатцы – он взял да *приходит*.

Ну, *приходит*: баба спит под грудой под этой, груду она *растопыркой* называла. *Нот[ь]* – спит *жэншына* – он взял да *ие остриг*. Ну вот, *остриг* он *ие*, она *прохватила*сь, не слыхала как *остриг*-то, *хватила* сама *сибя за* голову и *говрит*: «*Я*-то – я, а *голова*-то не моя, если *домой сойду*, да *собака залаёт*, *знатыт* – не я, а не *залаёт*, дак то – я».

Ну, вот потом она *ово* в *церкву* стала *соберать*, не было одеть *нитово*,

завернула куделёй, а у самой один фартуток, передник был, больше нитово одеть не было. Ну вот, он из церкви идёт и говорит: «Бабка, я несу гусика». – Она говорит: «Да нетово, што узенька, надену», – думала рубашку он ей несёт, а он гусика несёт, птутку. Переник-то и кинула в петку, ну, уж она потом веники навезала, мужик в этой в кудели ходил.

99. [Как баба байкала]

Баба одна в Ленинграде байкала, всё ходил сударчик, ну вот, а нао, штобы... А она, раз договореносе было с этим, со своим возлюбленным, ставила самовар на окошко, што, эсли он идёт, поглядит – у ей самовар поставлён – куды краном поставлён, как у их договор. Эсли краном поставлён туды, знасит заходи, мужа нету дома, а эсли как не туды, ак это знасит, муж дома.

Вот раз один приежаёт тот в Лёнинград (россказывает, што она, тожо мне ровесница россказывает), вот поставила, грит, этот, мужик-то дома был, а она поставила самовар-то на окошко, сама сидит, робёнка-то гачаэт, а самовар поставлён на окошко. А потом загнула – у ей кран-то не туды повёрнуто, вот она и стала робёнка байкать:

*«Я поставила не ланно,
Повернула не туда,
У меня мужик-то дома,
Не уехал некуда».*

А сама робёнка байкаёт, робёнка усыпляёт.

100. [Про Иванушку-дурачка]

Жили-были три брата, два хороших, а один Иванушка-дурачок был. Вот у иф умёр отец. Сорочины подошли, и оны стали пиво варить, а Иванушка этова послали: «Принеси, Иван, соли». Он нёс, нёс – попал ему ручейтык, ён пить захотел. Попил он, посолил – мало, посолил –

ишо мало. Всю высыпал [соль], попил и пошол домой. Пришол, братья [спрашивают]: «Иван, где у *тя* соль-то?» – «Да я попить захотел, ручётык попал, я всю высыпал, попил и пошол домой». «Давай, хоть принеси лошок, коль так». Вот он лошок-то принёс. И нёс-нёс, нёс-нёс, идёт да прискакваёт, идёт да прискакваёт: «Чё там брякочот? А, – говорит, – надо мной смеётиси», – изломал их, в стороны [раскидал] и покатыл домой. Пришел домой, [братья спрашивают]: «А где у *тя*, Иванушко, лошки-то?» – «Да, я, – grit, – чё *оне* надо мной смеютсы, я, – grit, – их выкинул». Вот. «Ну, хоть, принеси стол». Опять стол принеси, што, мол, один, дак мало. Вот он нёс-нес, нес-нёс, устал. «У *тя* чэтырэ ноги, а уменя – две, я, – grit, – тебя, ишь, неси, – grit», – изломал ёво, кинул, и всё. Бросил это, пришол. [Братья спрашивают]: «Где у *тя* стол-то?» – «Я, – grit, – у него чэтыре ноги, а у меня – две, я неси *ево*», – grit.

Ну, и *оны* пиво варили, сусло-то спустили, корыто поставили, корыто (раньше ведь были деревянные) деревянные поставили: «Вот ты, Ванюшко, набежит, дак ты вылёвай в кадушку, в ботку, в ведёрко ли, в ботку вылёвай». Вот ён, это, [смотрит] – сусло бежит и бежит, набежало полно и выбегаёт, *оне* идут, всё несут, што: «Иван, открывай». – «Дак погодитё, дайтё мне подъехать-то». Он в корыто сел, едёт там как по реке. Вот там [братья говорят]: «Ты где, Иван?» – «Дайтё мне подъехать-то». – «Открывай!» – «Да я ишо не подъехал». Он открыл, а сусло-то всё убежало у их. И батько не помянули.

И вся сказка.

101. [Были два умные, один – дурачок]

Были два умные, а один дураток, и умерла у их мать. Ево и отправили закупать на поминки. Ну вот, он там, этова, купил муки, на лошади поехал, купил стол, купил ложок, поехал. Лошадь стала, не идёт у *ево*. Он в реку бух! мешок муки. Раз не пьёт лошедь-то, надо напоить. Не пьёт, знай. Он другой мешок [высыпал]. Лошадь оставил тут. Взял стол на сибя, этова, на плети, понёс. Понёс стол, а потом и говорит: «А то я тибя несу? У тибя тотырё ноги-то, *нао*, дак придёшь». Взял этот стол, взял этот стол оставил. Идёт, а ложки в кармане, деревянные обытно

раньше были, брякают. «А то они меня дразнят? Говорят: “Ванюшка, бряк, бряк, дурак, дурак”, – я, – говорит, – взял да иф всех и истолок». Приходит домой, братья спрашивают: «Где у тибя то?» – ну, он всё разьеснил, где то есь. Говорят: «Надо самим ехать собирать». А пиво наварёно. Пока оне ездили, он это пиво вылил всё на пол, сел в корыто и ездит по полу. Ну, братья подъехали: «Ваня, дак то ты, открывай!» – «Погодите, дайте до краю-то доехать».

102. [Про Филиппа]

Это, милый, сказка, это не быль, ничё, это сказка.

Единолишно, ак ведь жили кто и хорошо, кто и бедно. Тут жили и не бедно бы, и хорошо бы жили муж с женой... Мать звали, этой, Василисой, нет, мать-то звали Лизаветой. У иф родилсы сынок. А отца как называли, не знаю. И вот стали, как только стал этот сынок понимать да всё, стали видеть, што «не тово» – так таким глупеньким и вырос. Вырос, знацит, надо женить. А единолишно жили, земля-то была. Женили, пошла девушка за ево, Василисой звали. А у иф мало земли, дак мало и хлеба. А на току молотилам ведь молотить раньше, отец и: «Филипп, тибе делать-то нецево, дак ты бы шол, да хоть новь сбирал». (Это мы раньше все новь-то сбирали. Как нацнут молотить, дак у ково мало хлеба, дак [люди] молотят, дак, знацит, и подут. Мешок возьмут, да и подут. Кто лопату, кто и две даст).

Ницё этому Филиппу не наказали, ушёв. Ушёв, слышат – плачь, рёв. Идет Филиппушко со слёзам: «Матушка Лизка, жона Василиска, миня, дурню, били, миня колотили». Мать и жона навстрёю: «За чево тебя били, да за чево колотили?» Назвал мужчину как: «А я вот шол, а он только вот эдак вот лопатой эдак-то (ведь раньше виялок не было, ак лопатами вияли-то), он мя спросил: “Филиппко, куда пошол?” – “Я пошол нови собирать”. – “Иди, я тебе дам”. Он мине лопату, да и другую, да и третью – а я ему и сказал (как он, обожди): “Со снопика бы тебе по зёрнышку, с суслончика – по горсточке, с овина – по малёночке”. Он миня давай трепезонить! Зёрно моё обрал, высыпал обратно. Вот я и пошел домой». Мать-то ёму говрит и жона: «Дурак, ты, дурак! Ты бы, знаёшь, чёво ёму

сказал-то?» – «А чево бы?» – «Господу Богу помолилсы и сказал, што: “Дай бы тебе, Господи, ношам не переносить, возам не перевозить”, – он бы тебе ишшо прибавил». – «Я уж завтра, дак эдак и сделаю».

Проспали ночь, Филипп взял обратны этот самой мешок, опять, этот, пошол. Идёт, везут покойника – молодой мужчина умёр. Плачут все. Он приостанавливается перед им и говорит: «Ношам бы вам не переносить, да и возам не перевозить», – и всё бы умирали по-евонному. Горё такоё взяло, тут ево опять отуздили. Опять жо идёт домой со слёзам, опять: «Матушка Лизка, жона Василиска...» Мать с жоной выбегают, а жона так и говрит: «Уйду, уйду я от ево, не буду больше жить... В чем дело-то? Чё ты?» – Обсказал: «Я иду, а вот видели, на лошаде едут, ящик какой-то лёжит, положен во всю телегу. Там вижу, што мужик лёжит...» – «Дак, дурак! Ты не знаёшь, што это человек умёр-то... Дак, чё?» – «Дак я и сказал, вам бы ношам не переносить и возам не перевозить». – «Дурак, дурак. Ты бы Богу помолилсы и сказал: “Со святыми упокой, со святыми упокой”, – тебе бы ведь милостыньку дали». – «Я уж завтра эдак...»

Ночь проспали, и пошол Филипп. Вышел там, в чужую деревню пошол. А ведь раньше поля-то огораживали: хлеб растет, дак скотина штобы не ходила. А караульней сидит сутки, сидишь по очереди и открываешь. Кому откроешь, дак, ежели, богатой, дак копеечку дадут, не то канфеточку, ведь неохота никому вылазить... Ну вот, Филипп открыл: едет свадьба, целой поезд едет на тарантасаф. Пока он открывал, начал: «Со святыми упокой, со святыми упокой». Тут ево ишшо чище... Молодые едут, значит, эдакие слова скажи, дак к тому, што умрёт. Науздили!

Пришел Филипп обратно со слёзам: «Дак чево бы надо-то?..» – «Дурак! Ты бы поплясал-поскакал, тебе бы хворосту дали. Хворосту тебе дали». – «Я уж завтра эдак».

Пошол на второй день. Вышел далёко уж вот. А через болото идти-то, лошадь у мужика завязла, а он один, дак не мог вытащить, вот и просит: «Филиппушко, пособи лошадь вытащить. Я тебе заплачу». А Филипп только пляшёт да скачёт, только пляшёт да скачёт на дороге. Отошел мужик от лошади, ево науздил сколько надо – иди.

Опять это же... Што ни день, то хуже, што ни день, то хуже. Мать и жона всё спрашивают, а батько только рукой махнет: «Дурак, дак

дурак и есть»... Спрашивают: «Севодни-то чево?» – «Я иду, а мужик чево-то вот палку подса^вывывает...» – «Дак чево?» – «Он меня звал: “Филиппушко, помоги, дорогой, помоги. Я тебе заплачу. Лошадь завязла, надо вытащить”, – а я плясал да скакал». Матка-то, да и жона: «Ну, ты бы подошол, да захватилсы за хвост, да и вытащили бы. Да пущай бы он тебе и платы не дал, дак не набил бы, да и ты бы хорошее слово заслужил». – «Я уж завтра эдак и сделаю. За хвост захвачу да помогу».

Уж это вот которой день... Идёт тут деревней, а два мужчины сидят поросенка палят. Сделаны козелки, подвешен поросёнок, и там палят. Он подошол, за хвост захватил – да прямо в костёр. А костёр большой. Мужики поскоряе поросёнка *вы*тащили, а *ево* набили. Филипп опять идет домой со слёзам. – «Чёво наделал? Опять со слёзам!» Вот он это рассказал, што вот: «Я дошол до деревни, около деревни вколочены палки как с крючками, на них кол лёжит. А потом не знаю и чево: волк не волк, медвидь, дак не медвидь, подвешен – палят. Я только захватил за хвост да в костер». – «Дурак! Ведь это палили поросёнка. Ты бы сказал, што: “Дорогие мужички, этим бы вам заговитьци, этим бы и розговитьци”, – они бы тебе мяса дали». – «Ну, я уж эдак завтра и сделаю».

Ночь переспали – опять ушол. Уж жена говорит: «Хватит нам *ево* и посылать, *евонные* слёзы слушать, да и самим *страмитьци*»... Ушол Филипп. Далеко уж он ушол. Идет, видит: мужчина. А мужчина шол и заболел, заболел желудок, значит у мужчины рвота. Вот как мужчину этава рвёт, дак сроду! «Филипп, недалёко вот тут водичка, принеси мне, дай *напитьцы*. У меня желудок болит». А он этому мужчине и отвечает: «Этим бы тебе заговитьци, этим бы и розговитьци», – *штобы* ему тут блевать всё время. С силами собралсы всё же мужчина, *ево* набил. Опять домой идет со слёзам. Спросили: – «Чёво, Филипп?» – «Вот такое дело. Я иду, а мужик лёжит *вякает*, *катетци*, у *ево* тут все изо рта течёт. Просил водички, а я не принёс. Я сказал: “Этим бы тебе заговитьци, этим бы розговитьци”. – «Водички, коли, тебе неохота было принести, дак ты бы только плюнул, да прочь пошел. И то ладно было. Ну, дурак!» – «Я уж завтра эдак»... А какой-то праздник. Уж вот в праздник он пошол. Идет, а ведь раньше ходили в религиозный праздник священники с

крёстным ходом. Идёт священник, крест вот так несёт. Он подошел да плюнул на крест. Он плюнул на Иисуса Христа. Ведь на кресте-то Иисус Христос. Вот тут уж ево изудили! Ево уж так изудили, дак больше и не знаю как! Пришол домой со слёзам, рассказывает: «Я шол, дак мне навстричу попал мужик с долгим волосьём, несет – указал, што крест-от – и тут ишшо мужики идут. Дак я подошол да плюнул». Мать так и обезумела: «На крест плюнул! Ведь это!...» – «Дак, а чево?» – «Да ты бы поцёловал, тебе бы денёжок дали. Ведь им деньги кладут за это». – «Я уж завтра эдак», – пошол.

Ночь переспали. Пошол. А мужчина поехал на мельницу, повез зерно на мукомольню. А с горушки-то, дак лошадь разбежалась. Филипп и кричит мужчине-то: «Постой, постой!» Остановился мужчина, спрашивает: «Филька, куды пошол?» – «Нови сбирать». – «Ну, иди, я тебе отсыплю». Подошол. Мать-то сказала, што крест цёловать надо, он подошол и давай лошадь цёловать. Вот мужик засмиялсы над им: «Не ходи дальше. Уж за такую глупость, на», – вот ему зерна дал.

Ишь, какой был Филиппушко, какие проделки проделывал.

Вот тут и сказочке конец.

Больше Филиппа никому не отпускали.

103. [Ванюшка-дуранюшка]

Вот Ванюшка-дуранюшка был такой. Это, знатыт, у матере жил, ну вот, потом отправила она ево за грибам. Он пошол, [видит] горох веют, а он и говорит: «Дай вам, господи, перва бы мера да и та не цела». Ево бить натали, он пришол и говорит, да: «Мама, – говорит, – миня набили». – «Да, дураток, ты бы сказал, што, тебе бы гороху дали, как сказал бы, што: “Дай вам, господи, не вывозить, не выносить”. – Он: «Ну, мама, я поду, скажу».

Ну вот, покойника везут, он настрету бежит и говорит: «Дай вам, господи, не вывозить, не выносить». Ну вот, ево опять набили тут, што то, говорит: «Дай вам, господи...», – покойника везут. Вот он опять к матере жалиться. Мать и говорит: «Да ты бы, дураток, сказал, што: “Вешная память”, – дак тебе бы опекишка дали да винця». – «Ну,

ланно, мама, я поду, скажу». Ну, ланно.

Потом, этова, пошол говорить-то это – едёт свадьба, он и говорит: «Вешная память». Ево опять бить, этова дурачка. Набили, ну вот, она и говорит: «Ох, ты дурак, да ты бы гармошку взял, да веселилисы бы, как свадьба, а ты, видишь, то, дак тибя бы вином угостили». – «Ну, я, мамка, пойду».

Ну, вот идёт – горит изба – он наяриват, в гармонь играет, вот тебе и всё. Потом, знатыт, этова, опять ево [набили]: «Чово жо все заливают, а ты в гармонь играэш?» Ну, матке опять жалиться, опять эво набили, што пожар надо заливать, а он в гармонь играэт. Сказал матке, а матка: «Да, ты бы ведро взял да заливал». Ну, раньше свиной палили всё, мужшына только росклал огонь палить свиною, он бух! – это ведро залил, ёму опять попало.

Ну вот, потом уж он матере сказал, она: «Тибе бы мясо дали, если бы ты сказал, не залил бы это». И на том контылось это сказка.

104. [Фома и Ерёма]

Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, лапти гнуты верх носкам.

А давай-ко, брат Ерёма, по лошадке заведём.

У Ерёмы-то не идёт, у Фомы-то не везёт.

*Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, лапти гнуты верх носкам,
(вот эдак она пела)*

Давай ко, брат Ерёма, по собачке заведём.

У Ерёмы-то не лаёт, у Фомы совсем не знает.

Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, лапти гнуты вверх носкам.

Ай давай-ко, (д)брат, Ерёма, рыбку корюшку ловить.

У Ерёмы лодка с дыркой, у Фомы совсем без дна,

Вот Ерёма стал тонуть, Фому за ногу тянуть.

Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, лапти гнуты верх носкам,

От Фома пошел на дно, а Ерёма там дауно.

Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты, лапти гнуты вверх носкам.

Утонули.

105. [Поп и работник]

Ну вот, был у попа работник, поехали *оне* за сеном. За сеном поехали, работник-то *хитрой*, взял, это, хлеба взял, а поп-то этого *ни*то не взял. Ну, *наклали* там *воза*, ведь уж *тёмно*, *и*сть *хочут*, а работник-то *розвернёт* из сена хлеб-то да и ес. Он и *говрит*: «Ванька, ты *то-то* *некак* ешь?» – «Да сено – *говрит*. Вкусно!» Поп давай сено *жовать*. *Жовал*, *жовал*, *ни*то не *получаетцы*. «Нет, – *говорит*, – не вкусно это сено». Ну, *заехали* в один дом. Вот там *ужинают* как раз, сказали: «Садитесь, ну, хлеб да соль, садитесь», – как раньше *обытно*. И этот работник опять *сел* да *наелса*, а поп *думат*, *ёму* особое *приглашеньё* было. *Ёму* *нитово* не посадили. Он заметил, раньше *квашни*, тесто *творилось*, он, это, все *легли* *ковда* спать, он *руками* там тесто всё и ел, *досыта* уж ел теста. Руки-то все *перемазал*, а раньше такие *рукомойники* были, а *дедушко* спал, *карзины* такие были, на *карзине*. Он *руки-то* обе и *запехал* в этот *рукомойник*, *оттуды-то* не *вынет* ему *рук-то*, он *раз!* – *думаёт* *тотыло*, раньше *топоры-то* *тотыли*, *думал* камень. Да о *плешину-ту* *дедку-ту!* Ну вот и *росколот* этот *рукомойник* и *убежал*, *дедко* заревел, а он *убежал*.

106. [Поп увёл короушку у старушки]

Поп увёл *коруушку* у старушки. Ну, старушка ведь всё это *боговерныи*, *сошла* в церковь и *молитцы*: «*хосподи*, да где-жо *коруушка-то* моя? Да, *пособи* ты, *хосподи*, *найди-то* *мине*». А *дьякану* пожалелося, *выходит* и *запеваёт*, *горит*:

*«Стару-уха, стару-уха,
Не плать и не во-ой,
Твоя корова жива и здоро-ова,
Стоит под церковой
Да сено е-ес».*

Поп видит, што дело не *ланно*, *дьякон* *ево* *продас*[т], поп *товда* *зял* *кадило* и *выходит*:

*«Дьякан, ты дьякан,
Не всё бы ты брякал,
Вот те харавина
И кожи половина».*

Поклонилсы и пошоу.
Знатит, пополам розделят!

107. [Дедушко с баушкой жили уж так дружно]

Дедушко с баушкой жили уж так дружно, да уж так дружно всю жизнь прожили. Ну, старик всё-таки поперёд умёр, а старухе жалко, она взяла ножитком тырыкнула, на верёвотку [повесила], да всё на шее и носила. Потом верёвотка-то, всё-таки, ведь, подопрела. Сошла в церковь, стала молитцы на коленкаф да и оборвала как-то. А поп выходит с кадилом-то, распевает: «Аллилуйя, Алиллуя», – да ногой и наступил: «Да, граждане-миряне, хто так усердны молилсы, у ково-то отвалилсы?» Она говрит: «Батюшка, это мо-ой». – «Да не ври, ты, старая, ведь ты пришла, ведь, стой».

108. Как сват свату кадку делал

Пришо л сват ко свату: «Сват, сделай ты мне кадку на два ушата под огурцы. Вот огурцов, братец, тьма какросло сей год, уйма». – «Ладно, сват, на воскресеньё готова будёт, приезжай». Полуци л сват кадку от свата, занёс в подвал, снял огурцы, заладил иф, рассолом залил, закрыл и оставил в подвале. Прошло пятнацеть – двацеть дней: «Матрэнка, цево принести огурчика свежепросольнова?» – «Принеси, Фёдор, принеси!» Он сошо л в подвал, открыл кадку – огурцы тамо, а россо л убёжал: «Ах, Бог с тобой, одново слова свату не договорил, што под огурцы и под россо л. Под огурцы-то сказал, а под россо л-от – нет. Поду новую заказывать топерь кадку». Вот.

Сошо л обратно: «Ты, сват, не виноват, я виноват». – «В чём, сват, ты

виноват?» – «Одново слова тебе не договорил, собака ум отъела, што под россол-от. Под огурцы-то сказал, огурцы-то сидят, а росол-от убежал, потомушто не сказал я, под россол. Сделай топерь ты мне новую кадку в оккурат такую жо». – «Ладно, сват». – «Да ишо сделай мне на цётыре ушата под воду». – «Дак, сват, у меня в доме есь тамо много наделано, иди, давай подём, погледи, любую кадушку вот выберай». Пришли в дом, погледел кадку, погледел другую, взял третью: «Вот эта бы сват кадка-то бы добра, только она угловата». – «Дак, сват, ты куды будёшь ставить, ведь в угол будёшь ставить?» – «В угол». – «Ну, и вот тебе как раз она и есь». – «Ну, сват, ты, буди, знал, што мне такая кадка нужна». Вот полуцил эту кадку: «Ишо, сват, я тебе дам порошок. Дак съедёшь домой, дак розведи эво как блинной сулой, да возьми огурцы-то выклади, там, из той кадки, да в кадаке-то возьми да и залей этим россолом, помани и на второй день окладывай, и веку не будёт. И она тебе сто годов и простоит». – «Дак это какой порошок-от? Как он называетцы?» – «Цемент, цемент». – «Ну, спасибо, сват».

Вот полуцил кадки, домой приехал: «Ой, матка Матрёнка, топерь мне тужить нецево, понимаэш. Свату заказал новую, да и эту велел замазать дно порошком, называетцы цементом». Эво развёл, огурцы вынул, всё замазал, поманил, застыло это всё, огурцы заклал – не канёт. «Вот, видишь, и россол тамо топериця стоит. Топерь надо попробывать в эту, вода будет ли нет ли стоеть? Нет – так и эту цементом зальём». Ленул – покапывает. «Ну, погоди, я тебя тожо эдак жо залицю». Взял и эту замазал. Вышел на улицу, бабы кадушки запаривают тожо под огурцы, кто шти, кто цово. «Цо вы, бабы, делаёте?» – «Цово, будёшь, цёрт с тобой-то, разохлися – вода тецёт». – «Дак, бабы, надо цементом замазать, цементом». Дак вот цементом и замазали. (Дак я в армии-то эту рассказал, дак со смеху цють не надсадились).

109. [Мужик да бабу в мешке принёс]

Мужик. Мужик да бабу в мешке принёс к тошэ в гости. У жены, видно, не было юбки ли цево ли надить, дак в мешке принёс да в сеновал посадил ие, а сам сюды пришол к тошэ в дом. А тоша да зацяла ёво уговаривать, што вот

пришол, дак угошат, да. А говрит: «Те смешки, да другие смешки, – грит, – а у мня баба-то в мешке да в мекиленке». А тоша-то и одумалась: «Чово же это такоё?» Побежала, вот снаредила дочку свою, дак пришла к мужику. (Не было, видно, юбчонки-то, может, рубашонка-то и была, а юбчонки-то не было. Вот и пришли в гости. Принёс в мешке невесту свою).

110. Как жоних ездил свататьцы в Твирь

(А мине-то кто росказывал сказку как жоних-то ездил свататьцы в Твирь? В Твирь. Где вот Твирь, я вот не знаю.)

Росказывал, што раньше, видишь, там, [замуж выходили], што не хочу, што я хочу тибя взять, а мине не дают, там какую-ту надо другую [замуж брать]. Вот, говрит, он и поехал свататьцы в Твирь. Приехал туда. А невеста-та не хотела за ево, не знакомой, дак бог знает, откуда приехал, дак. Вот, говрит, невеста ушла, наредиласе в лапти, одела какой-то полушубок, раньше на бораф быу, ушла. Вот и стали эти, говрит, невесту искать. Пошли искать иё, а зимой, дак. Были у (й)иф две снохи, одна-та сноха с невестой-то хороша жила, а вторая-та как, вроде, в ссорах. Вот, говрит, эта-та сноха сошла, с которой хорошо-то жили, эта знала где – не сказала. А другая-то сноха пошла да и узнала, што в овине (ну, овины, раньше молотили). И нивеста-то ушла в овин, забралась, там полати были конф в конф. Вот стали иё искать. Опять эта сноха, с которой хорошо жили, нашла да не сказала, а эта-та пошла искать да и нашла. Вот эту нивесту так насилком привели и с жонихом и отправили. («Дак вот, – говрит, – матушка (это бабушка росказывала), вот, матушка, как было раньше-то, теперь-то не такие времена»). Ну, и вот и стала невеста эта жить с женихом. И всю, говорит, жизнь жила не в любви. Как она не пряталась, всё равно ие и нашли. Ишо баушки, дак и говорят: «Вот, матушки, вы ростите, дак живите со всеми дружняё, штобы вот так не полуцилось».

НЕБЫЛИЦЫ

111. [Небылицы за огонь.]

Жили старик со старухой. У их были три сына. Охотники. Ходили все в лес. Не курили, не пили, пошли в лес, да и заблудились. Остались к *ноце*. *Нао* пажецик затопить, и *спицок* нету ни у *ково*. Вот *оне* сметали *жеребий*, которому *лизти* на дерево на *самоё* высокоё да *глідить*, где *огонькя*. Досталось, вроде, самому старшему.

Вот он полез, долез, не знаю, далёко ли, и *рицит*, што: «Ой, вон *огонёк*, вижу». Слез и пошол на *огонёк*. На *огонёк*-от приходит – там *лэжит* *старицёк*, свернулся в бараний рожок. Этот парень и *говрит*: «*Дяденькя*, дай нам *огонькя*». – «А скажи, – *грит*, – *небылинку*, дак дам *огонькя*». Вот он и *нацял* *россказывать*, што: «*Троё* нас у *отця*, все охотники, заблудились, *списёк* нету». Он *говрит*: «*Лэжись на* *землю*». Вот этот парень *лэг*, *старицёк* стаёт с *земли*, на *ёлке* висит *сумка*, в *сумке* *нож* (какой, не *сдумать*) *большой*. Вот *вырезал* из *жопы* три *пряжки*, из *спины* три *ремня* и *сказал*: «*Никаково* *огонькя* не *будёт* вам».

Тот пошол без *огонькя* к *братовьям*. *Братовьям* *пришол*, не *сказал*, што *вот*, *надо* мной *эдак*. Потом полез *второй* – это жо *самоё*, и *третий* – это *самоё*. *Пополезут*, увидят *огонёк*, што *сецяс* *принесём*, ак *опеть* на этот *огонёк*-от *прудут*, *опеть* этот же *всем* *эдак* *наказнися*.

А потом цево-то уцюл отець-от *ихной*, што *на* небе коров продают, за муху корову дают. Вот онэ наловили мух и поехали продавать *на* нёбо. А поехали-то на лошаде, а *нао* реку переезжать (нет, перво-то), подъехали к рике – утка плаваёт. Первой раз кинул – да перекинул топором, второй раз кинул – да не докинул, а третёй раз кинул – убил, да не попал.

Вот потом и лошадь-то стала из реки вылезать, да не могла выехать-то, оне стегали лошадь-то, лошадь-то у их сорвалася, а взяли виць нарубили ивовых, да лошадь-то свезали *вицям*. А *вицям*-то свёзали, и в оккурат против этого [= места], где лошадь-то свёзали, берёзы-то выросли до нёба. На нёбе-то там дыра. Вот оне и по *вицям*-то и улизли туды коров-то покупать, на муху корову. Оне там накупили *на* небе коров-то, подъехали к дыре-то к этой – лошадь-то ушла. Берёз-то нету им слезывать. Вот оне загорёвали: «Цево делать?» Вот оне *нац*яли коров резать да из кожи верёвки вить, да по верёвке опускаться. Кожи-то не хватило. «Топерь цово делать?» Потом стала какая-то жэншына зерно на улице *виять*, да мякину-то понесло в оккурат на их, к дыре тудэ. Вот оне мякину-то ротом глотать, а из жопы-то веревку опускать. Вот оне, опеть этого [не хватило]. Ну, потом жэншыны стали пецци топить, они стали опеть дым ротом ловить да опеть верёвку опускать. Опеть не хватило. А потом *витёр* хватил, их шатало да шатало на веревке-то, верёвка-то сорвалася.

(Ак уж тут *толькё*, видно, один оказался-то, у их был, поди, отец, может?) *Ево* занесло в болото, в болото-то он утонул, *толькё* голова видно. Прилетела *потка*, на голове-то гнездо свила, на *волосье*-то *ещ* наносила. Пришол волк да у *ие* яйца-то все съел да *задницю* подворотил, хотел *оправить*ся, а на хвосте-то шишецкя. Этот мужик-от, которой там был в земле-то, он как зарычит! – да за хвост-от схватился, дак вот мидведь-от *ево* и *выташ*шыл.

Вот и сказка вся.

112. [Мы и с исстари жили богато]

Мы и с *исстари* жили богато, ну, однем словом, кулаки.

У нас было *меной* посуды – кресс да пугвица,

А рогатой скотины – петун да курица.

Этот петунищца-то накопил навозищщ-та да полной-то дворищшо.

Бегают все, горюют: «тово будём делать?»

Ну, я всех побойтэе:

Взял санищщи, да этот весь навозищщ-то и вывозил на полищч-о.

Это всё полищч-о и засеял ржышшой.

Уродилася ржышша несрезная, как стенищца.

Колос от колоса, не слышать и голоса.

Бегают, любуютцы, шес[т]ь братьёв, пятой батюшко, тетвёртой я.

Што будём делать?

Я всех половтэя:

Взял серпень, нажал снопень, постаил на пень, и стала грудень.

Выстроились груды-то, уберать бы надо – в поле-то нетово, а домой-то некуда.

Я всех похитрэя: на пешном столбе копну сложил.

Мыши завелися, копну–то подготыли, да в лоханьку уронили.

Бегают опять все, горюют:

«Да што будём делать-то?»

Бросьте горёвать: солоду наростим, пива наварим.

Заварили сорок тотыре зёрна, нагнали сто тотыре ведра.

Все бегают, горюют – нетёлка съела.

Да положили хмелю полтора пера.

Если гостей позвать, да ташу поднесь, да тэтвертным поленом оплеть,

Не оному с лавки не стать.

113. Басня

Поженилсы с Парасковьей,

Муж имущество казал:

Это стольицё коровье,

А корову Бог прибрал.

Есь и овош в огороде:

Хрен да луковица.
 Есь и ме[д]ная посуда:
 Крес[т] да пуговица.

114. [Шол Иван по дороге]

Шол Иван по дороге, нашол топор
 Не мал, не велик, и стал божьё древо рубить,
 А щчэпинка-то упала да прямо в серцо и попала.
 Иван сутки лёжит, двои лёжит,
 Нехто не мог распрознать – живой или мертвой.
 Кто мог распрознать? Поднебесные люди.
 А кто поднебесные люди?
 Муха-шумиха да кумар-пискун.
 Захватили за волоса и поташчыли на небеса.
 Там стоит церков: кишкой обвита, а калатом приперта.
 Кишку перервал, а колач перекусил, и в Божий храм переступил.
 Там стоит поп, оловянной лоб, язык суконной, волоса посконны.
 Я этова попа шик! – да с ног и сшиб.
 Осталось после этова попа кувшын дрожжэй да костёр блиноу,
 Я это всё освистал, дак трои сутки и подштанников на занице не знал.

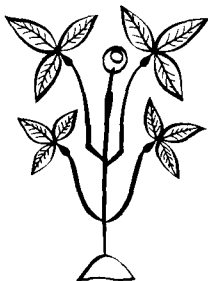
115. [Про горошинку]

Жил дедушко с бабушкой. Захотела баушка горошку и говрит дедку: «Дедко, поезжай в город, купи горошка». Дедко поехал в город, купил горошка, бабка стала есь горошик, просыпала. Одна горошинка улетела в подпол, горосинка нацяла рости. Росла, росла, росла, доросла до пола. Дедко провёрнул дырку на полу – горошинка опять растёт. Росла, росла горошина, доросла до потолка – дедко на потолке дырку провёрнул. Ростё-ёт горошинка, растёт, доросла до крыши – дедко на крыше дырку провёрнул. Горошинка продолжает рости, росла-а, росла-а, доросла до нёба. Ну, шово дедку делать?

Нады лесницу делать. «Давай, бабка, будем делать лестницу, полезём на небо». Сделал дедко лесницу, полезли. Дедко и говорит: «Бабка, ты упадёшь». – «Буду дёржатцы». – «Нет, садись мне в штаны». Бабка забралась дедку в штаны, и полители. Дедко долез до неба-то, только на нёбо ногу кинул, закинул, штаны-то лопнули, бабка и упала. Упала и розбилась, а дедко на небе до сих пор живёт.

Вот такая сказка. Во, какая хорошая.

КУМУЛАТИВНЫЕ ГРАЗКИ

116. [Сима-коза]

- [Сима-коза],
Где ты была?
- Коней пасла.
- Где твой конь?
- Миколка увёл.
- Где Николка?
- В клетку ушёу.
- А где клетка?
- Водой подняло.
- А где вода?
- Быки выпили.
- А где быки?
- Быки в тресник ушли.
- А где тресник?
- Девки выломали.
- А где девки?
- Замуж *вы*скокали.
- А где у них замужьё?

- Все примерло.
- Где погос?
- Травой урос.
- А где трава?
- Коса выкосила.
- А где коса?
- Поломалося.

117. [Кызонька-мазонька]

(Баушка рассказывает нам, на печкё вот на русской лёжим, нас много было, тут у нас семеро было робятишок. Я – старшая, были помене, маленькие всяки. Чо? Вот топерь, дак, телевизор смотрят, а раньше, чово-то надо забавитьца, вот эдакоё всё и рассказывает. Баушка на пече лёжит да нам и рассказывает этова).

- Кызонька-мазонька,
Где ты была?
- В Нове в городе.
- Ково, кыза, пасла?
- Сива жеребця.
- Где сив жеребець?
- Николашка увёл.
- Где Никалашка?
- В клетку ушол.
- Где клетка?
- Водой понела.
- Где вода?
- Быки выпили.
- Где быки?
- В горы ушли.
- Где горы?
- Церви вытоцили.
- Где церви?

- Гуси выклевали.
- Где гуси?
- В тросник ушли.

118. [Фима-коза]

- *Фима-коза,*
Где ты была?
- *Коня пасла.*
- *Где твой конь?*
- *Николайка увёл.*
- *Где Николай?*
- *В тросник ушол.*
- *Где тросник?*
- *Девки выломали.*
- *Где девки?*
- *За гору ушли.*
- *Где гора?*
- *Черви выточили.*
- *Где черви?*
- *В тросник ушли.*
- *Где тросник?*
- *Девки выломали.*
- *Где девки?*
- *Взамуж выскакали.*
- *Где мужовья?*
- *Все примерли.*

119. [Месяц светит, барин едёт]

Месяц светит,
Барин едёт,
Сам на кобыле,

Жена на корове.
 Дети по телятам,
 Слуги по собакам.
 Конь зоржал,
 На сарай сбежал,
 На сарае-то коза,
 Лобяные глаза.
 – Чево ты, коза, делаёшь?
 – Коня пасу.
 – А где твой конь?
 – Николка увёл.
 – А где Николка?
 – В клетку ушол.
 – А клетка где?
 – Вода поднела.
 – А где вода?
 – Быки выпили.
 – А де быки?
 – Под гору ушли
 – Где гора?
 – Черви выточили.
 – А черви где?
 – Гуси выклёвали.
 – А гуси где?
 – В тросник ушли.
 – А где тросник?
 – Девки выломали.
 – А девки где?
 – Замуж *выскокали*.
 – А где мужья?
 – Все умерли.
 Один остался,
 И тот обкчался.

120. [Чижик, чижики, где ты был?]

– *Чижик, чижики, где ты был?*
 – *На Фонтанке ножки мыл.*
 – *Далеко ли ты летал,*
Высоко ли ты скакал?
 – *От моря до моря,*
До Киёва-города.
Там моя Родина,
На Родине дуб стоит,
На дубу сова сидит,
Сова мне-ко тѣшила,
Ворон – шурич,
Глазом шурич,
Галка-поскакала,
Сорока-стрекотуша.
А ворона-то глазами-то
Хлоп да хлоп!

121. [Колобок]

(Сказывали сказок, всякиф много сказывали, и про колобка. Как колобок катился, с окошка покотился.)

Бабушка с дедушкой наскребли мушки-то, не было, остатки всё везде выгребли. Выгребли, вытресли всю, да колобоек и испекли маленькѣй такой, и положили на окошко: «Пусть остынѣт, дак будѣм ести за завтраком, за цяѣм». Колобок-от и скотился с окошка, скотился с окошка колобок-от и покотился, и покотился, и покотился. Оглянулсѣ, взде за им какаѣ-то зверюшка бежит, а он и говрит: «Колобок». Это лиса говрит, лиса говрит: «Я тибѣ съем, я тибѣ съем, я тибѣ съем». Лиса бежала взде за им: «Я тибѣ съем, я тибѣ съем». – «А я от бабушки ушел и от дедушка ушел, ак и от тибѣ, лиса, уйду». Вот и покотился дальше, и покотился, и покотился, лиса не можот никак догнать. Потом катилсѣ, катилсѣ, до лесу

докатился, из лесу волк **выскоцил**, испугался колобок, думает: «Щас уж он **миня** съес, волк». А волк за им, а он **катится** и **говрит**: «Я от **баушки** ушол, я от **дедушка** ушол, от лисы ушол, я и от **тибя** волк уду», – и покотился. Да покотился, да покотился, и спряталси куда-то в **нору**, и волк не видал, и не съел колобка. Так и остался колобок нисъедённым. Отлежался, **ковда** волк ушол домой, в норке этой, и покотился, стало уж темнать, не видно. И покотился обратно к бабушке да к дедушке, домой докатилса, на **окошечкё** закатилса, как-то на **окошечкё**. Бабушка да дедушка увидели, который-то, **баушка**, видно: «Дедко, дедко, **гледико** колобок-то на окошке». О-ой, как обрадовались-то: «Где ты был-то? Как обрадовались-то мы». И к **цаю** как раз, и стали **цяй** все вместе пить. Ак вот он и **россказывал** всё, колобок, свои путешествия бабушке.

Вот этукую сказку всё **сказывали**.

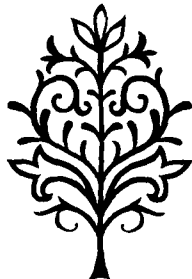
122. [Колобок]

Жили старик со старухой. Старик старухе и **говрит**: «Старуха, испекла бы ты хоть **колобышок**». Она и **говрит**: «Да, старый дед, муки-то нету». – «Ну-у, муки нету, по **засекам** помети, по **уторам** поскреби – **наскоблишь** на колобок». Старуха так и сделала: помела, **колобосек** испекла, посадила на **окошесью** колобосек – «**Пушай** остынет». А **колобосек**-то сидел, сидел на **окошечке**, скатился да и покотился.

Катится, **катися**, **попадаётси** **серой воук**: «Ты куда, куда **катисся**, этот колобок». – «А я, – **говрит**, – от дедушки ушла, я, – **говрит**, – и от бабушки ушла, от **тибя**, – **говрит**, – **серой волк**, уйду». Он **говрит**: «Не-ет». Она **говрит**: «Ты меня не ешь, не ешь, я **ишо** дальше покачуся».

Опять **катися**, **попадаетца** лиса, хитрая лиса: «Ты куда **катишься** колобок?» – «А я от дедушка ушол, я от бабушки ушол, и от **тибя** уйду». – «Колобок, не-ет, – **говрит**, – от **миня** ты не уйдёшь. Ты, – **говрит**, – сядь ко мне на **голоушку**, я **тибе** **песёнку** спою». А **глупой** колобок уселся на **голоушку**, она **песёнку**-то запела, **колобка**-то и съела. Вот **какая** лиса-то хитрая...

ПРИБАУТКИ

123. [Поточья моховая]

*– Поточья моховая,
Где ты ночесь начёвала?
– Под листом на берёзке,
Под мошком на болотце.
Серые волки бежали,
Серое ключьё теряли,
Я, молодца, собрала,
Клеточку затыкала.
Клеточка ототкнися,
Дядя Роман пробудися,
Меня, сироту, похубили,
Под пень миня похоронили.
Под пень головушку клали,
На пень церёва мотали.*

124. [Поточья моховая]

– Поточья моховая,
 Где ты ноченьку коротала?
 – Там, там, на болотце,
 В пригородке на заворце.
 Серые волки бежали,
 Серое ключё теряли,
 Я шла, шла, да оберала,
 Клеточку затыкала,
 Клеточка заткнися,
 Милая, не ототкнися.
 Дядю Романа убили,
 Под кус головку схорнили.
 Кто по ём потужит?
 Кто по ём поплацет?

(Вот зацнёт перебирать всех зверей. Маленьким рассказывали, тешили их).

125. [Поточья моховая]

– Поточья моховая,
 Где ты ночку ночёвала?
 – Там, там, там, на болотце,
 В пригороде на заворце.
 Серые волки бежали,
 Сероё клоцьё теряли,
 Я, молодая, бежала,
 Сероё клоцьё подобрала,
 Шли, прошли удалые,
 Выломил по пруточку,
 Сделали по гудочку
 Вы, гудки, не гудит,

*Дядю Романа не будитё,
 Дядю Романа убили,
 Под кустичкём схоронили,
 Кто жо по нём да поплачёт,
 Кто жо по нём да потужит:
 Курочка с ципляткам,
 Коровушка с теляткам,
 Свинушка со свиняткам.*

126. [Уточка луговая]

*Уточка луговая,
 Где ты ночкю ночевала?
 Под кустом да под кусточком,
 Под листом да под листочом.
 Серые волки бежали,
 Сероё ключё роняли.
 Я, молода, соберала,
 В трубочкю затыкала.
 Трубочка ототкнися,
 Малые дети пробудитесь.*

127. [Поточка моховая]

*– Поточка моховая,
 Где ты ночкю ночевала,
 – Там, там, там, на болотце,
 Под кустом на заворце.
 Шли, прошли удалые
 Вырубили по пруточкю,
 Сделали по гудочкю.
 Вы, гудки, не гудите,
 Дедушка Романа не будите.*

*Дедушка Роман у нас старенёк,
Баушка рухленька.*

(Што как они умрут-то, дак по им и пореветь-то некому, дак):
Два волка хохлатых (поревят-то, да).

128. [Сказка-приказка]

*Сказка-приказка,
Прикована коляска
К стулу, к блюду,
К золоту корыту.
Ехали бояра,
Вшей забирали,
Обухом били,
Попа кормили,
Поп хлебнул,
За реку пехнул,
За калиновой мост,
Прямо тебе в нос.*

129. [Сказка-приказка]

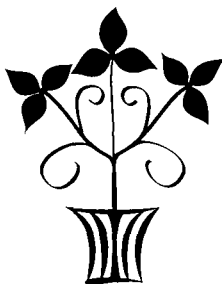
*Сказка-приказка,
Прикована коляска
К стулу, к блюду,
К золоту корыту,
Корыто покатилося,
Чем-то подавилось.*

130. [Сказка-приказка]

*Сказка-приказка,
Прикована коляска
К стулу, к блюду,
К золоту корыту.
Ехали бояра,
Девок заберали,
Покатать хотели*

131. [Сказка-приказка]

*Сказка-приказка,
Прикована коляска
К стулу, к блюду,
К золоту корыту.
Ехали бояра,
Да с пивом бочку пролили,
Всю капусту полили,
Сидит тошиша на кочке,
Оскалила зубочки,
Прибежал к ей баран
Да как чёкнул рогам –
Тошиша кверху ногам.
Тошиша губонькы надула,
Пошла к дедушко Федулу:
«Уж ты, дедушко Федул,
Да твой баран меня забул».*

132. Про белого бычка

- Не сказать ли тебе сказочку про белого бычка?
- Ты скажи, да я скажу. Да не сказать ли тебе сказочку про чёрного бычка?
- Ты скажи, да я скажу. Да не сказать ли тебе сказочку про красного бычка?
- Ты скажи, да я скажу, а не сказать ли тебе сказочку про пёстрого бычка?

133. Про белого быка

- Расскажи тебе сказку про белого быка?
Кринька масла, пузырь молока.
Расскажи тебе сказку про белого быка?
- Расскажи.
- Ты расскажи, да я расскажи,
Кринька масла, пузырь молока.
Расскажи тебе сказку про белого быка?

– Ну расскажи.

– Ну ты, ну расскажи, да я, ну расскажи,

Кринька масла, пузырь молока,

Росказать тебе сказку про белого быка.

(Вот какие слова прибавляешь, всё это только два слова: кринька масла, пузырь молока).

134. [Про белого быка]

– А не сказать ли тебе сказочку про белого быка?

– Скажи.

– Ты расскажи, да я расскажи. А не рассказать ли тебе сказочку про торново бычка?

– Расскажи.

(Вот так и будет. Всё одно и то же. Нет, это нет, это не интересно.)

135. Сказка про белого бычка

– Не сказать ли тебе сказку про белого бычка?

– Скажи.

– Ты скажи, да я скажу, а не сказать ли тебе сказочку про чёрнова бычка?

– Ты скажи, да я скажу, да не сказать ли тебе сказочку про пёстрова бычка?

(Вот так без конца, бесконечная сказка.)

136. [Сказочка про белого быка]

(Меня всё дразнили, я всё пристану к им, а оне говрят: «Да надоела». – «Расскажи сказку». Вот и нацнут):

– Рассказать тебе бы сказочку про белого быка?

– Да рассказать тебе бы сказочку про белого быка?

(А я в рёв: «Не надо мне ету».)

137. [Сидел на пню, хлебал лепню]

*Сидел на пню,
Хлебал лепню,
Подошел татарин,
По уху ударил.
Я татарина за грудь,
Поёл к земскому на суд:
«Уж ты, земской судья,
Россуди наши дела!»
– «А како ваши дела?»
– «Сидел на пню,
Хлебал лепню,
Подошел татарин,
По уху ударил.
Я татарина за грудь
Повёл к земскому на суд.
Уж ты, земской судья,
Россуди наши дела!»
– «А како ваши дела?»
Опять: «Сидел на пню».
Вот и всё.*

138. [Жил мужик да баба]

*Жил мужик да баба,
Ну да ладно, хорошо.*

([Старшая сестра рассказывала брату], заводит ёму, раз десеть это всё скажет).

КОММЕНТАРИИ

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

1. **[Волк и лиса]**. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Уличева Римма Николаевна 1925 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 193-42.*

Сказку слышала в детстве.

СУС 1 (Лиса крадет рыбу с воза) + СУС 2 (Волк у проруби).

Вар.: Афанасьев, 1–3; Зеленин, Вят., 79, 120, Ефименко, 7; Ончуков, (276).

Сказки №№ 1, 2 представляют собой традиционную контаминацию сюжетов о лисе. Оба сюжета изложены схематично.

2. **Про лису**. Зап. в с. Княже Еремеевского с/с Шекснинского района 02.07.2003. Исп.: Серова Вея Ивановна 1936 г.р., род. в д. Вороново Сиземского с/с. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 212-51.

Сказки рассказывала бабушка вечером.

СУС 1 (Лиса крадет рыбу с воза) + СУС 2 (Волк у проруби).

Вар.: Афанасьев, 1–3; Зеленин, Вят., 79, 120, Ефименко, 7; Ончуков, (276).

3. **[Как лиса медведя обманула]**. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп-ли: Зуева Августа Петровна 1923 г.р., род. в д. Телибаново, проживает в г. Мончегорске, Уличева Римма Николаевна 1925 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 193-41.

Рассказывают, дополняя, иногда перебивая друг друга. От них же записаны сказки [Волк и лиса] (№1), «Козлятушки-милятушки» (№ 10), которые они рассказывают своим внукам. Эти сюжеты изложены схематично. Интерес представляют сказка [«Небылицы за огонь»] (№ 111), рассказанная Р. Н. Уличевой, слышанная от отца, и сказка № 48 [«Мать-

* «Комментарии» включают сведения о месте записи (Зап.), об исполнителе (Исп.) (если место рождения исполнителя отличается от места жительства, оно указывается дополнительно (род.), об авторах записи (Зап.). Также указывается архивный номер оригинала звукозаписи (аббревиатура организации, № единицы хранения, № записи на пленке).

коза»], рассказанная А. П. Зуевой. Записано несколько старинных загадок, прибауток, потешек. См. комм. №№ 1, 10, 25, 48, 111.

СУС 15 (Лиса-повитуха).

Вар.: Афанасьев, 9 –13; Соколовы, 73; Ефименко, 7; Ончуков, 276; Карнаухова, 20.

4. [Поездка за плакушным]. Зап. в д. Кузьминское Устюженской с/а Устюженского района 07.07.2000. Исп.: Баринова Анна Ивановна 1914 г.р., род. в д. Терентьево (бывш. Хрипелёвская волость Череповецкого округа Новгородской губ.). Зап. Кулёв А. В. Кулёва С. Р. ОНМЦК: 083-21.

Талантливая исполнительница. От неё же записана сказка [«Про горюшину»] (№ 115). Сказки рассказывает легко, динамично, с юмором.

СУС 37 (Лиса-нянька (плачя).

Вар.: Афанасьев 18, 21, 22; Ончуков, 37; Карнаухова, 104; Рождественская, 49.

Традиционное изложение сюжета, заканчивается поеданием старухи зверями. Диалоги старика и животных рассказывает на разные голоса.

5. **Петушок.** Зап. в д. Никифорово Никифоровского с/с Устюженского района 04.07.2000. Исп.: Тимошкина Мария Ивановна 1911 г.р., род. в д. Романово. Зап. Каданцева О. А., Каданцев А. Ф., Гусева Т. М. КЦНТК: 085-21, 086-1. Сказки слышала от бабушки. См. комм. № 60.

СУС 61 В = АА * 61 II (Кот, петух и лиса).

Вар.: Афанасьев, 37 – 39, (106, 107); Зеленин, Вят., 77, (87); Ончуков, 36.

Сказки рассказывает, укладывая внуков спать, этим, возможно, объясняются отличия данного текста от других вариантов сюжета. Текст Тимошкиной как бы «приспособлен» для детского восприятия, есть обширные пояснения, развёрнутые диалоги персонажей. Герои сказки не кот и петух, а петушок и курочка, которые живут у бабушки с дедушкой. На дедушку с бабушкой перенесена функция кота. Их зовет в своей песенке похищенный петушок. (Подобное явление отмечено в комментариях к тексту «О петушке» (№ 8) СУС 61 В = АА * 61 II (Кот, петух и лиса) в сборнике «Архангельские сказки» *).

Непослушного петушка уносит лиса, умной курочке дедушка поку-

* Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета/ Сост. и отв. ред. Н. В. Драникова. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С.35.

пает нового. Лисе не удаётся выманить нового петушка. Заканчивается сказка тем, что дедушка убивает лису старухе на шубу (ср. СУС 1 «Лиса крадет рыбу с воза»). В тексте отсутствует характерный для данного сюжета эпизод игры на гусельках и выманивания песенкой дочерей лисы, а затем и её самой.

6. Котик да петушок. Зап. в д. Прядино Сиземского с/с Шекснинского района 13.08.2002. Исп.: Кузнецова Евдокия Николаевна 1915 г.р., род. в д. Мальгино. Зап. Кузьмина Т.А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-29.

Рассказывает красочно. В прошлом, видимо, талантливая исполнительница, но многое забыла. На момент записи общение с ней затрудняло то, что она очень плохо слышит. Записано несколько потешек и прибауток, сказка [«Скрипи, скрипи, нога»] (№ 24).

СУС 61 В = АА * 61 П (Кот, петух и лиса).

Вар.: Афанасьев, 37 – 39, (106, 107); Зеленин, Вят., 77, (87); Ончуков, 36.

На примере текстов № 6, № 7 можно наблюдать распространенное сейчас явление, когда сказка состоит только из песенки лисы.

7. Про петуха. Зап. в д. Пожарище Волковского с/с Бабаевского района 19.07.1996. Исп.: Макарова Серафима Никифоровна 1935 г.р., род. в д. Александровская. Зап. Кузьмина Т.А., Гусева Т.М., Рыбакова И. ЧЦТНК: 122-9.

СУС 61 В = АА * 61 П (Кот, петух и лиса).

Вар.: Афанасьев, 37 – 39, (106, 107); Зеленин, Вят., 77, (87); Ончуков, 36.

См. комм. № 6.

8. Про Полкана. Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с/с Череповецкого района 04.03.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Зап. А. В. Кулёв. ЧЦТНК: 011-2.

От И. В. Цветкова записано 7 сказок, среди них 5 – волшебные (№ 45, № 58, № 59, № 61, № 67), большое количество быличек, анекдоты (№ 108). См. ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС 104 (Война домашних животных с дикими).

Вар.: Русских вариантов нет.

Со слов исполнителя, сказка «Про Полкана» выдумана им для внуков. Подробно разработан образ Полкана, так как рассказчик – охотник,

сам имеет собак, рассказал, как увел у хозяина понравившуюся охотничью собаку, «наговорив» на кусок хлеба.

9. **[Волк и козлята]**. Зап. в д. Кузьминская Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Никитина Александра Николаевна 1936 г.р. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 197-49, 50.

Общалась с большим желанием. От неё записано много прибауток, загадок.

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

В тексте № 9 классическое изложение сюжета с наказанием волка и спасением козлят. Коза спасает козлят, позвав волка на блины. Вместо блинов суёт ему в рот раскалённую кочергу, то же в тексте [«Про козу»] (№ 13). В этих текстах обе исполнительницы используют бытовую лексику. Коза говорит волку: «Вы...и моих детей!»

В тексте «Козлятушки-мялятушки» (№ 10) рассказчица заканчивает сказку смертью козлят, традиционное наказание волка и спасение козлят рассказывает как дополнение к сказке, которое она услышала от внуков, прочитавших сказку в книге.

Вариант «Коза – оловянные глаза» (№ 11) представляет собой традиционное изложение сюжета с наказанием волка и спасением козлят. Сказка рассказана очень эмоционально, с развернутыми диалогами героев, подробными описаниями. Заканчивается сказка тем, что коза и козлята возвращаются домой с пением и пляской, что нетрадиционно для других вариантов этого сюжета.

В сказке [«У козлюхи было семь козлят»] (№ 14) спасается только один козленок, остальные погибают, это дает рассказчику возможность закончить сказку словами козы о том, что надо слушаться маму.

В тексте [«Как волк детей съел»] (№ 12) волк съедает у женщины паренька и девушку. (В варианте Зеленин, 113 функция волка перенесена на Егибисну, персонажа волшебных сказок).

10. **Козлятушки-мялятушки**. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12. 06.2002. Исп.: Зуева Августа Петровна 1923 г.р., Уличева Римма Николаевна 1925 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 193-40. Сказку рассказывали внукам. См. комм. № 3.

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

См. комм. № 9.

11. **Коза – оловянные глаза.** Зап. в д. Тимофеевское Устюженской с/а Устюженского района 10.08.2000. Исп.: Смирнова Александра Анисимовна 1926 г.р., род. в д. Мыза. Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р. ОНМЦК: 004-10.

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

Исполнительница поясняет, что в детстве читала сказку в книжке, но наличие интонируемой песенки козы даёт возможность предположить, что ей был знаком и устный вариант. От А. А. Смирновой записана сказка [«Маша и три медведя»] (№ 39), явно имеющая книжный источник. Так же см. комм. № 9.

12. **[Как волк детей съел].** Зап. в д. Заэрап Мазского с/с, Кадуйского района 25.07.1995. Исп.: Китовнина Татьяна Егоровна 1902 г.р., зд. Зап. Кузьмина Т. А., Ланец М. Б., Ланец К. ЧЦТНК: 100-15.

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

См. комм. № 9.

13. **[Про козу]** Зап. в д. Ерёмينو Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Чибисов В., Богданова В., Теслович И., Ромичева Л., Бараев Д., Сергеев Д. ЧЦТНК: 197-49, 50.

Очень хорошо помнит старинные обряды, красочно, в лицах рассказывает о жизни в старину. Записано несколько быличек, поговорок, детских игр, хороводов, прибауток, семейное предание о том, как её деда, моряка с крейсера «Варяг», царица поцеловала в уста за то, что он поправил флаг на мачте. Сказки вспоминает с трудом, рассказала волшебные сказки [«Про Бабу-Егу»] (№ 44), [«Гуси-лебеди»] (№ 55), являющиеся примером разрушения сказочной традиции, анекдот [«Мужик да бабу в мешке принёс»] (№ 109).

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

См. комм. № 9.

14. [У козлюхи было семь козлят]. Зап. в д. Матвеевская Еремеевского с/с Шекснинского района 29.06.2003. Исп.: Гуляева Тамара Павловна 1934 г.р., род. в д. Купля. Зап. Кузьмина Т. А., Малышев Ж., Форманюк С., Белов С. ЧЦТНК: 207-86.

СУС 123 (Волк и козлята).

Вар.: Афанасьев, 53, 54; Зеленин, Вят., 113; Карнаухова (85); Рождественская (34).

См. комм. № 9.

15. Липовая нога. Зап. в д. Надпорожье Надпорожского с/с Череповецкого района 03.01.1991. Исп.: Фаличева Анна Ивановна 1914 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 009-34.

От неё записаны старинные обряды, сказка [«Про Филиппа»] (№ 102) и несколько быличек.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

Сказку «Липовая нога» рассказывает динамично, эмоционально. Индивидуальность исполнительницы проявляется в описаниях деревенского быта, крестьянских забот, в развернутых, экспрессивно окрашенных диалогах старика и старухи.

Сюжет «Медведь на липовой ноге» в сборнике представлен в двух версиях. Старик и старуха убивают медведя в тексте «Липовая нога» (№ 15). Старуха прогоняет медведя необычным способом в тексте [«Как старуха медведя прогнала»] (№ 18). В этом тексте используется бытовая лексика, старуха «передристалась» медведя. Интересно, что подобным образом злодея прогоняют и в сказке «Про Машеньку» (№ 41) (СУС 314 А * Бычок-спаситель): бычок «фурыснул» на Бабу-Ягу.

В текстах № 16, 17, 19 – 25 представлена архаичная версия сюжета, когда медведь съедает старуху.

№№ 17, 19 – 25 состоят из короткого зачина и песенки медведя.

16. [Про медведя]. Зап. в с. Чарозеро Чарозерского с/с Кирилловского

района 28.09.2000. Исп.: Капустина Вера Тимофеевна 1912 г.р., род. в д. Болозново. Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р. ФЭЦ: 5629-11. См. комм. № 53.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91).

Традиционное изложение сюжета, но в песне не упоминается липовая нога и берёзовая клюка, как в остальных версиях этого сюжета.

См. комм. № 15.

17. Скрипи, скрипи, нога. Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Баранова Александра Никандровна 1933 г.р., род. в д. Корякино. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 189-56.

Исполнительница общалась с большим желанием, памятьливая. Рассказала о календарных и семейных обрядах, хорошо владеет детским репертуаром: от неё записаны несколько прибауток, колыбельных, закличек, скороговорок. Рассказала две сказки о животных: «Скрипи, скрипи, нога» (№ 17), «Жил тута жилец» (№ 26), две кумулятивные сказки, которые сейчас рассказывает внукам, когда укладывает их спать.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

См. комм. № 15. Сказка заканчивается песней медведя, песня рассказана «страшным» голосом, как и в № 21.

18. [Как старуха медведя прогнала] Зап. д. Кошеево Еремеевский с/с Шекснинского района 12.08.2002. Исп.: Круглова Руфина Ивановна 1928 г.р., род. в д. Уварово. Зап. Кузьмина Т. А., Елисеева О., Ромичева Л. ЧЦТНК: 198-40, 199-1.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91).

См. комм. № 15.

19. [Пошёл охотник в лес да медведю ногу отрубил]. Зап. в д. Матвеевская Еремеевский с/с Шекснинского района 29.06.2003. Исп.: Гуляева Тамара Павловна 1934 г.р., род. в д. Купля. Зап. Кузьмина Т. А., Малышев Ж., Форманюк С., Белов С. ЧЦТНК: 207-85.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

См. комм. № 15.

20. **Медведь – липовая нога.** Зап. в д. Кузьминское Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Смирнова Зинаида Арсентьевна 1928 г.р., зд., проживает в г. Вологде. Зап. Кузьмина Т.А., Теслович И., Беляева Л., Дубинин В. ЧЦТНК: 190-26.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

Сказку слышала в детстве «от бабы», которая рассказывала, изменяя голос. В детстве считала, что сказка очень страшная.

Сама сказку рассказывала, также изменив голос, пугая. Энергичное: «Хам, съем!» в конце песни не оставляет сомнений в том, что старуха съедена. Также см. комм. № 15.

21. [**Медведь на липовой ноге**]. Зап. в д. Брыкино Чаромского с/с Шекснинского района 03.07.2003. Исп.: Смирнова Апполиария Федоровна 1936 г.р., род. в д. Черная Гряда. Зап. Кулёва М. А., Чибисов В. В., Богданова В., Теслович И. ЧЦТНК: 228-32.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91).

См. комм. № 15.

22. [**Все по селам спят, по веселым спят**]. Зап. в д. Корякино Сиземского с/с Шекснинского района 14. 08. 2002. Исп.: Сиротина Анна Артемьевна 1922 г.р., род. в д. Павловское. Зап. Кузьмина Т. А., Чибисов В., Сергеев Д., Елисеева О. ЧЦТНК: 204-21.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

См. комм. № 15.

23. **Присказка.** Зап. д. Кошеево Еремеевский с/с Шекснинского района 12.08. 002. Исп.: Круглова Анна Ивановна 1928 г.р., род. в д. Уварово. Зап. Кузьмина Т. А., Елисеева О., Ромичева Л. ЧЦТНК: 199-17.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91);

См. комм. № 15.

24. [**Скрипи, скрипи, нога**]. Зап. в д. Прядино Сиземского с/с Шекснинского района 13.08.2002. Исп.: Кузнецова Евдокия Николаевна 1915 г.р., род. в д. Мальгино. Зап. Кузьмина Т.А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-28. См. комм. № 6.

СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * (Медведь на липовой ноге).

Вар.: Афанасьев, 57, (58); Ефремов, с. 157; Никифоров, 38, (91).

См. комм. № 15.

25. [**Жил у дяденьки жилец**]. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Зуева Августа Петровна 1923 г.р., род. в д. Телибаново, проживает в г. Мончегорске. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 193-38.

СУС 163 = АА*162 Пение волка (реже медведя).

Вар.: Афанасьев, 49, 50, (58); Соколовы, 149; Зеленин, Вят., 89; Карнаухова, 23; Никифоров, 76, 88.

«Жилец» песней выманивает у старика старуху. Старик отдаёт сначала всех животных (овец, жеребца, кошку, собаку), затем «жилец» съедает старика и старуху. На вопрос собирателя, кто такой «жилец», отвечают: «Бог его знают, что за жилец такой».

Записано ещё два варианта сюжета (См. №№ 26 – 27). Все они используются сказительницами для укладывания внуков. Построены по схеме, характерной для кумулятивных сказок.

26. [**Жил тут жилец**]. Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 01.08.2003 Исп.: Баранова Александра Никандровна 1933 г. р., род. в д. Корякино. Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р., Кузьмина Т. А. ОНМЦК: 124-05. См. комм. № 17.

СУС 163 = АА*162 Пение волка (реже медведя).

Вар.: Афанасьев, 49, 50, (58); Соколовы, 149; Зеленин Вят., 89; Карнаухова, 23; Никифоров, 76, 88.

См. комм. № 25.

От А. Н. Барановой в разное время записано 4 варианта этого сюжета. Данный текст является наиболее полным, остальные рассказывает в сокращенном виде, но создается впечатление, что сокращенный вариант этого текста наиболее привычен для исполнительницы.

27. [**Жил он тут жилец**]. Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 01.08.2003. Исп.: Лаврова Тамара Арсентьевна 1922 г.р., род. в д. М. Овинец, проживает в д. Поляна. Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р., Кузьмина Т. А. ОНМЦК: 134-06.

Вспоминает, что раньше знала много сказок, но сейчас все забыла. Рассказала «Как с лапоточком всё ходила старуха» (№ 28).

СУС 163 = АА*162 Пение волка (реже медведя).

Вар.: *Афанасьев, 49, 50, (58); Соколовы, 149; Зеленин Вят., 89; Карнаухова, 23; Никифоров, 76, 88.*

См. комм. № 25. На наш взгляд, самое удачное исполнение сказки этого сюжета.

28. Как с лапоточком всё ходила старуха. Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 01.08.2003. Исп.: Лаврова Тамара Арсентьевна 1922 г.р., род. в д. М. Овинец, проживает в д. Поляна. Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р., Кузьмина Т. А. ОНМЦК: 134-06. См. комм. № 27.

СУС 170 «За скалочку – гусочку».

Вар.: *Афанасьев, 1, 8; Смирнов, 76; Ончуков, 127; Зеленин, Вят., 80.; Карнаухова, 24; Рождественская, (48).*

В сказках №№ 28 – 30 героиней является не лиса, как это обычно бывает, а старушка. Это же явление в комментариях к вятским сказкам отмечает Т. Г. Иванова*.

29. [За лапоток – курочку]. Зап. в д. Глебовская Феррапонтовского с/с Кирилловского района 04.10.2000. Исп.: Цыганова Лидия Петровна 1918 г.р., род. в д. Чистый Дор, малограмотная. Зап. Мехнецов А. М., Лобкова Г. В. ФЭЦ: 5618-10.

СУС 170 «За скалочку – гусочку».

Вар.: *Афанасьев, 1, 8; Смирнов, 76; Ончуков, 127; Зеленин, Вят., 80; Карнаухова, 24; Рождественская, (48).*

Сказку рассказывает интересно, с юмором.

30. [Старушка с лапоточком]. Зап. в д. Пушкино (Безносово) Городищенского с/с Белозерского района 01.07.1979. Исп.: Аникичева Александра Николаевна 1905 г. р., род. в д. Яручево Шольского с/с., Зап. Кастров А. Ю., Чабанная Н. В. ФЭЦ: 0872-26.

СУС 170 «За скалочку – гусочку» + СУС 158 Звери в саях у лисы (старушки)

Вар.: *Афанасьев, 8; Смирнов, 76; Ончуков, 127; Зеленин, Вят., 80.*

Традиционная контаминация сказочных сюжетов. Один из самых

* Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. - СПб.: Тропа Троянова, 2002.

высоко художественных текстов, представленных в сборнике. Очень хорошее исполнение сказки. В сказке есть интонирующая песенка.

31. Как веник, шило и мыло воровать пошли. Зап. в д. Прядино Сиземского с/с Шекснинского района 13.08.2002. Исп.: Ганичева Мария Ивановна 1923 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-41.

СУС 295 Пузырь, соломинка и лапоть.

Вар.: Афанасьев, 87, 88.

32. Сказка про муху. Зап. в д. Квасюнино Чаромского с/с Шекснинского района 30.07.2003. Исп.: Полетаева Августа Васильевна 1934 г. р., род. в д. Маршихино. Зап. Кузьмина Т. А. ОНМЦК: 119-07.

Сказку рассказывала внукам, сейчас – правнукам.

Хорошее исполнение, чувствуется, что сказка рассказывается часто. Сюжет сказки не представлен в СУС, текст похож на сказку В. В. Бианки «Хвосты». А. В. Полетаева объясняет, что знает сказку давно: слышала от бабушки. Но, учитывая возраст исполнительницы, можно предположить, что она могла быть знакома и с литературной сказкой. В отличие от сказки Бианки муха просит хвост только у животных традиционных для народных сказок (собака, лиса, заяц, лошадь, корова), у Бианки муха летит к слизняку, рыбе, дятлу, раку, оленухе и т. д.

33. Про белого бычка. Зап. в д. Стёпаново Тороповского с/с Бабаевского района 25.07.1996. Исп.: Груничева Надежда Родионовна 1913 г. р. Зап. Кулёв А. В., Каданцев А. Ф., Кузьмина Т. А., Глушкова Т.Н. ЧЦТНК: 124-38.

Исполнительница рассказала несколько сказок: «Про ольхову чурочку» (№ 63), [«Про Иванушку-дурачка»] (№ 100), которые сейчас рассказывает только своим внукам.

В СУС сюжет не зарегистрирован. Сказка выдумана исполнительницей для детей, «сама выдумываю – сама и говорю», но построена по традиционной сказочной модели.

34. Дядя Вася. Зап. в д. Пленишник Ягницкого с/с Череповецкого района 23.07.1999. Исп.: Сёмина О. И. 1921 г.р. Зап. Каданцева О. А., Каданцев А. Ф. ОНМЦК: 066-16.

В СУС сюжет не зарегистрирован, также как и № 33 выдумана самой исполнительницей. Построена по характерной для сказок о живот-

ных кумулятивной схеме, героями являются традиционные персонажи сказок о животных: медведь, волк, заяц. То же № 35.

35. **Собирушка.** Зап. в д. Пожарище Волковского с/с Бабаевского района 19.07.1996. Исп.: Макарова Серафима Никифоровна 1935 г.р., род. в д. Александровская. Зап.: Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 122-33.

В СУС сюжет не зарегистрирован, как и №№ 33, 34 придумана самой исполнительницей, рассказывает, когда укладывает детей спать. Комментирует: «Это не сказки, это так собираем лес да огонь».

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

36. [Два брата-охотника] Зап. в д. Подосенье Сотозерского с/с Белозерского района 30.06.1979. Исп.: Капитонова Ирина Николаевна 1902 г.р. Зап. Мехнецов А. М., Толстикова И. Б., Сигнагулина М. Б. ФЭЦ: 849-50.

СУС 567 Чудесная птица + 303 = К 300 Два брата.

Вар.: СУС 567 Афанасьев, 195, 19; Иваницкий, 2 (= Ив., 625); Ончуков, 65; Зеленин Вят., 85, 134; Соколовы, 54 (= Избр. Мастера, 11), 94.

СУС 303 Афанасьев, 155 Региональные варианты: Соколовы, (37); Гура, 17; Ончуков, 4, (152); Зеленин, Вят., (108); Карнаухова, (43, 133).

Действие соответствует сюжетному типу **СУС 567***. Бедный брат убивает птицу, богатый просит её отдать, дети бедного съедают птицу, получив при этом чудесные свойства (каждый день находят под подушкой золотой). Богатый брат заставляет бедного прогнать детей. Детей воспитывает охотник, повзрослев, они уходят от него. Далее действие разворачивается вокруг старшего брата, он побеждает змея (ср. СУС 300! «Победитель змея», но отсутствует центральный мотив змеборства), победу присваивает себе слуга, узнавание героя происходит по ожерельям, которые царевна надела на охоту, и по языкам, отрубленным у змея. Старший брат женится на царской дочери. Затем сказка разворачивается согласно сюжету СУС 303 «Два брата». Старшего брата и его охоту старуха – мать убитого змея превращает в камни, младший брат спасает его. (Ср. Карнаухова, 133). В других вариантах часто присутствует контаминация СУС 567 + СУС 566 «Рога» (Иваницкий, 2, Соколовы, 54, Зеленин, 134), отсутствующая в данном тексте.

Поэтичность содержания сказки снижается такими пояснениями к

действиям сказочных персонажей: «Эта-то [= жена охотника] заплакала, жалко, денежные робята, деньги-то у иф всё равно идут, некуда не деваются».

И. Н. Капитонова заостряет внимание на этическом и социальном смысле сказки. Например, в эпизоде узнавания царевной главного героя: «По стакану вина сарь *налил*, подносит, *говрит*: «*Выпёйте*, – *говрит*, – *продравьтё* *молодыф моиф*». А ён *говрит*: «Да. *Стокан* я вина выпью, но молодых ваших не *продравлю*». А, он, сарь, в *дыбы*: «*Што такоё?*» – «Нет, – *говрит*, – все *продравляли*» – А он: «Нет, потому што ваши, – *говрит*, – молодые *непраильнё* сидят». «А, – *говрит*, – кто?» – А, дочка и *говрит*: «Папа, не спорь, не спорь!» – «А, посмотри-ко, – *говрит*, – *ожорельё* на моёй охоте *чъё*, не *твоёй* дочки?» – Он *говрит*: «*Моёй*». А он *вынимаёт* *носовой платок* – там все эти *языки*. «*Вот кто*, – *говрит*, – *убиу-то*, этот у тебя *убиу?* *Языки-то*, *двенадцеть* *языкоу*, *пол-языкоу-то* он *принёс?* И, *вот*, – *грит*, – *именной носовой платок*».

Заканчивается сказка тем, что слугу за обман приговаривают к расстрелу, в деревне устанавливается советская власть, одного из братьев выбирают председателем колхоза.

37. Сказки про храброго солдата Поротупея и исчезнувшую царевну. Зап. в д. Усть-Колпь Кадуйского района в 1961 г. Исп.: Иванов Илья Сергеевич 1883 г.р. Зап. В. Ф. Судаков (учитель Куракинской школы), ученики 7 кл. Кадуйской средней школы. Рукопись хранится в Кадуйском краеведческом музее. ККМ № 5–р.

Текст записан учителем В. Ф. Судаковым и учениками 7 классов Кадуйской средней школы во время похода. В пояснительной записке к сказке авторы записи сообщают, что «в своей деревне и в д. Куракино Илья Сергеевич известен как рассказчик преданий о старине и неистощимый сказочник». Во время записи исполнитель не смог рассказать всю сказку, окончание записано позже В. Ф. Судаковым.

СУС 301 D* Солдат находит исчезнувшую царевну + СУС 580 * Неисчерпаемый кошелёк + СУС 318 = АА 315 *В = К 568 Неверная жена.

Вар.: СУС 301 D * Карнаухова, (39); Никифоров, 103. СУС 580 – русских вариантов нет; СУС 318 Афанасьев 208, 209; Соколовы, 55, 140; Иваницкий, 7 (= Ив. 624); Ончуков, 38..

Тест представляет собой устный вариант лубочной сказки о Портупее-прапорщике.

38. [О девушке-колдунье] Зап. в с. Воскресенское (Ёрга) Воскресенского с/с Череповецкого района 17.06.1989. Исп.: Моренкова Александра Васильевна 1927 г.р., род. в д. Чернево Воскресенского с/с. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 002-72.

От неё же записан ряд быличек, похоронные причеты.

СУС 307 (Девушка, встающая из гроба).

Var.: Афанасьев, 364, 366, 367 и 1, с. 408; Афанасьев, Легенды 11 и с. 86-89; Соколовы, 38, 7; Зеленин Вят., 128; Ончуков, 152, 281.

В вариантах Соколовы 38, 77 герой с помощью «старичка» (Николая Чудотворца) «отчитывает» царевну и женится на ней, таким образом, сказочный сюжет реализуется полностью. В отличие от них текст [О девушке-колдунье] близок к быличкам. Сюжет 307 реализуется не полностью. Герой не отстаивает ночь в церкви при ведьме-покойнице, а только везёт её хоронить, покойница-ведьма не лишается своей колдовской силы и не становится женой царя. Таким образом, повествование остаётся в рамках традиций мифологического рассказа (былички), а не сказки. * С быличкой сближает введение в текст, в качестве помощников героя, ямщиков на почтовых санях (интересная деталь: в старину повинностью крестьян в Ёрге была «ямская гоньба»).

Зачин текста: парень видит, как его девушка снимает и моет голову, похож на зачин из текста Афанасьева (367).

39. [Маша и три медведя]. Зап. в д. Тимофеевское Устюженской с/с Устюженского района 10.08.2000. Исп.: Смирнова Александра Анисимовна 1926 г.р., род. в д. Мыза. Зап. Кулев А. В., Кулева С. Р. ОНМЦК: 004-9, 11. См. комм. № 11.

СУС 311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры.

Var.: Ончуков, 55,; Зеленин, Вят., 16; Рождественская, 44.

Текст представляет собой устный пересказ литературной сказки Л. Н. Толстого «Три медведя», продолжением служит мотив спасения девушки из сюжета СУС 311 «Медведь и три сестры», Маша просит медведя отнести в родной дом подарки (пирожки), запретив их смотреть (есть).

40. Баба-Яга. Зап. в с. Воскресенское Мусорского с/с Череповецкого

* Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина /Изд. подгот. Т. Г. Иванова. - СПб.: Тропа Троянова, 2002. С. 671.

района 17.08.2000. Исп.: Беляева Анна Васильевна 1905 г. р. Зап. Кузьмина Т. А., Рыбакова А. ЧЦТНК: 160-1.

Была нянкой в г. Санкт-Петербурге, рассказывала сказки детям. От неё записаны сказки «Колобок» (№ 122), «Красная шапочка» (не вошла в сборник).

СУС 314 А * Бычок-спаситель.

*Вар.: СУС 314 А * Афанасьев, 2011, 202; Иваницкий, (15), (=Ив., 635); Зеленин, Вят., 82; Карнаухова, 32; Никифоров, 114.*

В тексте № 40 Баба-Яга садит девушку в подпол и заставляет прясть. В сказке «Про Машеньку» (№ 41) Баба-Яга заставляет Машеньку качать её в кроватке (Ср. Зеленин, Вят., 82, где старичок заставляет девушек качать себя в зыбке). Текст № 41 построен по типу кумулятивной сказки, Машеньку предлагают спасти петушок, баран, бык. Бык избавляется от погони Бабы-Яги, «фуррыснув ей в морду» (См. комм. № 15).

Текст [«Про Бабу-Ягу»] (№ 42) дефектен: исполнительница, начав рассказывать сказку сюжетного типа СУС 314 А * «Бычок-спаситель» и дойдя до бегства девочки от Бабы Яги, признаётся, что много забыла, напутала, заканчивает сказку пересказом сюжета СУС 480 А* «Сестра (Три сестры) отправляется спасти своего брата».

В этой сказке Баба-Яга заставляет девушку носить воду, топить баню и расчесывать её, после чего Баба-Яга засыпает (Ср. вариант Иваницкий, 15, в котором Баба-Яга заставляет героиню «искать в голове»).

41. Про Машеньку. Зап. в д. Квасюнино Чаромского с/с Шекснинского района 28.06.2003. Исп.: Смирнова Любовь Александровна 1934 г. р. Зап. Кулёва М. А., Теслович И., Андреева Н., Сергеев Д. ЧЦТНК: 224-5.

СУС 314 А * Бычок-спаситель.

*Вар.: СУС 314 А * Афанасьев, 2011, 202; Иваницкий, (15), (=Ив., 635); Зеленин, Вят., 82; Карнаухова, 32.*

См. комм. № 40.

42. [Про Бабу-Ягу]. Зап. в д. Кузьминская Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Никитина Александра Николаевна 1936 г. р. Зап. Кузьмина Т. А., Теслович И., Канбарова Д., Козлова О., Розов М. ЧЦТНК: 189-12, 15. См. комм. № 9.

СУС 314 А * Бычок-спаситель. + 480 А* Сестра (Три сестры) отправляется спасти своего брата.

Вар.: Афанасьев 103, 113; Карнаухова, 87.

См. комм. № 40.

43. **Как Бабка-Ега своих дочек съела.** Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10.11.1992. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: VF1: 009-30.

От Смирновой и её дочери Л. А. Сухаревой записаны былички, бывальщины, сведения этнографического характера, несколько сказочных текстов: [«Как умерший муж к жене ходил»] (№ 46, № 47), «Как девки плясали» (№ 70), [«Леший и швец»] (№ 76), [«Как истинный Христос судьбу напишет»] (№ 78), «Притча об Илье Пророке и Николе Чудотворце» № 79, [«Как муж жену выучил»] № 87, [«Отцовы наказы»] № 88, [«Водяной и медведь»] (№ 96), которые они воспринимают историями, происшедшими на самом деле. В качестве собственно сказок Смирнова рассказала тексты «Как Баба-Ега своих дочек съела» (№ 43) и «Как гуси уташшыли» (№ 56), их она называет «старинками» (такое название сказок характерно для Кирилловского района, Ивановский с/с находится на границе с ним). Подробнее см. ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС 327 С, F мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма
Var.: Афанасьев, 106-108, 110-112; Ончуков, 38, 73; Зеленин, Вят., 87, 97, 115; Карнаухова, 74.

Исполнительница начинает сказку с того, как гуси уносят мальчика, затем сказка разворачивается согласно сюжетному типу СУС 327. Смирнова несколько раз подчеркивает, что видела сказку «в кинe», как и «Как гуси уташшыли» (№ 56). Но, скорее всего, с данным текстом сказочница познакомилась из устной традиции, включив в него мотив кражи мальчика гусями, заимствованный из увиденного фильма-сказки или мультипликационного фильма.

На текст № 56 действительно оказал влияние фильм-сказка или мультипликационный фильм. Смирнова включает в сказку Бабу-Ягу (бабушку), которая сидит в печке и спасает детей, убегающих от гусей (влияние виденной передачи «В гостях у сказки»). На телевизионный источник указывает и характер некоторых описаний: девочка в поисках брата «бёжит дальше. Как в гору подымаётцы. Бежит. (Это в кинe [показывали])».

44. **Про Бабу-Егу.** Зап. в д. Еремино Сиземский с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г.р. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 197-51. См. комм. № 13.

СУС 327 С, F мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма.

Вар.: Афанасьев, 106-108, 110-112; Ончуков, 38, 73; Зеленин, Вят., 87, 97, 115; Карнаухова, 74.

Дефектный текст, представляет собой воспоминание эпизода спасения Иванушки.

45. **[Иван-царевич и разбойники]**. Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с/с Череповецкого района 6.02.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Зап. А. В. Кулёв. ЧЦТНК: 010-30. См. комм. к № 8.

СУС 315 Звериное молоко + 590 Царевич и браслеты

Вар.: СУС 315 – Афанасьев, 20–207; Соколовы, (16, 152); Зеленин, Вят., 6; Рождественская, (69); СУС 590: Ковалев, 18.

Сюжет реализуется в редакции сын и мать-изменщица (ср.: Соколовы 16, 152). Архаичная версия сюжета в вариантах Соколовы, 16, 153, где любовником матери становится фантастический персонаж, в нашем тексте противником героя становится атаман разбойников.

Мать посылает Ивана-царевича за пылью с мельницы. Жизнь герою спасает охота. Во второй раз мать посылает Ивана-царевича за яблоками из сада разбойников (Ср.: Афанасьев, 203). В доме разбойников он находит девушек-пленниц, выбирает одну из них в жены, возвратившись домой, моется в печке (ср.: Афанасьев, 204), разбойник сжигает его в печке и выбрасывает в море. В море Ивана-царевича подбирает спасенная им девушка. Иван-царевич возвращается и наказывает атамана разбойников и мать.

Сюжет 590 «Царевич и браслеты» проявляется в том, что в начале сказки Иван-царевич находит «кирпичной» столб (дом черта), а в нём «брюки с красным гантом», которые дают ему небывалую силу. Мать и разбойник завладевают штанами, пока герой моется в бане.

Исполнитель соблюдает сказочную обрядность: есть трехкратные повторения, общие места, концовка, наполненная другим содержанием: «Я-то был тамо, всё видел. Если б я бы не был, не видел бы, понимаешь, дак как бы я мог вам говорить. Вот был-жил царь-то, фу-то. Вот вам всё тут. Я этим не торгую, но рассказать могу другую». Традиция балагурства в формуле: «Против неба на земле, как на бороне».

Цветков любит вставлять в сказки книжные слова, в разговоре показывает свою «образованность». Например, небывалая сила героя передана через выражение «если бы столб да кольцо в нём, мог бы перевернуть земной шар».

Индивидуальное начало проявляется в словаре рассказчика, в сов-

ременных бытовых деталях, вводимых в сказку. В этой сказке на корабль передают сообщение с помощью азбуки Морзе, раненому герою отправляют «Скорую помощь».

46. [Как умерший муж к жене ходил]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 14.12.1991. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 015-25.

СУС – 365 D* Бес в образе мужа является к женщине.

Вар.: Карнаухова, 31.

Тексты №№ 46 – 47 по своим характеристикам близки к быличкам, что вообще характерно для репертуара А. А. Смирновой и её дочери Л. А. Сухаревой. Например, как и в быличках, есть указание на достоверность (дело было в близлежащей д. Петрино, в семье знакомых), содержится ссылка на лицо, со слов которого рассказывается история. Сказки [Как умерший муж к жене ходил] (№ 47), «Как девки псыали» (№ 70), [«Леший и швец»] (№ 76) рассказаны от первого лица, что также характерно для несказочной прозы. Со сказками тексты сближает многоэпизодность, развернутые диалоги.

Во время первой записи сюжета «Бес в образе мужа является к женщине» дочь исполнительницы постоянно пыталась что-то добавить, уточнить в рассказе матери. Приводим вариант этого сюжета (текст № 47), запись которого была сделана через год от Л. А. Сухаревой.

47. [Как умерший муж к жене ходил]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10. 11. 1992. Исп.: Сухарева Лидия Андреевна 1929 г.р. Авт. зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 044-19.

СУС – 365 D* Бес в образе мужа является к женщине.

Вар.: Карнаухова, 31.

См. комм. № 46.

48. [Мать-коза]. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Зуева Августа Петровна 1923 г.р. род. в д. Телибаново, проживает в г. Мончегорске. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов Д. ЧЦТНК: 193-39.

Сказку запомнила с детства, слышала от местной жительницы Фаины Кардонцевой, которая «знала много сказок», рассказывали сказки на беседе и дома, когда «сумерничали». От А. П. Зуевой записано ещё 4 сказки (№№ 3, 10, 26), эта сказка самая удачная, остальные переданы очень схематично. Сейчас сказки рассказывает, когда

укладывает внуков спать. См. комм. № 3, ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС 409 (Мать-рысь).

Вар.: Афанасьев, 266.

Один из редко встречающихся сюжетов. Типичная сказка с превращением. Главная героиня превращается в козу. В тексте соблюдена традиционная обрядность: трехкратные повторы, поэтические формулы, концовка.

49. Про колодец. Зап. в д. Торопово Тороповского с/с Бабаевского района 24.07.1990. Исп.: Грачёва Антонина Васильевна 1916 г.р., род. в д. Языково, грамотная. Зап. Кулёв А. В., Каданцева О. А., Кулёв Н. ЧЦТНК: 107-14.

Записано две сказки, которые рассказывает по-женски, сопереживая героям, осуждая злодеев. Артистично передаёт диалоги героев.

СУС 402 (Царевна-лягушка).

Вар.: Афанасьев, 267 – 269, 570 (лубок); Герасимов, 6.

В тексте от сюжета 402 остался только мотив поиска жены, герой, Иванушка-дурачок (обычно в сказках этого сюжета герой – Иван-царевич), приносит утку. Он пляшет на свадьбе братьев (Ср.: поручения царя: шить, ткать, печь, плясать в вариантах сюжета 402), во время пляски у него из рукава выскакивает утка и превращается в царевну. Как и в № 49, записанном от этой исполнительницы, в сказке «Про колодец» есть черты бытового рассказа: подробно описан процесс жатвы, традиция выходить замуж по воле родителей.

50. Поди туда, не знаю куда. Зап. в г. Белозерске Вологодской области 26.06.1992. Исп.: Петров Николай Кириллович 1913 г.р., род. в д. Максимова Волоцкого с/с Вашкинского района, грамотный. Зап. Кулёв А. В., Петрова О. Н. ЧЦТНК: 034-18.

Записаны так же сказка «Старое седло» и былички. Сказки слышал от дедушки, видимо, профессионального сказочника. См. ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС 465 А (Красавица жена («Поди туда, не знаю куда»)) + СУС 569 Сумка, шляпа и рожок.

Вар.: СУС 465 Афанасьев, 216, 217; Соколовы 59, , 138 (= Избранные мастера, 9); Смирнов, 3; Зеленин 1, 32.

СУС 569 Афанасьев, 270; Карнаухова, 53.

Контаминация сюжетов, отмеченная в СУС как традиционная для восточнославянских сказок.

Классический вариант сюжета 465 с мотивом птицы-лебедя, в которую стреляет герой – отставной солдат, и которая превращается в красавицу. Есть мотив желания царя заполучить красавицу – жену героя, поэтому он по совету колдунов (знатков) поручает герою выполнить задания (в тексте не уточняются). Описано единственное путешествие героя, во время которого он добывает с помощью сестер жены «то, не знаю што» (Мурзю). Мурзя накрывает стол для своего владельца, с его помощью на обратном пути герой добывает чудесное копьё и становится царём (СУС 569). В качестве волшебного предмета выступают клубок, за которым идёт отставной солдат, и полотенце, по которому сёстры жены узнают солдата.

В варианте Соколовы, 59 герой стреляет в птицу, которая превращается в красавицу, в сказке подробно описаны задания царя (за ночь вырубить рощу, засеять пшеницы и напечь из нее пирогов; привезти свинку-золотые щетинки с двенадцатью поросятами), которые выполняет жена героя и путешествие героя с целью «принести то, не знаю что». В дорогу жена даёт герою «платоцик и клубоцик».

В варианте Соколовы, 138 герой, купеческий сын, женится на девушке, которая учит его, как во время игры в карты выиграть угольный сарай, в котором находятся бочки с драгоценностями, на пиру у царя герой хвалится женой и драгоценностями, царь отправляет его в другое государство, вернуть жену ему помогает чудесный старичек.. В сказке отсутствует мотив добывания чудесных предметов.

51. Как один солдат служил двадцать пять лет в армии. Зап. в с. Чарозеро Чарозерского с/с Кирилловского района 01.09.2000. Исп.: Никонов Алексей Николаевич 1925 г.р., род. в д. Даниловская Печенегского с/с, жил. в д. Бархатово. Зап. Кулёв А.В., Кулёва С. Р. ФЭЦ: 5632-30, прод. 5633-1). Сказку слышал от отца – сапожника, который знал много сказок и рассказывал их во время работы сыну и его друзьям подросткам.

СУС 475 На службе в аду + СУС 1391 Любая дырка поведает правду + СУС 1545 В = АА1544 А* Работник будто бы не знает женщин + СУС 1543 А = АА1543 * Чесалка.

Вар.: СУС 475 На службе в аду: Соколовы, (29); СУС 1391 – русских вариантов нет. СУС 1545 В = АА1544 А – Афанасьев, Женева, 15, 40; Ончуков, 252. СУС 1543 А = АА1543 * – Афанасьев, Женева, 46 и с.99; Ончуков 84.*

Текст представляет собой контаминацию из редко встречающихся сюжетов. Зачином служит сюжет 475 «На службе в аду». Солдата, сбегавшего из армии, нанимает в работники леший. У лешего солдат три года кипятит котел и получает в награду щепку, которая заставляет говорить любую вещь. (Ср.: Соколовы, 29: солдат три года кипятит котел, в награду просит копченое яйцо, из которого появляется девушка). Далее в тексте Никонова действие разворачивается согласно сюжету 1545 «Работник будто бы не знает женщин»: солдат нанимается в работники к попу, поп заставляет солдата мыть дочь, она беременеет, солдат убегает, дочь плачет об увезенной солдатом «чёсанке» (1543 А «Чесалка»). Затем реализуется сюжет 1391 «Любая дырка поведает правду»: солдат, задумав жениться, испытывает купеческих дочек, узнав об их нечестности, женится на крестьянке.

Сказка очень хорошо исполнена.

52. **Морозко**. Зап в д. Торопово Тороповского с/с Бабаевского района. 24.07.1990. Исп.: Грачёва Антонина Васильевна 1916 г.р., род. в д. Языково Бабаевского района, грамотная. Зап. Кулёв А. В., Каданцева О. А., Кулёв Н. ЧЦТНК: 107-13.

СУС 480 = АА 480 *В (Мачеха и падчерица).

Вар.: Афанасьев, 95–97, 102; Соколовы, 75; Ончуков, 198; Карнаухова, 28.

Сказка представляет собой классическую версию сюжета, но сильно выражено индивидуальное начало. Грачёва рассказывает эмоционально, сопереживая героям, осуждая злодеев. Создаётся впечатление, что действие происходило на самом деле и речь в сказке идёт об односельчанах. Артистично передаёт диалоги героев, каждый герой у неё говорит своим голосом. Мачеха-злодейка в её передаче «акает». (В экспедициях часто приходилось наблюдать, как информанты начинают «акать», передавая разговор «отрицательных» персонажей).

53. [**Морозко**]. Зап. в с. Чарозеро Чарозерского с/с Кирилловского района 28.09.2000. Исп.: Капустина Вера Тимофеевна 1912 г.р., род. в д. Болотново. Зап. Кулёв А. В., Кулёва. С. Р. ФЭЦ: 5629-9, 10.

СУС 480 = АА 480 *В, *С (Мачеха и падчерица).

Вар.: Афанасьев, 95–98, 102; Соколовы, 75; Ончуков, 198; Карнаухова, 28.

Текст также представляет собой классическую версию сюжета, стилистически более однороден, чем № 52. Особенности данного текста: в

качестве волшебного помощника выступает мышка (Ср.: Соколовы, 75). Она награждает падчерицу золотом, но не фигурирует во время испытания мачехиной дочки, её испытывает и наказывает Морозко. Исполнительница объясняет, что падчерица не замёрзла, так как отец оставил её в избушке, а мачехина дочка замёрзла, потому что была оставлена под деревом.

54. **[Отец привязал девочку к деревине].** Зап. в д. Красново Феропонтовского с/с Кирилловского района 03.10.2000. Исп.: Федотенкова Елизавета Ивановна 1918 г.р., род. в д. Саженское. Зап. Ивашина О. В., Сошникова О. В., Назарова В. В. ФЭЦ: 5625-32.

СУС 480 = АА 480 *В (Мачеха и падчерица).

Вар.: Афанасьев, 95 – 97, 102; Ончуков, 198; Карнаухова, 28.

В отличие от №№ 52, 53 рассказана плохо, текст представляет собой пересказ сказочного сюжета.

55. **[Гуси-лебеди.]** Зап. в д. Ерёмно Сиземский с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 192-35. См. комм. № 13.

СУС 480 А* Сестра (Три сестры) отправляется спасать своего брата.

Вар.: Афанасьев 103, 113; Карнаухова, 87.

Сказку слышала в детстве от бабушки. Записан неудачный текст, сама исполнительница объясняет, что забыла сказку.

56. **Как гуси уташшыли.** Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10. 11.1992. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г. р. Авт. зап. Кулев А. В. ЧЦТНК: VF1: 009 – 31.

СУС 480 А* Сестра (Три сестры) отправляется спасать своего брата.

Вар.: Афанасьев 103, 113; Карнаухова, 87.

См. комм. к № 43.

57. **Ах, Мими.** Зап в г. Белозерске 03.07.1992. Исп.: Шилова Александра Ивановна 1913 г.р., род. в д. Солмас. Зап.: Балакшина (Кулёва) С. Р., Кулёв Н., Воронова Т. ЧЦТНК: 042-17.

СУС 500 (Имя черта (Трапеза Пилемнеявич Том-Тит-Тот).

Редко встречающийся сюжет, русский вариант – Митропольская, 43.

Традиционное изложение сюжета. Экспедиционные записи не поз-

воляют сделать вывод о том, как исполнительница познакомилась с данным текстом.

Имя Мими (Ср.: «Княжна Мими» В. Ф. Одоевского), стилистика выражения «**ах**, Мими» имеют выраженный книжный характер.

Стеклянный домик, в котором живет сказочный злодей, встречается качестве дома лешего в быличках из экспедиционного фонда ЧЦТНК (ЧЦТНК: 044-22 и др.)

58. [Бурко-ковурко]. Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с /с Череповецкого района 04.03.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Зап. А. В. Кулёв. ЧЦТНК: 010-54. См. комм. № 8, ст. «Современное состояние сказочной традиции».

Сказку [«Бурко-ковурко»] слышал в детстве от местного старика: «А это у нас старик есь, был на Дорке такой. Вот мы к нему всё ходили: “Дядя Арсентий, ты расскажи нам сказку”, – дак вот он всё сказки и сказывает».

СУС 530 = АА 530 А (Сивко-Бурко).

Вар.: Афанасьев, 179, 180, 182, 183; Соколовы, 63, 93; Ончуков, 68, Зеленин Вят., 114; Смирнов, 91; Карнаухова, 8, 45.

Сюжет представлен в автономном виде, без традиционной для русского сказочного репертуара контаминации СУС 530 и 530А «Свинка золотая щетинка». В целом традиционное изложение сюжета. В тексте отсутствует призыв коня, вместо этого отец даёт сыну платок – отцовское благословение, с помощью которого герой может призывать коня. В № 59 Цветков поясняет, что отец дает Ивану платок, который «покойникам раньше давали, и сецяс дают». Одежду Ваня-дурачок получает, не залезая в ухо коню, а из сумки, которую приносит Бурко-ковурко.

Есть зачин: «Я повёл такую рець – никто меня, штобы не перець, не любо – не слушайте, а врать не мешайте», концовка: «Я-то тоже был тамо. Если бы я не был, дак не видел, дак, где бы мне бы наврать ли, што ли? А тут вот всё суцья правда сказана. Ну, я этим ведь не торгую, могу рассказать и другую». Наряду с традиционными сказочными формулами И. В. Цветков использует современную лексику, герои перенесены в современную ситуацию: царь зовет на «искурсию», пакет от царя приносит не гонец, а почтальон, Ваня-дурачок на коне скачет по асфальту. В сказке подробное описание второстепенных деталей: прихода почтальона с пакетом от царя, приезда царя и царской дочери в дом к братьям.

Интересна мотивировка царя, когда он заставляет дочь выходить замуж за Ивана, царь говорит, «что это не простой человек». Цветков рассказал много быличек, сам себя выдаёт за колдуна, поэтому в его рассказе выражение «не простой человек», означает, вероятно, что Ваня-дурачок – колдун. В сказке нашла свое отражение вера в возвращение покойников: могилу отца нужно караулить 3 ночи, иначе он будет «ходить». В репертуаре И. В. Цветкова есть былички на эту тему.

Варианты сюжета имеют текстовые различия, которые в основном коснулись не традиционных, а второстепенных эпизодов (например, приезд царя, приезд Иванушки в царство и т.п.). В № 59 мотив угнетения Иванушки разработан не больше, чем № 58, но в конце сказки Иванушка говорит царевне: «Я столько пострадал, дак как некто не пострадал».

59. **«Про Ивана Сапожкова».** Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с/с Череповецкого района 09.03.1992. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Зап. А. В. Кулёв. ЦЦТНК: 030-09.

СУС 530 = АА 530 А (Сивко-Бурко).

Вар.: Афанасьев, 179, 180, 182, 183; Соколовы, 63, 93; Ончуков, 68, Зеленин Вят., 114; Смирнов, 91; Карнаухова, 8, 45.

См. комм. № 58.

60. **[Сивко-бурко, заковурко].** Зап. в д. Никифорово Никифоровского с/с Устюженского района 04.07.2000. Исп.: Тимошкина Мария Ивановна 1911 г.р., род. в д. Романово Никифоровской с/а. Зап. Каданцева О. А., Каданцев А. Ф., Гусева Т. М. КЦТНК: 085-40.

Сказки слышала от бабушки. «Бабушка рассказывала, бабушка она иначе рассказывала, тут много рассказывала бабушка. Бабушкиных сказок не запомнить, много, ой, сказок бабушка знала».

СУС 530 = АА 530 А (Сивко-Бурко).

Вар.: Афанасьев, 179, 180, 182, 183; Соколовы, 63, 93; Ончуков, 68, Зеленин Вят., 114; Смирнов, 91; Карнаухова, 8, 45.

Дефектный текст. Сюжет передан довольно схематично. В завязке действия рассказчица отступает от традиции: братья караулят пустошь с овсом, а не сидят на могиле отца, причём караулить ходят все братья по очереди, а не посылают вместо себя младшего (влияние «Конька-горбунка» П. И. Ершова). В тексте нет традиционного призыва коня. Чувствуется неуверенность рассказчицы при описании того, как Иван-дурак добывает невесту и в развязке.

61. **Заячья скрипка.** Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с /с Череповецкого района 04.03.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Зап. А. В. Кулёв. ЧЦТНК: 010-55. См. комм. к № 8, ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС 570 = К 515 (Заячий пастух).

Вар.: Афанасьев, Женева, 53; Соколовы, 78; Ончуков, 258; Карнаухова, 75.

Один из редко встречающихся сюжетов. По сравнению с вариантом Соколовы, 78 сохранилось больше особенностей волшебной сказки. Волшебный предмет – погонялку в варианте Соколовых Иван-дурак покупает в городе, у Цветкова появляется даритель волшебного предмета, скрипки, старичок-бородка с ноготок. В вариантах Соколовы, 78, Ончуков, 258 царю, царевне и принцу, приезжающим купить зайцев, герой предлагает в обмен на зайцев испытания, не всегда приличные, в тексте Цветкова такие задания отсутствуют, но на записи слышно как, дойдя до этого места, сказочник смущается, возможно, он просто постеснялся рассказать про них собирателю.

62. **Про плотника и часового мастера.** Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 07.06.1989. Исп.: Цветков Алексей Степанович 1926 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 002-54.

«Это мужичёк рассказывал, с которым мы в избушке-то в лесной [жили]. Вот я и подзапомнил сейчас».

СУС 575 (Деревянный орёл (голубь)).

Вар.: Гура, 28; Никифоров, 12; Ончуков, 89, 243.

Один из самых удачных текстов, представленных в сборнике. Сказка многосюжетна, есть параллельное развитие действия. Текст записан в живом бытовании. В сказке ярко выражено индивидуальное начало. Оно проявляется, в том числе и в трактовке некоторых образов, исполнитель сам по профессии плотник, поэтому вся сказка наполнена симпатией к этому сказочному герою. В тексте есть традиционные для сказки поэтические формулы: «долго ли, коротко ли», «пир на весь мир», есть традиционная концовка: «... мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот ёму и не попадало. Вот и сказка вся». Но словарь сказки стилистически не однороден. Деревянный орёл, который встречается в других версиях этого сюжета, заменён ковром-самолётом, а то и просто самолётом, у ковра-самолёта **кнопочки**, царевич **маскирует** его. Царь, раздумывая, кто может летать к его дочери, решает, что это не простой человек, а **какой-то пророк, неведомая сила.**

63. **Про ольхову чурочку.** Зап. в д. Стёпаново Тороповского с/с Бабаевского района 25.07.1996. Исп.: Груничева Надежда Родионовна 1913 г.р. Зап. Кулёв А. В., Кузьмина Т. А. ЦЦТНК: 124-37.

Исполнительница рассказала несколько сказок, которые сейчас рассказывает только своим внукам.

СУС 700 Мальчик с пальчик (Горошек, Воловье ушко).

Вар.: Афанасьев, 300; Иваницкий, 13 (= Ив, 643).

Герой – мальчик, вытесанный из ольховой чурки.

64. **Сказка о сыне-богатыре.** Зап. в п. Сосновка Барановского с/с Кадуйского района 19.07.1996. Исп.: Беляева Клавдия Ивановна 1911 г.р. Зап. Кулёв А. В., Каданцева О. А., Каданцев А. Ф., Кукушкин А. В. ЦЦТНК: 105-1.

Вспоминает, что слышала сказку в детстве от бабушки, который рассказывал несколько сказок стихами, среди них и эту.

СУС 707 (Чудесные дети).

Вар.: Афанасьев, 28 – 286, 287 (б), 288, 289; Соколовы, 42; Волог., 11; Ончуков, 5; Карнаухова, 69.

Интересный текст, на который оказала влияние «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина. Это подтверждают пояснения сказочницы и некоторые особенности текста. В качестве волшебного помощника выступает золотая рыбка, она помогает богатырю строить дворец (ср.: сказку «О рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина); дядька богатырей назван Черномором, как и в сказке А. С. Пушкина, хотя это имя не характерно для фольклорных текстов. Сами богатыри, хоть и упоминаются в тексте, но не акцентированы как содержание чуда. Остров, на который выкинуло бочку, К. И. Белякова называет Султаном, вероятно припоминая имя царя Салтана из пушкинской сказки. Причём звучит оно «Султан», так же как и в тексте сказки на этот сюжет, записанном Пушкиным от Арины Родионовны. В тексте отсутствует Царевна Лебедь, введённая Пушкиным в сюжет «Чудесные дети», а её приметы, несколько изменённые – «во лбу – красное солнышко, в затылке – ясной месяц» – перенесены на богатыря, как в народных версиях этого сюжета. Есть текстовые совпадения.

Белякова старается соблюсти сказочную обрядность: в сказке есть общие места, сказочные формулы, например, ребенок растёт «не по дням, а по часам», у него «во лбу – красное солнышко, в затылке – ясный месяц»,

сделали «пир на весь мир». Но в текст введены современные бытовые детали, что делает сказку стилистически не однородной. Интересно, что в тексте Беляковой наказание для мачехи и её дочерей определяет вся деревня, своеобразный «деревенский сход» решает отобрать у них имущество и раздать беднякам. В народных сказках этого сюжета сестры так же бывают наказаны, в сказке Пушкина они прощены.

С целью показать вариативную природу фольклорных текстов приводим вариант сказки, записанный от этой же исполнительницы на день раньше. Отметим некоторые отличительные черты текстов: в № 65 герой женится на девушке, которая обещает родить ему «сына-бохатыря, во лбу – ясны звездочки, а в затылке – мисец», эта мотивировка отсутствует в № 64; в отличие от № 64, где золотая рыбка только упоминается, в № 65 сын-богатырь ловит золотую рыбку, по её воле приходит корабль с 9 богатырями, которые строят дворец; в № 65 отсутствует мотив наказания злодеек. В сказке «Про багатырей» мать *благословляет* сына выйти из бочки, мотив материнского благословления есть в у Соколовых, 42.

65. **Про багатырей.** Зап. в п. Сосновка Барановского с/с Кадуйского района 18.07.1996. Исп.: Беляева Клавдия Ивановна 1911 г.р. Зап. Каданцева О. А., Кулёв Н. КЦТНК.

СУС 707 (Чудесные дети).

Вар.: Афанасьев, 28 – 286, 287 (б), 288, 289; Соколовы, 42; Волог., 11; Ончуков, 5; Карнаухова, 69.

См. комм. № 64.

66. **[Старик и петух].** Зап. в д. Стан Никольского с/с Кадуйского района. Исп.: Блохина З. П., род. в д. Ишкобой. Зап. Каданцева О. А. КЦТНК.

СУС 715 А = АА 715 Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы.

Вар.: Афанасьев, 188; Афанасьев, легенды, 33; Иваницкий, 9 (= Ив., 642); Зеленин, Вят., 78; Соколовы, 73; Карнаухова, 105.

Волшебные жерновцы вовсе не присутствуют в тексте, их чудесные функции частично перенесены на петуха: «Петух был своеобразный. Он мог, значит, делать какие-то добрые дела для мужика, таким образом, мужик поживал потихоньку, и питался, и пил, и ел всё».

67. **[Цветики на могилке].** Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с /с Череповецкого района 6.03.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевич 1904 г.р., грамотный. Авт зап. А. В. Кулёв. ЧЦТНК: 011-3. См. Сказку рассказывает своим внукам. См. комм. к № 8.

СУС 780 (Чудесная дудочка).

Вар.: Афанасьев, 244, 246; Ончуков, 44.

Плохо сохранившийся текст. В основном традиционное изложение сюжета, но девушку убивают не сёстры, а прохожий. Она превращается в цветок и поет об убийстве.

68. **Как две сестрицы затуторили.** Зап. в д. Тарасовская Никольского с/с Кадуйского района 23.06.1994. Исп.: Белова Анна Петровна 1906 г.р. Зап. Кулёв А.В., Кукушкин А.В., Тластанкулова Н.И ЧЦТНК: 081-16. Сказки слышала от матери. «Мама рассказывала сказку “Ивана-царевича”, “Конёк-горбунок”. Это так же и рассказывали, как и в книжке».

СУС 780 (Чудесная дудочка).

Вар.: Афанасьев, 244, 246; Ончуков, 44.

Традиционное изложение сказочного сюжета. Присутствует мотив оживления убитой девочки живой и мертвой водой. Злодеек сестер садят на ворота и расстреливают, у Соколовых, 42 точно так же наказывают волшебную старуху.

69. **Про братика.** Зап. в д. Кузьминское Сиземской с/а Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Сизова Софья Ильинична 1925 г.р., грамотная. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 191-7.

Софья Ильинична, со слов внучки Т. С. Крупышевой, раньше рассказывала много сказок. Т. С. Крупышевой от бабушки были записаны сказки «Про бобовую горошинку» (СУС 2021А = АА *241 I, 2032 Смерть петушка), «Про медведя» (СУС 161 А* = АА * 161 = АТ 163 В * Медведь на липовой ноге), «Про горошинку» (СУС 1960 G Горох до неба). К сожалению, на момент записи вспомнила только одну сказку. Сказки знает от своего отца, который был сапожником, и дедушки. «Вот дедушко рассказывал про Жар-птицу: “Струны забили, Барабаны заиграли. Ивана царевича в темницу посадили”. Ой, это долгая сказка. Он мне эту сказку сказывает, сказывает, а я и усну, пробужусь, пошарю – да рядом с бородой лежу – задурю как бешеная».

СУС 780 (Чудесная дудочка).

Вар.: Афанасьев, 244, 246; Ончуков, 44.

Традиционное изложение сказочного сюжета. В конце убитый мальчик воскресает.

70. **Как девки плясали.** Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецко-

го района 14.12. 1991. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 015-33.

Прямых соответствий в СУС нет.

Вар.: Соколовы, 43.

Находится на стыке сказочной и мифологической традиции, что характерно для репертуара этой исполнительницы (см. комм. к № 46).

Странник ночует в доме, на крыше которого днем сидит коршун, а каждую ночь творятся разные чудеса: приходят и пляшут девки, потом парни с гармошками, в третью ночь появляется бес. Странник каждый раз очерчивает вокруг себя круг (Ср.: сюжет «Девушка, встающая из гроба» (СУС 307), № 367 Афанасьева, «Вий» Н. В. Гоголя), в третью ночь ловит в сумку беса, обернувшегося черной кошкой и сжигает его в печке.

У Соколовых, 43 на крыше нового дома сидит ворон, солдат берется избавить дом от чертей, ловит «сотону» в виде кошки в сумку и несет в кузницу.

71. Про Машеньку. Зап. в д. Красное Андроновского с/с Кадуйского района 16.09.2003. Исп.: Соколова Антонина Александровна 1931 г. р. Зап. Каданцева. О. А., Дунаева Н. М., Калистратова О. В. КЦТНК.

В СУС вариантов нет. Текст выдуман исполнительницей для внучки. Рассказывает, когда укладывает её спать.

72. Про Бабу-Ягу. Зап. в д. Красное Андроновского с/с Кадуйского района 16.09.2003. Исп.: Соколова Антонина Александровна 1931 г. р. Зап. Каданцева О. А., Дунаева Н. М., Калистратова О. В. КЦТНК.

В СУС вариантов нет. Как и предыдущий, текст выдуман самой исполнительницей.

Взят персонаж волшебной сказки Баба-Яга, но наделен не характерными для него функциями. В сказке традиционно границей между «этим» и «тем» миром является река, за ней живет Баба-Яга.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СКАЗКИ

73. [Как клад углем рассыпался]. Зап. в п. Сосновка Барановского с/с Кадуйского района 19.07.1996. Исп.: Беляева Клавдия Ивановна 1911 г. р. Зап.

Кулёв А. В., Каданцева О. А., Каданцев А. Ф., Кукушкин А. В. ЧЦТНК: 105-4.

СУС 745 А Клад не даётся в руки тому, кому он не предназначен. (Ср.: СУС 834)

Вар.: русских вариантов нет.

74. **Легенда про клад.** Зап. в д. Васильково Пожарского с/с Бабаевского района. 18.01.1992. Исп.: Лебедева Елизавета Федоровна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В., Виноградова Н. В. ЧЦТНК: 28-67.

СУС 745 А Клад не даётся в руки тому, кому он не предназначен (ср.: СУС 834) + **СУС 921 Кто лучший друг.**

Вар.: СУС 745 – русских вариантов нет; СУС 921: Соколовы, 99.

Голос из бочонка с кладом говорит, что клад откроется мужику, когда он придёт с лучшим другом, мужик приходит сначала с женой, затем собакой. У Соколовых, 99 встречается похожий мотив: охотник спасает разбойника от медведя, разбойник предлагает прийти за наградой с лучшим другом; показывает охотнику, что лучший друг не жена, а собака.

75. **[Мать в аду]** Зап. в д. Слотинкая Волковского с/с Бабаевского района 17.07.1996. Исп.: Силуянова Ульяна Илларионовна 1910 г.р. Зап. Каданцева О. А., Кутузова О., Кулёв Н. ЧЦТНК: 113-6.

СУС 804 Грешная мать (мать св. Петра).

Вар.: Афанасьев. Легенды, 8.

76. **[Как старуха свиную тушу не пустила].** Зап. в д. Поповское Мусорского с/с Череповецкого района 10.01.2001. Исп.: Палузина Серафима Васильевна 1910 г.р., род. в д. Захарино. Зап. Кузьмина Т. А., Лопатенко С. А., Рыбакова А., Богданова В., Каптерев С. ЧЦТНК: 167-27. Тексты С. В. Палузиной (№№ 76, 83, 94, 95) близки к сказочной прозе.

СУС – 812 Хлеб и черт**

Вар.: русских вариантов нет.

77. **[Как скатерка браная беса в дом не пустила]** Зап. в д. Якушево Мусорского с/с Череповецкого района 15.08.2000. Исп.: Смирнова Мария Ивановна 1908 г.р., грам.. Зап. Кузьмина Т. А., Рыбакова А. ЧЦТНК: 161-22. См. ст. «Современное состояние сказочной традиции».

СУС – 812 Хлеб и черт.**

78. [Леший и швец]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10.11.1992. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 044-37. См. комм. № 46.

Частично соответствует: **СУС 813 А Проклятая дочь.**

Вар.: Афанасьев 227, 228 и II, с. 473; Соколовы, 28, (124); Иваницкий, (12) (= Ив., 661); Ончуков, 70; Зеленин Вят., 36; Карнаухова, (80), 137.

Текст на стыке сказочной и мифологической традиций. Больше всего похож на сказку «Лесной и швец» (Соколовы, 124), но сюжет реализован не полностью, в отличие от варианта Соколовых и других вариантов данного сюжета, леший не отдаёт (девушку) старуху в награду шведу. Он награжден золотом, которое превращается в угли после упоминания имени Бога (ср.: **СУС – 818 *** Свечка черту**).

79. [Леший – божатко]. Зап. в с. Воскресенское Вовскресенского с/с Черповецкого района 15.05.1992. Исп.: Погодин Иван Емельянович 1918 г.р., род. в д. Толстиково. Зап. Кузьмина Т. А., Ларионов А., Шохалова Е. ЧЦТНК: 047-3.

СУС – 834 ** Дитя в золоте.

Вар.: русских вариантов нет.

Текст на стыке сказочной и мифологической традиции. Включен в сборник, так как у исполнителя утрачена вера в правдивость истории.

Родители оставляют на покосе ребёнка, затем от знающей старухи узнают, что вернуть его можно, назвав лешего «божатко» [= крестный]. «Божатко» отдаёт ребёнка и приносит ему гостинца. В тексте нет прямого указания, что ребёнка возвращает леший, но об этом говорят пояснения исполнителя. Популярный сюжет несказочной прозы, широко представленный в фонде экспедиционных материалов ЧЦТНК.

80. [Как Истинный Христос судьбу напишет]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 14. 12. 1991. Исп.: Сухарева Лидия Андреевна 1929 г.р. Зап.: Кулёв А. В. ЧЦТНК: 15-27. См. комм. № 46.

СУС – 840В* Участь, ожидающая новорожденных (умерших детей).**

Вар.: Русских вариантов нет.

81. Пригча об Илье Пророке и Николе Чудотворце. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10.11.1992. Исп.: Сухарева Лидия Андреевна 1929 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 045-22. См. комм. № 46.

СУС 846* Мстительный святой.

Вар.: Афанасьев, Легенды, 10; Иваницкий, 55 (= Ив., 660).

82. [Св. Николай и бедная невеста]. Зап. в с. Чаромское Чаромского с/с Шекснинского района 30.06.2003. Исп.: Кошкина Нина Васильевна 1918 г.р., род. в д. Потеряево бывш. Чебсарского с/с. Зап. Кузьмина Т. А., Кузьмич Ж., Форманюк С., Дурягин М. ЧЦТНК: 208-9.

СУС – 846 В* Бедная невестка.

У бедной девушки нет приданого. Чтобы выйти замуж, она молится Св. Николаю, утром находит на окне узелок с деньгами и драгоценностями, оставленный св. Николаем.

83. [Как женщина села ткать против воскресенья]. Зап. в д. Поповское Мусорского с/с Череповецкого района 10.01.2001. Исп.: Палузина Серафима Васильевна 1910 г.р., род. в д. Захарино. Зап. Кузьмина Т. А., Лопатенко С. А., Рыбакова А., Богданова В., Каптерев С. ЧЦТНК: 167-24,26.

СУС – 846 *** В пятницу не смейся, в воскресенье не плачь.**

В данном тексте наказание связано с нарушением запрета заниматься женским рукоделием в субботу вечером и в воскресенье. Женщина хочет выткать ткань до Пасхи и нарушает запрет ткать в субботу вечером, поэтому к ней приходит Баба-Яга в образе женщины и предлагает помощь. С печки женщина видит огненные ноги своей помощницы, начинает петь молитвы, кросна разваливаются.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

84. [О бедном и богатом мужиках]. Зап. в д. Пленишник Ягницкого с/с Череповецкого района 23. 07. 1999. Исп.: Костин Н. А. 1912 г.р. Зап.: Каданцева О. А., Каданцев А. Ф. ОНМЦК 065-35. «Холостой был, ишо слышел иё, мужик тожо. На Печоре, река Печора есь на севере, там на оленях ездят и я на оленях ездил».

СУС - 859 F* (Изобретательный парень).

Вар.: Редко встречающийся сюжет. Русский вариант: Акимова, 403.

Классическая версия сюжета, очень хорошо рассказанная.

85. **Бывальщина про солдата.** Зап. в д. Якушево Мусорского с/с Череповецкого района 15.08.2000. Исп.: Смирнова Мария Ивановна 1908 г. р., грам.. Зап. Кузьмина Т. А., Рыбакова А. ЧЦТНК: 161-26. См. ст. «Современное состояние сказочной традиции».

Имеет хорошую память. Пишет стихи, знает много быличек. Рассказала две сказки, говорит, что слышала их от людей. Воспринимает сказки как истории, происшедшие на самом деле, поэтому рассказывает очень эмоционально, сопереживая героям.

СУС 880 * (Солдат – генерал (Жена выручила).

Вар.: Русских вариантов 7.

Полковник обещает выдать свою дочь, находящуюся на балконе, за того, кто её поцелует. Солдат пробирается к ней в спальню в ящике с часами (этот мотив часто присутствует в текстах СУС 882 А). В других вариантах сюжета 880 герой женится в результате выигрыша у генерала денег и документов. Отсутствует мотив разорения героя. Жена не отыгрывает проигрыш, а спасает героя от ареста.

86. **[О верной жене].** Зап. в д. Якушево Мусорского с/с Череповецкого района 15.08.2000. Исп.: Смирнова Мария Ивановна 1908 г.р., грам. Зап. Кузьмина Т. А., Рыбакова А. См. комм. № 85. ЧЦТНК: 161-27, 162-1

СУС 882 А (Спор о верности жены).

Вар.: Афанасьев, (313, 314), 336, 337; Соколовы, 17 (=Изб. Мастера. II с. 319 – 325), 121(=Изб. мастера, II, с. 347- 357); Зеленин, Вят. 104 и с. 526 – 527, Карнаухова, 147.

Спор между мужем и офицером возникает в результате насмешек над тем, что он взял в жёны девушку из деревни. Это неоднократно подчёркивается рассказчицей, героиня вызывает её сочувствие и симпатию. Так же как и в варианте Соколовых, 121, доказательством неверности являются увиденные офицером, спрятавшимся в деревянном ящике, приметы жены: родимое пятно под мышкой и золотой волос на груди. «Обманутый» муж стреляет в жену, но промахивается. Далее традиционное изложение сюжета: жена одевается мужчиной, идет служить в армию и раскрывает обман.

87. **[Как муж жену выучил].** Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10.11.1992. Исп.: Сухарева Лидия Андреевна 1929 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 045-13. См. комм. к № 46.

Со слов собирателя, «Сухарева деревенский общественный деятель.

Сама искала повод поговорить, рассказывала в основном былички. Много переняла от матери, прекрасной рассказчицы. Часто ссылалась на то, что слышала их от своего дедушки». Обе сказки ([Как муж жену выучил] и [Отцовы наказы]) изобилуют множеством реалистических подробностей и бытовых деталей, поэтому воспринимаются как бытовые рассказы.

СУС 901 = 901 А Укрощение строптивой.

Вар.: Афанасьев 519; Соколовы, 41, Зеленин, Вят., 18.

Наиболее полная версия сюжета с эпизодом спора трех зятьев, чья жена послушнее. Младшая из трех сестер строптива; после свадьбы её муж убивает корову и лошадь за непослушание, делает жену послушной, спорит с другими зятьями, чья жена послушна, заставляет жену бросить полушубок в печку и выигрывает спор.

В варианте Соколовы, 41 муж убивает курицу и теленка, заставляет жену раздеться, выигрывает деньги на спор.

88. [Отцовы наказы]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 10.11.1992. Исп.: Сухарева Лидия Андреевна 1929 г.р., грамотн. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 045-12.

См. комм. к № 87.

СУС 915 А = АА 915 Мудрые советы + СУС 910 А Ум от бедствий.

Вар. СУС 915 : Русских вариантов 4; Рождественская, (51).

Вар. СУС 910: Русские варианты редки: Региональные варианты: Соколовы, 15, 109.

Зачином служит СУС 915 «Мудрые советы» – сын буквально понимает советы умирающего отца: ест щи с медом, не подаёт «Божью помочь» – дела идут плохо. Сам догадывается об истинном смысле советов: выходить раньше всех на работу и т.д. Далее действие разворачивается согласно схеме сюжета 910 «Ум от бедствий». Герой дает соседу лошадь, следит за ним. Лошадь теряет жеребёнка, сосед не признается в этом, жена, уехав в гости к матери, встречается со своим бывшим другом, герой узнает об этом, тайком уносит ребенка, с помощью палачей наказывает жену и тещу.

Сказка воспринимается рассказчицей как история, происшедшая на самом деле. «Это – было», – говорит она. В тексте множество реалистических подробностей.

89. [Сколько стоит царская карета]. Зап. в д. Глинское Ягницкого с/с Череповецкого района 24.07.1999. Исп.: Ваньшина Ольга Васильевна 1913 г.р., зд. Зап. О. Н. Петрова, Т. М. Гусева. ОНМЦК: 066-31.

СУС – 921 А* Сколько стоит царская золотая карета.

Var.: Худяков, 80 (эпизод).

90. [Беззаботный монастырь] Зап. в д. Пушкино (Безносово) Городищенского с/с Белозерского района 01.07.1979. Исп.: Беспалова Екатерина Михайловна 1918 г.р., род. в д. Насоново Вашкинского с/с. Зап. Кастров А. Ю., Чабанная Н. В. ФЭЦ: 0872-27.

СУС 922 Беззаботный (беспечальный) монастырь.

Var.: Афанасьев, 326 и III, с. 417 – 418; Русский архив, год II (1864), изд. 2 – е, 1866, с. 141 – 143 (=Гура, 10); Соколовы, 95; Волог., 18; Ончуков, 164; Зеленин, Вят., 37;

Текст представляет собой классическую версию сюжета. Действие происходит в монастыре, есть мотив подмены отгадчика царских загадок.

91. Старое седло. Зап. в г. Белозерске Вологодской области 26.06.1992. Исп.: Петров Николай Кириллович 1913 г.р., род. в д. Максимово Волоцкого с/с Вашкинского района, грамотный. Зап. Кулёв А. В., Петрова О. Н. ЧЦТНК: 034-17.

СУС 927 А* Старое седло (Ст. хомут).

Var.: Русские варианты редки.

92. [Смерть на колодце]. Зап. в д. Усково Ферапонтовского с/с Кирилловского района 03.10.2000. Исп.: Орехова Наталья Ивановна 1914 г.р., род. в д. Лессово Филипповского с/с. Зап.: Мехнецов А. А., Лабазанова О. В., Скоробогатова В. С. ФЭЦ: 5605-33.

СУС 934 А Смерть в колодце.

Var.: Ончуков, 147.

93. Как старик из людей мыло делал. Зап. в д. Киселево Сиземского с/с Шекснинского района 8.06.2002. Исп.: Мараква Валентина Александровна 1926 г.р., род. в д. Уварово. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М. ЧЦТНК: 187-42.

Сказки слышала от мамы. Говорит, что раньше знала много «таких смешных сказок».

СУС 955 (Жених – разбойник)

Var.: Афанасьев, 344 (Б.) и III, с. 421 – 422; Соколовы, 15.

Близок к варианту Соколовы, 15, главная героиня оказывается в доме старика, который нанимает её на работу. (Возможно, частично реализуется сюжет **910 А Ум от бедствий**, служащий зачином в тексте Соколовы, 15). Старик поит девушку вином и кидает в подвал. В подвале она видит человеческие останки, находит другую девушку, с её помощью спасается и идет в работницы к её родителям, рассказывает о случившемся, уличает старика.

Былички о том, как из людей делают мыло, были неоднократно слышаны автором записи.

94, 95. [**Заживо погребённая**]. Зап. в д. Поповское Мусорского с/с Череповецкого района 10. 01. 2001. Исп.: Палузина Серафима Васильевна 1910 г.р., род. в д. Захарино. Зап. Кузьмина Т. А., Лопатенко С. А., Рыбакова А., Богданова В., Каптерев С. ЧЦТНК: 167-6, 7.

СУС 990 Заживо погребённая.

Русских вариантов нет.

96. [**Водяной и медведь**]. Зап. в д. Текарь Ивановского с/с Череповецкого района 14.12.1991. Исп.: Смирнова Александра Алексеевна 1906 г.р. Зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 15-32. Сказку слышала от дедушки. См. комм. к № 46.

СУС 1161 Вожак медведя и черт.

Вар.: Зеленин, Перм., 25.

Медведь пугает водяного, который каждый день ходит к хозяевам и жарит на плите рыбу.

97. [**Как кум Данило чёрта от кумы Таньки спас**]. Зап. в д. Пушкино (Безносово) Городищенского с/с Белозерского района 01. 07. 1979. Исп.: Беспалова Екатерина Михайловна 1918 г.р., род. в д. Насоново Вашкинского с/с. Зап. Кастров А. Ю., Чабанная Н. В. ФЭЦ: 0872-33.

СУС 1164 Злая жена в яме (Бельфагор).

Вар.: Афанасьев 433 – 437; Волог., 16.

Чёрт в этой сказке изображен не как потустороннее существо, а как земное и реальное.

Главные действующие лица: чёрт и кум Данило. Своеобразная трактовка сюжета. Кум Данило спасает чёрта от кумы Таньки, заснувшей на нем во время переправы через ручей. Чёрт помогает куму Даниле оживить «задавленных» молодых, кума Данилу награждают и избира-

ют церковным старостой. Чёрту это не нравится, кум Данило пугает его кумой Танькой. Диалоги действующих лиц – живая речь, эмоционально окрашенная и экспрессивная. В исполнении Беспаловой сказка близка к анекдоту.

98. [Муж-лентяй и жена-лентяйка]. Зап. в д. Асташкино Залесского с/с Устюженского района 2.07.1978. Исп.: Кожина А. П., 1917 г.р., род. в д. Ельнинская Быковского с/с Новгородской обл. Зап. Кастров А. Ю. ФЭЦ: 744-19.

Талантливая исполнительница. От неё записаны бытовые сказки (№№ 98, 101, 103, 105) и докучная сказка (№ 137).

СУС 1370 Е ** Сто и сноп + 1383 Жена не узнаёт себя + 1371 Ленивая жена.**

Вар.: СУС 13 83 Афанасьев, 518, Афанасьев, Акад., III, 21, с. 388-389, 26, с. (393 – 394) (Заветн.); Иваницкий, 36 (= Ив., 663); Ончуков, 99, (183); Карнаухова, 156.

В тексте встречается нетипичная контаминация сказочных сюжетов.

99. [Как баба байкала]. Зап. в д. Никольское Волковского с/с, Бабаевского района 18.07.1996. Исп.: Иванова Анна Егоровна 1917 г.р. Зап. Кулёв А. В., Кукушкин А. В., Гусева Т. М., Беляева Н. ЧЦТНК: 102-20.

Прямых соответствий в СУС нет, но по сюжету близок к СУС 1419* «Бабы увёртки». Мотив предупреждения песней широко представлен в бытовых сказках.

*Вар.: Архангельские сказки *, 57.*

100. [Про Иванушку-дурачка.] Зап. в д. Стёпаново Тороповского с/с Бабаевского района 25.07.1996. Исп.: Груничева Надежда Родионовна 1913 г.р. Зап.: Кулёв А.В., Кузьмина Т. А., Каданцев А. Ф., Глушкова Т. Н. ЧЦТНК: 124-36.

СУС 1691 = АА 1685, 1696 *В = К1685, 1685 Дурак домовничает.
Вар.: Афанасьев, 400, 401 (= Смирнов, 256), Зеленин Вят., 123, Карнаухова, 120; Рождественская, 46.

Классическая версия сюжета, но нет наказания братьев, в варианте

* Архангельские сказки. Из материалов лаборатории фольклора Поморского университета/ Сост. и отв. ред. Н. В. Дранникова. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2002.

Афанасьева, 400 дурак обманывает и топит барина и братьев в проруби, сказав им, что достал там коней.

101. **[Были два умные, один дурачок]** Зап. в д. Асташкино Залесского с/с Устюженского района 2.07.1978. Исп.: Кожина А. П., 1917 г.р., род. в д. Ельнинская Быковского с/с Новгородской обл. Зап. Кастров А. Ю. ФЭЦ: 744-22.

СУС 1691 = АА 1685, 1696 *В = К1685, 1685 (Дурак домовничает).

Вар.: Афанасьев, 400, 401 (= Смирнов, 256); Зеленин Вят., 123; Карнаухова, 120; Рождественская, 46.

102. **[Про Филиппа]**. Зап. в д. Надпорожье Надпорожского с/с Череповецкого района 3.01.1991. Исп.: Фаличева Анна Ивановна 1914 г.р. Зап. Кулёв А.В. ЧЦТНК: 009-35. См. комм. № 15.

СУС 1696 = АА 1696 А (Набитый дурак.)

Вар.: Афанасьев 403, 404; П. Иваницкий, 35 (= Ив., 647), Соколовы, 18.

Дурень, не умея воспользоваться советами матери и жены, всё делает невпопад, за что бывает наказан. Похоронной процессии говорит: «носить бы вам, не переносить», свадьбе: «со святыми упокой», пляшет около мужика, который пытается вытащить завязшую в болоте лошадь, выдёргивает из костра поросёнка, которого палаят, плюёт на крест и целует лошадь.

103. **[Ванюшка-дуранюшка]** Зап. в д. Асташкино Залесского с/с Устюженского района 2.07.1978. Исп.: Кожина А. П., 1917 г.р., род. в д. Ельнинская Быковского с/с Новгородской обл. Зап. Кастров А. Ю. ФЭЦ: 744-21.

СУС 1696 = АА 1696 А (Набитый дурак.)

Вар.: Афанасьев 403, 404; П. Иваницкий, 35 (= Ив., 647); Соколовы 18, 137.

Классическая версия сюжета.

104. **Ерёма и Фома**. Зап. в д. Кузьминское Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Смирнова Зинаида Арсентьевна, 1928 г.р., зд., проживает в г. Вологда. Зап. Кузьмина Т. А., Теслович И., Беляева Л., Дубинин В. ЧЦТНК: 191-6.

СУС 1716 Фома и Ерёма.

Вар.: Афанасьев, 410; Отеч. Зап., 1841, № 5, с. 58 (= Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Студитским. Спб.,

1841, с. 3 – 5. = ДНР, 1876, I, с. 366 – 367 = Соболевский, VII, 11 = Сказки XIX в., 106).

Сказка – скоморошина. Смирнова сказку поёт. Вспоминает, что раньше этот текст тоже пели: «[тетка] идёт, да вот эдак поёт. Ребёнка носит, дитю поёт эдакую сказку».

105. **[Поп и работник]** Зап. в д. Асташкино Залесского с/с Устюженского района 2. 07.1978. Исп.: Кожина А. П., 1917 г. р., род. в д. Ельнинская Быковского с/с Новгородской обл. Зап. Кастров А. Ю. ФЭЦ: 744-20.

СУС 1775 Голодный поп (барин) на ночлеге.

Вар.: *Афанасьев, Акад., III, 1, с. 362 – 363 (Заветн.); Иваницкий, 42 (=Ив. 644); Соколовы, 53; Ончуков, 206; Зеленин, Вят., 31, 63.*

Классическая версия сюжета.

106. **[Поп увёл короушку у старушки]**. Зап. в д. Кресцы Дубровского с/с Устюженского района 03. 07. 1978. Исп.: Иванова К. А. 1915 г. р. Зап. Светличная Н. М. ФЭЦ: 736-25.

От К. А. Ивановой записаны анекдоты (№№ 106, 107), небылицы (№№112, 114). Рассказывает легко, интересно, с юмором.

СУС 1831 Воровская обедня.

Вар.: Гура, 45; Зеленин. Вят, 59; Никифоров, 67.

Как и в тексте Гура, 45 дьякон во время службы поет о пропавшей корове, поп обещает ему половину коровы.

Современные экспедиционные записи показывают, что текст молитвы дьякона часто используется в святочном обряде отпевания ряженого покойника.

107. **[Дедушко с баушкой жили уж так дружно]**. Зап. в д. Кресцы Дубровского с/с Устюженского района района 03. 07. 1978. Исп.: Иванова К. А. 1915 г. р. Зап. Светличная Н. М. ФЭЦ: 736-27.

В СУС данный сюжет отсутствует, но, на наш взгляд, характерен для бытовых сказок о попах.

108. **Как сват свату кадку делал.** Зап. в д. Курьяково Дмитриевского с/с Череповецкого района 6.02.1991. Исп.: Цветков Иван Васильевича 1904 г. р. Авт. зап. Кулёв А. В. ЧЦТНК: 011-6. См. комм. № 8.

Прямых соответствий в СУС нет, близка по сюжету к сказкам **СУС 1675 – 1724 О дураках.**

109. [Мужик да бабу в мешке принёс]. Зап. в д. Еремино Сиземский с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г. р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 192-34. См. комм. № 13.

Муж приносит к теще жену в мешке, так как ей нечего одеть. Теща даёт приданое.

Прямых соответствий в СУС не имеется. Ср.: СУС 902 = АА 902 А* Ленивая жена, СУС 1371.

110. Как жоних свататьцы ездил в Твирь. Зап. в д. Бараково Коротецкого с/с Кирилловского района 29.09.2000. Исп.: Иванова Василиса Дмитриевна 1918 г. р. Зап.: Мехнецов А. М., Лобкова Г. В., Назарова В. В. ФЭЦ: 5611-28.

В СУС соответствий нет. Текст представляет собой устный рассказ, исполнителем назван «сказкой», возможно, потому, что местом поездки жениха является неизвестный исполнительнице город «Твирь». Мотив завистливой сестры, имеющийся в тексте, широко представлен в бытовых сказках.

НЕБЫЛИЦЫ

111. [Небылицы за огонь]. Зап. в д. Телибаново Сиземского с/с Шекснинского района 12.06.2002. Исп.: Уличева Римма Николаевна 1925 г. р., грам.. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 193-28.

Сказку слышала в детстве от отца, рассказывал вечером, когда «сумерничали», то есть, экономя керосин, сидели вечером без огня. Вспоминает, что отец знал много сказок.

СУС 1920 Н * (Огонь в обмен на небылицы) + СУС 1889К (Человек влезает на небо по дереву) + СУС 1875 (На хвосте у волка).

Вар.: СУС 1920Н* – Афанасьев, 418, 421, 422, СУС 1889 К– Афанасьев, 418, 420 – 423, 427, СУС 1875 – Афанасьев, 429; СУС 1920 Н*: Соколовы, 102, 157; Ончуков 19; Карнаухова, 62, 145; Рождественская, 54; ; Никифоров, 18, 42, 165. СУС 1889: Соколовы, 102, 157; Зеленин 53; Карнаухова 45; Рождественская, 45, 54; Никифоров, 18, 23. СУС 1875: Соколовы, 67; Зеленин Вят., 34; Гура, 34.

Охотник и три его сына заблудились в лесу, сыновья по жребии отправляются искать огня; все попадают в избушку к старику, который за огонек требует рассказать небылицу, ни одному из сыновей это не удается. Продолжением служит сюжет «Человек взлезает на небо по дереву» (СУС 1889К). Отец узнает, что на небе меняют мух на коров, по березе отец с сыновьями забираются на небо, меняют мух на коров, но не могут спуститься. Для этого делают ремни из коровьих шкур, ртом ловят мякину, дым от печек и вьют из дыма, затем из мякины веревки. Спускаются, отец попадает в болото. Заканчивается сказка сюжетом 1875 (На хвосте у волка): на голове отца птица вьет гнездо и выводит яйца. Волк съедает яйца, старик хватается за его хвост, волк вытаскивает старика из болота.

В сказке нарушена целостность повествования, так как рассказчица выпускает момент, когда за огнем идет отец. В других вариантах путешествие на небо является небылицей, рассказанной отцом.

Исполнительница сокращает повторения. Рассказывает очень динамично, лишь изредка останавливаясь, чтобы припомнить текст; создается впечатление, что сказка заучена с детства. В 2003 г. во время работы экспедиции ОНМЦК нами была сделана повторная запись этой сказки, обе записи почти дословно совпадают.

112. **Мы и с исстари жили богато.** Зап. в д. Кресцы Дукбровского с/с Устюженского района. 03. 07. 1978. Исп.: Иванова К. А. 1915 г.р. Зап. Светличная Н. М. ФЭЦ: 736-23.

СУС 1930 А* Богатые люди.

Вар.: Соколовы, 22, 69; Ончуков, 240; Карнаухова, 111; Никифоров, 25.

Сказка представляет собой рифмованный текст, типичный для этого сюжета: рогатая скотина – петух да курица, копыта сложены на печном столбе, нарастили солоду сорок четыре зерна, поставили пива сто четыре ведра.

113. **Басня.** Зап. в д. Кузьминское Сиземской с/а Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Сизова Софья Ильинична 1925 г.р., грамотная. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 198-6.

Сказку знает с детства: «Это деда брат маму свою дразнил, маму у ёво звали Парасковья, он всё маму свою и дразнил».

СУС 1930 В* Похвальба приданым и комическое сватовство.

Вар.: Афанасьев, 417; Гура, 55, 57; Ончуков, 146, 258.

Текст представляет собой отрывок из стихотворения Некрасова «Молодые». С. И. Сизова называет его басней. Некрасов в своем сти-

хотворении использовал традиционный сказочный мотив, который часто используется в сказках-небылицах.

114. [Шел Иван по дороге] Зап. в д. Кресцы Дубровского с/с Устюженского района 03.07.78. Исп.: Иванова К. А. 1915 г.р. Зап. Светличная Н. М. ФЭЦ: 736-24

СУС 1932 =АА 1930 Страна обетованная.

Var.: Афанасьев, 425; Афанасьев, Акад., III, 13, с. 375 – 376 (Заветн.) Жив. ст., 1899, IV, с. 523 (=Гура, 59); Волог., 6, 7.

115. [Про горошинку]. Зап. в д. Кузьминское Усюженской с/а Устюженского района 07.07.2000. Исп.: Баринова Анна Ивановна 1914 г. р., род. в д. Терентьево (бывш. Хрипелёвская волость Череповецкого округа Новгородской губ.). Зап. Кулёв А. В., Кулёва С. Р. ОНМЦК: 083-22.

СУС 1960 G Горох до неба.

Var.: Афанасьев, 19, 21, 409 (У); Ончуков, 37; Рождественская, (45).

Классическая версия сюжета. Старик покупает горох, одна горошина дорастает до неба, старик сажает старуху в штаны и лезет на небо, старуха разбивается, старик остается жить на небе.

КУМУЛЯТИВНЫЕ СКАЗКИ

116. [Сима-коза]. Зап. в д. Ерёмино Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Караванова Анна Васильевна 1915 г.р., зд. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 197-41.

СУС 2016*, 2018. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода.

Var.: Афанасьев 535; Иваницкий, с. 243; Карнаухова, 58, 68, 108, 110, 112; Ефименко, 12.

117. [Кизонька-мазонька]. Зап. в д. Прядино Сиземского с/с Шекснинского района 13.08.2002. Исп.: Кузнецова Евдокия Николаевна 1915 г.р., род. в д. Мальгино. Зап.: Кузьмина Т.А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-15.

СУС 2016*, 2018. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода

Var.: Афанасьев 535; Иваницкий, с. 243; Карнаухова, 58, 68, 108, 110, 112; Ефименко, 12.

118. [Фима-коза]. Зап. в д. Квасюнино Чаромского с/с Шекского района 28.06.2003. Исп.: Смирнова Любовь Александровна 1934 г.р. Зап.: Кулёва М. А., Теслович И., Андреева Н., Сергеев Д. ЧЦТНК: 224-4.

СУС 2016*, 2018. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода.

Вар.: Афанасьев 535; Иваницкий, с. 243; Карнаухова, 58, 68, 108, 110, 112; Ефименко, 12.

119. [Месяц светит, барин едет]. Зап. в д. Кузьминское Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Смирнова Зинаида Арсентьевна, 1928 г. р., зд., проживает в г. Вологда. Зап. Кузьмина Т. А., Теслович И., Беляева Л., Дубинин В. ЧЦТНК: 190-25. Рассказывает внукам.

СУС 2016*, 2018. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода.

Вар.: Афанасьев 535; Иваницкий, с. 243; Карнаухова, 58, 68, 108, 110, 112; Ефименко, 12.

Зачин (Месяц светит, барин едет) – фрагмент бытующей в этих местах былички о мёртвом женихе, приходящем за своей невестой (**СУС 365 Жених-мертвец**), затем контаминация известной прибаутки и кумулятивной сказки.

120. [Чижик, чижик, где ты был?] Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Баранова Александра Никандровна 1933 г. р., род. в д. Корякино. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 189-54.

СУС 2016*, 2018. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода

Зачин – популярная в XIX веке песня «Чижик-пыжик» (может бытовать самостоятельно), далее – **СУС 243* Свадьба птиц.**

121. [Колобок]. Зап. в с. Чаромское Чаромского с/с Шекснинского района 30.06.2003 Исп.: Кошкина Нина Васильевна 1918 г.р., род. Из д. Потеряево бывш. Чебсарского с/с. Зап. Кузьмина Т. А., Кузьмич Ж, Форманюк С., Дурягин М. ЧЦТНК: 208-11.

СУС 2025 = АА* 296 Колобок.

Вар.: Афанасьев, 36; Ончуков, 133; Карнаухова, 25.

Текст является примером развала сказочной традиции. Заканчивается возвращением колобка к бабушке и дедушке, которым рассказывает о своих приключениях.

122. [Колобок]. Зап. в с. Воскресенское Мусорского с/с Череповецкого района 17.08.2000. Исп.: Беляева Анна Васильевна 1905 г.р. Зап. Кузь-

мина Т. А., Рыбакова А. ЧЦТНК: 160-3.

СУС 2025 = АА* 296 Колобок.

Вар.: Афанасьев, 36; Ончуков, 133; Карнаухова, 25.

ПРИБАУТКИ

123. [Поточья моховая]. Зап. в с. Сизьма Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Баранова Александра Никандровна 1933 г. р., род. в д. Корякино. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК:189-55.

Прямых соответствий СУС нет, ср. СУС 2019*.

№№ 119 – 123. Контаминация игры «Утушка моховая» с мотивом убийства «дяди Романа» (баллада «Как князь Роман жену губил») и с фрагментом популярной в XIX в. песни о ходоках – скоморохах (№ 122, 124), которые указывают на место гибели «дяди Романа».¹

Тексты включены в сборник², так как на просьбу вспомнить сказки, бабушки рассказывали в основном варианты этого сюжета. Тексты широко бытуют в Сиземском с/с Шекснинского района. Хорошая сохранность текстов такого типа объясняется функциональностью, их до сих пор рассказывают детям. Записаны варианты текстов в песенной форме и в стихотворном изложении.

124. [Поточья моховая]. Зап. в д. Ерёмно Сиземский с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Чибисов В., Богданова В., Теслович И., Ромичева Л., Бараев Д., Сергеев Д. ЧЦТНК: 192-12.

Прямых соответствий СУС нет, ср. СУС 2019*

125. [Поточья моховая]. Зап. в д. Кузьминская Сиземского с/с Шекснинского района 10.06.2002. Исп.: Никитина Александра Николаевна 1936 г.р. Зап.: Кузьмина Т. А., Теслович, Д. Канбаров, О. Козловой, М. Розовым ЧЦТНК: 189-5.

Прямых соответствий СУС нет, ср. СУС 2019*

126. [Уточья луговая]. Зап. в д. Поздеево Сиземского с/с Шекснинского района 13.06.2002. Исп.: Софитичева Клавдия Васильевна 1921 г.р.

1 З. И. Власова. Скоморохи и фольклор. – СПб.: Алетейя, 2001

2 Это относится и к №№ 125–128

Зап.: Кузьмина Т. А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-42.

Прямых соответствий СУС нет, ср. **СУС 2019***

127. [**Поточья моховая**]. Зап. в д. Ерёмино Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Караванова Анна Васильевна 1915 г.р. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 191-39.

Прямых соответствий СУС нет, ср. **СУС 2019***

128. [**Сказка-приказка**]. Зап. в д. Кузьминское Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Сизова Софья Ильинична 1925 г.р. 11. 08. 2002. Зап.: Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 191-10.

Прямых соответствий СУС нет.

Вар.: Ончуков, 33.

Тексты №№ 125 – 128 являются вариантами одного сюжета. Они до сих пор широко бытуют в этих местах. Записывались нами и от молодежи. См. комм. к № 122. Почти всегда тексты интонируются, иногда поются.

Наиболее популярен варианты именно этого текста. (Часто: «Поп хлебнул / За реку дриснул»). Записан один вариант с такой концовкой: «Ехали бояре/ Вшей забирали/ Обухом били/ Нас кормили/ Мы не хочем/Все хохочем». (Шексн., Княже, ЧЦТНК: 201-17).

Вариант текста, записанный от К. В. Кожановой (N 129): «Корыто покатилось/ Г... подавилось/ Сказка вся/ Больше врать нельзя» (ЧЦТНК: 197-39) похож на концовку большой сказки.

В Чаромском с/с повсеместно распространен такой вариант начала текста: «Сказка-приказка/ Прикована коляска/ К ситу-бриту/ Золоту корыту».

129. [**Сказка-приказка**]. Зап. в д. Ерёмино Сиземского с/с Шекснинского района 11.08.2002. Исп.: Кожанова Клавдия Васильевна, 1920 г.р. Зап. Кузьмина Т. А., Кулёва М., Розов М. ЧЦТНК: 192-16.

Прямых соответствий СУС нет

Вар.: Ончуков, 33.

130. [**Сказка-приказка**]. Зап. д. Кошеево Еремеевского с/с Шекснинского района 12.08.2002. Исп.: Круглова Анна Ивановна 1928 г.р., род. из д. Уварово. Зап.: Кузьмина Т. А., Елисеева О., Ромичева Л. ЧЦТНК: 199-16.

Прямых соответствий СУС нет

Вар.: Ончуков, 33.

131. **[Сказка-приказка]**/ Зап. в д. Поздеево Сиземского с/с Шекснинского района 13.06.2002. Исп.: Софитичева Клавдия Васильевна 1921 г.р. Зап.: Кузьмина Т. А., Чибисов В. ЧЦТНК: 200-44.

Прямых соответствий СУС нет

Вар.: Ончуков, 33.

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

132. **Про белого бычка.** Зап. в д. Починок Сиземского с/с Шекснинского района 14.08.2002. Исп.: Груничева Ия Григорьевна 1929 г.р., род. в д. Соловарка. Зап. Кузьмина Т.А., Бараев Д., Сергеев Д., Ромичева Л., Елисеева О., Богданова В., Теслович И. ЧЦТНК: 202-31.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

Тексты №№ 131, 134 записаны в Сиземском и соседнем Чаромском с/с, в них фигурирует несколько быков, обычно чёрный, белый, красный, пёстрый. З. И. Власова* приводит святочную песню о пяти быках. «Сюжет её такой: у бабушки, владеющей пятью быками купцы торгуют их одного за другим, а песня хвалит: «Бык пёстрый, коло девок вострый», «бык сивой – любил девок силой», «бык белой – девкам брюшко делал», «бык красной, коло девок ласков»*. Автор связывает текст песни с обрядовой скоморошьей тематикой. Анализируя наши экспедиционные записи, можно предположить, что в этих местах когда-то жили скоморохи. Об этом говорят названия деревень: Дураково (сейчас – Дубки), Зверинец, Медвежье, широкая популярность в этих местах прибауток (см. комм. к № 122), в которых встречается названия скоморохов «удалые», «веселые». В большом количестве записаны прибаутки с антиклирекальными мотивами (например, варианты текста «Сказка – приказка», где «Мужики вшей забирали/ Обухом били/ Попа кормили/ Поп хлебнул/ За реку дриснул), скоморошины «Фома и Ерема». Следы представлений Петрушки видны в приговорке, записанной нами: «Голова болит/ Надо её

* З. И. Власова. Скоморохи и фольклор. – СПб.: Алетейя, 2001

* З. И. Власова. Скоморохи и фольклор. – СПб.: Алетейя, 2001. С. 31, 294

обрить/ Череп снять/ Мозгов убавить/ А туда стакан с водой поставитъ» (Сизем., Телибаново, ЧЦТНК: 197-17). Возможно, отголоски скоморошечьево репертуара в святочном ряжении «белой бабой» («долгой бабой»), когда ряженный поднимал руки, накидывал сверху две простыни (одну до пояса, вторую – после) и стучал в окна или пугал на беседах или на улице (Сизем., Починок, ЧЦТНК: 203-14 и др.).

133. **Сказка про белого быка.** Зап. в д. Бараково Коротецкого с/с Кирилловского района 29.09.2000. Исп.: Прасковья Дмитриевна Евстюничева 1933 г.р. род. в. д. Шалга. Зап.: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, В. В. Назарова.. ФЭЦ: 5611-26.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

134. **Про белово бычка.** Зап. в д. Плотичье Моденского с/с Устюженского района 19.07.2002. Исп.: Татьяна Ивановна Шатцыло 1938 г.р., Мария Дмитриевна Труницына 1924 г.р., зд. Зап. О. А. Каданцева, А. Ф. Каданцев, А. В. Кукушкин, Т. М. Гусева, В. В. Назарова, Т. В. Глушкова, КЦНТК: 135-08.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

В сказке фигурируют белый и чёрный бычки. (см. комм. к № 131)

135. **Про белова бычка.** Зап. в д. Брыкино Чаромского с/с Шекснинского района 03.07.2003. Исп.: Хартукова Лидия Дмитриевна 1941 г.р. род. в д. Княже. Зап. Кулева М. А., Чибисов В. В., Богданова В., Теслович И. ЧЦТНК: 228-34.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

136. **Про белого быка.** Зап. в д. Б. Овинец Сиземского с/с Шекснинского района 08.07.2002. Исп.: Дюкова Капитолина Александровна 1930 г.р., зд. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 186-14.

Сказку в детстве слышала от сестра, сказка не нравилась, просила сестру перестать рассказывать.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

137. **[Сидел на пню, хлебал лепню]** Зап. в д. Асташкино Залесского с/с Устюженского района. 02.07.1978. Исп.: Кожина А. П., 1917 г.р., род. в д. Ельнинская Быковского с/с Новгородской обл. Зап. Кастров А. Ю. ФЭЦ: 744-23.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

Сказка представляет собой рифмованный текст.

138. **Жил мужик да баба.** Зап. В д. Спас-Лом Мусорского с/с Череповецкого района 09.01.2001. Исп.: Топалова Екатерина Ивановна 1924 г.р., род. в д. Токовые. Зап. Кузьмина Т. А. ЧЦТНК: 164-20.

СУС 2300 = АА *2020 Докучные сказки.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Список сокращений

Районы

Вологодской области:

Баб. – Бабаевский
Бел. – Белозерский
Кад. – Кадуйский
Кир. – Кирилловский
Уст. – Устюженский
Чер. – Череповецкий
Шексн. – Шекснинский.

Сельсоветы

Бабаевский район

Тороп. – Тороповский
Волковск. – Волквской
Пожарск. – Пожарский

Белозерский район

Город. – Городищенский
Сотоз. – Сотозерский

Кадуйский район

Андр. – Андроновский
Баран. – Барановский
Мазск. – Мазский
Никольск. – Никольский

Кирилловский район

Коротецк. – Коротецкий
Фер. – Ферапонтовский
Чароз. – Чарозерский

Устюженский район

Дубр. – Дубровский
Залесск. – Залеский
Мод. – Моденский
Никиф.– Никифорорвский
Уст. – Устюженский

Череповецкий район

Воскр. – Воскресенский
Дмитр. – Дмитриевский
Иван. – Ивановский
Мусорск. – Мусорский
Надпорожск. – Надпорожский
Яган. – Ягановский

Шекснинский район

Еремеевск. – Еремеевский
Сизем. – Сиземский
Чаромск. – Чаромский

Аббревиатуры, обозначающие названия организаций

- ККМ – Кадуйский районный краеведческий музей им. А. Г.Юкина.
КЦНТК – Кадуйский центр народной традиционной культуры (п. Хохлово Ка-
дуйского района Вологодской области)
ОНМЦК – Областной научно-методический центр культуры и повышения ква-
лификации
ФЭЦ – Фольклорно-этнографический центр Санкт-Петербургской государс-
твенной консерватории
ЧЦТНК – Межпоселенческий центр традиционной народной культуры Черепо-
вецкого района (с. Воскресенское Черповецкого района Вологодской области)

Сборники сказок

- АА – Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
Афанасьев – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. I – III.
Подгот. текстов, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.
Волог. – Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и
Н. И. Савушкина. Ред. Э. В. Померанцева и С. В. Викулов. Вологда, 1955.
Гура – Сказки. Песни. Частушки. Под. ред. В. В. Гура. [Вологда], 1965, отд.
«Сказки», с. 213–281.
Ефименко – Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения
Архангельской губернии. Ч. 2. – М., 1874, отд. «Сказки» - с. 225–237.
Ефремов – Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского района.
Сост. И. В. Ефремов. Вологда, 1975.
Зеленин, Вят. – Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник
Д. К. Зеленина. – Записки РГО, 1915, т. XLII.
Ив. – Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные
Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подгот. текстов, вступит. статья и
примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.
Иваницкий – Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии.
Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып.
II. Под. ред. Н. Харузина. М., 1980 (Изв. О-ва любителей естествознания,
антропологии и этнографии при Моск. Ун-те, т. LXIX. Тр. этногр.отд., т. XI.
Вып. I).
Карнаухова – Сказки и предания Северного края. Запись, вступит. статья и
коммент. И. В. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.
Никифоров – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Изд. подгот.
В. Я Пропп. М. – Л., 1961.
Ончуков – Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. – Записки РГО, 1908, т.
XXXIII.

Рождественская – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья/ Запись текстов, вступит. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. – Архангельск, 1941.

Соколовы – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/ Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л.: Наука, 1979.

Словарь малоупотребительных и диалектных слов

Ажно – даже

Байна – баня

Баско – нарядно

Беремё – охапка

Биседа – осеннее-зимние собрания деревенской молодёжи за совместной работой и развлечениями.

Боба – крестная мать

Божатка – крестный отец, крестная мать

Боры – складки

Брехать – врать

Будьтоси – как будто

Бунчать – звенеть, шуметь

Варовчины, ворочины – льняные нитки для шитья обуви, подшивания валенок

Весёр – вечер

Видко – видно

Выроцить – выгаращить

Выстанут – встанут

Вытышкать – выгнать

Выпелить – высунуть

Гант – кант

Гацаёт, гачаэт – качает

Глумитьцы – казаться, чудится

Гыт, говрит, гот, грит – говорит

Головится (лён) – зреет плод (головка) льна

Дидилёк – дудочка из дягиля; *дидель* – дягиль

(Не) додул – (не) подумал

Догонь – вдогонку
Догонюшка – погоня
Дока – пока
Дурдей – дуралей

Жалиться – жаловаться
Жвака – жвачка у коровы
Жовги, жоуги – возглас, отгонные слова, обозначающие «замолчи», «иди отсюда». Например: «Кошка, жовги, жовги, пропадине».

Завидось – зависть
Завор – забор
Заскавывать – закатывать
Застать – зд.: поставить в хлев
Заступ – лопата
Загугорить – зд.: убить
Земский – земский начальник – в России до революции: чиновник с судебно-административной и полицейской властью, управляющий крестьянским населением определенной местности

Имать – ловить

Йво – ево
Йих, иф – их

Каменка – каменная печь в бане, камень
Кануть – капать
Карзина – лаз в подполье, люк
Клюшка – кочерга
Ковды – когда
Кожух – верхняя часть печки для дымохода
Козелки, козлы – деревянное устройство на ножках, сбитых крестовиной, на которые кладётся жердь
Кокора – сани
Конф в конф – впритык
Копыл – у саней: каждый из вдолбленных в полозья брусков, служащих для прикрепления к полозьям верхней части саней.
Кресты – перекресток
Кринья – кринка, небольшой глиняный сосуд для молока
Куделя – льняная пряжа
Кузленца – кузница

Кузнец – кузнец
Кузовениски – кузова; плетёные корзинки для сбора ягод.
Кута – куда
Куфня – кухня

Ладить – хотеть
Лак – так
Лепест – лоскут
Лепня – выпечка, стрепня
Лишной – личный

Малёнка – деревянная посуда для измерения сыпучих продуктов
Мост – помещение между жилой частью избы и крыльцом с одной стороны и хозяйственными постройками с другой, сени
Молоня, молонёй – молния, молнией
Менная – медная
Мера – деревянная посуда для измерения сыпучих продуктов
Мякина, мякиленка – остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье

Наказниться – издеваться
Нао – надо
Нары – деревянный настил для сна
Науздить – избить
Нашпиговал – зд.: научил, выдрессировал,
(Не) разоблачать – (не) открывать
Насдобиться – одеться
Неслух – непослушная
Новь – новый урожай

Обрядиться – закончить кормить скотину
Огорёвал – зд.: победил, взял верх
Одѣжа – одежда
Овин – хозяйственное помещение для сушки снопов перед молотью
Огарыш – лучина
Окласть – сложить
Оковалёнка – лопата
Олашечки – оладьи, в данной традиции поминальная еда
Опѣкишек – выпечка, типа оладий, традиционная поминальная еда
Осадый – невысокий
Осек – загороженная территория в лесу для выпаса скота

Нажѣцек – костёр
Папуха – пачка
Передбайник – предбанник
Пеун – петух
Пехнуть – положить, толкнуть
Печурочка – углубление с внешней стороны печи для просушки рукавиц, носков и т. п.
Пешной – печной
Пичка – печка
Плакущие – причитающие, плачущие по покойнику
Пласѣт – плачет
Платѣ – одежда
Повеласе – пошла
Повивать – принимать роды
Погонялка – кнут
Погост – кладбище
Покатил – здесь, пошёл
Полати – деревянный настил, устраиваемый под потолком между печью и стеной
Помлю – помню
Помочь – помощь
Пониток – верхняя летняя или осенняя одежда
Поредиться – поторговаться
Поркнуть – стегнуть
Поряжник – урядник: в царской России нижний чин уездной полиции
Посконны – посконные; посконь – волокно, получаемое из конопли; домотканый холст из этого волокна
Пособить – помочь
Поспасать – поблагодарить, сказать: «Спасибо»
Портошины – портки, штаны
Потка – птица
Потолок – чердак
Поцнут – начнут
Пролубь – прорубь,
Пудовка – деревянная посуда для измерения сыпучих продуктов.
Пустошь – поле, место, где был выжжен лес
Пышки – булочки из дрожжевого теста

(Не) ражо – (не) богато
Ражоная – любимая, оберегаемая,
Решиться – зд.: лишиться

Робѣнка – ребѣнка
Росшеперить – расставить
Рыцать – кричать, говорить
Рцѣт – рычит

Сарь – царь
Светѣлка – неотапливаемая комната на чердаке,
Свитка – рубашка
Сдумать – вспомнить
Сдуть – погасить
Сѣ – всё
Сколя – осколки
Слизывать – слезать
Смороковать – додуматься
Стояча – стоя
Стрецать – встречать
Сокопить – собрать
Сорвалася – насадилась, надорвалась.
Сошток – шесток русской печки, место, где готовится еда
Сулой – соус, здесь в значении: жидкое тесто для блинов

(на) тарантасаф – (на) тарантасах; тарантас – дорожная крытая повозка на длинных дрогах
Таратайка – легкая двухколесная повозка с откидным верхом
Тинжалы – кинжалы
(На) току – ток – расчищенная площадка для первичной обработки зерна
Трепезонить – бить
Тряпошной – в рваной, бедной одежде
Тяпнуть – укусить

Убрались – зд.: закончили
Укладено – составлено, выдуманно.
Укатать – зд.: обставить, обмануть
Улизть – залезть
Унимать – останавливать, успокаивать
Услуга – прислуга
Устрашиться – испугаться
Утор – нарезка в деревянной обручной посуде для вставки дна
Ущюять – услышать

Фос – хвост

Харавина – голова коровы
Хворост – обрядовое печенье на свадьбу
«Херувим» – название молитвы «Херувимская песня»
Хлев – хозяйственное помещение для содержания скота

Цюгун – чугуун
Цуять – слышать
Цюлан – кухня

Чулан – кухня

Шаньги, шанёжоцьки – оладьи, выпеченные в печке, традиционная поминальная еда
Швец – портной
Шморьцки – сморчки
Шпандырь – ремень
Шшолка – щель

Щти – щи, суп из запаренных осенью зеленых листьев капусты

Элак – эдак
Этиф – этих

(не) явит – (не) скажет
Ярманка – ярмарка
Ясли – хлев

Фразеологические выражения

Беды угол – зд.: плохой характер
Божью помочь подавать – приветствовать работающих словами «Бог в помощь», «Бог *на* помочь»
Жизни дал – зд.: набил
Митька прят – исчез

Топографический указатель

БАБАЕВСКИЙ РАЙОН

Волковской с/с

- д. Никольское 99
- д. Пожарище 7, 35
- д. Слотинская 75

Пожарский с/с

- д. Васильково 74

Тороповский с/с

- д. Стёпаново 33, 63, 100
- д. Торопово 49, 52

БЕЛОЗЕРСКИЙ РАЙОН

- г.Белозерск 50, 57, 91

Городищенский с/с

- д. Пушкино (Безносово) 30, 90, 97

Сотозерский с/с

- д. Подосенье 36

КАДУЙСКИЙ РАЙОН

- д. Усть –Колпь. 37.

Андроновский с/с

- д. Красное 71, 72

Барановский с/с

- п. Сосновка 64, 65, 73

Мазский с/с

- д. Заэрап 12

Никольский с/с

- д. Стан 66
- д. Тарасовская 68

КИРИЛЛОВСКИЙ РАЙОН

Коротецкий с/с

- д. Бараково 110, 133

Ферапонтовский с/с

- д. Глебовская 29
- д. Красново 54

- д. Усково 92

Чарозерский с/с

- с. Чарозеро 16, 51, 53

УСТЮЖЕНСКИЙ РАЙОН

Дубровский с/с

- д. Кресцы 106, 107, 112, 114

Залесский с/с

- д. Асташкино 98, 101, 103, 105, 137

Моденский с/с

- д. Плотичыё 134

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ РАЙОН

Воскресенский с/с

- с. Воскресенское (Ёрга) 38, 79

Дмитриевский с/с

- д. Курьяково 8, 45, 58, 59, 61, 67, 108

Ивановский с/с

- д. Текарь 43, 46, 47, 56, 62, 70, 78, 80, 81, 87, 88, 96

Мусорский с/с

- с. Воскресенское 40, 122
- д. Поповское. 76, 83, 94, 95

- д. Спас-Лом 138

- д. Якушево 77, 85, 86

Надпорожский с/с

- с. Надпорожье 15, 102

Ягницкий с/с

- д. Глинское. 89
- д. Пленишник 34, 84

ШЕКСНИНСКИЙ РАЙОН

Еремеевский с/с

- д. Матвеевская 14, 19

- с. Княже 2

- д. Кощеево 18, 23, 130

Сиземский с/с д.

Б. Овинец 136
д. Ерёмино. 13, 44, 55, 109, 116, 124,
127, 129
д. Киселево. 93
д. Корякино. 22
д. Кузьминская. 9, 20, 42, 69, 104,
113, 119, 125, 128
д. Поздеево 126, 131

д. Починок 132
д. Прядино 6, 24, 31, 117
с. Сизьма 17, 26, 27, 28, 120, 123
д. Телибаново. 1, 3, 10, 25, 48, 111
Чаромский с/с
д. Брыкино 21, 135
д. Квасюнино 32, 41, 118
с. Чаромское 82, 121

Список сказочников

1. Аникичева А.Н. 1905 г. р., (Яручево).^{*} Бел., Город., д. Пушкино (Безносово). 30
2. Баранова А. Н. 1933 г. р., Шексн., Сизем., с. Сизьма. 17, 26, 120, 123
3. Барина А. И. 1914 г. р., (д. Терентьево). Уст., Уст., д. Кузьминское. 4, 115
4. Белова А. П. 1906 г. р., Кад., Никольск., д. Тарасовская. 68
5. Беляева А. В. 1905 г. р., Череп., Мусорск., с. Воскресенское на Мусоре. 40, 122
6. Беляева К. И. 1911 г. р., Кад., Баран., п. Сосновка. 64, 65
7. Беспалова Е. М. 1918 г. р., (д. Насоново). Бел., Город., д. Пушкино (Безносово). 90, 97
8. Блохина З. П. (д. Ишкобой). Кад., Никольск., д. Стан. 66
9. Ваньшина О. В. 1913 г. р. Чер., Ягницк., д. Глинское. 89
10. Ганичева М. И. 1923 г. р., Шексн., Сизем., д. Прядино. 31
11. Грачёва А. В. 1916 г. р. (д. Языково). Баб., Тороп., д. Торопово. 49, 52
12. Груничева И. Г. 1929 г. р., (д. Соловарка). Шексн., Сизем., д. Починок. 132
13. Груничева Н. Р. 1913 г. р., Баб., Тороп., д. Стёпаново. 33, 63, 100
14. Гуляева Т. П. 1934 г. р. (д. Купля). Шексн., Еремеевск., д. Матвеевская. 14, 19
15. Дюкова К. А. 1930 г. р., Шексн., Сизем., д. Б. Овинец. 136
16. Евстюничева П. Д. 1933 г. р., (д. Шалга). Кир., Коротецк., д. Бараково. 133
17. Зуева А.П. 1923 г. р., Шексн., Сизем., д. Телибаново. 3, 10, 25, 48
18. Иванова А. Е. 1917 г. р., Баб., Волковск., д. Никольское. 99
19. Иванова В. Д. 1918 г. р., Кир., Коротецк., д. Бараково. 110
20. Иванов И. С. 1883 г. р., Кад., д. Усть-Колпь. 37
21. Иваџова К. А. 1915 г. р., Уст., Дубр., д. Кресцы. 106, 107, 112, 114
22. Капитонова И. Н. 1902 г. р., Бел., Сотоз., д. Подосенье. 36
23. Капустина В. Т. 1912 г. р., Кир., Чароз., с. Чарозеро. 16, 53
24. Караванова А. В. 1915 г. р., Шексн., Сизем., д. Еремино. 116, 127

^{*} Здесь и далее в скобках указывается место рождения исполнителя, отличающееся от места проживания.

25. Китовнина Т. Е., 1902 г. р., Кад., Мазск., д. Заэрап. 12
26. Круглова А.И. 1928 г. р. Шексн., Еремеевск., д. Кошеево. 23
27. Круглова Р. И., 1928 г. р., Шексн., Еремеевск., д. Кошеево. 18
28. Кожанова К. В. 1920 г. р., Шексн., Сизем., д. Еремино. 13, 44, 55, 109, 124, 129.
29. Кожина А. П., 1917 г. р., (Новгородская обл., д. Ельнинская). Уст., Залесск., д. Асташкино. 98, 101, 103, 105, 137
30. Костин Н. А. 1912 г. р., Череп., Ягницк., д. Пленишник. 84
31. Кошкина Н. В. 1918 г. р., (д. Потеряево). Шексн., Чаромск., с. Чаромское. 82, 121
32. Кузнецова Е. Н., 1915 г. р., Шексн., Сизем., д. Прядино. 6, 24, 117
33. Лаврова Т. А., 1922 г. р., (д. М. Овинец). Шексн., Сизем., д. Поляна. 27, 28
34. Лебедева Е. Ф. 1906 г. р., Баб., Пожарск., д. Васильково. 74
35. Макарова С. Н., 1935 г. р., Баб., Волковск., д. Пожарище. 7, 35
36. Маракова В.А. 1926 г. р., (д. Уварово). Шексн., Сизем., д. Киселево. 93
37. Моренкова А. В. 1927 г. р., (д. Чернево). Череп., Воскр., с. Воскресенское (Ёрга). 38
38. Никитина А. Н. 1936 г. р., Шексн., Сизем., д. Кузьминская. 9, 42, 125
39. Никонов А. Н. 1925 г. р., (д. Даниловская). Кир., Чароз., с. Чарозеро. 51
40. Орехова Н. И., 1914 г. р., (д. Лессово), Кир., Фер., д. Усково. 92
41. Палузина С. В. 1910 г. р., (д. Захарино). Чер., Мусорск., д. Поповское. 76, 83, 94, 95
42. Петров Н. К. 1913 г. р., (д. Максимово). Бел., г. Белозерск. 50, 91
43. Полетаева А. В. 1934 г. р., (д. Маршихино). Шексн., Чаромск., д. Квасюнино. 32
44. Сёмина О. И. 1921 г. р., Чер., Ягниц., д. Пленишник. 34
45. Серова В. И. 1936 г. р., Шексн. Еремеевск., с. Княже. 2
46. Сизова С.И. 1925 г. р., Шексн., Сизем., д. Кузьминская. 69, 113, 128
47. Силуянова У. И. 1910 г. р., Баб., Волковск., д. Слотинская. 75
48. Сиротина А. А., 1922 г. р., Шексн., Сизем., д. Корякино. 22
49. Смирнова А. А. 1926 г. р., (д. Мыза). Уст., Уст., д. Тимофеевское. 11, 39
50. Смирнова А. А. 1906 г. р. Чер., Иван., д. Текарь. 43, 46, 56, 70, 96
51. Смирнова А. Ф. 1936 г. р., (д. Черная Гряда). Шексн., Чаромск., д. Брыкино. 21
52. Смирнова З. А., 1928 г. р., Шексн., Сизем., д. Кузьминская. (г. Вологда). 20, 104, 119
53. Смирнова Л. А. 1934 г. р., Шексн., Чаромск., д. Квасюнино. 41, 118
54. Смирнова М. И. 1908 г. р., Чер., Мусорск., д. Якушево. 77, 85, 86
55. Соколова А. А. 1931 г. р., Кад., Андр., д. Красное. 71, 72
56. Софитичева К. В. 1921 г. р., Шексн., Сизем., д. Поздеево. 126, 131
57. Сухарева Л. А. 1929 г. р., Чер., Иван., д. Текарь. 47, 87, 88, 80, 81

58. Тимошкина М.И. 1911 г. р., Уст., Никиф., д. Никифорово. 5, 60
 59. Топалова Е. И. 1924 г. р., (д. Токовые). Чер., Мусорск., д. Спас-Лом. 138
 60. Труницына М. Д. 1924 г. р., Уст., Мод., д. Плотичье. 134
 61. Уличева Р. Н. 1925 г. р., Шексн., Сизем., д. Телибаново. 1, 3, 10, 111
 62. Фаличева А.И. 1914 г. р., Чер., Надпорожск., с. Надпорожье. 15, 102
 63. Федотенкова Е. И. 1918 г. р., (д. Саженское). Кир., , Фер., д. Красново. 54
 64. Хартукова Л. Д. 1941 г. р. (д. Княже). Шексн., Чаромск., д. Брыкино. 135
 65. Цветков А. С. 1926 г. р., Чер., Иван., д. Текарь. 62
 66. Цветков И. В. 1904 г. р., Чер., Дмитр., д. Курьяково. 8, 45, 58, 59, 67, 108
 67. Цыганова Л. П. 1918 г. р., (д. Чистый Дор). Кир., Фер., д. Глебовская. 29
 68. Шатцыло Т. И. 1938 г. р., Уст., Мод., д. Плотичье. 134
 69. Шилова А. И. 1913 г. р., (д. Солмас). Бел., г. Белозерск. 57

Список собирателей

- Гусева Т. М. 89
 Ивашина О. В. 54
 Каданцев А. Ф. 5, 34, 60, 84, 134
Каданцева О. А. 5, 34, 49, 52, 60, 64, 65, 66, 71, 72, 73, 75, 84, 134
 Кастров А. Ю. 30, 90, 97, 98, 101, 103, 105, 137
 Кузьмина Т. А. 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26,
 27, 28, 31, 32, 35, 40, 42, 44, 48, 55, 69, 76, 77, 79, 82, 83, 85, 86, 93, 94, 95, 104,
 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129,
 130, 131, 132, 136, 138
 Кулёв А. В. 4, 8, 11, 15, 16, 26, 27, 28, 33, 38, 39, 43, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52,
 53, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 70, 73, 74, 78, 80, 81, 87, 88, 91, 99, 100,
 102, 108, 115
 Кулёва М. А. 21, 41, 118, 135
 Кулёва (Балакшина) С. Р. 4, 11, 16, 26, 27, 28, 39, 51, 53, 57, 115
 Лобкова Г. В. 29, 110, 133
 Мехнецов А. А. 92
 Мехнецов А. М. 29, 36, 110, 133
 Петрова О. Н. 50, 89, 91
 Светличная Н. М. 106, 107, 112, 114
 Судаков В. Ф. 37

В экспедициях Череповецкого ЦТНК в разные годы принимали участие детские коллективы:

– фольклорно-этнографической студии ЦТНК: Кулёв Н., Кулёва М., Шохалова Е., Ларионов А., Рыбакова И., Кутузова О., Рыбакова А., Теслович И., Богданова В., Каптерев С., Елисеева О., Ромичева Е., Сергеев Д., Бараев Д., Малышев. Е., Дурягин М.;

– участники лагеря «Этнограф» Череповецкого района: Кузьмич Ж., Андреева А., Форманюк А., Мельникова Е., Белов, А.;

– участники студии «Матица» Дворца детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой г. Череповца: Чибисов В., Канбарова Д., Козлова О., Розов Д., Беляева Л., Дубинин В.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

№ п/п.	Место записи	Исполнители	№ сюжета-мотива по СУС	Название сюжета-мотива по СУС	Дата записи	Авт. записи	Место хранения
1	Шекснинский	Уличева Р. Н. 1925 г.р., зд.	1 + 2	Лиса крадет рыбу с воза + Волк у проруби	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК*: 193-42
2	Шекснинский	Серова В. И. 1936 г. р.,	1 + 2	Лиса крадет рыбу с воза + Волк у проруби	02.07.2003	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 212-51
3	Шекснинский	Зуева А. П. 1923 г. р., Уличева Р. Н. 1925 г. р., зд.	15	Лиса-повитуха	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 193-41
4	Устюженский	Баринова А. И 1914 г. р.	37	Лиса-нянька (пла- чя)	07.07.2000	Кулёв А.В. Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 083-21
5	Устюженский	Тимошкина М.И. 1911 г. р.,	61 В	Кот, петух и лиса	04.07.2000	Каданцева О. А., Каданцев А. Ф.	КЦТНК: 085-21, 086-1
6	Шекснинский	Кузнецова Е. Н. 1915 г. р.	61 В	Кот, петух и лиса	13.08.2002	Кузьмина Т.А.	ЧЦТНК: 200-29
7	Бабаевский	Макарова С. Н. 1935 г. р.	61 В	Кот, петух и лиса	19.07.1996	Кузьмина Т.А.	ЧЦТНК: 122-9

* Здесь и далее указывается аббревиатура организации,
№ единицы хранения, № записи на пленке.

8	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	104	Война домашних животных с дикими	04.03.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 011-2
9	Шекснинский	Никитина А. Н. 1936 г. р.	123	Волк и козлята	10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 197-49,50
10	Шекснинский	Зуева А. П. 1923 г. р., Уличева Р. Н. 1925 г. р.	123	Волк и козлята	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 193-40
11	Устюженский	Смирнова А. А. 1926 г. р.	123	Волк и козлята	10.08.2000	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 004-10
12	Кадуйский	Китовщина Т. Е. 1902 г. р.	123	Волк и козлята	25.07.1995	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 100-15
13	Шекснинский	Кожанова К. В. 1924 г. р.	123	Волк и козлята	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 197-49,50
14	Шекснинский	Гуляева Т. П. 1934 г. р.	123	Волк и козлята	29.06.2003	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 207-86
15	Череповецкий	Фаличева А. И. 1914 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	03.01.1991	Кулев А. В.	ЧЦТНК: 009-34
16	Кирилловский	Капустина В. Т. 1912 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	28.09.2000	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ФЭЦ: 5629-11
17	Шекснинский	Баранова А. Н. 1933 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 189-56
18	Шекснинский	Круглова Р. И. 1928 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	12.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 198-40, 199-1
19	Шекснинский	Гуляева Т. П. 1934 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	29.06.2003	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 207-85

20	Шекснинский	Смирнова З.А. 1928 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 190-26
21	Шекснинский	Смирнова А. Ф. 1936 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	03.07.2003	Кулёва М. А.	ЧЦТНК: 228-32
22	Шекснинский	Сиротина А. А. 1922 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	14. 08. 2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 204-21
23	Шекснинский	Круглова А. И. 1928 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	12.08. 002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 199-17
24	Шекснинский	Кузнецова Е. Н. 1915 г. р.	161 А*	Медведь на липовой ноге	13.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 200-28
25	Шекснинский	Зуева А. П. 1923 г. р.	163	Пение волка (реже медведя)	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 193-38
26	Шекснинский	Баранова А. Н. 1933 г. р.	163	Пение волка (реже медведя)	01.08.2003	Кулёв А. В., Кулёва С. Р., Кузьмина Т. А.	ОНМЦК: 124-05
27	Шекснинский	Лаврова Т. А. 1922 г. р.	163	Пение волка (реже медведя)	01.08.2003	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 134-06
28	Шекснинский	Лаврова Т. А. 1922 г. р.	170	За скалочку – гусочку	01.08.2003	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 134-06
29	Кирилловский	Цыганова Л. П. 1918 г. р.	170	За скалочку – гусочку	04.10.2000	Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.	ФЭЦ: 5618-10
30	Белозерский	Аникичева А. Н. 1905 г. р.	170	За скалочку – гусочку	01.07.1979	Кастров А. Ю., Чабанная Н. В.	ФЭЦ: 0872-26
31	Шекснинский	Ганичева М. И. 1923 г. р.	295	Пузырь, соломинка и лапоть	13.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 200-41
32	Шекснинский	Полетаева А. В. 1934 г. р.			30.07.2003	Кузьмина Т. А.	ОНМЦК: 119-07

33	Бабаевский	Груничева Н. Р. 1913 г. р.			25.07.1996	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 124-38
34	Череповецкий	Семина О. И. 1921 г. р.			23.07.1999	Каданцева О. А., Каданцев А. Ф.	ОНМЦК: 066-16
35	Бабаевский	Макарова С. Н. 1935 г. р.			19.07.1996	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 122-33
36	Белозерский	Капитонова Н. И. 1902 г. р.	567+ 303 = К300	Чудесная птица + Два брата	30.06.1979	Мехнецов А. М	ФЭЦ: 849-50
37	Кадуйский	Иванов И. С. 1883 г. р.	301D* + 580* +318	Солдат находит исчезнувшую ца- ревну + Неисчер- паемый кошелек + Неверная жена	1961 г.	Судаков В. Ф.	ККМ № 5-р
38	Череповецкий	Моренкова А. В. 1927 г. р.	307	(Девушка, встаю- щая из гроба)	17.06.1989	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 002-72
39	Устюженский	Смирнова А. А. 1926 г. р.	311	Медведь (леший, чародей, разбой- ник) и три сестры	10.08.2000	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 004-9, 11
40	Череповецкий	Беляева А. В. 1905 г. р.	314 А*	Бычок-спаситель	17.08.2000	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 160-1
41	Шекснинский	Смирнова Л. А. 1934 г. р.	314 А*	Бычок-спаситель	28.06.2003	Кулёва М. А.	ЧЦТНК: 224-5
42	Шекснинский	Никитина А. Н. 1936 г. р.	314 А*	Бычок-спаситель	10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 189-12,15
43	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	327 С, F	мальчик (Ивась, Жихарко, Луто- нюшка) и ведьма	10.11.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: VF 009- 30

44	Шекснинский	Кожанова К. В. 1920 г. р.	327 С, F	мальчик (Ивась, Жихарко, Луто- нюшка) и ведьма	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 197-51
45	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	315 + 590	Звериное молоко +Царевич и брас- леты	6.02.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 010-30
46	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	365 D*	Бес в образе мужа является к жен- щине	14. 12. 1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 015-25
47	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	365 D*	Бес в образе мужа является к жен- щине	10. 11. 1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 044-19
48	Шекснинский	Зуева А. П. 1923 г. р.	409	(Мать-рысь)	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 193-39
49	Бабаевский	Грачёва А.В. 1916 г. р.	402	(Царевна-лягушка)	24.07.1990	Кулёв А. В., Каданцева О. А.	ЧЦТНК: 107-14
50	Белозерский	Петров Н.К. 1913 г. р.	465 А+ 569	(Красавица жена («Поди туда, не знаю куда»)+ Сумка, шляпа и рожок	26.06.1992	Кулёв А. В., Петрова О. Н.	ЧЦТНК: 034-18
51	Кирилловский	Никонов А. Н. 1925 г. р.	475 + 1391 + 1545 В + 1543 А	На службе в аду + Любая дырка поведаёт правду + Работник будто бы не знает женщин + Чесалка	01.09.2000	Кулёв А. В., Кулёва С. Р.	ФЭЦ: 5632-30, 5633-1

52	Бабаевский	Грачёва А. В. 1916 г.р.	480	(Мачеха и падчерица)	24.07.1990	Кулёв А. В., Каданцева О. А.	ЧЦТНК: 107-13
53	Кирилловский	Капустина В. Т. 1912 г.р.	480	(Мачеха и падчерица)	28.09.2000	Кулёв А. В. Кулёва. С. Р.	ФЭЦ: 5629-9,10
54	Кирилловский	Федотенкова Е. И. 1918 г. р.	480	(Мачеха и падчерица)	03.10.2000	Ивашина О. В.	ФЭЦ: 5625-32
55	Шекснинский	Кожанова К. В. 1920 г. р.	480 А*	Сестра (Три сестры) отправляется спасать своего брата	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 192-35
56	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	480 А*	Сестра (Три сестры) отправляется спасать своего брата	10.11.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: VF 009-31
57	Белозерский	Шилова А. И. 1913 г. р.		(Имя черта (Трапеза Пилемняевич Том-Тит-Тот)	03.07.1992	Балакшина С. Р.	ЧЦТНК: 042-17
58	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	530	(Сивко-Бурко)	04.03.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 010-54
59	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	530	(Сивко-Бурко)	09.03.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 030-09
60	Устюженский	Тимошкина М.И. 1911 г. р.	530	(Сивко-Бурко)	04.07.2000	Каданцева О. А. Каданцев А. Ф.	КЦТНК: 085-40
61	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	570	(Заячий пастух)	04.03.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 010-55
62	Череповецкий	Цветков А. С. 1926 г. р.	575	(Деревянный орёл голубь)	07.06.1989	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 002-54

63	Бабаевский	Груничева Н. Р. 1913 г. р.	700	Мальчик с пальчик (Горошек, Воловье ушко)	25.07.1996	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 124-37
64	Бабаевский	Беляева К. И. 1911 г. р.	707	(Чудесные дети)	19.07.1996	Кулёв А. В. Каданцева О. А. Каданцев А. Ф.	ЧЦТНК: 105-1
65	Бабаевский	Беляева К. И. 1911 г. р.	707	(Чудесные дети)	18.07.1996	Каданцева О. А.	КЦТНК
66	Кадуйский	Блохина З. П.	715 А	Петух (мальчик с пальчик) и жерновцы		Каданцева О. А.	КЦТНК
67	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	780	(Чудесная дудочка)	6.03.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 011-3 ЧЦТНК: 011-3
68	Кадуйский	Белова А. П. 1906 г. р.	780	(Чудесная дудочка)	23.06.1994	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 081-16
69	Шекснинский	Сизова С. И. 1925 г. р	780	(Чудесная дудочка)	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 191-7
70	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.			14.12.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 015-33
71	Кадуйский	Соколова А. А. 1931 г. р.			16.09.2003	Каданцева. О. А.	КЦТНК
72	Кадуйский	Соколова А. А. 1931 г. р.			16.09.2003	Каданцева. О. А.	КЦТНК
73	Бабаевский	Беляева К. И. 1911 г. р.	745 А	Клад не даётся в руки тому, кому он не предназначен	19.07.1996	Кулёв А. В. Каданцева О. А. Каданцев А. Ф.	ЧЦТНК: 105-4

74	Бабаевский	Лебедева Е. Ф. 1906 г. р.	745 А+ 921	Клад не даётся в руки тому, кому он не предназначен + Кто лучший друг	18.01.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 28-67
75	Бабаевский	Силуянова У. И. 1910 г. р.	804	Грешная мать (мать св. Петра)	17.07.1996	Каданцева О. А.	ЧЦТНК: 113-6
76	Череповецкий	Палузина С. В. 1910 г. р.	- 812**	Хлеб и черт	17.07.1996	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 167-27
77	Череповецкий	Смирнова М. И. 1908 г. р.	- 812**	Хлеб и черт	15.08.2000	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 161-22
78	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	813 А	Проклятая дочь	10.11.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 044-37
79	Череповецкий	Погодин И. Е. 1918 г. р.	- 834 **	Дитя в золоте	15.05.1992	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 047-3
80	Череповецкий	Сухарева Л. А. 1929 г. р.	- 40В***	Участь, ожида- ющая новорож- денных (умерших детей)	14.12.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 15-27
81	Череповецкий	Сухарева Л. А. 1929 г. р.	846*	Мстительный святой	10. 11. 1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 045-22
82	Шекснинский	Кошкина Н. В. 1918 г. р.	- 846 В*	Бедная невестка	30.06.2003	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 208-9
83	Череповецкий	Палузина С. В. 1910 г. р.	846 *****	В пятницу не смейся, в воскре- сенье не плачь	10.01.2001	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 167-24,26

84	Череповецкий	Костин Н. А. 1912 г. р.	- 859 F*	(Изобретательный парень)	23.07.1999	Каданцева О. А., Каданцев А.Ф.	ОНМЦК 065-35
85	Череповецкий	Смирнова М. И. 1908 г. р.	880 *	(Солдат – генерал (Жена выручила)	15.08.2000	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 161-26
86	Череповецкий	Смирнова М. И. 1908 г. р.	882 А	(Спор о верности жены)	15.08.2000	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 161-27, 162-1
87	Череповецкий	Сухарева Л. А. 1929 г. р.	901	Укрощение строп- тивой	10.11.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 045-13
88	Череповецкий	Сухарева Л. А. 1929 г. р.	915 А+ 910А	Мудрые советы + Ум от бедствий	10.11.1992	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 045-12
89	Череповецкий	Ваньшина О. В. 1913 г. р.	- 921 А*	Сколько стоит царская золотая какета	24.07.1999	Петрова О. Н. Гусева Т. М.	ОНМЦК: 066-31
90	Белозерский	Беспалова Е. М. 1918 г. р.	922	Беззаботный (беспечальный) монастырь	01.07.1979	Кастров А. Ю. Чабанная Н. В.	ФЗЦ: 0872-27
91	Белозерский	Петров Н. К. 1913 г. р.	927 А*	Старое седло (Ст. хомут)	26. 06. 1992	Кулёв А. В. Петрова О. Н.	ЧЦТНК: 034-17
92	Кирилловский	Орехова Н. И. 1914 г. р.	934 А	Смерть в колодце	03.10.2000	Мехнецов А. А.	ФЗЦ: 5605-33
93	Шекснинский	Маракова В. А. 1926 г. р.	955	(Жених – разбой- ник)	8.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 187-42
94	Череповецкий	Палузина С. В. 1910 г. р.	990	Заживо погребен- ная	10.01.2001	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 167-6

95	Череповецкий	Палузина С. В. 1910 г. р.	990	Заживо погребенная	10.01.2001	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 167-7
96	Череповецкий	Смирнова А. А. 1906 г. р.	1161	Вожак медведя и черт	14.12.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 15-32
97	Белозерский	Беспалова Е. М. 1918 г. р.	1161	Злая жена в яме (Бельфагор)	01.07.1979	Кастров А. Ю. Чабанная Н. В.	ФЭЦ: 0872-33
98	Устюженский	Кожина А. П. 1917 г. р.	1370 Е** + 1383 + 1371**	Сто и сноп + Жена не узнаёт себя + Ленивая жена	2.07.1978	Кастров А. Ю.	ФЭЦ: 744-19
99	Бабаевский	Иванова А. Е. 1917 г. р.	1419*	«Бабы увертки»	18.07.1996	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 102-20
100	Бабаевский	Груничева Н. Р. 1913 г. р.	1691	Дурак домовничает	25.07.1996	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 124-36
101	Устюженский	Кожина А. П. 1917 г. р.	1691	Дурак домовничает	2.07.1978	Кастров А. Ю.	ФЭЦ: 744-22
102	Череповецкий	Фаличева А. И. 1914 г. р.	1696	(Набитый дурак.)	3. 01. 1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 009-35
103	Устюженский	Кожина А. П. 1917 г. р.	1696	(Набитый дурак.)	2.07.1978	Кастров А. Ю.	ФЭЦ: 744-21
104	Шекснинский	Смирнова З. А. 1928 г. р.	1716	Фома и Ерёма	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 191-6
105	Устюженский	Кожина А. П. 1917 г. р.	1775	Голодный поп (барин) на ночлеге	2.07.1978	Кастров А. Ю.	ФЭЦ: 744-20
106	Устюженский	Иванова К. А. 1915 г. р.	1831	Воровская обедня	03.07.1978	Светличная Н. М.	ФЭЦ: 736-25
107	Устюженский	Иванова К. А. 1915 г. р.			03.07.1978	Светличная Н. М.	ФЭЦ: 736-27

108	Череповецкий	Цветков И. В. 1904 г. р.	1675 – 1724	О дураках	6.02.1991	Кулёв А. В.	ЧЦТНК: 011-6
109	Шекснинский	Кожанова К. В. 1920 г. р.			12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 192-34
110	Кирилловский	Иванова В. Д. 1918 г. р.			29.09.2000	Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.	ФЭЦ: 5611-28
111	Шекснинский	Уличева Р. Н. 1925 г. р.,	1920 Н *+ 1889К + 1875	(Огонь в обмен на небылицы) + (Человек влезает на небо по дереву) + (На хвосте у волка)	12.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 193-28
112	Устюженский	Иванова К. А. 1915 г. р.	1930 А*	Богатые люди	03.07.1978	Светличная Н. М.	ФЭЦ: 736-23
113	Шекснинский	Сизова С.И. 1925 г. р.	1930 В*	Похвальба приданным и комическое сватовство	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 198-6
114	Устюженский	Иванова К. А. 1915 г. р.	1932	Страна обетованная	03.07.1978	Светличная Н. М.	ФЭЦ: 736-24
115	Устюженский	Баринова А. И 1914 г. р.	1960 G	Горох до неба	07.07.2000	Кулёв А. В. Кулёва С. Р.	ОНМЦК: 083-22
116	Шекснинский	Караванова А.В. 1915 г. р.	2016*, 2018	Кумулятивные (цепные) сказки разного рода	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 197-41

117	Шекснинский	Кузнецова Е. Н. 1915 г. р.	2016*, 2018	Кумулятивные (цепные) сказки разного рода	13.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 200-15
118	Шекснинский	Смирнова Л. А. 1934 г. р.	2016*, 2018	Кумулятивные (цепные) сказки разного рода	28.06.2003	Кулёва М. А.	ЧЦТНК: 224-4
119	Шекснинский	Смирнова З. А. 1928 г. р.	2016*, 2018	Кумулятивные (цепные) сказки разного рода	11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 190-25
120	Шекснинский	Баранова А. Н. 1933 г. р.	2016*,	Кумулятивные (цепные) сказки разного рода + Свадьба птиц	10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦ- ТНК:189- 54
121	Шекснинский	Кошкина Н. В. 1918 г. р.	2025	Колобок	30.06.2003	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 208-11
122	Череповецкий	Беляева А. В. 1905 г. р.	2025	Колобок	17.08.2000	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 160-3
123	Шекснинский	Баранова А. Н. 1933 г. р.			10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦ- ТНК:189- 55
124	Шекснинский	Кожанова К. В. 1920 г. р.			11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 192-12
125	Шекснинский	Никитина А. Н. 1936 г. р.			10.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 189-5
126	Шекснинский	Софитичева К. В. 1921 г. р.			13.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 200-42

127	Шекснинский	Караванова А. В. 1915 г. р.			11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 191-39
128	Шекснинский	Сизова С. И. 1925 г. р.			11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 191-10
129	Шекснинский	Кожанова К. В. 1920 г. р.			11.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 192-16
130	Шекснинский	Круглова А. И. 1928 г. р.			12.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 199-16
131	Шекснинский	Софитичева К. В. 1921 г. р.			13.06.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 200-44
132	Шекснинский	Груничева И. Г. 1929 г. р.,	2300	Докучные сказки	14.08.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 202-31
133	Кирилловский	Евстоницева П. Д. 1933 г. р.	2300	Докучные сказки	29.09.2000	Мехнецов А. М., Лобкова Г. В.	ФЭЦ: 5611-26
134	Устюженский	Шатцлы Т. И. 1938 г. р. Труницына М. Д. 1924 г. р.	2300	Докучные сказки	19.07.2002	Каданцева О. А., Каданцев А. Ф.	КЦТНК: 135-08
135	Шекснинский	Хартукова Л. Д. 1941 г. р.	2300	Докучные сказки	03.07.2003	Кулёва М. А.	ЧЦТНК: 228-34
136	Шекснинский	Дюкова К. Д. 1930 г. р.	2300	Докучные сказки	08.07.2002	Кузьмина Т. А.	ЧЦТНК: 186-14
137	Устюженский	Кожина А. П. 1917 г. р.	2300	Докучные сказки	2.07.1978	Кастров А. Ю.	ФЭЦ: 744-23
138	Череповецкий	Топалова Е. И. 1924 г. р.	2300	Докучные сказки	09.01.2001	Кузьмина Т. А..	ЧЦТНК: 164-20

Содержание

От составителя	3
Вавилова М. А. Из истории собирания и издания русских народных сказок...	5
Кузьмина Т. А. Современное состояние сказочной традиции	31
Сказки о животных	40
[Волк и лиса]	40
Про лису	41
[Как лиса медведя обманула]	41
[Поездка за плакушным]	42
Петушок	43
Котик да петушок	45
Про петуха	46
Про Полкана	46
[Волк и козлята]	49
Козлятушки-милятушки	50
Коза – оловянные глаза	51
[Как волк детей съел]	54
Про козу	54
[У козлохи было семь козлят]	55
Липовая нога	56
[Про медведя]	58
Скрипи-скрипи, нога	59
[Как старуха медведя прогнала]	59
[Пошел охотник в лес да медведю ногу отрубил]	60
[Скрипи, скрипи, нога]	61
[Скрипи, скрипи, нога]	61
[Все по селам спят, по веселым спят]	62
Присказка	62
[Скрипи, скрипи, нога]	63
[Жил у дяденьки жилец]	63
[Жил тута жилец]	64
[Жил он тут жилец]	69
Как с лапоточком всё ходила старуха	73
[За лапоток – курочку]	73
[Старушка с лапоточком]	74

Как веник, шило и мыло воровать пошли	76
Сказка про муху	76
Про белого бычка	77
Дядя Вася	77
Собирушка	78

Волшебные сказки	79
[Два брата-охотника]	79
Сказки про храброго солдата Портупея и исчезнувшую царевну	86
[О девушке-колдунье]	100
[Маша и три медведя]	103
Баба-Яга	105
Про Машеньку	106
[Про Бабу-Ягу]	107
Как Баба-Яга своих доцек съела	108
Про Бабу-Ягу	110
[Иван-царевич и разбойники]	111
[Как умерший муж к жене ходил]	118
[Как умерший муж к жене ходил]	119
[Мать – коза]	121
Про колодец	124
Поди туда – не знаю куда	125
Как один солдат служил двадцать пять лет в армии	128
[Морозко]	131
[Морозко]	133
[Отец привязал девочку к деревине]	134
[Гуси-лебеди]	135
Как гуси утащыли	135
Ах, Мими	137
[Бурко-ковурко]	138
Про Ивана Сапожкова	143
[Сивко-бурко, заковурко]	152
Заячья скрыпка	153
Сказка про плотника и часовова мастера	156
Про ольхову чурочку	159
Сказка о сыне-богатыре	160
Про багатырей	162

Старик и петух.....	164
[Цветики на могилке].....	165
Как две сестрицы затуторили.....	166
Про братика.....	167
Как девки плясали.....	168
Про Машеньку.....	169
Про Бабу-Ягу.....	169
Легендарные сказки	171
[Как клад углем рассыпался].....	171
Легенда про клад.....	172
[Мать в аду].....	172
[Как старуха свиную тушу не пустила].....	173
[Как скатерка браная беса в дом не пустила].....	174
[Леший и швец].....	175
[Леший – божатко].....	176
[Как Истинный Христос судьбу напишет].....	176
Притча об Илье Пророке и Николе Чудотворце.....	177
[Св. Николай и бедная невеста].....	177
[Как женщина села ткать против воскресенья].....	178
Бытовые сказки	179
[О бедном и богатом мужиках].....	179
Бывальщина про солдата.....	181
[О верной жене].....	182
[Как муж жену выучил].....	184
[Отцовы наказы].....	186
[Сколько стоит царская карета?].....	189
[Беззаботный монастырь].....	190
Старое седло.....	191
[Смерть на колодце].....	191
Как старик из людей мыло делал.....	192
[Заживо погребённая].....	194
[Заживо погребённая].....	194
[Водяной и медведь].....	195
[Как кум Данило чёрта от кумы Таньки спас].....	196
[Муж-лентяй и жена-лентяйка].....	197

[Как баба байкала].....	198
[Про Иванушку-дурачка].....	198
[Были два умные, один – дурачок]	199
[Про Филиппа]	200
[Ванюшка-дуранюшка].....	203
[Фома и Ерёма].....	204
[Поп и работник].....	205
[Поп увёл короушку у старушки]	205
[Дедушко с баушкой жили уж так дружно]	206
Как сват свату кадку делал.....	206
[Мужик да бабу в мешке принёс]	207
Как жоних ездил свататцы в Твирь	208
Небылицы	209
[Небылицы за огонь].....	209
[Мы и с исстари жили богато].....	210
Басня.....	211
[Шол Иван по дороге].....	212
[Про горошинку]	212
Кумулятивные сказки	214
[Сима-коза]	214
[Кызонька-мазонька].....	215
[Фима-коза].....	216
[Месяц светит, барин едет].....	216
[Чижик, чижик, где ты был?]	218
[Колобок]	218
[Колобок]	219
Прибаутки	220
[Поточкя моховая].....	220
[Поточкя моховая]	221
[Поточкя моховая].....	221
[Уточкя луговая].....	222
[Поточкя моховая].....	222
[Сказка-приказка].....	223
[Сказка-приказка].....	223

[Сказка-приказка].....	224
[Сказка-приказка].....	224
Докучные сказки	225
Про белова бычкя.....	225
Сказка про белого быка	225
[Про белова быка]	226
Сказка про белова бычкя.....	226
[Сказочка про белова быка].....	226
[Сидел на пню, хлелал лепню]	227
[Жил мужик да баба]	227
Комментарии	228
Сказки о животных	228
Волшебные сказки	239
Легендарные сказки	256
Бытовые сказки	259
Небылицы	267
Кумулятивные сказки.....	269
Прибаутки	271
Докучные сказки	273
Приложение I	276
Список сокращений	276
Словарь малоупотребительных и диалектных слов	278
Топографический указатель	284
Список сказочников	285
Список собирателей.....	287
Приложение II	289
Опись сказок.....	289

Вологодские сказки конца XX – начала XXI века

Составитель Т. А. Кузьмина

Фотографии В. В. Молоковского, В.Ф. Судакова, А. В. Кулёва, И. А. Кулёвой,
из архива семей Петровых, Крупышевых.

Компьютерный набор Т. А. Кузьминой.

Ответственный за выпуск И. А. Кулёва.

В оформлении использованы элементы росписи прялок
из фонда ЧЦТНК в отрисовке Лопатенко С. А.

Отпечатано в ООО «Издательский дом – Принт»,
г. Череповец, ул. Metallургов, 14а,
з. 175100, т. 500, 2008 г.

В издании допущены опечатки:

- на стр. 4 - Кадуйскому районному краеведческому музею им. А. Г. Юкина (директор А. Н. Миклухина) следует читать музею им. А. Г. Юкова (директор А. Н. Метлухина)
- на стр. 277 - ККМ - Кадуйский районный краеведческий музей им. А. Г. Юкина следует читать – музей им. А. Г. Юкова.